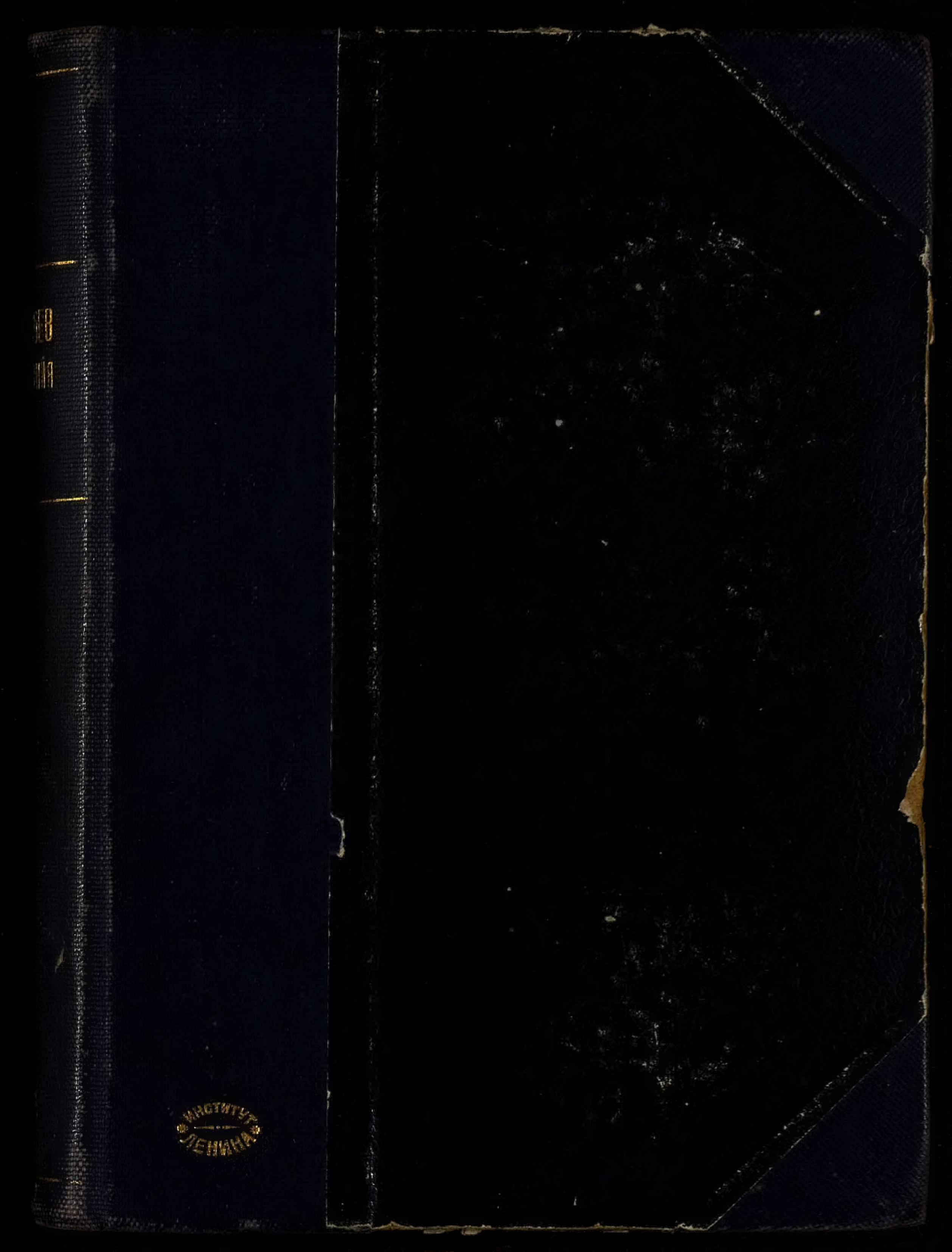

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИЗМ

ИЗ ЭПОХИ
„ЗВЕЗДЫ“ и „ПРАВДЫ“

(1910—1912 г. г.)

ТОМ
III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
ЛЕНИНГРАД—1924

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ III

БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИЗМ

ИЗ ЭПОХИ
«ЗВЕЗДЫ» И «ПРАВДЫ»

(1910—1912 г.г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Гиз. № 6704. Ленинградский Гублит № 11537. $33^1/_2$ л. Отпеч. 20.000 экз.

ПОСВЯЩАЮ СТЕПЕ —
К ПОСТУПЛЕНИЮ ЕГО
В КОМСОМОЛ.

1924 г.

Автор.

*

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ ([1].)

До 1910 г.

История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не какимлибо другим путем.

Освободительное движение в России прошло три главных этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год, и 3) пролетарский — с 1895 г. по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы ([2]) и Герцен ([3]). В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» сословия не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарско-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» ([4]) Герцена — во главе.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев — образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был, еще при крепостном праве, В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю» ([5]), подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений

бесцензурной демократической печати, сохранившим громадное живое значение и по сию пору.

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного массового деятеля освободительного движения, вообще, и демократической бесцензурной печати — в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский (6), развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм.

Эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже итти в «массы» бесцензурных произведений печати боевого демократического и утопическо-социалистического содержания. А среди деятелей той эпохи виднейшее место занимают рабочие Петр Алексеев (7), Степан Халтурин (8) и др. Но в общем потоке народничества пролетарско-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма («Группа Освобождения Труда» (9), 1883 г.), и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895 — 1896 годов).

Но прежде чем перейти к этой эпохе, с которой собственно начинается рабочая печать в России, приведем данные, наглядно показывающие классовое различие между движениями трех намеченных исторических периодов. Это — данные о распределении по сословиям и по занятиям (по классам) лиц, привлеченных за государственные (политические) преступления. На 100 таковых лиц было:

	Дворян.	Мещан.	Крестьян.	Рабочих.	Интеллиг.
В 1827 — 1846 г.г.	76	23			
» 1884 — 1890 »	30	46,6	7,1	15,1	73,2
» 1901 — 1903 »	10,7	80,9	9,0	46,1	36,7
» 1905 — 1908 »	9,1	87,7	24,2	47,4	28,4.

В период дворянский, крепостной (1827 — 1846), дворяне, составлявшие ничтожное меньшинство населения, дают громадное большинство (76%) «политических». В период народнический, разночинский (1884 — 1890 г.г.) — о 60-х и 70-х годах, к сожалению, нет подробных данных — дворяне отходят на второй план, но все же дают еще большой процент (30%). Подавляющее большинство (73,2%) участников демократического движения дает интеллигенция данного периода.

Период 1901 — 1903 г.г., — как раз период первой политической марксистской газеты, старой «Искры» ([10]), — даст уже преобладание рабочих (46,1%) над интеллигенцией (36,8%) при полной демократизации движения (10,7% дворян и 80,9% «непривилегированных»).

Забегая вперед, отметим, что период первого массового движения (1905 — 1908) показывает изменение лишь в виде вытеснения интеллигенции (28,4% против 36,7%) крестьянством (24,2% против 9,0%).

Основателем социал-демократии в России является «Группа Освобождения Труда», возникшая заграницей в 1883 г. Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры заграницей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи. За 12 лет, с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 году с.-д. газеты «Рабочий», — конечно, без цензуры, — но этой газеты вышло только 2 номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати.

С 1895 — 1896 года, со времени знаменитых петербургских стачек, начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократии. Именно это время есть, в собственном смысле слова, время появления рабочей печати в России. Главными произведениями рабочей печати были тогда бесцензурные листки, — большей частью, не печатные, а гектографированные, — посвященные экономической (а также и не экономической) агитации, т.-е. изложению нужд и требований рабочих разных фабрик и отраслей промышленности. Разумеется, без самого активного участия передовых рабочих в составлении и распространении такой литературы она существовать бы не могла. Из петербургских рабочих,

действовавших в то время, можно назвать Василия Андреевича Шелгунова, который впоследствии ослеп и лишен был возможности действовать с прежней активностью, и Ивана Васильевича Бабушкина, горячего «искровца» (1900 — 1903) и «большевика» (1903 — 1905), который был расстрелян за участие в восстании в Сибири в конце 1905 или начале 1906 года.

Листки издавались с.-д. группами, кружками и организациями, которые с конца 1895 года стали принимать большею частью название «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». А в 1898 году съезд представителей местных с.-д. организаций основал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию».

Вслед за листками начали появляться бесцензурные рабочие газеты, — например, в С.-Петербурге в 1897 г. «СПБ. Рабочий Листок» и там же «Рабочая Мысль», перенесенная вскоре заграницу. Местные с.-д. газеты существовали с этого времени почти непрерывно до революции бесцензурно, — разумеется, будучи постоянно разрушаемы, но возникая снова и снова во всех концах России.

Замечателен факт: как только возникло массовое рабочее движение в России (1895—1896 г.г.), немедленно же появилось разделение на марксистское и оппортунистическое направления, — разделение, которое меняет форму, обличие и т. д., но остается, в сущности, тем же самым с 1894 по 1914 год. Очевидно, были глубокие социальные, классовые корни именно такого, а не какого-либо иного разделения и внутренней борьбы между социал-демократами.

Названная выше «Рабочая Мысль» представляла тогдашнее (оппортунистическое) направление, так называемый «экономизм». В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894 — 1895 годах. А заграницей, где пробуждение русских рабочих привело к громадному расцвету с.-д. литературы уже с 1896 года, появление и сплочение «экономистов» кончилось расколом весною 1900 года (т.-е. еще до возникновения «Искры», первый номер которой вышел в самом конце 1900 года).

История рабочей печати за двадцатилетие 1895 — 1914 г.г. есть история двух направлений в русском марксизме и русской (вернее: российской) социал-демократии. Чтобы понять историю рабочей печати в России, надо знать не только и даже не столько названия разных органов печати,—названия, ничего не говорящие

современному читателю и только сбивающие его с толку,—но содержание, характер, идейную линию разных частей социал-демократии.

Главными органами «экономистов» были «Рабочая Мысль» (1897 — 1900) и «Рабочее Дело» (1898 — 1901). Во главе «Рабочего Дела» стояли Б. Кричевский, впоследствии перешедший к синдикалистам, А. Мартынов, видный меньшевик, а потом — ликвидатор, и Акимов, далее — «независимый» с.-д., во всем существенном соглашавшийся с ликвидаторами (11).

Против экономистов боролись сначала только Г. В. Плеханов и вся «Группа Освобождения Труда» (журнал «Работник» и т. д.), потом «Искра» (с 1900 г. по август 1903 г., до II съезда Р. С.-Д. Р. П.).

В чем же состояла сущность «экономизма»?

«Экономисты» на словах защищали особенно энергично массовый характер рабочего движения и самодеятельность рабочих, настаивая на первостепенном значении «экономической» агитации и на умеренности или постепенности в переходе к политической агитации. Как видит читатель, это — все те же излюбленные словечки, которыми щеголяли и ликвидаторы. На деле же, «экономисты» проводили либеральную рабочую политику, суть которой один из тогдашних вождей «экономизма», С. Н. Прокопович, выразил кратко: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». На деле «экономисты», больше всего шумевшие о рабочей самодеятельности и о массовом движении, были оппортунистическим, мещанско-интеллигентским крылом в рабочем движении.

Подавляющее большинство сознательных рабочих, которые уже в 1901 — 1903 г.г. давали на 100 привлеченных за государственные преступления 46 человек против 37 интеллигентов, встало на сторону старой «Искры» против оппортунизма. Трехлетняя (1901 — 1903) деятельность «Искры» выработала и программу с.-д. партии, и основы ее тактики, и формы соединения экономической и политической борьбы рабочих на основе последовательного марксизма. Вокруг «Искры» и под ее идейным руководством, рабочая печать выросла за предреволюционные годы в громадных размерах. Количество бесцензурных листков и неразрешенных типографий было чрезвычайно велико и быстро росло во всех концах России.

Полная победа «Искры» над «экономизмом», пролетарско-последовательной тактики над оппортунистическо-интеллигентской

привела в 1903 году к новому усиленному притоку «попутчиков» социал-демократии в ее ряды, и оппортунизм воскрес на почве искровства, как его часть, под видом «меньшевизма».

Меньшевизм образовался на II съезде Р. С.-Д. Р. П. (август 1903 г.) из меньшинства «искровцев» (отсюда и название меньшевизм) и из всех оппортунистических противников «Искры». «Меньшевики» повернули назад к «экономизму», конечно, в несколько обновленной форме; все «экономисты», оставшиеся в движении, наполнили, с А. Мартыновым во главе, ряды «меньшевиков».

Главным органом «меньшевизма» стала новая «Искра», с ноября 1903 года выходившая под измененной редакцией: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть» — заявил откровенно тогдашний горячий меньшевик Троцкий. Главными органами «большевиков», которые защищали тактику последовательного марксизма, верную старой «Искре», были «Вперед» и «Пролетарий» (1905 г.).

Проверкой обоих главных направлений в социал-демократии и в рабочей печати, — меньшевистского и большевистского, — с точки зрения действительной связи с массами и выражения тактики пролетарских масс, были годы революции, — 1905-1907 г.г. Открытая с.-д. печать не могла бы возникнуть сразу осенью 1905 г., если бы деятельность передовых рабочих, тесно связанная с массами, не подготовила почвы для такой печати. И если открытая с.-д. печать 1905-1907 г.г. была печатью двух направлений и двух фракций, то это, в свою очередь, не может быть объяснено иначе, как различием мелко-буржуазной и пролетарской линии в рабочем движении той эпохи.

Открытая рабочая печать появлялась во все три периода подъема и сравнительной «свободы»: осенью 1905 г. («Новая Жизнь» (12) большевиков, «Начало» (13) меньшевиков—мы называем только главные органы среди многочисленных других), весной 1906 г. («Волна», «Эхо» и т. д. — «беков», «Народная Дума» и др. — «меков») и весной 1907 года.

Сущность меньшевистской тактики этой эпохи сам Л. Мартов выразил словами: «меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе» кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов, — содействия, которое, однако, пролетариат дол-

жен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность» (Рубакин: «Среди книг», т. II, стр. 772). Вот эта тактика «содействия» либералам и означала на деле зависимость рабочих от них; она была на деле либеральной рабочей политикой. Наоборот, тактика большевизма обеспечивала самостоятельность пролетариата в буржуазном кризисе борьбой за доведение его до конца, разоблачением измен либерализма, просвещением и сплочением мелкой буржуазии (особенно деревенской) в противовес этим изменам.

Известно — и сами меньшевики многократно признавали это, — что в эти годы (1905-1907) рабочие массы шли с большевиками. Большевизм выразил пролетарскую сущность движения, меньшевизм — его оппортунистическое, мещанско-интеллигентское крыло.

Мы не можем здесь характеризовать подробнее содержание и значение тактики обоих направлений рабочей печати. Мы должны ограничиться тем, чтобы точно установить основные факты, определить главные линии исторического развития.

Рабочая печать в России имеет за собой почти вековую историю — сначала подготовительную, т.-е. историю не рабочего, не пролетарского, а «общедемократического», т.-е. буржуазно-демократического освободительного движения, — а затем свою собственную двадцатилетнюю историю пролетарского движения, пролетарской демократии или социал-демократии.

Нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло родиться «сразу», в чистом классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера. Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих, давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения из всяческих мелко-буржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений. Рабочий класс жил бок-о-бок с мелкой буржуазией, которая, разоряясь, давала все новых и новых пришельцев в ряды пролетариата. А старая Россия была наиболее мелко-буржуазной, наиболее мещанской из капиталистических стран, пережив только накануне империалистской войны ту буржуазную эпоху, которая, например, в Англии знаменует XVII век, а во Франции — XVIII и первую половину XIX века.

Сознательный рабочий, берясь теперь за свое родное, кровное дело ведения рабочей печати, ее постановки, укрепления,

развития, не забудет о долголетней истории марксизма и с.-д. печати в России.

Только изучая историю борьбы марксизма с оппортунизмом, только знакомясь основательно и подробно с выделением самостоятельной пролетарской демократии из мелко-буржуазной мешанины, передовые рабочие окончательно укрепят свое сознание и свою рабочую печать.

Как возникла наша рабочая газета.

«ЗВЕЗДА».

После долгого, томительно-долгого молчания, в Петербурге снова раздалось в открытой печати марксистское слово.

В конце декабря 1910 г. появился 1-й номер марксистской газеты «Звезда».

Кругом еще было темно и мрачно. Лихолетье еще не прошло. Пуришкевичи попрежнему справляли свой праздник. Буржуазное «общество» попрежнему находилось в испуге и верило в то, что движение раздавлено навсегда, что рабочее движение подавлено навеки.

Тяжелое время. Глухая пора. Тяжело и мрачно было тогда и в рабочих кварталах. Немало натерпелись рабочие за 1908—1910 годы. Все завоевания были отняты. Под покровом общественной реакции началось по всей линии наступление капитала. На фабриках и заводах восстановлены были старые «добрые» порядки. Безработица, нищета царили вокруг...

Одной из первых задач реакции было — отнять у рабочих свободу печати. Либеральная печать—худо ли, хорошо ли—продолжала существовать и после подавления движения 1905—1907 г.г. Рабочая легальная печать после 1906 года лишена была возможности существовать. В течение всей темной полосы легальная рабочая печать и действительно почти не существует.

Но вот в самом конце 1910 года начинают чувствоваться первые слабые признаки приближающегося оживления.

Как только повеяло ветерком посвежее, марксисты немедленно спешат возродить легальную рабочую печать.

В 1909 году, во время частичных петербургских выборов в Государственную Думу, в Петербурге в течение нескольких недель существовал марксистский еженедельник «Новый Путь». Его главной задачей была борьба с кадетами из-за влияния на

городскую курию избирателей. Отклик рабочих на эту газету был крайне слаб. Газета прошла почти незамеченной рабочими.

В 1910 году в марксистских кругах снова заговаривают о постановке легального еженедельника. Свидание некоторых марксистов в августе 1910 года, в связи с копенгагенским международным конгрессом, ускоряет дело. И к концу года газета выходит.

В течение первого полугодия успех «Звезды» был сравнительно невелик. Рабочие все еще не оправились от ударов. В рабочих кварталах все еще господствовало подавленное настроение, усталость, равнодушие, разобщенность. Дела «Звезды» шли вначале настолько плохо, что на 25 номере она вынуждена была приостановиться. После трехмесячного перерыва она возобновляется. К концу 1911 года оживление рабочего движения становится явственнее. В «Звезде» увеличивается хроника рабочего движения. Газета становится все более и более рабочей. С другой стороны, и направление «Звезды» становится более определенным. «Звезда» бесповоротно занимает резко антиликвидаторскую позицию.

К концу 1911 года «Звезда» начинает выходить уже 2 раза в неделю. А в марте 1912 года «Звезда» выходит уже 3 раза в неделю, становясь органом воинствующего марксизма, завоевывая все более и более широкие круги читателей, приобретая симпатии огромного большинства передовых рабочих.

В декабре 1911 года в «Звезде» впервые поставлен был вопрос о ежедневной рабочей газете. Сначала идея казалась на ближайшее время совершенно несбыточной. Мечта была чрезвычайно заманчива. Но это, казалось, была только мечта. Пишущий эти строки живо вспоминает, как в январе 1912 года, во время одного совещания марксистов, съехавшихся с разных мест России, обсуждался вопрос о ежедневной газете. «Звезда» уже выходила тогда 2 раза в неделю, и дело вообще явно шло к расширению. Все присутствующие сознавали, конечно, огромную важность ежедневной рабочей газеты, все страстно мечтали о ней. Но каким далеким казалось тогда осуществление этой мечты...

«ПРАВДА».

Как же это случилось? Каким образом то, что казалось волшебным сном, фантастической сказкой, так скоро претворилось в живую действительность? Кто совершил это чудо?

Это чудо совершил русский рабочий класс, его движение.

Русский рабочий одним ударом решает такую важную и трудную задачу, как постановка ежедневной рабочей газеты.

«Правду» вынесла на своем гребне волна начавшегося в 1912 году рабочего движения.

Уже в первые месяцы 1912 года струя рабочего движения забила сильнее. 9 января 1912 года мы видим первое возрождение политической стачки в память январских событий 1905 года (стачки в Петербурге, Риге, Николаеве). Начинается знаменательное митинговое движение в связи с требованием пересмотра «дела» втородумских с.-д. депутатов.

Вот в это-то время грянуло событие 4 апреля на Лене... Как только телеграф разнес страшное известие о ленском расстреле, среди рабочих началось усиленное движение протеста. В течение апрельско-майских дней 1912 года политическая стачка дала 550.000 участников. Особенно высоко поднялось пролетарское движение в Петербурге, сразу написав на своем знамени три старых «неурезанных» лозунга.

И, как побочный результат этого движения рабочих под знаменем неукороченных требований, мы видим нарождение ежедневной рабочей газеты.

Так, еще и еще раз, на великом рабочем деле было доказано, что действительные частичные приобретения завоевываются рабочим классом не путем урезывания своих программных требований, не помощью подстановки частичных требований вместо общих задач.

Ленские события ускорили появление «Правды». Это видно, например, и из числа рабочих взносов на создание ежедневной газеты — сначала в «Звезду», а потом и в «Правду». В январе месяце 1912 г. поступили на эту цель сборы всего от 14 рабочих групп, в феврале — от 18, в марте — от 76. В апреле же мы видим сразу огромный наплыв рабочих сборов. В этом месяце поступили сборы на ежедневную газету уже от 227 рабочих групп, а в мае месяце — от 135 рабочих групп.

Дело ежедневной газеты сразу двинулось. На медные рабочие гроши начато было издание первой русской рабочей газеты. И с тех пор «Правда» только и держалась моральной и материальной поддержкой рабочих.

Накануне выхода «Правды», газета «Звезда» должна была тоже начать выходить ежедневно. Оказалось, однако, что двух

ежедневных газет в Петербурге рабочее движение не может еще содержать. Постепенно «Звезда» и «Правда» начали сливаться в одну газету. Славная «Звезда», к тому времени завоевавшая себе огромную популярность среди рабочих, передала «Правде» не только весь свой идейный капитал, но и очень широкий круг читателей.

Так от яркой пролетарской «Звезды» родилась юная рабочая «Правда». Восприемником ее было то апрельско-майское движение 1912 года, которое послужило началом новой эпохи. «Правда» — плоть от плоти и кость от кости русского рабочего движения. Его слабости—были слабостями «Правды», его неиссякаемая сила — была ее силою...

При своем зарождении и «Звезда», и «Правда» сразу натолкнулись на враждебное ликвидаторское течение. Это и не могло быть иначе. Борьба марксизма с ликвидаторством имела огромное идейно-политическое значение для всего нашего рабочего движения. Эта борьба двух мировоззрений не могла не сказаться при организации такого большого дела, как рабочая газета.

«Звезда» началась как орган марксистов-большевиков и марксистов-меньшевиков, противников ликвидаторства. Почти вся третьедумская с.-д. фракция приняла участие в «Звезде». Исключение составлял только определенный ликвидатор, депутат Кузнецов. Поэтому широкая публика смотрела на «Звезду» как на официальный орган думской фракции.

Чем больше «Звезда» становилась рабочим органом, тем больше начинало в ней преобладать направление марксистов-большевиков. Только это направление уловило биение пульса рабочего движения, только оно все время шло рука-об-руку с рабочим движением, беззаветно отдаваясь делу его углубления и развития, только оно готово было итти до конца в борьбе с разлагающими влияниями ликвидаторства.

Ликвидаторы сейчас же открыли пальбу по «Звезде» из своих журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни». Затем они поставили свой конкурирующий раскольнический еженедельник в Петербурге. Но с ними случилась та же беда, которая являлась постоянным их уделом в те годы: чем больше они ополчаются против марксизма, против «целого», против «неурезанных» лозунгов, — тем более марксистское знамя становится дорогим и родным самым широким кругам рабочих.

Такой же результат имела борьба ликвидаторов против создания «Правды». Они прибегли ко всем возможным и невозможным мерам. Не только со страниц своей ликвидаторской печати, но и со страниц тех профессиональных органов, которые тогда еще были в их руках, они открыли борьбу против неродившейся еще «Правды» (см. статьи ликвидаторов в тогдашнем «Металлисте»). Они грозили расколом третьедумской с.-д. фракции, если она станет поддерживать марксистскую «Правду». (Из 14 депутатов третьедумской с.-д. фракции 10 приняли участие в «Правде» и лишь 4 склонялись к ликвидаторству.) Они создали, наконец, «рабочую» группу (состоявшую из 6-ти ликвидаторов), которая пыталась сорвать уже имевшую скоро выйти «Правду» под видом создания «истинно-рабочей» «нефракционной» газеты и «нефракционного рабочего издательства». Эта группа ликвидаторов созвала 15 апреля 1912 года, — т.-е. за неделю до выхода первого нумера «Правды», — легальное собрание в зале на Гребецкой улице. Собралось человек 300 — 400, главным образом — сочувствующих ликвидаторству. Рабочие-марксисты попали на это собрание лишь в виде исключения. На собрании была принята громкая мнимо-объединительная резолюция ликвидаторов. Но помешать выходу «Правды» эта затея ликвидаторов уже не могла. На стороне будущей марксистской «Правды» и ее предшественницы «Звезды» было уже огромное большинство рабочих. В то время как по 1-е мая 1912 года на «Правду» поступили взносы от 335 рабочих групп, на ликвидаторскую газету поступило всего от 15 рабочих групп. И это — несмотря на шум, поднятый ликвидаторами.

Ликвидаторы очень любили упрекать большевиков в том, что они будто недооценивали значение открытой с.-д. работы и «легальных возможностей». Какой наивный вздор! Будущему историку нашего движения достаточно будет одного того факта, что первую рабочую ежедневную газету поставили большевики, чтобы признать, что именно большевики сильнее всего использовали «легальные возможности» для рабочего дела, что именно большевизм оказался наиболее спаянным с рабочими массами...

С самых первых шагов своих, организаторы «Правды» стараются тесно связать газету с существующими питерскими рабочими союзами. Чтобы согласовать свои действия по вопросу ежедневной рабочей газеты, — рассказывает один из участников событий, — профессиональные общества, в первых числах февраля

1912 года, созывают собрание представителей. Из 12 существовавших тогда профессиональных обществ прислали своих представителей следующие союзы: булочники, золото-серебряники и бронзовщики, деревообделочники, мраморщики, строительные рабочие, картонажники, текстильщики, кожевенники и экипажники. Всеми голосами против двух при одном воздержавшемся принята была резолюция: «Представители девяти профессиональных обществ приветствуют марксистскую рабочую газету «Звезду» в деле начинания и постановки ежедневной рабочей газеты, стоящей на классовой точке зрения и стремящейся к проведению в рабочие массы идеи последовательного марксизма».

22 апреля утром в помещении редакции, где печаталась «Правда», собрались представители обществ как профессиональных, так и культурно-просветительных, чтобы встретить приветствиями первый номер ежедневной рабочей газеты. В 7 час. утра вышел первый номер долгожданной ласточки...

Первая ласточка долгожданной весны! Как трепетно ждали ее петербургские пролетарии, какой любовью окружили ее с первых же дней ее появления в свет! Светлее стало на душе. Веселее стало в рабочих кварталах. «Мы не одни теперь, у нас своя рабочая «Правда», — так говорили рабочие друг другу. Заботливой рукой пестовали люди труда свое любимое детище. Сколько раз на чело рабочего набегала морщина: выдержит ли родная «Правда» натиск черных сил, не погибнет ли дорогая газета? Сколько раз относил голодный бесприютный пролетарий свой последний грош в редакцию своей «Правды», чтобы спасти ее от гибели! Сколько раз он отнимал этот грош у себя, у своих редко сытых детей. Сколько раз его лишали работы и последнего куска хлеба, гнали с завода, гнали из города в город, — только за то, что он бесстрашно, не жалея ни сил, ни жертв, прокладывал дорогу своей «Правде».

Это ты, русский рабочий, ты, самоотверженный пролетарий, ты создал и упрочил свою газету «Правду»!..

День 22 апреля, день рабочей печати, есть по всей справедливости **день русских рабочих**.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «ПРАВДЫ».

Направление рабочей газеты «Правда» и всех «правдистских» газет было направлением последовательного марксизма. Ее путеводной нитью был ортодоксальный марксизм (иначе—боль-

шевизм), приложенный к условиям русской общественно-политической и социально-экономической жизни.

Это направление «Правды» сделало то, что газета стояла совершенно особняком от всей так называемой «прогрессивной» и «левой» повременной печати. Когда наши политические противники хотели быть язвительными, они говорили, что «Правда» находится в «блестящей изолированности», что она «одинока» в сонме русской печати. И здесь была доля правды. «Правда» жестоко бичевала всякую половинчатость и политическую бесхарактерность. Она не давала спуску не только представителям черного стана, но и контр-революционерам и «соглашателям» из «прогрессивного» и либерального лагеря. Она разоблачала и высмеивала оппортунизм и приспособленчество, в чем бы они ни проявлялись. Она клеймила ренегатство, отступничество, вероломство — хотя бы имела перед собой ренегатство самого «утонченного» и «возвышенного» характера. Своей прямой и реалистической постановкой всех вопросов дня с точки зрения неурезанных классовых интересов пролетариата она разрушила не один уже «совсем готовый» план маниловского «объединения» «всей оппозиции», всех добрых «прогрессивных» людей, которые непременно желали, чтобы рабочие на время — только на время — забыли интересы своего класса и пошли за либеральными буржуа.

Естественно, что в глазах многих и многих наша «Правда» была великой грешницей, и ее спешили попрекнуть «блестящей изоляцией». Эти добрые люди не понимали, что они, в сущности, делали нам величайший комплимент. В намерения «Правды» никогда и не входило — угодить на господ «прогрессивных» обывателей и на тех «социалистов», которые как две капли воды похожи на либеральных «рабочих» политиков. «Изолироваться» от либерального тупоумия, от политической шаткости, бесформенности, неопределенности, расплывчатости, беспринципного «примиренчества» — «Правда» сознательно ставила своей задачей. Только с одним классом связала свою судьбу «Правда» — с рабочим классом. Только от него, от его героических дел, от его великого движения, от его терний и роз, от его побед и поражений не хотела «изолироваться» «Правда» — сама, в буквальном смысле слова — детище рабочего класса.

Оправдало ли себя направление «Правды»?

1912 год открыл новую эпоху в нашем рабочем движении и освободительном движении вообще. Попробуем же на несколь-

ких самых жгучих вопросах, выдвинутых этими двумя годами, проверить правильность направления «Правды».

Избирательная кампания по выборам в 4-ю Думу и политическая линия с.-д. в самой Думе. Позиция «Правды» в этих вопросах была на первый взгляд очень «изолированной», очень «одинокой». «Правда» слышать не хотела ни о каких блоках и соглашениях с либералами. Наши главные положения были таковы: в центре борьбы стоят три главных старых вопроса — рабочий, земельный и общеполитический. Содержанием платформы должен быть ясный и точный ответ именно на эти вопросы. Страна делится в отношении этих основных вопросов на три главных лагеря: реакционный, либеральный, демократический, во главе которого идет рабочий класс, как руководитель всей демократической России. Русский либерализм контр-революционен. Деление на два лагеря — «за конституцию» и против «конституции» — есть фальшивое либеральное деление. Главная задача рабочих — отстаивание старых требований и присоединение к себе всей демократии — против черных и против шатаний либералов.

Эту тактику защищали только «Правда« и «Звезда». Да, в этом смысле мы были одиноки и «изолированы». Но с кем пошел рабочий класс? Не выдвинул ли он во всех 6-ти рабочих губерниях сознательных представителей именно этой тактики?

Рабочий класс в подавляющем большинстве пошел именно по этой линии. И вся обстановка такова, что по этой же политической линии неизбежно шли и действительные с.-д. депутаты уже в самой Думе. Мы оказались «изолированными» от колеблющихся социалистов и от «беспартийных» либералов. Но мы оказались в самом тесном единстве с рабочим классом России.

Возьмем другой вопрос колоссальной политической важности: вопрос о волне политических стачек 1912 — 1914 г.г. Это, в сущности, — вопрос о судьбах всего движения. Это — вопрос о том, должен ли был рабочий класс разменять свои основные требования на мелкую монету «частичных прав», или он должен был остаться верен старому?

И что же? Кого оправдали события 1912—1914 г.г.? Неужели тех, кто, брюзжа против рабочих масс, объявил их движение «стачечным азартом»?

Посмотрим далее на *страховую* кампанию русских рабочих.

Кто потом смог оспаривать, что рабочий класс России одобрил именно те страховые лозунги, которые выдвинули «правдисты»? Кто не увидел, какую огромную роль сыграли «правдистские» газеты во всей страховой кампании?

Кто стал отрицать, что позиция «Правды» в страховой кампании была позицией подлинных рабочих масс России?

И то же самое мы видим в *профессиональном движении.*

Возьмем, наконец, один важный вопрос «внутренней» нашей жизни: вопрос о *единстве рабочего движения* и социал-демократии.

Действительное значение получил только лозунг «Правды»: единство *снизу*, т.-е. единство, *проводимое самими рабочими*, единство начистоту, единство тех, кто, *в самом деле*, признавал *старое*, не «разъяснял» программы, не отрекался от «подполья».

Позиция Российской С.-Д. Рабочей Фракции в Гос. Думе, солидарной с «Правдой», была тогдашнею позициею огромного большинства сознательных рабочих России. Оказалось бесспорным, что думская фракция ликвидаторов была фракцией *без* рабочих.

Действительное рабочее единство создали только те тысячи и тысячи пролетариев, которые *на деле* объединялись вокруг марксистской линии правдистов, которые уже составили громадное большинство во всем с.-д. движении.

Испытание жизнью есть самое важное испытание для всякого политического направления. Теперь мы можем сказать: наша «Правда» выдержала это испытание. И именно поэтому она смогла стать органом рабочего класса, именно поэтому она смогла завоевать такие непоколебимые симпатии в самых широких массах рабочих.

ПЕРВЫЙ ГОД «ПРАВДЫ».

Существование «Правды» в первый год значительно отличалось от условий существования газет правдистского направления во второй год. В первый год приходилась одна репрессия на 5 номеров и не было ни одного закрытия самой газеты. Во второй год одна репрессия приходилась почти на каждые 2 номера газеты и закрытие газеты последовало 6 раз.

На это были свои политические причины. Главная из них, как это ни странно, — огромный рост рабочего движения за второй год.

В первый год существования «Правды» власти как бы растерялись. Было похоже, что они считают прямо необходимым открыть некую отдушину, чтобы избежать чрезмерного накопления паров. Кое у кого, с другой стороны, были, повидимому, надежды на то, что газета все равно не выживет, что русский рабочий по своей «некультурности» выкажет к газете достаточную дозу равнодушия, что она, таким образом, умрет естественной смертью. Начавшееся новое движение казалось временной вспышкой. Ждали, что волна скоро схлынет и никаких серьезных следов по себе не оставит.

Второй год существования «Правды» протек при совсем иной обстановке. Роль «Правды» вырисовывалась все больше и для друзей, и для недругов. Отнять газету у рабочих, отнять во что бы то ни стало — таков стал пароль. И чем больше росло сочувствие рабочих «Правде», чем больше становилась роль газеты, — тем больше росло стремление покончить с газетой во что бы то ни стало.

По сравнению со вторым годом, полным мытарств и тревог, первый год существования «Правды» может быть назван прямотаки безбедным и мирным.

Но газета все же росла и развивалась, несмотря ни на что. Героизм рабочих масс побеждал все препятствия. С июня 1913 г. «Правда» переходит на большой размер. Тесно стало в прежних рамках. Произведенный опрос читателей-рабочих показал, что огромное большинство друзей высказывается не за удешевление газеты (предполагалось удешевить ее до 1 коп.), а именно за расширение формата.

И как ни трудно было временами положение, когда газета конфисковалась из номера в номер, когда небогатая рабочая касса оскудевала, когда давлением на газетчиков добивались сокращения ее распространения, — а дело все-таки шло вперед и развивалось.

Если оглянуться назад на те пройденные два года, сразу становится ясно, какой огромный шаг вперед сделала наша газета. Она гораздо больше вросла корнями в самую гущу рабочей жизни, шире стал обхват ее влияния, многостороннее ее содержание. Теснее связалась она с рабочим движением. Ни одно

событие в рабочей жизни, начиная от самого крупного и кончая самым мельчайшим, не обходится теперь без влияния рабочей «Правды».

«Правда» росла вместе с рабочим движением. Вместе с ним она крепла и мужала. Она упрочивалась и развивалась в буквальном смысле слова под перекрестным огнем. Но оттого-то она так и была закалена. Оттого-то она и оказалась несокрушимой так же, как несокрушимо было само рабочее движение...

«ПРАВДА» И РАБОЧИЕ.

Если бы подробно разработать вопрос об отношении рабочих к «Правде», эта тема потребовала бы целой книги. Когда прежние «толстые» журналы хотели освежить свой материал и дать представление своему читателю о рабочей борьбе—им приходилось помещать целый ряд больших статей, состоящих из отдельных выписок из писем и статей рабочих в правдистских газетах.

Мы ограничимся здесь немногим.

«Правда» была органом рабочих не только в том смысле, что она защищала интересы рабочих, обслуживала интересы рабочего движения, но и в том смысле, что в громадной своей части составлялась и писалась самими рабочими.

Половина номера — вся третья и четвертая страница — всегда и неизменно составляются самими рабочими. Но рабочие участвуют и в первых страницах «Правды». Почти все стихи и рассказы газеты принадлежат рабочим. Выделился целый круг рабочих-поэтов. Стихотворения целого ряда рабочих прямо великолепны. Мы уверены, что сборник рабочих стихов и беллетристики из тогдашней «Правды» составит очень заметное литературное явление.

«Правда» стала *своей* родной газетой для каждого сознательного рабочего. «Другую газету *можно* читать, «Правду» же *должно* читать и поддерживать». Таково было *широко* распространенное среди рабочих мнение. «Правда» неотделима от рабочего движения и рабочей жизни. Стачка, локаут, несчастный случай, выборы в союз, взаимопомощь, страховые выборы, политическое событие, массовое отравление, законопроект, анкета, — всегда и во всем сознательный рабочий шел прежде всего в свою газету. Он будет две недели ждать очереди для напечатания его корреспонденции в «Правде» (в виду постоянного наплыва материала), но не понесет ее в другую газету.

«Правдистская» печать и жила, и дышала рабочим сочувствием. Моральная поддержка со стороны рабочих в самые трудные минуты непередаваема. Сколько тепла, света, дружного ободрения приносили с собою рабочие приветы, рабочие письма, бесхитростные стихотворения, в таком изобилии посвященные рабочими своей газете. Сколько раз, когда под тяжестью обстановки готовы были опуститься руки у самых сильных людей, массовая моральная поддержка со стороны рабочих вдыхала новую бодрость, давала новые силы вести трудную работу.

А материальная поддержка газеты «Путь Правды»? Разве русские рабочие не проявляли в этой области прямо чудес? Какая газета, кроме рабочей, могла бы позволить себе заявить открыто в печати, что средства ее окончательно истощились, и через 2 — 3 недели получить поддержку почти от целой тысячи рабочих групп. А «Путь Правды» это сделал. Когда он напечатал статью о тяжелом материальном положении газеты, вызванном отчаянными репрессиями, рабочий Петербург моментально встрепенулся. Длинной вереницей потекли рабочие сборы, и на пролетарские гроши газета была спасена.

Петербургский рабочий не мог уже себе представить свою жизнь, свое движение без «Пути Правды». И чем дальше, тем все больше «правдистские» идеи входили в плоть и кровь рабочего движения. Наши политические противники вынуждены были заговорить о «правдистском поветрии» среди рабочих, о «повальном увлечении правдизмом» и т. д. Они считали это явление скоропреходящим. Мы же спокойно предоставили решить наш спор русскому рабочему движению.

Линия «правдизма» завоевала себе огромное, бесспорное и очевидное большинство в рабочем движении — во всех его отраслях.

В профессиональном движении огромное, подавляющее большинство принадлежало правдистам. Достаточно было того, что список кандидатов в какое-нибудь правление появляется в одном номере правдистской газеты, чтобы и друзья, и враги были уже заранее убеждены, что пройдет именно этот список. Слово своей газеты — закон для сознательных рабочих.

В страховом движении мы наблюдали особенно наглядно ту же картину. Страховая арена по понятным причинам не самая благоприятная арена для «правдистов». Для ликвидаторов эта арена, во всяком случае, была не менее, а более благоприятна. И что же мы видим?

Когда происходили выборы во всероссийское страховое учреждение, из 57 уполномоченных большинства рабочего Петербурга правдистов оказалось 47, т.-е. 80%. А всех остальных — и ликвидаторов, и народников, и беспартийных, и колеблющихся, — оказывалось всего вместе 10 — 11 человек. А при выборах в столичное присутствие оказалась та же приблизительная пропорция: 37 правдистов, 7 ликвидаторов, 4 народника и 5 неопределенных. И это — несмотря на весь шум об «единстве» и «нефракционности», поднятый союзом ликвидаторов и народников.

Прекрасным, незаменимым (ибо — объективным, бесспорным) материалом о степени политического влияния различных направлений среди рабочих могут служить цифры о числе рабочих групповых сборов в пользу рабочих газет.

Мы приведем здесь цифры почти за целых два года, цифры всем доступные, напечатанные в свое время в обеих газетах, строго проверенные и доступные проверке любого читателя, который заинтересуется этим вопросом.

За 1912 год в газету «Правду» поступило сборов от 620 рабочих групп, в «Луч» — от 89 групп.

За 1913 год поступило в «правдистские» издания за период 1 января — 1 апреля от 309 рабочих групп, на ликвидаторские издания — от 139 групп. За период 1 апреля — 1 октября соответствующие цифры 1.252 и 328. За период 1 октября 1913 года до 1 января 1914 года эти цифры 620 и 194. Всего за 1913 год 2.181 группа рабочих у «правдистов», 661 группа у ликвидаторов. Если прибавить к правдистам еще 395 рабочих групп у московской антиликвидаторской газеты (частью поступили через «Правду»), — получим 2.801 рабочую группу у марксистов и 661 группу у ликвидаторов. За оба года цифры: 3.196 и 740.

На основании этих бесспорных цифр составляются следующие две таблицы за 1912 и 1913 годы.

СБОРЫ ОТ РАБОЧИХ ГРУПП ЗА 1913 ГОД.

	Правд. изд. в Спб.	Правд. изд. в Москве.	Всего у марксистов	Всего у ликвидат.
1 января — 1 апреля . .	309	129	438	139
1 апреля — 1 октября. .	1.252	261	1.513	328
1 октября — 1 января (1914 г.)	620	—	620	194
	2.181	390	2.571	661

	Правд. изд. в Спб.	Правд. изд. в Москве.	Всего у марксистов	Всего у ликвидат.
Весь 1912 год	620	5	625	89
Весь 1913 »	2.181	390	2.571	661
	2.801	395	3.196	750

К этим данным мы можем прибавить еще следующие неполные сведения. В «Путь Правды» и «Пролетарскую Правду» с 1 января 1914 г. по 1 апреля 1914 г. поступило сборов еще от 1.217 рабочих групп. В итоге это дало марксистам за 2 года существования ежедневной газеты не меньше 4.500 рабочих групп, тогда как у ликвидаторов за это же время рабочих групп не наберется и тысячи.

Ликвидаторы вместе со всеми своими «нефракционными» союзниками не собрали и пятой части рабочих групп, собранных правдистами. Едва 20% рабочих групп поддерживали ликвидаторов, 80 с лишним процентов рабочих групп поддерживали марксистов.

Заметим, что в число рабочих групп правдистов мы не включали ни тех групп, которые жертвовали на марксистский журнал «Вопросы страхования», ни тех, которые жертвовали на марксистский журнал «Работница». Соответствующий подсчет еще значительно увеличил бы преобладание марксистов.

Прибавим еще, что печатавшиеся в обеих газетах отчеты о рабочих группах, посылавших свои различного рода сборы через Р. С.-Д. Р. Фракцию и через «с.-д. фракцию», дают ту же картину: огромное, подавляющее преобладание марксистской рабочей фракции в Гос. Думе над ликвидаторской.

Язык цифр — самый красноречивый язык. Бесспорные цифры доказали, что подавляющее большинство рабочих примыкало к линии «правдизма» и осуждало ликвидаторство.

Газета правдистского направления родилась как газета рабочих. Такой она осталась все время своего до-революционного существования.

Именно потому, что эта рабочая газета так чутко прислушивалась к воле рабочих, так решительно отстаивала марксизм и лучшие старые традиции — именно поэтому рабочие отстаивали свою родную газету с таким героизмом, который внушал уважение даже буржуазии. А друзьям русского рабочего движения — внушал уверенность, что никакие силы не одолеют газеты русского рабочего класса...

РАБОЧАЯ «ПРАВДА» И КРЕСТЬЯНСКАЯ БЕДНОТА.

Самое название газеты — рабочая газета — показывает, что она была газетою рабочего класса России, но она вместе с тем служила и зеркалом всей многострадальной жизни всего трудящегося населения. Она отражала в себе и первые проблески пробуждения сельского батрака, и нищенствующего крестьянина.

Каково же значение рабочей газеты для крестьянской бедноты? И туда, к забитым и униженным, насильно спаиваемым и со всех сторон обижаемым, несла она луч света. Освещая им путь к светлому будущему, вносила она сознание в их ряды, раскрывая перед темным еще крестьянством характер современного строя, современного положения вещей в стране.

И как тепло, как любовно относится пробуждающееся крестьянство к своей газете, к своей заступнице и защитнице!

Со всех концов России, из самых дальних ее захолустий слал крестьянин привет своей газете. К ней, к лучшей своей советнице идет он со своими сомнениями. На ее страницах изливает он всю скорбь своего многострадального существования, на ее же страницах ищет он ответа на все свои вопросы, на все свои сомнения.

Простым, бесхитростным языком повествует крестьянин севера и юга, Кишинева и Тобольска, о гнете земских начальников, о бесконтрольном хозяйничании всякого деревенского начальства, о несправедливостях «отца-батюшки», о нечеловеческом выколачивании недоимок.

В деревне царит нищета и голод. К декабрю у половины крестьян нет уж хлеба. За недоимки продается последняя скотина. Детишки без молока.

Яркую картину жизни крестьянина дает крестьянин Андрей Пожаров в талантливом стихотворении «Зима», помещенном в «Пути Правды».

. . Я половину хлеба продал,
И отдал подати в казну;
Теперь мирские, волостные,
Но где ж я денег-то возьму?...
Скотину продал бы, да нету...

Плачется крестьянин и на кулачество, и на мироедов деревенских, и на порядки крестьянских банков, которые выдают посо-

бия только богатым, а для бедноты пока не припасены еще деньги.

Но, не взирая на всю безотрадность жизни деревни, на унижения и оскорбления, которые приходится переносить на каждом шагу крестьянину, — от всех корреспонденций из деревни веет бодростью, стремлением к свету, к знанию.

Корреспонденция из деревни Забицы, Тверской губ., оканчивается призывом к крестьянам — сделать групповую подписку на получение рабочей газеты, дабы научиться, как жить.

Крестьянин села Дмитриевки, Ярославской губ., пишет: «только в действительной защите интересов крестьянской бедноты самими крестьянами таится залог светлого будущего».

Корреспонденция из села Пос, Лифляндской губ., заканчивается следующим призывом: «Товарищи рабочие и крестьяне, мы больше чем кто-либо беспомощны, одно скажу вам: читайте побольше рабочую газету «Путь Правды», да заронит она солнца луч в ваши сердца».

С тем же призывом обращаются ко всем крестьянам и корреспонденты-крестьяне из Гдовского уезда, из Матвеевской волости, Тверской губ., села Меркуново, Тульской губ., и т. д.

Крестьянин Авдеевской волости, Олонецкой губ., обращается с призывом к крестьянству: «Не спать и нужду заливать, а выписывать рабочую газету, но не «Биржевые Ведомости» и не «Копейку». Только в рабочих газетах вы научитесь управлять своими собственными делами и защищать свои кровные интересы».

Автор корреспонденции «Земство и крестьяне», говоря о значении агрономических лекций для крестьян, замечает, что для понимания этих лекций и для проведения в жизнь вложенных в них знаний необходимо быть и политически развитыми.

Не будучи более в состоянии выносить голод, унижения и бесправие, покидает крестьянин деревню, устремляясь в город на фабрику. Это массовое стремление крестьянской бедноты, крестьянина-батрака в город нашло свое отражение на страницах «Пути Правды» в двух характерных стихотворениях, авторами которых являются крестьяне. В первом из них — «В деревне» — говорится:

. . . Еду в город на завод
Я, крестьянин-пролетарий, —

Гонит с поля недород...
. . . Еду в город на завод,
На заводах пролетарий
Долю лучшую кует.

В другом стихотворении «Батрак» автор говорит:

Надоело
Изнывать в тоске бесплодной,
О нужде лишь песни петь,
На судьбу толпы голодной
Тихо, с горестью глядеть...
Дайте мне тяжелый молот —
Прочь беспечной жизни лень.
Я уйду в фабричный город
От убогих деревень.
Там в кругу семьи фабричной
Буду рано я вставать,
Для страдальцев горемычных
Счастье молотом ковать...

А вот мечты крестьянина, выраженные в талантливом стихотворении «Крестьянские мечты». Глядя на широкую полянку, автор размечтался — кабы ее распахать, кабы уродилась рожь, —

В школу бы ребят послал,
На газету б подписался...

Бодростью веет от всех этих крестьянских призывов к свету и знанию за лучшее будущее. Нет больше веры в то, что быть рабами положено самой судьбой. Не полагается больше русский мужик и на «авось». К свету и знанию тянется во многих местах крестьянин и сельский батрак. На свою, на рабочую газету устремляет он взоры. В ней видит он свой светоч, свою путеводную звезду в царство правды и справедливости...

Как проникает газета в деревню? Об этом много рассказывают корреспонденции крестьян в правдистских газетах. Если в городах распространению газеты ставились невероятные препятствия, то уж в деревне и говорить нечего. Там любой урядник заявлял подписчику: «не выдам тебе «Правды», это газета «бунтовщиков». Да еще «в холодную» посадит. Где найдет крестьянин управу?

Больше всего «Правда» проникала в деревню через тех же рабочих, которые пересылали ее туда или, отправляясь на побывку на родину, брали с собой. Через рабочих проходили

корреспонденции и т. д. Так рабочая газета, не говоря громких фраз о «трудовом крестьянстве», не сея ложных представлений, будто все крестьяне от нужды «социалисты», скромно делала свое великое дело и в деревне...

Цифрами можно доказать, что правдистская рабочая газета помещала гораздо большее количество корреспонденций, чем народническая, изображавшая собою специально «крестьянскую» газету.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ «ПРАВДЫ».

Об условиях существования марксистской газеты лучшее представление дает следующая таблица репрессий:

Репрессии против 7 газет.

С 22 апреля 1912 г. по 5 апреля 1914 г.

Название газеты.	Всего вышло №№.	Всего репрессий было на №№.	Из них: Конфисковано №№.	Оштрафовано №№.	На сумму. Руб.	С заменой арестом на	Арест без замены штрафом
ПЕРВЫЙ ГОД:							
Правда	295	60	41	16	7.800	47 м. — н.	3 №№ 9 мес.
ВТОРОЙ ГОД:							
Правда	61	13	8	5	2.500	15 м. — н.	—
Рабочая Правда	17	14	12	2	1.000	6 » — »	—
Северная Правда	31	23	20	3	1.250	6 » 7 »	—
Правда Труда	20	13	12	1	250	— » 7 »	—
За Правду	52	23	21	2	1.000	6 » — »	—
Пролетарская Правда	34	13	13	—	—	— » — »	—
Путь Правды	5	9	7	2	650	— » 17 »	—
Итого за 2-й год	220	108	93	15	6.650	3 м. 31 н.	—
Всего за 2 года	515	168	134	31	14.450	80 м. 31 н.	9 мес.

Приведенная графика красноречиво говорит, что и в какой степени пришлось перенести за два года существовавшим в Петербурге рабочим газетам.

Из вышедших 515 номеров репрессиям подверглось 168, т.-е. один из трех-четырех номеров обязательно конфисковался или штрафовался.

Одной конфискации за 2 года было подвергнуто 134 номера. Принимая стоимость каждого номера (набор, печатанье, бумага и т. д.) минимум в 300 руб., убыток от конфискации равняется 40.200 рублям.

Эта сумма, благодаря только одним репрессиям, должна была быть непроизводительно затрачена из дохода от розничной продажи неконфискованных номеров, подписок, а главным образом — из взносов рабочих на поддержку своей газеты.

При таких условиях, только при постоянной регулярной материальной поддержке могла существовать рабочая газета. 40 слишним тысяч только на покрытие дефицита от конфискаций — эта цифра лишний раз должна напомнить, как необходим был рабочей газете крепкий железный фонд.

Кроме конфискации, на рабочие газеты за эти два года в административном порядке был на 31 номер наложен штраф в общей сложности на сумму в 14.450 руб., с заменой арестом (то же в общем) на 80 месяцев 31 неделю. Сверх того, за 3 номера редакторы были подвергнуты аресту на 9 месяцев без замены штрафом.

Таким образом, за 2 года существования рабочей газеты ее редакторы должны были отсидеть (считая 31 неделю за 7 месяцев) 96 месяцев или 8 лет.

И это только в административном порядке, не считая отдельных судебных приговоров по различным пунктам 129 и 1034 ст.

К этой общей картине существования рабочей газеты надо добавить, что град репрессий, падавших на нее во второй год ее существования, значительно сильнее, чем в первый.

Так, за первый год из 295 вышедших номеров репрессиям подверглось только 60, т.-е. в среднем один из пяти. Во второй год из 220 номеров под репрессию попало 108, т.-е. немногим менее половины.

Самый род репрессии был далеко не одинаков.

В первый период в отношении к газете была хоть некоторая видимость закона.

Газета «Правда» вначале привлекалась почти исключительно по 129 статье. Власти как будто боролись с социал-демократическим «вредным» направлением газеты. Однако, даже судебной палате показалось чрезмерным усердие спб. комитета по делам печати и из 33 №№ «Правды», на которые был наложен арест, палата уже отменила арест и привлечение с 13 №№.

За этот период конфисковали и привлекали только за статьи и изредка за стихотворения.

Если подсчитать вместе конфискации, аресты и штрафы, то получится, что за этот период из каждых шести номеров «Правды» один непременно подвергался репрессиям.

Но с новым подъемом рабочего движения после 4 апреля 1913 г. власть усвоила себе новые методы борьбы с рабочей газетой. Достаточно сказать, что из 73 №№ «Правды», вышедших с апреля 1913 г. до закрытия, подверглись репрессиям— 22 номера. Другими словами, из каждых трех номеров один подвергался репрессиям.

Таким образом, во второй период «Правда» преследовалась вдвое, чем за весь первый год существования.

Но и этого мало. В числе статей, оказавшихся преступными, во второй период мы видим не только статьи на политические и другие темы, но и простые хроникерские заметки о ходе стачек на заводах.

Соответственно изменяется и статья уголовного уложения... Вместо 129 и 128 статей начинает фигурировать 1034 статья (разные пункты).

Из 15 конфискованных номеров «Правды» (апрель — июнь 1913 г.) в 10 случаях инкриминировались заметки о стачках на разных заводах, писанные самими бастующими.

Стало очевидным, что, борясь с газетой, ведут борьбу и с рабочим движением. Рабочая газета в этот период стала особенно ярким символом рабочего движения. Вот почему под молот репрессии стали чаще попадать не те строки, что принадлежали перу «крамольников»-литераторов, а искренние, простые заметки авторов-рабочих о стачках.

№ 122, вышедший в увеличенном формате, был конфискован за заметку о забастовке на Сестрорецком оружейном заводе.

На другой день выходит № 123 «Правды» с тем же содержанием (перепечатан со стереотипа), но без «преступ-

ной» заметки о Сестрорецкой стачке. Казалось бы, № застрахован от конфискации.

И все же администрация нашла возможным снова конфисковать тот же номер, но... за другую статью, за которую накануне не привлекли «Правду».

5 июля «Правда» — первая в России рабочая газета, — была приостановлена до суда постановлением судебной палаты.

Однако, перечисленными скорпионами не исчерпываются мытарства рабочей газеты. Кроме конфискаций и штрафов были применены незаконные меры, чтобы помешать распространению газеты.

В ночь на 28 апреля 1912 г. большой наряд полиции занял типографию, где печаталась «Правда», и воспрепятствовал вывозу отпечатанной и еще неконфискованной газеты. (На другой день в Гос. Думе обсуждался соответственный запрос, спешность которого была отвергнута Думой.)

Ровно через год, в ночь на 17 апреля 1913 г. учинен форменный разгром редакции «Правды». Обыск не обнаружил ничего «преступного». Однако, жандармы забрали тогда все рукописи, все счетоводство и переписку, нанеся этим огромный ущерб издательскому делу.

Одновременно были произведены обыски у многих причастных к «Правде» лиц, при чем некоторые были арестованы. Вскоре выяснилось, что имелось в виду создание грандиозного дела «Правды», как нелегального сообщества.

Эта затея, конечно, оказалась мыльным пузырем.

И это не все. Борьба с «Правдой» затем повелась в области распространения... Десятки раз отмечалось, что газетчикам полиция запрещала продавать «Правду», хотя бы и неконфискованные №№. Особенно яростно и не без успеха воевали с «Правдой» провинциальные градоправители.

Всех видов репрессий и не перечислить. Так как рабочая газета стала делом общепролетарским, то, естественно, пролетариат не мог долго оставаться без газеты.

Через неделю после закрытия «Правды» (5 июля 1913 г) вышла в свет идейная преемница ее—«Рабочая Правда».

«РАБОЧАЯ ПРАВДА».

На «Рабочей Правде» еще ярче сказались новые веяния в цензурном ведомстве. «Рабочая Правда» оказалась менее всего долговечной,—ее закрыли на 17-м номере. Но и этим вышедшим в свет 17-ти номерам не посчастливилось: 12 номеров подверглись конфискации и 2 номера—штрафу по 500 р. каждый.

Таким образом, из 17 номеров только 3 избегли карающей десницы, а остальные 14 подверглись репрессиям. «Рабочая Правда» побила рекорд выносливости.

Но еще более характерно для пояснения политики властей не количество, а «качество» репрессий, их мотивы. Неизменно, каждый номер привлекался по пресловутой 1034 ст. за каждую стачечную корреспонденцию, как бы невинна она ни была.

Помимо этих ординарных репрессий, «Рабочая Правда» вынесла и экстраординарные. Те же набеги полиции на газетчиков, то же давление на артели, что и раньше.

И 26 июля судебные и полицейские власти тщательно обыскали все помещение «Рабочей Правды», задержав этим очередную работу по выпуску газеты. Власти искали доказательства, что «Рабочая Правда» является продолжением закрытой «Правды».

1-го августа «Рабочая Правда» добровольно прекратила свое существование.

Но ей не дали умереть своей смертью, и в тот же день появилось постановление о закрытии «Рабочей Правды». Это была самая многострадальная из рабочих марксистских газет.

«СЕВЕРНАЯ ПРАВДА».

«Северная Правда» оказалась немногим долговечнее «Рабочей Правды». На 31-м номере и она была закрыта судебной палатой «за накопление дел».

Но и эти 31 номер дорого обошлись редакции: 20 номеров были конфискованы и 3 номера оштрафованы.

Только 8 номеров из 31 ускользнули от карающей десницы. Большинство конфискаций пришлось за стачечную хронику. Однако, и это не дает достаточно верного объяснения репрессий,

ибо № 1 «Северной Правды» вышел без стачечной хроники и был конфискован за беллетристику. № 2 был конфискован, хотя ни стачечной хроники, ни беллетристики, ни «преступных» статей цензор не нашел. Все это не спасло номера,—он был конфискован за корреспонденцию из Голландии!

К «Северной Правде» применялась та же система неослабной борьбы всеми способами. И эта борьба завершилась 7 сентября закрытием газеты по постановлению судебной палаты.

«ПРАВДА ТРУДА».

11 сентября вышел № 1 «Правды Труда». За летний период, совпавший с подъемом стачечного движения, репрессии против рабочих газет являлись в то же время и репрессиями против стачек. Мы видели, что «Рабочая Правда» и «Северная Правда» конфисковались почти исключительно за сообщения о стачках. К началу сентября волна забастовок упала, и прекратились затяжные стачки на крупных металлургических заводах. Уменьшился и самый отдел стачечной хроники в газете.

Но... №№ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. конфисковывались подряд. Если не за стачечную хронику, то за руководящие статьи, за статьи по делу Бейлиса и т. п.

Из 17 №№ «Правды Труда»—12 были конфискованы и 1—оштрафован. Таким образом, репрессии не ослабевали.

Но именно «Правде Труда» пришлось испытать на себе всю тяжесть административных препон в деле распространения газеты. Под давлением инспектора по делам печати, угрожавшего 500 р. штрафом за распространение конфискованных номеров газеты, артели отказались брать газету до выяснения вопроса о конфискации.

Полиция стала отбирать по утрам даже неконфискованные номера «Правды Труда» у газетчиков, при чем этим занимались кроме чинов полиции и лица в «штатском».

Целый ряд свидетелей писал об этих случаях в редакцию.

В ночь на 29 сентября Бутовский, старший инспектор по делам печати, явился в типографию и сам собственноручно разогнал газетчиков, явившихся за «Правдой Труда». Угрозами и физическим наси-

лием Бутовский воспрепятствовал газетчикам приобрести для продажи номера газеты, ссылаясь на приказ градоначальника, который должен был появиться только через несколько дней, но еще не появился.

Такие действия Бутовского принесли редакции огромный материальный ущерб и вдохновили более мелких представителей власти на самоуправство.

Так как препятствия в распространении газеты оказались почти непреодолимыми, «Правда Труда» вынуждена была приостановиться до лучших дней.

«ЗА ПРАВДУ».

Следующую за «Правдой Труда» рабочую газету постигли те же конфискации, по тем же поводам. Разница в том, что вслед за инспектором по делам печати выступил однажды столь ретивый околоточный, который явился конфисковать газету еще до ее печатания.

Были арестованы, неизвестно за что, газетчики, рассыльные, мальчики, служащие экспедиции, попавшие под руку бывшему в возбужденном состоянии полицейскому чину.

Как на последние штрихи в преследовании рабочих газет можно указать, например, что один из редакторов «Правды Труда» был вызван в участок, где его запугиваниями пытались заставить отказаться от редактирования газеты, но безуспешно.

Или еще: один околоточный надзиратель добивался, чтобы владелец дома, где помещалась редакция рабочей газеты (Свечной, 11), выдворил ее, ибо надзирателю приходилось рано вставать для конфискации газеты!!

Кроме того, вокруг редакции сновали подозрительные личности в котелках и картузах, неподвижно стояли целые сутки всегда «занятые извозчики» и т. п.

Всего номеров вышло 52, — из них под репрессии попало 23.

«ПРОЛЕТАРСКАЯ ПРАВДА».

Не посчастливилось и «Пролетарской Правде». Она смогла выпустить только 34 номера, из которых 13 было конфисковано. Закрыта была до суда в установившемся уже порядке: «за накопление дел».

*

«ПУТЬ ПРАВДЫ».

«Путь Правды» оказался несколько счастливее в смысле прямых репрессий: из 55 номеров только 7 было конфисковано и 2 оштрафовано, но зато в смысле распространения он был поставлен в чрезвычайные условия.

В Москву, благодаря стараниям полиции, он, вместо того, чтобы приходить на другой день по выходе, приходил через 2—3 дня, что, конечно, значительно вредило распространению газеты. Произвол разных мелких полицейских пешек дошел до того, что, например, в Олонецкой губ. урядники в деревнях прямо с почты отбирали пришедшие неконфискованные номера.

Аресты рабочих, распространявших газеты, аресты сотрудников, задержание и прямо отбирание неконфискованных номеров, и вообще всякие противозаконные репрессии,—вот те методы, которыми администрация хотела расправиться со столь неугодной ей рабочей печатью!

«НАШ ПУТЬ».

Говоря о «Правде», нельзя не упомянуть добрым словом ее безвременно погибшего собрата—московскую рабочую газету «Наш Путь».

«Правда» была для «Нашего Пути» почти тем же, что «Звезда»—для «Правды». В «Правде» велась большая предварительная агитация за «Наш Путь», «Правда» расчищала путь для московской газеты.

С большим воодушевлением отозвались передовые рабочие России на призыв поставить рабочую газету в Москве. Отовсюду потекли сборы, и в Москве рабочие особенно дружно принялись за работу.

В воскресенье, 25 августа 1913 года, появился первый номер «Нашего Пути». А в четверг, 12 сентября, вышел ее последний номер. Всего неполных три недели прожила первая газета московских рабочих. За это короткое время рабочая газета развернула прямо-таки героическую борьбу за существование. В течение самого короткого времени откликнулись денежными сборами 395 рабочих групп. Приветствиями же, трогательнейшими и живейшими приветствиями,—рабочие прямо засыпали газету.

Все рабочие организации Москвы и округа, без малейшего исключения, принялись за деятельнейшую поддержку «Нашего Пути». Тираж газеты рос. Была полная уверенность, что если бы газета хоть недолго могла продержаться, она быстро достигла бы распространения в 50 тысяч экземпляров.

Из 16 номеров «Нашего Пути» только один не подвергся конфискации. Редакция принимала все меры. Она выпускала наполовину «белые» номера. Она безжалостно вытравляла все «опасные» места. Тщетно! Газету решили погубить во что бы то ни стало.

Для этого не останавливались перед прямым нарушением закона. Газету не давали вывозить из типографии, организовывали погоню за ней на автомобилях, арестовали более 100 лиц, к ней прикосновенных, и т. д.

И — газету загубили...

Направление «Нашего Пути» было тем же «правдистским» направлением. Это казалось прямо само собой разумеющимся. Главные сотрудники в петербургской и московской газете были одни и те же. Ряд статей появлялся в «Правде» и «Нашем Пути» одновременно. (Кстати: часто в Москве конфисковывали за то, что «проходило» в Питере, и обратно.) Против ликвидаторства газета московских рабочих выступила с первых же номеров.

ПО ПУТИ «ПРАВДЫ».

«Правда» проложила путь для целого ряда рабочих легальных изданий. Постепенно создаются рабочие издания на окраинах, у рабочих нерусской национальности. Далее начинает складываться и провинциальная рабочая печать на русском языке.

В начале 1914 г. российский пролетариат имел следующие легальные органы:

1) «Путь Правды» . . . . В Петербурге.
2) «Просвещение» . . . . »
3) «Металлист» . . . . »
4) «Вопросы страхования» . . . . »
5) «Работница» . . . . »
6) «Новое печатное дело» . . . . »
7) «Вестник приказчика» . . . . »

8) «Текстильный рабочий» . . . . В Петербурге.
9) «Деревообделочник» . . . . »
10) «Жизнь пекаря» . . . . »
11) «Голос золотосеребренников и бронзовщиков» . . . . »
12) «Вестник портных» . . . . »
13) Ежедневная газета латышских рабочих «Яуна-бапс» . . . . (Рига).
14) «Кооперативный Листок» . . . . »
15) «Голос Труда», газета эстонских рабочих (3 раза в неделю) . . . . (Нарва).
16) «Газета литовских рабочих» — «Vilnis» (еженедельная) . . . . (Рига).
17) «Заря Поволжья», еженедельная . . . . . (Самара).
18) Газета армянских рабочих «Пайкар» . . (Тифлис).
19) «Новая Трибуна», орган польских рабочих.

Если к этому еще прибавить 3 органа русских ликвидаторов, 1 — еврейских и 1 — грузинских ликвидаторов, мы получаем свыше 20 изданий, ставивших себе целью защиту интересов рабочего класса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы дали краткий обзор истории рабочей печати в России и возникновения «Правды». Мы старались показать, как вековая история демократических движений в России привела к образованию самостоятельного движения рабочей демократии под идейным знаменем марксизма; как двадцатилетняя история марксизма и рабочего движения в России, в результате долгой борьбы рабочего авангарда против мелко-буржуазных, оппортунистических течений, привела к сплочению громадного большинства сознательных рабочих вокруг «Правды», созданной знаменитым весенним подъемом рабочего движения 1912 г.

Мы видели, как за два года существования газеты сплотились идейно, и до известной степени также организационно, сознательные рабочие-правдисты, своими усилиями создавая и поддерживая, укрепляя и развивая последовательно-марксистскую рабочую печать. Строго отстаивая свою преемственность с организованными марксистами предыдущей исторической эпохи, не нарушая ни одного из их решений, строя новое на фундаменте старого и идя систематически, неуклонно вперед по твердо и точно

«Рабочій». № 1. 22 апрѣля 1914 г.

Газета. Выходитъ отъ 1 до 7 разъ въ недѣлю.

Номеръ посвященъ

ИСТОРІИ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ ВЪ РОССІИ.

Ко дню рабочей печати — двухлѣтнему юбилею первой ежедневной газеты русскихъ рабочихъ «Правда».

СОДЕРЖАНІЕ:

Цѣна 15 коп.

Адресъ ред. и конт.: СПБ., 8-ая Рождественская д. 12, кв. 4.

Факсимиле обложки брошюры Г. Зиновьева и Н. Ленина «История рабочей печати в России».

намеченной дороге последовательного марксизма, рабочие-правдисты положили начало решению необыкновенно-трудной исторической задачи.

Целая тьма врагов, целая уйма трудностей, и внешних и внутренних, встали на пути рабочего движения в эпоху 1908—1911 годов. Ни в одной стране мира не удавалось еще до сих пор рабочему движению выходить из подобных кризисов, сохраняя преемственность, организованность, верность старым решениям, программе, тактике.

А русскому,—вернее, российскому,—рабочему это удалось; ему удалось выйти из невероятно тяжелого кризиса с честью, сохранив верность прошлому, сохранив организационную преемственность, усваивая вместе с тем новые формы подготовки своих сил, новые приемы просвещения и сплочения свежих поколений пролетариата для решения старыми методами старых, все еще нерешенных исторических задач.

Удалось это из всех классов русского общества только рабочему классу России не потому, конечно, чтобы он стоял выше рабочих других стран, — напротив, он сильно еще отставал тогда от них по своей организованности и сознательности. Удалось этому потому, что он опирался сразу на опыт рабочих всего мира: на весь их теоретический опыт, подъитоженный марксизмом, и на практический опыт пролетариев соседних стран с их великолепной рабочей печатью и массовой организованностью.

Рабочие-правдисты, отстояв в самое трудное и тяжелое время свою линию от преследований извне и от уныния, маловерия, малодушия, измены изнутри, с полной сознательностью и твердостью могли сказать себе:

— Мы знаем, что мы на верном пути. Но мы делаем только еще первые шаги на этом пути, и нам предстоят впереди главные трудности, нам еще много надо сделать, чтобы укрепиться окончательно самим, чтобы поднять к сознательной жизни миллионы отсталых, спящих и забитых пролетариев.

...Пусть мелко-буржуазные «попутчики» пролетариата, рабски идущие за либералами, говорят с презрительным видом против «подполья», против «рекламирования нелегальной печати»; пусть обольщаются они третьеиюньской «легальностью». Мы знаем непрочность этой «легальности», мы не забудем исторических уроков о значении бесцензурной печати.

...Мы знаем, что стоим на верном пути. Мы знаем, что мы идем рука-об-руку с передовыми рабочими всех стран. Мы знаем, что наше данное поприще работы — лишь маленькая частица целого, что мы — еще в начале нашего великого пути к освобождению. Но мы знаем также, что нет силы на свете, способной задержать нас на этом пути!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Совместный труд В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева, изданный брошюрою (32 стр.) под заглавием: «Рабочий». № 1. 23 апреля 1914 г. Газета. Выходит от 1 до 7 раз в неделю. Номер посвящен Истории рабочей печати в России. Ко дню рабочей печати — двухлетнему юбилею первой ежедневной рабочей газеты русских рабочих — «Правда».

[2]) Декабристы. — Движение «декабристов» первоначально выражалось в тайной политической организации, зародившейся по инициативе двух офицеров, братьев Муравьевых (1815 г.). В основу сообщества, обязанного своим возникновением новым политическим идеям, заимствованным из Франции во время войны с Наполеоном Бонапартом, была положена мысль об «избавлении от тиранства и возвращении свободы, столь драгоценной роду человеческому». Одним из виднейших теоретиков и практиков «декабристов» явился полковник Пестель, горячий республиканец по убеждениям. После различных программных разногласий, первичное объединение распалось. Прежний «Союз благоденствия» превратился в «Северное» и «Южное общество», члены которых расходились между собою главным образом по вопросу, чем быть будущей России, — конституционной монархией или республикой. Восшествие на престол Николая I застало общество врасплох, и выступление его на открытую борьбу страдало полнейшей неподготовленностью. 14 декабря 1825 г. в Петербурге, на Сенатской площади, части столичного гарнизона отказались присягнуть новому царю. Пролилась кровь. Вооруженный мятеж был подавлен артиллериею, и, после длительного суда, главнейшие руководители «декабристов» 13 июля 1826 г. взошли на эшафот. Это были: П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский.

[3]) Герцен, А. И. — писатель-публицист (1812—1870 г.г.), вышедший из богатой дворянской семьи. Герцен заложил основы будущего социалистического народничества и указал пути его революционной пропаганды.

[4]) «Колокол» — журнал, издававшийся А. И. Герценом сперва в Лондоне, а потом — в Женеве (1857 — 1867). Отдел «Колокола»: «Под суд!» был поистине страшен для крупных и мелких чиновников. Долгое время «Колокол» будил дремлющие умы сонно-апатичной России и разглашал тайны министерских кабинетов, во-время раскрывая комбинации Александра II и его помощников. Но постепенно «Колокол» стал спадать

со своего набатного тона. Попытка возродить его на французском языке не удалась, и «Колокол» замолк навсегда.

[5]) «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского было написано в 1847 г., незадолго до смерти В. Г. В нем автор, всею силою своего публицистического и критического таланта, обрушился на Гоголя, звавшего Россию вспять, в болото смирения и созерцательной молитвенности. «Письмо» Белинского утверждало, что в народе «нет и следа религиозности» и не может быть таковой, уже хотя бы потому, что «духовенство находится во всеобщем презрении у народа». Последнее естественно, ибо «церковь явилась иерархией, стало быть—поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми». Белинский возмущался, что Гоголь опозорил себя «гимном гнусному русскому духовенству», которое для всех русских служит понятием «обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства», испокон веков отличаясь лишь «толстыми брюхами да диким невежеством». Коротко, но презрительно отозвался Белинский и о гоголевском восхищении «пред божественной красотой самодержавия».

«Письмо» Белинского ошеломило Николая I и всю русскую бюрократию. Смерть спасла автора от Петропавловской крепости. Только в 1872 г. некоторые извлечения из «Письма» могли попасть в первое «легальное» тиснение.

[6]) Чернышевский, Н. Г., — «государственный преступник», как было объявлено 19 мая 1864 г. с эшафота, сооруженного на Мытнинской площади во время совершения обряда «гражданской казни» над ссылаемым в сибирскую глушь писателем, спокойно слушавшим перечень своих «вин» пред Александром II. Сибирь сильно подкосила Чернышевского и вернула его в родной Саратов поседевшим, ослабленным, но не потерявшим прежних взглядов на крестьянский вопрос и—что особенно важно для нас — на значение классовой борьбы. Издали наблюдая могучую вспышку революционного пожара, охватившего Европу в 1848 г., Чернышевский приблизился к пониманию Коммунистического Манифеста К. Маркса и Ф. Энгельса. Чернышевский был близок к марксизму и тогда, когда высмеивал потуги идеалистической буржуазии обмануть разум и историю ссылками на то, что-де «умозаключения, а не интересы руководят людьми». До конца Чернышевский учения Маркса не понял (причина лежит, между прочим, и... в несоответствовавших этому условиях тогдашней российской действительности). Это не помешало Марксу с большим уважением относиться к сделанному Чернышевским анализу буржуазной экономики; Маркс и Ленин высоко ставили его литературные труды.

[7]) Алексеев, П.—рабочий, революционер, участник «процесса 50-ти», превративший свою защитительную речь (10 марта 1877 г.) в краткое, но энергичнейшее обвинение всего политического и социального строя, — «лукаво подстроенной ловушки», которая сможет продержаться до той поры, когда «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». Алексеев был сослан на каторгу в Якутскую область, где и погиб в 1891 г. (уже после срока), будучи убит с целью грабежа каким-то хищником-якутом, думавшим поживиться от ссыльного.

[8]) Халтурин, С. Н.—рабочий-столяр. Халтурину—вместе с В. Обнорским—принадлежит создание «Северного союза русских рабочих» (1878 г.). Правительственные репрессии, обрушившиеся на «Союз», разгромили его. Халтурин сделался террористом. Сблизившись с «народовольцами», Халтурин организовал и осуществил в изумительно сложной и опасной обстановке взрыв некоторых помещений Зимнего дворца, только по слепой случайности не уничтоживший всю романовскую семью (5 февраля 1880 г.). Террористическая работа Халтурина закончилась покушением на одесского военного прокурора Стрельникова.

[9]) «Группа Освобождения Труда»—основанная в 1883 г. при участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча, П. Б. Аксельрода и В. Игнатова, — первая организация российской социал-демократии в эмиграции.

[10]) «Искра» — социал-демократическая газета, начатая изданием заграницей в декабре 1900 г. Главною и основною задачею «Искры», как гласила передовая статья ее первого номера, было — «содействовать политическому развитию и политической организации нашего рабочего класса. Всякий, — говорилось далее, — кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных периодов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению». «Искра» отчетливо констатировала, что без политической рабочей партии пролетариат неспособен подняться до сознательной классовой борьбы, что без такой организации рабочее движение было бы обречено на бессилие, и рабочий класс не смог бы выполнить лежащую на нем великую историческую задачу — освободить себя и весь русский народ от лежащего на нем политического и экономического рабства.

Первая редакция «Искры» состояла из В. И. Ленина, Л. О. Мартова, Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и А. Н. Потресова. Все они были объединены взглядами на необходимость вытравления из марксистского обихода разъедавшего его тогда экономизма и создания пролетарской централизованной партии. Это и была так называемая «старая Искра». Раскол, произведенный меньшевиками в 1903 г., дал редакционный перевес меньшевикам, и получилась «новая Искра». Подлинные «искровцы», т.-е. последовательные, выдержанные приверженцы неискаженного марксизма — иначе большевики — ушли из «Искры», и органами революционного большинства рабочего класса стали «Вперед» и «Пролетарий».

[11]) Ликвидаторы — такое название получила в годы реакции большая часть меньшевиков, во главе с Даном, Мартовым, Потресовым, Мартыновым, В. Левицким, Череваниным и др. Ликвидаторы, отказываясь от признания близости и неизбежности русской революции, настаивали на уничтожении старой подпольной партии, требовали отказа от нелегальной борьбы, старались нащупать пути соглашения с буржуазией и правительством; лозунги свержения царизма и полного народовластия они заменяли лозунгами буржуазных свобод. В момент подъема стачечного движения их газеты («Луч» и др.) кричали о «стачечном азарте». В годы войны громадное большинство ликвидаторов встало на социал-патриотическую позицию и участвовало в военно-промышленных комитетах, име-

вших целью снабжение армии. После февральской революции ликвидаторы были застрельщиками коалиции демократических партий с капиталистами. После Октября большинство из них вело активную борьбу с Советской властью.

[12]) «Новая Жизнь» — газета большевистского направления, начавшая выходить в Петербурге 27 октября 1905 г., т.-е. сейчас же после опубликования манифеста 17 октября. Издательницей газеты была артистка М. Ф. Андреева (жена А. М. Горького), редактором — писатель Н. Минский; сотрудничали в «Новой Жизни» В. И. Ленин, А. В. Луначарский, А. Богданов, Н. Рожков, А. М. Горький. В приложении к первому номеру газеты была напечатана полностью программа Р. С.-Д.Р. П., которая, однако, была немедленно же конфискована главным управлением по делам печати.

[13]) «Начало» — меньшевистская газета, появившаяся тоже в Петербурге 17 ноября 1905 г. Она была организована меньшевистскою редакциею «Искры», соединившеюся с Л. Д. Троцким и Парвусом. Официальным издателем значился С. Н. Салтыков (потом член с.-д. фракции 2-й Гос. Думы), редактором — Д. М. Герценштейн. Сотрудничали в ней все «силы» меньшевизма и последующего ликвидаторства: А. Мартынов, Ф. А. Дан, А. Н. Потресов, Л. Мартов, Е. Смирнов, Д. Кольцов и др.

№ 25.

ЗВѢЗДА

еженедѣльная газета.

Адресъ конторы и редакціи С.-Петербургъ, Б. Московская д. 16, кв. 6

Цена 5 к.

Суббота, 11-го Іюня 1911 года.

О еврейскомъ вопросѣ.—Національное земство на практикѣ.

Выборы въ Австріи.—Забастовка моряковъ.

В ТУПИКЕ (1).

Под таким заглавием появилась недавно в «Голосе Москвы» (2) редакционная передовая, на которой стоит остановить внимание читателя. Речь идет в ней о пресловутом недовольстве октябристов политикой Государственного Совета.

А. И. Гучков ведь давно уже обещал «сосчитаться» с Государственным Советом (3). В самом деле: что ни день, то с большей и большей бесцеремонностью портятся октябристские чертежи. Политику октябристов, рассчитанную на приспособление режима к интересам малочисленных, но экономически сильных буржуазных верхов, срывают самым безжалостным образом, сегодня отталкивая купеческую олигархию из среды старообрядцев, завтра — не давая возможности поставить на должную «высоту» морское ведомство, и т. п. А тут еще жуткое ожидание новых выборов в 4-ю Думу, при загадочном молчании демократических избирателей и косых взглядах «солидных» цензовиков... Поневоле выйдешь из состояния равновесия.

Как же думает «сосчитаться» октябристская партия с недостаточно податливыми силами «режима»? О, она верна себе! Она покажет себя... Она не остановится перед самыми «крайними» мерами. Вы не верите? Почитайте!

«И вот, среди руководящей фракции большинства (т.-е. среди октябристов. — *Г. З.*) возникает мысль «сложить с себя депутатские полномочия»... «мысль о коллективном сложении полномочий уже зреет среди октябристской фракции»... «иного выхода при создавшихся условиях, может быть, и нет» («Голос Москвы», № 268, редакционная передовая).

Октябристы шутить не любят. В их руках — сильнейшее средство, чтобы заставить покориться всех врагов и супостатов. Это — «харакири». Но не пугайтесь, читатель, вам не придется быть невольным зрителем не очень приятной сцены — вспарывания октябристами своих собственных животов. Не одно уже трагическое положение октябристов разрешалось на некиих «чаепитиях». Разрешится и это... Дальше слов дело не пойдет.

Однако, в октябристской «трагедии», кроме комических, есть и «сурьезные» персонажи. Посмотрите на октябристских практиков. Загляните в экономические органы фабрикантов и заводчиков — «Торговлю и Промышленность» и др. Здесь сидят «не краснобаи, а люди дела». «Всякая инициатива и самодеятельность подвергаются у нас гнету и преследованиям со стороны правительства» — жалуется главный орган российских локаутчиков («Пром. и Торг.», № 19, за октябрь 1910) г.). Крупная буржуазия недовольна третьей Думой... «Промышленники видят, что они как бы отданы на произвол аграрным элементам, против которых промышленность никакой защиты добиться не может, несмотря на бесспорную справедливость своих жалоб. Промышленные интересы страны не имеют в Думе своих представителей»,—так пишет другой орган промышленников («Горно-Заводское Дело»). «Голос Москвы» поддерживает эти ламентации своих хозяев, указывая и со своей стороны, что правительство обретается в «аграрном раже» и забыло интересы отечественной промышленности. А в ответ на это октябристы и октябриствующие слышат презрительные слова официозной «России»: «Она (т.-е. крупная буржуазия.—*Г. З.*) идет походом против особых государственных забот о земледелии» («Россия» от 30/12 ноября), но это, дескать, пустяки; стоит только прикрикнуть на нее, и она замолчит.

И «Россия» права. Называя себя людьми «17-го октября», октябристы на деле являются людьми «3-го июня». Это, разумеется, вовсе не значит, что они довольны всем тем, что посылает им современный режим. Ничуть. И из уст октябриствующих дельцов вы можете иногда услышать прямой вопль: «побольше самодеятельности—поменьше стеснений!» (см. ту же «Торговлю и Промышленность», № 17). И октябристы могут переходить в оппозицию. Но «оппозиция»-то их — вершковая. Они действительно — «в тупике». Основы дележа между ними и «аграрными элементами» действительно должны зачастую казаться октябристам не совсем «справедливыми». Но представители «отечественной промышленности» связаны железными цепями с представителями «аграрных элементов». Эти цепи — общий враг, требующий коренного изменения и в области земельных отношений, и в области политики, — не дают пошевелиться «руководящей партии». Октябристам не дано сыграть сколько-нибудь заметной роли в деле действительного переустройства русской жизни. Последняя задача ложится на совершенно другие слои населения...

Интересно отметить, что больше всех по поводу театральной угрозы октябристов сложить мандаты всполошились кадеты. Кажется, никто, кроме них, и не принял всерьез этой угрозы.

Характерно, что с этим самым «лозунгом» добровольного ухода из Думы недавно выступил также один из наиболее октябристообразных кадет — «чуткий» (до всех реакционных веяний) и «отзывчивый» (на все, направленное против демократии) Маклаков (4). Кадетам еще так недавно приходилось с серьезным видом увещевать своего Гамлета — Маклакова, тоже предлагавшего «сложить мандаты». Волей-неволей им пришлось с такой же «серьезностью» убеждать октябристов не делать «ложного» шага, которого эти последние, как отлично все знали, конечно, никогда и не сделали бы.

Сознание собственного бессилия и политическая деморализация все больше овладевает «руководящим большинством» и «ответственной оппозицией».

И чем больше будет оттаивать лед реакции, сковавший Россию, чем больше будут ослабляться путы, связавшие ее по рукам и по ногам, — тем в более тяжелое положение будут попадать октябристско-кадетские политики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 2, от 23 декабря 1910 г.; подпись: «Г. Зиновьев».

Еженедельная газета «Звезда» появилась 16 декабря 1910 г. Она была органом того последовательного, «ленинского» направления среди российской социал-демократии, которое, утверждая желательность использования всех «легальных» возможностей для рабочего движения, в то же время твердо стояло за безусловную необходимость существовани я нелегальной партии для объединения деятельности легальных организаций, руководствуясь широкими целями революционного марксизма.

Таким образом, «Звезде» пришлось сразу же вступить в борьбу с недостаточно продуманными, но довольно популярными лозунгами «отзовизма», а на другом участке фронта — в корне пресекать разъедавшее рабочие массы ликвидаторство. Время для печати было крайне тяжелое, как это и отмечалось в первой же статье «Звезды», ибо «из прогрессивных органов уцелела только одна либеральная газета, являющаяся выразительницей самого беспринципного течения в русском либерализме — кадетства». В силу цензурных условий столыпинского режима, «Звезда» могла выявить свое лицо лишь осторожно, и поэтому главными «формальными» положениями редакции были: «марксизм, как основа жизнепонимания, и последовательный социальный и политический демократизм, как очередная программа».

Первым официальным редактором-издателем «Звезды» был К. С. Еремеев. Разгромы большевистской организации, как самой опасной для царской власти и буржуазии, несколько раз существенно меняли состав сотрудников «Звезды» и особенно ее аппарата. Имя К. С. Еремеева исчезло уже после № 9-го и «издателем» газеты стал именоваться старый рабочий, «восьмидесятник» — В. А. Шелгунов, сохранивший свою фамилию на газете до самого конца газеты. В последовательном порядке формальными редакторами «Звезды» были: В. В. Пономарев, П. Г. Гриталев, С. В. Ермаков и В. П. Барашков. Ближайшее же участие в ведении газеты принимали сперва В. Бонч-Бруевич (впоследствии управляющий делами Совнаркома), Н. Иорданский (недавний наш полномочный представитель в Италии) и член с.-д. фракции 3-й Гос. Думы И. Покровский. Но более всего хлопот со «Звездой» выпало на долю с.-д. депутата 3-й Гос. Думы — Н. Полетаева.

В «Звезде» работали т.т. Ленин, Зиновьев, Каменев, Гладнев, Батурин, Раскольников, Демьян Бедный, Невский, «Политикус» (Михайлов), Елизарова и др.

Первый период «Звезды» закончился — «по независящим от редакции обстоятельствам» — на № 24-м (28 мая 1911 г.). Следующий № — 25-й, от 11 июня — вызвал прекращение газеты, и наступил перерыв до 23 октября, когда «Звезда» вновь вышла и продержалась на этот раз (выходя уже дважды в неделю) до № 33 (22 апреля 1912 г.) и окончательно покончила свое бытие из-за напечатанной резолюции рабочих ремонтной мастерской землечерпательного каравана при петербургском торговом порту. Резолюция, вызванная ленскими событиями, резко и четко проявила свое рабоче-большевистское настроение в таких выражениях, которые тогда были неслыханны для «легальной» печати. «Мы, — говорилось в резолюции, — собравшись 19 апреля, в количестве 200 человек, единогласно постановили в знак протеста против зверского расстрела наших товарищей-рабочих, учиненного нашим же правительством сего 4 апреля на ленских золотых приисках: 1) объявить однодневную забастовку и 2) отчислить дневной заработок в пользу семей убитых и раненых рабочих на Лене. Братья-рабочие, мы призываем всех, кому дороги интересы труда и свободы, в ком живет еще человеческое достоинство, объединиться в одну тесную семью, встать с оружием в руках и твердо заявить, что мы — хозяева своей жизни, что мы имеем такое же право на жизнь, как и те господа современного строя. Прочь отойдите со сцены! У вас так было, так и будет, но у нас так не будет».

Призыв к вооруженному восстанию вызвал вмешательство щегловитовской «юстиции», и «Звезда» закрылась...

Редакция газеты помещалась сперва на Б. Московской ул., № 16, кв. № 9, а потом — на Разъезжей ул. (№ 10, кв. 4). Печаталась «Звезда» в типографии товарищества «Художественная печать» (Ивановская ул., № 14) — ныне типография имени тов. Зиновьева, выпускающая «Ленинградскую Правду».

[2]) «Голос Москвы» издавался с 1906 г. по 1913 г. Это был лейб-орган октябристов, и во главе его стоял А. И. Гучков, — лидер «партии», выдвинутой торгово-промышленными кругами, нуждавшимися в «куцой

конституции» с «людьми порядка», которые могли бы «понять нужды отечественного капитала».

[3]) «Сосчитаться» с Гос. Советом — пустозвонная угроза Гучкова, брошенная им с думской трибуны еще в конце 1909 г. Дело в том, что 3-я Дума, при всем своем раболепстве, все же не смогла заслужить признания со стороны Гос. Совета, хотя тот к данному времени был уже «реформирован», т.-е. несколько подслащен вливанием в его сановно-бюрократические ряды некоторых выборных членов от духовенства и земств с добавлением «представителей науки, торговли и промышленности». Отношение царской «палаты лордов» к столыпинскому «парламенту» тем не менее целиком покоилось на подозрительности и полнейшем пренебрежении. Так как, по «манифесту» 17 октября 1905 г., «никакой закон не мог восприять силы без одобрения Гос. Думы и Гос. Совета», то последний изображал собою фильтр для жалких попыток капиталистически-черносотенной Думы сыграть в «законодательство». Был случай (в речи морского министра Бострема), когда с трибуны Совета думцев обозвали «доморощенными законодателями». А один из крайне-правых «государственников» (Кобылинский) готов был «извинить» Думу лишь тем, что она «до крайности невежественна». Гучкова, происходившего из богатой семьи старообрядцев-кулаков, особенно разозлил провал в Гос. Совете думского законопроекта о старообрядческих общинах. В конфликтах Гучкова с Гос. Советом первого поддерживал и Столыпин, считавшийся среди «лордов» выскочкою.

[4]) Маклаков, В. А., — один из кадетских вожаков, юрист по образованию, брат едва ли не черносотеннейшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова. После февральской революции Маклаков был назначен послом в Париж, где и числился «представителем» почти до последних дней.

МОАБИТСКИЙ ПРОЦЕСС ([1]).

«Германии предстоят серьезные, очень серьезные времена»,— сказал Бебель ([2]) на Магдебургском партейтаге ([3]). Предсказание это сбылось гораздо раньше, чем можно было ожидать. Уже через несколько дней после Магдебургского съезда разыгрались те события в Моабите ([4]), которым еще и сейчас германской политической печатью отводится одно из первых мест.

Борьба классов в Германии достигла высокого напряжения. Двухмиллионным с.-д. профессиональным союзам рабочих противостоят богатые и сплоченные союзы предпринимателей. Союзу рабочих кооперативов, стоящих на точке зрения современного рабочего движения, противостоят кооперативы, примыкающие к консервативной и либеральной буржуазии. Политической партии германских рабочих, т.-е. германской социал-демократии, противостоит почти по всем вопросам политической злобы дня блок всех буржуазных партий, начиная с открытых реакционеров и кончая либералами.

Ожесточенная борьба вызывает потребность наилучшего вооружения той и другой стороны. В последнее время капиталисты создали, между прочим, специальные конторы для поставки штрейкбрехеров.

Столкновение между стачечниками, рабочими угольного склада Купфера, и штрейкбрехерами, руководимыми одним из видных агентов такой конторы — Гинце, и было непосредственным поводом к Моабитским событиям.

Берлинская полиция, конечно, стала на сторону штрейкбрехеров, и, как водится, она сделала это настолько цинично, настолько вызывающе, насколько это было в ее силах... В прежние годы такие случаи проходили «спокойно». Не то теперь. Как бы сильно ни расходились мнения различных политических направлений в оценке Моабита, — в одном сошлась вся германская печать. Это — в том, что Моабитские события знаменуют серьезнейшее изменение в настроении масс. То обстоятельство, что моабитское выступление масс было отнюдь не организованным, что германская социал-демократия в нем не принимала участия, — это еще больше подтверждает несомненность основного факта. Если в благочестивой столице благочестивейшей Германии в течение нескольких дней могли иметь место вооруженные столкновения с полицией,

могло быть приостановлено уличное движение, прервана торговля, могли произноситься речи с фонарных столбов; если здесь же несколько ранее сотни тысяч рабочих — на этот раз вполне организованные — могли выходить на улицу с громким требованием всеобщего избирательного права — значит, в Германии запахло чем-то новым.

Для ликвидации Моабита буржуазия создала огромный судебный процесс, продлившийся больше двух месяцев. Допрошено 675 свидетелей. И что же в результате? Даже сама обвинительная власть вынуждена была освободить огромное большинство обвиняемых и ограничиться 19-ю «зачинщиками».

Начали с того, что анонсировали процесс-монстр против германской социал-демократии — процесс, который имел целью доказать необходимость нового исключительного закона против социалистов, необходимость отказать с.-д. партии и профессиональным союзам в праве на легальное существование.

Имперский канцлер Бетман-Гольвег открыто с парламентской трибуны бросил германской социал-демократии обвинение в том, что это она подготовила «восстание» в Моабите. А им же назначенный генеральный прокурор Штейнбрехт после допроса семисот свидетелей вынужден был объявить в своей заключительной речи, что даже «моральная ответственность» германской с.-д. за моабитские волнения «недоказуема».

Все возможное и невозможное было сделано для того, чтобы обелить начальника берлинской полиции фон-Ягова и его покровителей и подчиненных. Но все как будто обратилось против германских правящих сфер. Обвинительная власть, не жалея сил, подбирает до 150 «свидетелей обвинения». Казалось бы, на этих-то уж можно положиться. Эти-то уж станут по мере сил «доказывать», что берлинские шутцманы кротки, как агнцы, и что во всем-де виновата германская социал-демократия. Но что же оказывается? Одна свидетельница обвинения (жена полицейского) нечаянно пробалтывается, что не демонстранты обдавали кипятком полицейских, а она сама, по приказанию мужа, обдавала кипятком демонстрантов, и даже не демонстрантов, а просто прохожих.

Другой «свидетель обвинения» (фабрикант) неожиданно для обвинителей рисует перед судом такую яркую картину полицейских бесчинств и издевательств, перед которой бледнеет все то, что могли рассказать свидетели защиты.

В результате перекрестного допроса большинство «свидетелей обвинения» превращается в свидетелей против обвинителей. И все это на глазах массы, все это живо комментируется поистине стоустой с.-д. печатью Германии...

Основная политическая цель судебного процесса по поводу Моабита — как правильно отмечает Ф. Меринг ([5]) — заключалась не в том, чтобы откинуть рабочих от социал-демократии (это с полным основанием считают безнадежным даже г.г. Гольвеги), а в том, чтобы отпугнуть либералов, еще теснее сплотить в одну реакционную массу всех благонамеренных буржуа. Но с горестью рулевые германской официальной политики должны констатировать теперь, что даже эта цель ими не достигнута.

Сначала вся либеральная печать без разбора лаяла на рабочих. Теперь, после процесса, отдельные либеральные органы вынуждены, по меньшей мере, вилять.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 4, от 6 января 1911 г.; подпись— «Г. Зиновьев».

[2]) Бебель, Август (1840 — 1913 г.г.) — крупнейший работник и вождь германской социал-демократии, председатель ее президиума, с 1867 г. — депутат рейхстага. Умер перед европейской войною.

[3]) Магдебургский партейтаг — съезд германской с.-д. партии в 1911 г. (см. «Собр. соч.» Г. Зиновьева, т. II, стр. 122, 195).

[4]) Моабит — район в Берлине, населенный преимущественно фабрично-заводским элементом.

[5]) Меринг, Фр. (1846 — 1919 г.г.) — германский социал-демократ, историк рабочего движения в Германии, биограф К. Маркса Меринг родился в буржуазной среде и долго был противником всякого социализма вообще. Но изучение трудов Маркса и Энгельса превратило мещанского «демократа» в ревностного бойца за рабочий класс. Выступая против ревизионизма, Меринг навлек на себя клеветнические выходки со стороны социал-соглашательства, смутившие было даже Бебеля, и лишь защита Розой Люксембург и Кларой Цеткин вернула Мерингу его место в рядах германских с.-д. С начала империалистической войны 1914 г. Меринг еще более сближается с коммунистическим течением и входит в группу «Спартак», за что попал семидесятилетним старцем в тюрьму. Меринг горячо приветствовал Октябрьскую революцию в России; на его смерть повлияла самым губительным образом весть о гнусном убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ МЕЛОДИИ ([1]).

«Наступает, как в притче писания, одиннадцатый час», наступает «год предвыборной лихорадки», — так писал недавно Громобой ([2]) в «Голосе Москвы». «Пора подтянуться», — говорят себе октябристы. «Нужно соблюсти себя», — усиленно напоминают друг другу кадетские вожди...

«Третья Дума раскрепостила материально русское крестьянство»; «третья Дума просветила Россию»; «третья Дума вложила меч в руки безоружной России». А выполнить все эти великие задачи помогли третьей Думе, конечно, главным образом, — октябристы. Вы не верите. Спросите А. Столыпина ([3]) из «Нового Времени» и Громобоя из «Голоса Москвы». У последнего вы можете получить последние данные относительно новейшего «полевения» октябристов. Есть, оказывается, такие вопросы, «где непостыдно быть левее кадетов». «Арестуйте нас... мы теперь попытаемся вновь сами взять то, чего нам не дают», — вот как ныне пишут в «Голосе Москвы». Не постыдно быть левее кадетов, — даже подумать страшно! Приближение «одиннадцатого часа» делает-таки свое дело.

А кадеты? О, они «в Лондон теперь ни за что не поедут ([4]). Всему свое время». Близок «год предвыборной лихорадки», и теперь не о лондонских поездках думать надо, а о том, как бы «полеветь», как бы «соблюсти себя». Правда, «полеветь» необходимо так, чтобы не оттолкнуть от себя и левого октябриста, и вообще «прогрессивного» цензовика. Но надо вместе с теми приказчика приобрести, — того самого приказчика, интересы которого кадеты так много раз и так цинично предавали. Кадет, говоря словами «Речи», «становится тем естественным средоточием, около которого группируются и элементы правее и элементы левее». Что кадет становится «средоточием» — это еще ничем не доказано, но что «Речь» хотела бы, чтобы он становился таким «средоточием», — верно. И «Речь» желает этого, конечно, только из одного человеколюбия, только в интересах самих грешных избирателей. Помилуйте! Ведь «имя кадета стало синонимом всего (!), что есть в России политически порядочного», ведь только к.-д. партия «выставила наиболее полную и отчетливую программу преобразования». — Как же вы этого не знали, читатель? Ведь сам

И. Гессен (5) давно это подтвердил, при чем он не забыл прибавить: «Говоря это, мы вовсе не впадаем в излишнюю самоуверенность».

Предвыборные мелодии потому зазвучали в нашей политической печати сравнительно так рано, что общему сражению будет через короткое время предшествовать маленькая форпостная стычка. Через $1^1/_2$ месяца предстоят в Москве частичные выборы одного депутата по второй курии. Головин (6), которого еще так недавно тоже воспевали, как славу и гордость кадетской партии, неожиданно почувствовал призвание к железнодорожному «строительству» и, во имя этого. отказался от звания депутата 3-й Думы...

Несомненно, что предстоящие частичные выборы в Москве получат крупное политическое значение. Те немногие частичные выборы, которые имели место за время существования 3-й Думы, дали довольно интересный материал — особенно перевыборы в городах с прямой подачей голосов, т.-е. в Петербурге, в Москве (вместо Плевако (7)—Щепкина (8) и в Одессе. Кадетам эти частичные перевыборы принесли большие «победы». К этим «победам» стоит присмотреться попристальнее.

Большую борьбу пришлось выдержать кадетам с «левыми» осенью 1909 г., при перевыборах по второй курии г. Петербурга вместо депутата Колюбакина (9). Победили кадеты.

Но присмотритесь к цифрам. Избирательные победы кадетов по второй курии города Петербурга тем более «блестящи», чем меньшее количество избирателей принимает в них участие. Абсолютное число голосов, поданных за кадетов по второй курии г. Петербурга, падает с невероятной быстротой. Так, за кадетов было подано:

При выборах в 1-ю Думу	(1906 г.)	. . 40.611	голосов
» » » 2-ю »	(1907 г.)	. . 28.798	»
» » » 3-ю »	(1907 г.)	. . 19.500	»
» » Кутлера (10)	(1909 г.)	. . 12.267	»

Число голосов, поданных за кадетов, уменьшилось почти в 4 раза. А вместе с тем «победа» все оставалась на стороне кадетов.

При выборах во 2-ю Думу, в которых приняло участие наибольшее число избирателей в течение всех бывших в Петербурге выборов (в них участвовало 67.384 избирателя), кадеты получили только 42,5% всех поданных голосов, а «левые» сразу отвоевали 24,8% избирателей. На выборах в 3-ю Думу число

избирателей сразу упало почти на целую треть (с 67.384 до 44.327). А в то же время «победа» кадетов стала еще более «блестящей»: относительное число поданных за них голосов повысилось с 42,5% до 52%. На частичных выборах 1909 г. общее число избирателей понизилось даже по сравнению с выборами в 3-ю Думу почти вдвое. В этих частичных выборах участвовало всего около 25 тысяч цензовиков. А Кутлер, как известно, опять победил «блестяще», получив целых 51,39% всех поданных голосов.

В чем же дело? Уж не являются ли эти победы кадетов попросту победой избирательного закона 3-го июня? Мы полагаем, что дело обстоит именно так. Чем более разрежается состав избирателей, тем блистательнее шансы кадетов. В таком городе, как Петербург, десяток тысяч цензовиков кадетского «устремления» всегда найдется. Либеральный домовладелец, свободомыслящий чиновник, «передовой» адвокат, старший приказчик с окладом в несколько тысяч рублей, либеральный журналист, «солидный» профессор — это естественная свита к.-д. партии. А небольшую часть подлинной демократии всегда удается привлечь звонкими фразами о «народной свободе»: среди демократических элементов населения есть ведь целые слои политически неискушенных отсталых избирателей...

Октябристы и «союз русского народа» на выборах по второй курии города Петербурга теряют неизменно (и абсолютно, и относительно), что видно из следующей таблички:

	Октябристы.		«Союз русского народа».	
2-я Дума.	16.613	24,7 %	5.270	8,0 %
3-я »	8.750	19,6 %	1.335	6,5 %
4-я » (частичн. выборы)	3.951	16,29%	1.241	5,11%

«Левый» список собрал на выборах во 2-ю Думу 24,8% всех поданных голосов. На выборах в 3-ю Думу оба «левых» списка вместе собрали 9,39% + 8,99% = 18,38%. Утечка в 6% вполне понятна в виду издания нового избирательного закона, неблагоприятного для «левых». Так, например, после издания Бисмарком исключительного закона германские с.-д. при первых частичных перевыборах в Берлине потеряли относительно до 20%, а абсолютно — до 70% голосов...

Но уже при частичных выборах в 1909 г. Н. Д. Соколов (11) собрал 19,26% всех голосов, т.-е. на 1% больше, чем в 1907 г. В виду всей обстановки выборов 1909 года это был уже большой успех.

В первой курии городов с прямыми выборами избирательный закон 3-го июня, конечно, менее благоприятен для кадетов, чем во второй курии этих же городов, хотя здесь кадеты встречают конкуренцию почти только со стороны «правых». Вот данные относительно выборов по 1-й курии в Москве и Одессе:

Кадеты получили:	в 1907 г.	в 1909 г. (при частичн. выб.).
В Москве	42% всех гол.	52% всех гол.
В Одессе	52% » »	58% » »
Октябристы получили:		
В Москве	55% » »	38½% » »
В Одессе	16,8% » »	
«Союз русского народа» получил:		
В Москве	3% » »	9% » »
В Одессе	30% » »	37½% » »

Кадеты, как показывают цифры, находят себе отклик и в сердцах крупнейших цензовиков, даже у таких, как московские перво-гильдейские купцы. Конечно, приведенные данные показывают и некоторый рост «оппозиционности» и недовольства неумелыми реакционерами среди самой имущей части избирателей. Но эти данные показывают и кое-что другое: приспособление кадетов к крупному цензовику, который верит, конечно, не словам, а делам, и который считает, что ему теперь на кадета «положиться можно».

На предстоящих выборах в Москве по 2-й курии у кадетов, конечно, не меньше шансов, чем при московских частичных выборах по 1-й курии. Московская городская управа — сознательно или нет — со своей стороны делает все возможное, чтобы подготовить эту «победу» цензового либерализма. Из опубликованных данных видно, что из списков будет вновь исключено около 35% избирателей. Из 39.755 избирателей останется лишь около 27.000. Главным образом пострадают приказчики, которых было в списках 12.324 человека (рабочих было всего около 400). Может ли кто-нибудь из добросовестных людей сомневаться в том, что при таких

условиях победа кадетов означала бы только победу существующего избирательного закона.

Этот характер «победы» кадетов необходимо разъяснить самым широким кругам населения. В этом — одна из важнейших задач передовой демократии на предстоящих выборах. Борьба на два фронта (т.-е. и против мнимого демократизма кадетов) становится совершенно обязательной. И поэтому от людей, не причисляющих себя к кадетам, тем более странно слышать сожаления о том, будто вся работа передовой демократии на петербургских выборах 1909 года «целиком» свелась «к простому обличению кадетского анти-демократизма». Тем более странно слышать опасения, как бы Москва «с ее отсталым (!) рабочим населением» не чересчур увлеклась борьбой с кадетами...

Борьба на два фронта — этот мотив должен неизменно и настоятельно звучать в предвыборных мелодиях передовой демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 9, от 12 февраля 1911 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) **Громобой** — публицистический псевдоним известного присяжного поверенного А. В. Бобрищева-Пушкина (сына).

[3]) **Столыпин, А. А.**, — нововременский сотрудник, достаточно бесталанный, но пользовавшийся известным весом в буржуазной печати благодаря П. А. Столыпину, после смерти которого нередко именовался в либеральной печати «вдовствующим братом». Ныне злобствует в одном из зарубежных листков.

[4]) **Лондонская поездка** — состоялась в июле 1909 г. В ней принимало участие 16 членов 3-й Гос. Думы и Гос. Совета. В первую категорию входили: Н. С. Хомяков, октябрист; А. И. Гучков, октябрист; А. С. Звегинцев, октябрист; Г. Г. Лерхе, октябрист; С. И. Шидловский — октябрист; барон А. А. Крюденер-Струве, октябрист; граф В. А. Бобринский, националист; С. Н. Максудов, мусульманской группы; Ю. Н. Глебов, октябрист; И. С. Монтвилл, польско-белорусской группы; И. Н. Ефремов, прогрессист, и кадеты: П. Н. Милюков, В. А. Маклаков и М. В. Челноков. Из Гос. Совета были: М. А. Стахович, орловский предводитель дворянства, «беспартийный», но друг кадетов, и граф А. Д. Олсуфьев, «умеренно-правый».

В организации поездки кадеты принимали самое пылкое участие, много крича в «Речи» о необходимости «улучшить англо-русские отношения, содействуя более близкому взаимному пониманию британского и русского народов». При этом и тот, и другой «народ» представлен был очень своеобразно: «русские» — баре, помещики, графы, камергеры и профессора — поспешили заявиться к королю и оставить у него свои визитные

карточки. Так шла подготовка к военному союзу двух правительств, и кадеты вполне восприняли свою роль «оппозиции его величества».

[5]) Гессен, И. В., — кадетский публицист, один из «хозяев» «Речи», член 2-й Гос. Думы.

[6]) Головин, Ф. А., — богатый помещик Московской губернии, попавший во 2-ю Гос. Думу и избранный голосами своих кадетских единомышленников председателем Думы. В декабре 1905 г. в Москве вместе с Гучковым входил в Совет при адмирале Дубасове, подавлявшем вооруженное восстание.

[7]) Плевако, Ф. Н., — видный московский адвокат, любимчик местного купечества, правый октябрист с сильным славянофильским уклоном, был во 2-й Гос. Думе.

[8]) Щепкин, Н. Н., — дворянин-кадет, посланный московскими милюковцами в 3-ю Думу.

[9]) Колюбакин, А. М., — кадетский депутат от петербургской либеральной буржуазии. Выборы его были кассированы, и, постановлением 3-й Думы от 27 апреля 1909 г., Колюбакин был исключен из думского состава. В начале империалистической войны, под влиянием «патриотической» шумихи, отправился на театр военных действий добровольцем, был там убит, чем и дал повод кадетам произвести в Гос. Думе бурноверноподданническую манифестацию на тему о кадетском «национализме».

[10]) Кутлер, Н. Н., — крупный чиновник министерства финансов, ставленник Витте, знаток бюджетно-сметных дел, затем подал в отставку и, в кадетских рядах, прошел в Гос. Думу. Был тов. министра при Святополк-Мирском во время «весны» — 1905 г. и в октябре 1905 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием. Вышел в 1906 г. в отставку вследствие непринятия проекта его об отчуждении частновладельческих земель. Работал затем в рядах кадетов. После Октябрьской революции весьма добросовестно работал в наркомфине; недавно умер.

[11]) Соколов, Н. Д., — петербургский присяжный поверенный, соц.-дем., близко стоявший к революционному движению; особенно выдвинулся в период после февральской революции, вызвав против себя ожесточенную ненависть военщины своим касательством к «Приказу № 1», направленному в защиту гражданских прав солдата.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ МЕДИЦИНА [1].

Недавно вышедшие в свет два тома «Трудов первого всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности» представляют немалый интерес.

Первый съезд состоялся в Москве в апреле 1909 года. Нетрудно было предвидеть, что съезд, на котором предназначены были к обсуждению такие жгучие и больные вопросы рабочего быта, причинит не мало «хлопот» охранителям... И тем не менее съезд был допущен. Почему? — Уж, конечно, не из филантропических чувств по отношению к рабочим, которые так живо чувствуют всю прелесть современного состояния фабрично-заводской медицины и санитарии. Дело объясняется гораздо проще. Существует такая мера неурядицы в постановке фабрично-заводской медицины и санитарии, такой уровень отсталости в этой области, при которых начинают существенно страдать интересы самих промышленников. И в современной России дело безусловно дошло уже до такого «градуса», особенно в некоторых наиболее опасных отраслях промышленности. Физическое вырождение рабочих выгодно капиталистам только в известных пределах. Известный контингент здоровых рабочих рук есть conditio sine qua non, есть условие, без которого невозможно сколько-нибудь нормальное функционирование производства. А что для сколько-нибудь серьезной попытки улучшить постановку фабрично-заводской медицины необходимо «дать» некоторую «самодеятельность» фабрично-заводским врачам—это более дальновидные из промышленников не могли не понимать. Ведь и у фабрикантов и заводчиков есть свои Дитмары, которые, преследуя свои классовые цели, ведя свою ультра-реакционную политику, умеют делать это менее первобытными путями, умеют быть больше «европейцами». Господа Дитмары понимают, что не только врачам надо предоставить некоторую инициативу в деле заботы о достаточном контингенте здоровых рабочих для фабрикантов и заводчиков. Они понимают, что иногда им выгодно выслушать на этот счет даже самих рабочих (принужденных, конечно, говорить достаточно придавленным голосом), или, по крайней мере, сделать вид, что их выслушивают.

Деятели предпринимательских союзов, все эти члены советов съездов и проч., обыкновенно не очень щедры на описание действительного положения рабочих. Имеющиеся у предпринимателей

и услужающих им органов данные обыкновенно хранятся в строжайшей тайне. Но вот даже такой «осторожный» человек, как г. фон-Дитмар ([2]), счел нужным приподнять кусочек завесы. И посмотрите, что за ужасающая картина открылась за этой завесой!

Вот некоторые данные относительно несчастных случаев в южной горной и горнозаводской промышленности, приведенные самим Дитмаром:

В 1904 г. было несчастных случаев	51.206
» 1905 » » » »	57.246
» 1906 » » » »	61.911
» 1907 » » » »	65.799
» 1908 » » » »	60.481

В течение этих лет число занятых в этой отрасли промышленности рабочих колебалось. И по вычислениям того же Дитмара:

На 1000 человек рабочих приходилось несчастных случаев:

В 1904 г.	347,27
» 1905 »	391,11
» 1906 »	382,69
» 1907 »	354,40
» 1908 »	316,24

Разумеется, фон-Дитмар объясняет эти ужасающие цифры несчастных случаев, главным образом, «неосторожностью или небрежностью» самих рабочих (т. II, стр. 516). Но из тех же крайне оптимистических для промышленников цифр, которые приведены Дитмаром, вытекает еще и то, что в среднем южные горнопромышленники тратят в виде вознаграждения за несчастные случаи на каждого рабочего лишь три слишним рубля в год. На медицинскую помощь — при таком ужасающем количестве несчастных случаев! — тратятся гроши; на школы — каких-нибудь 2 рубля в год на человека. Заработная плата, даже по весьма преувеличенным вычислениям Дитмара, еле достигает 30 руб. в месяц в среднем.

Мы нарочно ограничились для иллюстрации лишь данными, которые приведены таким «благонадежным» деятелем, как фон-Дитмар. На съезде были приведены, например, П. А. Алявдиным, потрясающие сведения о заболеваемости рабочих и организации медицинской помощи на фабриках и заводах гор. Иваново-Возне-

сенска (стр. 36 — 44, II том). Не говорим уже о тех материалах, которые собраны были специальными анкетами рабочих профессиональных союзов (печатников, ткачей, деревообделочников, металлистов) и которые констатируют во многих случаях невероятно низкую заработную плату, невероятные гигиенические условия труда... Предприниматели и оплачиваемые ими фабрично-заводские врачи присутствовали тут же на съезде. Они не опровергали приведенных рабочими данных, хотя недостатка в желании опровергнуть их, конечно, не было.

Когда г.г. фон-Дитмары и услужающие им «общественные деятели», «ученые» и врачи приглашали (вернее — «допускали») на съезд представителей от рабочих профессиональных союзов, они, кроме так называемых «деловых» соображений, руководствовались еще иными. «Умысел другой тут был»... План заключался в том, чтобы уловить рабочих на удочку буржуазного «социал-реформаторства», чтобы создать возможность мирного «сотрудничества» представителей всех классов населения, чтобы создать бутафорскую внешность какого-то «праздника примирения» между принципиальными антагонистами — имущими классами и продавцами своей рабочей силы.

— Противоречия между трудом и капиталом исчезли, — говорил на съезде д-р Погожев. И лишь после того как представители рабочих осадили не в меру ретивого «социал-реформатора», он поправился, сказав:

— Я не говорил, что противоречия между трудом и капиталом исчезли, я высказался лишь, что они с течением времени постепенно сглаживаются.

— ... Необходимо «установить компромисс между трудом и капиталом», — говорил другой «социал-реформатор» (3) на съезде. «Экономическая политика культурного государства должна итти навстречу всем возможностям, предупредить такие столкновения (между трудом и капиталом) и способствовать миролюбивому исходу обострения». А для всего этого необходима, дескать, организация примирительных камер, в основе которых лежит «стремление к миру, к порядку»... Надо поддержать профессиональные союзы не только потому, что «если русская революция не превратилась с самого же начала в кровавую месть со стороны рабочей массы, терпение которой истощилось, то этим Россия обязана, главным образом, зарождению у нас таких организаций, как профессиональные рабочие союзы»...

Фон-Дитмар старался подкупить рабочих делегатов россказнями о том, будто совет южных горнозаводских промышленников решил добиваться, «чтобы в составе учреждений по страхованию рабочих от несчастных случаев было ослаблено представительство бюрократического элемента с большим допущением представителей общественного (читай: крупно-предпринимательского) элемента, хотя тот же Дитмар тут же не мог не заявить, что он признает «совершенно неприемлемым» законопроект о врачебной помощи.

Известный московский кадет Щепкин, разливаясь соловьем, говорил «социал-реформаторские» фразы о том, что-де «общепризнанные принципы общественной справедливости вынуждают государство требовать обязательности лечения рабочих». Но как только дело дошло до практического шага, до голосования за резолюцию рабочих, предложивших передать «все врачебное дело для всех отраслей наемного труда в руки самоуправляющихся рабочих больничных касс»,—наш «левый» кадет немедленно забыл об «общественной справедливости», не своим голосом закричав о том, что рабочие больничные кассы, это — «таинственные незнакомцы».

Один из лидеров «социал-реформаторского» крыла съезда, секретарь московского общества фабричных врачей, И. Д. Астрахан, в начале съезда усиленно «либеральничал», уверяя рабочих, что он «не сидит между двумя стульями» и продает фабриканту «свое время, свои силы, но не совесть». Но сам под диктовку фабрикантов вносил проекты создания комиссий по увечным делам, в которых (комиссиях) предпринимательский элемент должен был быть представлен в пять раз сильнее рабочего.

Чем дальше, тем все больше разгоралась борьба между рабочими делегатами и «социал-реформаторами». Рабочие делегаты не обнаруживали ни малейшего желания попадаться в «социал-реформаторские» сети и даже прямо заявили в своей декларации, что они намерены «раскрыть действительные пожелания рабочего класса, выяснить классовые интересы рабочего класса, противопоставить половинчатой политике социал-реформаторства последовательную политику... и тем вскрыть непримиримость» и т. д.

Каковы же были окончательные результаты? Удался ли г.г. Щепкиным, Погожевым, Дитмарам и К°. «праздник примирения» или, наоборот, — он был сорван? Кто кого «использовал»? Судить об этом легко по тем отзывам, которые дала сейчас же после съезда периодическая печать соответствующих политических направлений.

«Голос Москвы» от имени октябристов обиделся на рабочих, что они, вместо «делового» обсуждения «реформ», заговорили о какой-то «классовой борьбе и классовой розни».

«Речь» завопила о «хаосе», внесенном рабочими, о «хаотическом», «сказочно-грубо-бестолковом характере, который, благодаря «узости» и «фанатичности» рабочих, принимал съезд.

Существовавшая тогда полукадетская газета «Слово» ([4]) заявила о том, что принятая съездом (незначительным большинством) резолюция рабочих о больничных кассах осуществима «лет через двести». Та же газета не переставала журить рабочую делегацию за то, что та подставила «мечты отдаленного будущего» вместо «делового обсуждения жгучих вопросов со стороны сошедшихся на нейтральной (!?) почве представителей разных общественных групп».

И в довершение картины издававшаяся тогда «левая» «Наша Газета», устами Прокоповича ([5]), тоже выразила меланхолическое сожаление о том, что не удалось «устранить накопившиеся недоразумения» «на нейтральной (!?) почве» съезда, на котором «ведь не зажигательные речи говорились, не агитация велась».

Один из либералов съезда, И. Д. Астрахан, в своем докладе московскому обществу врачей жаловался на то, что рабочая группа «терроризировала» съезд своей сплоченностью. И тот же Астрахан поклялся добиться пересмотра важнейших из принятых решений например, о страховании рабочих) на предстоящем втором съезде. Одним словом, большого удовлетворения съездом «социал-реформаторы» не высказали... И это был лучший ответ на поставленный выше вопрос...

На первом съезде присутствовало 52 делегата от профессиональных союзов Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринослава, Баку, Тулы, Серпухова, Коломны, Твери и Иваново-Вознесенска. Так как в порядке дня предстоящего (в апреле в Москве) второго съезда будет стоять ряд очень важных вопросов (рабочий день, женский и детский труд, кооперативное строительство, инспекция, страхование, профессиональные болезни, врачебная экспертиза и проч.), то можно предположить, что профессиональные союзы примут деятельное участие в работах съезда, несмотря на все неблагоприятные внешние обстоятельства.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 13, от 12 марта 1911 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Дитмар фон, Н. Ф., — член группы «центра» в Гос. Совете, был избран «от промышленности». Крупная фигура в области горнопромышленного капитала, Дитмар, по образованию — горный инженер, по профессии — предприниматель, близкий к бирже, в общественной жизни и в Гос. Совете всегда особенно принимал к сердцу интересы эксплоататорства, наоборот, всячески проваливая все мероприятия, хотя сколько-нибудь имевшие в виду отчаянное положение рабочего класса.

[3]) Другой социал-реформатор — Н. И. Бронштейн.

[4]) «Слово» — орган, издававшийся в Петербурге с 1903 г. по 1908 г. Газета примыкала к правому кадетству.

[5]) Прокопович, С. Н., — представитель «экономизма», стремившегося придать рабочему движению характер исключительно экономической борьбы, в то время как «политика» предоставлялась либеральной буржуазии. Прокопович действовал заодно с Кусковой и теперь вместе с нею же нашел приличествующее кадетам и меньшевикам место в рядах контр-революционной эмиграции. Прокопович вел в «дни свободы» 1905 г. соглашательскую газету «Товарищ», при Временном Правительстве значился кратковременным «министром».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ([1]).

В № 15 «Звезды» напечатано возражение г. Астрахана (по ошибке напечатано: Астраханцев) на мой фельетон в № 13 «Звезды», посвященный 1-му съезду фабрично-заводских врачей. Позвольте в нескольких словах остановиться на этом «опровержении» г. Астрахана.

В своем фельетоне я констатировал, что г. Астрахан был одним из самых видных деятелей той группы врачей на 1-м съезде, которая в общем и целом вела вполне определенную антирабочую линию и защищала решения, соответствующие интересам фабрикантов и заводчиков. Г. Астрахан пытается это теперь опровергнуть. Но тут прежде всего позволительно спросить: почему так поздно? Ведь то же самое обвинение было предъявлено г. Астрахану сейчас же после 1-го съезда буквально всеми рабочими профессиональными органами (петербургскими и московскими) в их статьях по поводу работ съезда. Почему же тогда упорно молчал г. Астрахан? Почему, когда один из членов президиума рабочей делегации на 1-м съезде написал:

«...Тот самый г. Астрахан, который перед открытием съезда приветствовал рабочих делегатов... на другой день после финала горько сетовал на то, что рабочие делегаты заняли на съезде первенствующую позицию, «терроризировали» всех остальных участников съезда», — г. Астрахан молчал и в продолжение двух лет никакого «опровержения» ни одного из подобных отзывов не напечатал. И почему, когда я в своем фельетоне повторил то же обвинение, г. Астрахан поспешил заявить: «очевидно (?) я не мог (!) говорить то, что мне приписывает автор».

Конечно, лучше поздно, чем никогда. И если теперь г. Астрахан раскаялся и считает полезным смягчить свои резкие выступления против рабочих, этому можно было бы только радоваться. И тогда так прямо и надо говорить. А то полюбуйтесь, как «опровергает» г. Астрахан предъявленные ему обвинения. Я указывал, что г. Астрахан предлагал учредить такие комиссии по увечным делам, в которых (комиссиях) «предпринимательский элемент должен был быть представлен в пять раз сильнее рабочего». Г. Астрахан чрезвычайно обижен этим обвинением. Но, «опровергая» его, он незаметно для себя целиком подтверждает его. Сам г. Астрахан в своем «опровержении» пишет, что он предлагал

такой состав упомянутых комиссий: врач, лечивший больного, врач-специалист, техник, представитель от рабочих, фабричный инспектор, представитель от страхового общества или от предпринимателей». Но разве это не то же, что другими словами сказал я? Разве при таком составе предпринимательский элемент не в 5 раз сильнее рабочего? Или г. Астрахан фабричного инспектора причисляет к рабочим элементам? Или зависящие от предпринимателя врачи и техники — тоже рабочий элемент? Ну, и «опровергли» же вы, г. Астрахан, возведенные против вас обвинения!..

Я далее указывал, что некоторые из важнейших постановлений 1-го съезда, проведенных рабочей делегацией, настолько не понравились г. Астрахану, что он «поклялся добиться перемены их». Г. Астрахан «опровергает» это тем, что он-де вовсе не клялся, а только «говорил», что, например, важнейшая для рабочих резолюция о врачебной помощи рабочим «должна быть пересмотрена», «так как она», видите ли, баллотировалась «без предварительного обсуждения». Неправда ли, от обвинений против г. Астрахана не осталось камня на камне? Вот так «опровержение»! Да не задались ли вы целью, г. Астрахан, под видом «опровержения», написать подтверждение всего того, что против вас говорилось в рабочей печати?

Для чего понадобилось все это г. Астрахану, два года не отвечавшему на все обвинения рабочей печати? Не представляется ли основательным следующее предположение: близок 2-й съезд фабрично-заводских врачей, и кое-кому из наших доморощенных «социал-демократов» хочется попробовать вернуть себе доверие рабочих.

Впрочем, если г. Астрахан искренно раскаялся, он будет иметь на 2-м съезде подходящий случай показать, что он ныне не за предпринимателей и не сидит между двух стульев, а отдает свои симпатии рабочим... — Поживем, увидим.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Напечатано в «Звезде», № 16, от 2 апреля 1911 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

ПЛОДЫ «ЧИСТО-РАБОЧЕЙ» ПОЛИТИКИ В БЕЛЬГИИ ([1]).

(Заграничные письма.)

Если «чисто-рабочая» политика английского типа до сих пор не привлекала к себе в России сколько-нибудь широких симпатий со стороны писателей, претендующих на звание марксистов, то того же далеко нельзя сказать о «чисто-рабочей» политике бельгийского образца. К последней питали и питают не малое пристрастие многие и многие из русских тоже-марксистов. Тем большее значение имеет работа двух бельгийских ортодоксальных марксистов — де-Брукера и де-Мана — «Рабочее движение в Бельгии». Работа эта вышла пока только на немецком языке и предназначена для осведомления представителей международного марксизма. Впервые бельгийские марксисты нарисовали бесстрашно-правдивую картину положения рабочего дела в Бельгии.

Тем, кто скажет, что эта картина страдает односторонностью, мы напомним, что авторы ставят целью раскрыть недостатки родного движения; достоинства же его они считают известными и бесспорными.

Бельгийская рабочая партия состоит не из политических организаций. Она, по определению де-Мана, представляет собою «свободное соединение рабочих организаций самых различных видов: кооперативов, касс взаимопомощи, профессиональных союзов, обществ избирателей, образовательных обществ, певческих, гимнастических, артистических и иных ферейнов, женских групп молодежи и т. п.». И не в том, конечно, беда, что бельгийские социалисты посвящают много внимания разнообразнейшим формам рабочей организации. Наоборот, в разнообразии форм, в обслуживании социалистами всех потребностей рабочего мог бы быть залог прочности бельгийского социалистического движения, но лишь в том случае, если бы у бельгийцев существовала прежде всего особая самостоятельная политическая партия, распространяющая свое марксистское влияние на все перечисленные организации, если бы в Бельгии самостоятельная политическая партия не подменивалась бесформенным смешением разнообразных организаций.

Между тем, «действительную основу нашей организации представляют кооперативы. Они оказывают помощь организации,

они являются ее опорой, они опекают все наши группы», — пишет де-Брукер.

По последним данным (1909 г.) бельгийская рабочая партия насчитывает всего 185.319 членов, платящих по 10 сантимов ($3^1/_2$ коп.) в год в центральную партийную кассу. Не менее половины этого числа членов доставляют кооперативы. И вот эти-то прославленные бельгийские кооперативы, образующие хребет бельгийской рабочей партии, по словам авторов, пропитаны насквозь мелко-буржуазными тенденциями.

Вот несколько ярких фактов. Ряд крупнейших кооперативов открыто превратился в простые акционерные общества (оставаясь тем не менее партийными). Таков, например, один из известнейших гентских (²) кооперативов (руководимых известным кооператором Анзеелей), который недавно, превратившись в акционерное общество, взял в кредит у одного банкира миллион франков и допустил этого банкира стать одним из управляющих кооператива. Известный гентский кооператив «Вперед» ввел для служащих ультра-эксплоататорскую систему «американской» заработной платы. Пропагандистский орган брюссельского кооперативного народного дома украшен, например, следующим «социалистическим» изречением: «Кооперативы уничтожают границы, отделяющие имущие классы от неимущих». Дух лавочничества и узкого своекорыстия отравляет, по словам бельгийских марксистов, кооперативное движение Бельгии. Отрицательные свойства кооперативов, конечно, отражаются и на бельгийской рабочей партии, составной частью которой эти кооперативы являются. Такая связь кооперативов с основной формой организации, разумеется, превосходная вещь. Но когда вместо тесной связи мы видим подмену главной формы организации кооперативами, тогда отсюда проистекает только вред.

А бельгийское профессиональное движение? Все или почти все слабые стороны бельгийских кооперативов свойственны и ему. Оно, прежде всего, страшно слабо количественно (меньше 10% всех рабочих Бельгии организованы в профессиональные члены). Членов всех союзов, стоящих на точке зрения классовой борьбы, насчитывалось: в 1906 году — 128.116, в 1908 г. — 106.521. В 1910 году число членов опять несколько поднялось.

Некоторые профессиональные союзы строятся просто на началах взаимопомощи, другие являются лишь кружками свободомыслящих рабочих и т. д. «Я знавал даже, — рассказывает

де-Ман, — такие профессиональные союзы, которые на деле являются только кружками молодежи». Только некоторые из более крупных профессиональных союзов, которыми, кстати сказать, руководят марксисты, представляют собою блестящие исключения. В них жив дух борьбы, они действительно заслуживают название классовых организаций.

Не лучше обстоит дело и с чисто политической работой бельгийской рабочей партии. Пресса развита слабо. Пропаганда путем собраний поставлена крайне плохо. Число голосов, подаваемых за партию на выборах в парламент, падает. В 1898 году оно равнялось 533.600. Теперь, по самым оптимистическим подсчетам, оно равняется 490.000 (точный подсчет сделать нельзя в виду того, что бельгийские социалисты почти всюду идут на выборы в союзе с либералами, в общем списке). Число социалистических депутатов равнялось в 1900 году 32 (на 152 депутата), в 1910 году — 35 (на 166), т.-е. процент нисколько не возрос (21,1%). В органах местного самоуправления число социалистических депутатов за последнее десятилетие значительно уменьшилось. Сколько-нибудь крупных законов по охране наемного труда до сих пор отвоевать не удалось.

В результате Бельгия является самой отсталой страной из всех культурных промышленных государств, исключая, конечно, России, по размерам заработной платы и величине рабочего дня.

Клерикализм ([8]) пользуется в Бельгии огромной силой. В связи с этим народная темнота поразительно велика для такой промышленно-развитой страны, как Бельгия. В 1900 году в Бельгии было 19% жителей (свыше восьмилетнего возраста), не умевших ни читать, ни писать. На 10.000 рекрут в Бельгии 1.010 неграмотных, тогда как в Германии их только 5, а во Франции 470. Еще в 1900 году Бельгия насчитывала 37.905 монахов. А с тех пор сила клерикализма еще более возросла. В руках клерикалов чуть ли не все школьное дело, они, посредством разных организаций (ссудо-сберегательных, кооперативных и иных), держат в руках огромную массу деревенского населения.

После всеобщей стачки 1902 года бельгийская рабочая партия попала в трясину реформизма. Правда, ревизионистская теория здесь успеха не имеет. Бельгийские реформисты придерживаются только одной «теории»: никакой теории настоящим «практикам» рабочего движения не нужно! Но зато реформистская практика проникла здесь во все поры движения. «Бернштейн 10 лет про-

поведует ревизионизм, — говорит де-Брукер. —Мы видели горькие плоды этой ревизионистской практики».

Социалистические депутаты в парламенте действуют в постоянном блоке с либералами, которые в Бельгии трусливы и блудливы, как и везде. «Блок», по словам де-Брукера и де-Мана, заключается лишь в том, что социалисты в большинстве случаев идут в хвосте либералов — совершенно так же, как английские «независимые». За последние годы бельгийские реформисты носятся с идеей образования либерально-социалистического министерства. И уже прямо хотят, если им удастся «победить» клерикалов, проделать опыт мильерановщины.

Но бельгийские марксисты не складывают в унынии руки. Они полны бодрости и веры в свое дело. Среди масс замечаются уже здоровые течения. С 1909 года в Бельгии появляется и укрепляется марксистское направление. На съезде 1909 года марксисты имели около $^1/_3$ голосов. «Но мы имеем твердое желание стать большинством», — говорит де-Брукер.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 17, от 6 апреля 1911 г.; подпись— «Г. Зиновьев».

[2]) Гент — промышленный фабрично-заводский город в Бельгии, издавна известный производством сукна.

[3]) Клерикализм — направление государственной или общественной жизни, протекающее под влиянием церковности. Явление это, до крайности тормозящее малейший прогресс мысли и быта, особенно развито в странах, где господствует католичество. Много веков клерикализм служил оплотом всякого засилья темных течений реакции и, как таковой, заслужил ненависть тех трудовых классов, против которых всегда направлена была всякая церковь, поддерживающая сильных и богатых. Бельгия — характерный образец клерикальной страны, где местная буржуазия всецело захвачена иезуитами явными и иезуитами тайными (иезуиты — старый монашеский орден, особо-напряженно подавляющий знание и развитие). Клерикализм породил и так называемый «христианский социализм», сообенно развившийся в Германии и в Австрии, где он протекает под флагом погромного анти-семитизма. Самое крайнее направление клерикализма называется ультрамонтантством.

СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ И ПРОМЫШЛЕННИКИ ([1]).

Известно, какое огромное реакционное влияние оказывают наши промышленники на ход развития русского рабочего законодательства. Даже в недавние критические годы, когда представители власти, надеясь «замирить» рабочих некоторыми экономическими уступками, обращались к промышленникам с призывом пойти хоть на маленькие послабления,—промышленники не обнаруживали никакого желания сделать это. Когда им начинали говорить об экономических уступках или о таких реформах в рабочем законодательстве, которые связаны с некоторыми уступками со стороны предпринимателей, — они отвечали: «parlons d'autre chose» — «поговоримте о другом»... Когда даже министр финансов Коковцов ([2]) в январе 1905 года выдвинул по адресу фабрикантов и заводчиков «не требование и насилие, не приказ, а дружеский совет» сделать некоторые уступки рабочим, ему ответили: — Нет, извините, мы на уступки не пойдем, уступайте вы, ибо «нужны более глубокие реформы общегосударственного характера»... И если бы рабочее законодательство зависело только от тех двух групп, которые вели в 1905 году вышеприведенный диалог, то дальше препирательств мы бы, конечно, не пошли. Но в нашей общественной жизни существуют и другие факторы. Ведь еще весною 1910 года сам министр финансов Коковцов напоминал Государственному Совету (во время прений по закону о вознаграждении рабочих и служащих в заведениях министерства финансов), что «большинство наших фабрично-заводских законов издавалось под влиянием заводских забастовок и стачек»...

И наша «объединенная промышленность», как любят себя называть фабриканты и заводчики, объединенные во всероссийскую организацию локаутчиков (с «Советом съездов» во главе), сделала, конечно, все возможное, чтобы проявить свое реакционное влияние и в вопросе о государственном страховании рабочих. Вокруг да около законопроекта о страховании — с самого начала носившего достаточно антирабочий характер—Совет съездов ходил несколько лет. Представителям нашей отечественной промышленности даже такой законопроект показался недостаточно реакционным. И вот заработали специальные комиссии; полетели, куда следует, «доклад-

ные записки», требовавшие ряда ухудшений в законопроекте, и без того имевшем целью застраховать не столько рабочих, сколько капиталистов; заскрипели перья наемных литераторов, доказывавших, что если законопроект не будет еще ухудшен, то русской промышленности грозит неизбежное разорение; загудели многочисленные «совещания» промышленников, требовавших, чтобы, по крайней мере, «погодили» несколько лет с проведением законопроекта, дабы было время для его достаточного «исправления».

Еще в октябре 1908 года совещание Совета съездов представителей промышленности и торговли решительно заявило, что оно никоим образом не может помириться с той узкой (будто бы узкой!) ролью простых и молчаливых плательщиков, какая отводится законопроектами о страховании представителям промышленности. В своем правильном негодовании по поводу предположенных «новшеств» промышленники доходили до того, что самого барона Тизенгаузена (3) и руководимую им думскую рабочую комиссию (точнее ее называют антирабочей комиссией) заподозрили в излишнем рабочелюбии. «Большинство из поправок (внесенных думской комиссией) внесены, по мнению «Горно-Заводского Дела», главным образом в интересах рабочих, а не промышленников».

Так, «для запроса» промышленники сначала выразили свое недовольство законопроектами о страховании. Голосу промышленников, конечно, очень скоро вняли. Ведь некоторые ведомства у нас для того только и существуют, чтобы творить волю фабрикантов и заводчиков. В законопроектах был сделан ряд новых ухудшений, и теперь они стали уже вполне «приемлемы для организованной промышленности». Последняя «редакция» законопроектов «дает возможность путем разъяснений»... «ограничить его, поставить его в нужные (кому?) рамки»; «законопроект этот (о страховании) после работы комиссии вышел сильно измененным с внешней и внутренней стороны. Он подвергся весьма серьезной редакционной переработке и существенно изменен с принципиальной стороны», — так, с полной откровенностью, писал осенью прошлого года орган южных промышленников. Торжество промышленников — вполне законно. Они достигли-таки ряда новых ухудшений законопроекта о страховании.

«Вопросы рабочего законодательства подвинулись в Государственной Думе вперед весьма заметно», — писал, торжествуя по поводу этих новых ухудшений, центральный орган промышленников.

А теперь, после недавно закончившихся думских прений по поводу законопроектов о страховании, «Промышленность и Торговля», забыв о том, что она писала раньше, уже с полным удовлетворением заявляет в своем последнем (майском) номере: «Отношение объединенной промышленности к поступившим теперь на обсуждение общего собрания Гос. Думы рабочим законопроектам было всегда вполне сочувственным». Еще бы! Понятное дело, что представители «объединенной промышленности» не могут отнестись иначе, как «вполне сочувственно», к «исправленному» и ухудшенному ими проекту страхования рабочих, который на деле является проектом страхования фабрикантов и заводчиков!

В заключение «Промышленность и Торговля» считает еще своим долгом разрушить одну «легенду»: легенду о «могущественном, якобы, влиянии на нашу «Нижнюю палату» ([4]) торгово-промышленного класса». Какое там влияние! Разве промышленники смогли чего-нибудь добиться от третьей Думы, например, в вопросе о тех же страховых законопроектах? Да ничуть не бывало! Ведь «то обстоятельство, что наш торгово-промышленный класс весьма слабо представлен в Гос. Думе, ни для кого не тайна, точно так же как не секрет проявляемое Гос. Думой безразличное и в общем неблагосклонное отношение к интересам торговли и промышленности». Бедные промышленники! И позаботиться-то о них некому... Правда... правда, месяца $1^1/_2$ тому назад тот же орган промышленников соглашался с совершенно противоположным мнением по этому же вопросу: Жуковский ([5]), официальный докладчик Совета на недавнем съезде промышленников, прямо заявил, что Гос. Дума силою вещей... проникается принципиальными взглядами торгово-промышленного класса».

Тогда г. Жуковский, с благословения «Промышленности и Торговли», приводил ряд примеров из практики работ Гос. Думы, примеров, которые должны были послужить «интересными иллюстрациями» «завоевания законодательного творчества известными принципиальными взглядами торгово-промышленного класса».

А теперь оказывается, что в 3-й Думе существует «неблагосклонное» отношение к промышленникам и — должно быть — благосклонное отношение к рабочим и крестьянам...

Не кругло у вас выходит, господа редакторы «Промышленности и Торговли» и господа деятели Совета съездов! В № 7 вашего центрального органа вы говорите одно, а в № 9 — другое.

Поневоле у читателя напрашивается вопрос: когда же вы говорите правду и когда... отступаете от истины? Когда говорите то, что думаете, и когда лицемерите?

Успех промышленников в деле ухудшения законопроектов о страховании, видимо, вскружил голову их вождям настолько, что они даже не позаботились в литературных своих выступлениях свести концы с концами. Но дело с этими законопроектами еще не кончено. Быть может, и сами рабочие, имеющие явиться объектом благожелательных проектов г.г. Тизенгаузена, Триполитова (6), Авдакова (7), Крестовникова (8) и К-о, скажут еще свое слово...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статья напечатана в «Звезде», № 24, от 28 мая 1911 г.; подпись— «Г. Зиновьев».

2) Коковцов, В. Н., — министр финансов, затем, после убийства Столыпина, — председатель совета министров; узкий, неумный бюрократ, Коковцов прошумел однажды брошенною им с думской трибуны фразой: «слава богу, у нас нет парламента». Коковцов смотрел на Думу как на одно из колесиков чиновничьей машины, всегда опирался на октябристов и очень часто находя себе поддержку на кадетских скамьях, где склонны были считать его «просвещенным администратором».

3) Тизенгаузен, Е. Е., барон — член 3-й Гос. Думы, октябрист, председатель «комиссии по рабочему вопросу». Любопытно вспомнить личный состав этой «комиссии», руководившейся «бароном»: товарищ председателя—тамбовский помещик, правый, Воейков 2-й; секретарь—октябрист Беляев 2-й; члены— Балаклеев, подольский помещик, правый; Бенеке, эстляндский октябрист; Воронков, кадет, прошедший от кулацких слоев донского казачества; Гайдаров, с.-д., меньшевик; Климов, священник, «прогрессист»; Кожевников, ярославский октябрист; фон-Крузе, петербургский октябрист; барон Крюденер-Струве, московский октябрист; Кузнецов, с.-д.; Лихачев, саратовский правый; Маров, самарский «прогрессист»; Меньшиков, орловский октябрист; Микляев, псковский правый; Никольский, одесский кадет; Образцов, екатеринославский правый; Пахальчак, подольский правый; Петров 3-й, пермский «трудовик»; Протопопов, симбирский октябрист (впоследствии—министр внутренних дел, автор пулеметов на петербургских крышах в дни февральской революции); Ржонд, польское «коло»; Сазонов, казанский правый; Смирнов, петербургский октябрист; Солтуз, бессарабский правый; Степанов, пермский кадет; Сушков, курский правый; Тимошкин, закавказский правый; Тычинин, гродненский «националист»; Фаворский, нижегородский октябрист; Шемшинцев, калужский октябрист; Шурканов, харьковский с.-д.; Эргард, рижский октябрист.

4) Нижняя палата имеется в парламенте английской буржуазии, который делится на два этажа: в нижнем искони заседает «палата

общин» (нетитулованное мещанство, в применении к нашим былым порядкам — Гос. Дума), а верхнее помещение принадлежит «палате лордов» — потомкам английских феодалов-захватчиков (бывший царский Гос. Совет).

[5]) Жуковский, В. В., — член Гос. Думы от Петрок. губ., член польского коло (национально-польской группы в Думе), богатый промышленник, участник разных финансовых предприятий.

[6]) Триполитов, М. Н., — член Гос. Совета, инженер-технолог, вице-председатель «Общества заводчиков и фабрикантов», направившего всю свою деятельность к всемерному выжиманию пота из рабочих.

[7]) Авдаков, Н. С., — член Гос. Совета, горный инженер, организовавший «Съезд горнопромышленников Юга России». Стоя во главе «совета съезда», как постоянно функционировавшего эксплоататорского органа, Авдаков диктаторствовал над огромными рабочими массами, всецело служа обогащению себя и своих ближайших союзников.

[8]) Крестовников, Г. А., — член Гос. Совета «от торговли», владелец крупнейшего в России стеаринового завода в Казани и хозяин бумагопрядильной фабрики под Москвой. Одновременно был председателем московского купеческого банка и председателем московского биржевого комитета. Крестовникова по справедливости считали едва ли не виднейшим жрецом денежного культа, упорно отстаивавшим полнейшую независимость крупного капитала от какой бы то ни было «опеки», т.-е. от малейшего контроля над чудовищными прибылями капиталистов.

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В ГЕРМАНСКИЙ РЕЙХСТАГ [1].

(Вокруг речи Бебеля и штуттгартских выборов.)

Каждая политическая речь Бебеля естественно становится крупным событием для политических партий и политической печати Германии. Тем более последняя речь Бебеля, произнесенная в Гамбурге.

Эта речь великого вождя германской социал-демократии намечает в основных чертах тактику самой крупной германской партии (социал-демократии) на предстоящих парламентских выборах. Понятно, что каждое слово Бебеля подверглось подробнейшим суждениям и пересудам с самых различных точек зрения. Исход недавно (13 мая) состоявшихся выборов в Штуттгарте целиком подтвердил основные тезисы речи Бебеля. В связи с оценкой штуттгартских выборов полемика, возникшая вокруг речи Бебеля, разгорается с новой силой.

Один из главных тезисов речи Бебеля таков:

Для социал-демократии, как партии социализма, на выборах важнее всего просвещение масс, организация возможно большего количества рабочих вокруг классового знамени, а не простая погоня за мандатами.

«Я скорее предпочту, — сказал Бебель, — 50 депутатских мест и 4 миллиона голосов, поданных за социал-демократическую партию, чем 100 депутатских мест и лишь 3 миллиона голосов». С классической ясностью Бебель выразил здесь ортодоксально-марксистский взгляд на значение избирательных кампаний, взгляд, ничего общего не имеющий с ревизионистской теорией «осязательных» результатов и беспринципной погони за мандатами.

Другое основное положение речи Бебеля:

На предстоящих выборах германской социал-демократии придется бороться на два фронта—и против «черносиних», и против либералов.

«В нашей среде (т.-е. в среде германской социал-демократии), — говорит Бебель, — находятся люди, которые предлагают на предстоящих выборах уже при первом избирательном туре отдавать наши голоса свободомыслящим там, где может казаться, что с.-д. кандидатура безнадежна». И Бебель объявляет решительную войну «таким людям», т.-е. ревизионистам, про-

поведующим так называемый «великий блок» «от Бассермана (2) до Бебеля».

Либеральная печать была немало огорчена речью Бебеля, который-де действует на руку реакции, помогает консерваторам и т. д. Ревизионисты в своем моральном негодовании против расстраивающего их планы старого Бебеля тоже пролили моря чернил, чтобы доказать, что Бебель — не «реальный» политик.

«Наша политическая мощь, — с похвальной откровенностью пишет в майском номере «Sozialistische Monatshefte» известный ревизионист Мауренбрехер (3), — представляет ровно такую же величину, как наше влияние в парламенте. А наше влияние в парламенте основано не (!) на количестве поданных за нас голосов, а единственно (!) и исключительно (!) на числе депутатских мест. Поэтому 3 миллиона голосов и 100 мандатов представляют собою бо́льшую активную силу, нежели 4 миллиона голосов, если им соответствует только безнадежное меньшинство в 50 мандатов».

Другими словами, ревизионисты заявляют, что для социал-демократии гораздо менее важно получить миллион новых сторонников, нежели несколько новых десятков парламентских мандатов. С точки зрения ревизионизма важны не массы, не рабочие баталионы, а возможность парламентских сделок и соглашений. Дальше некуда итти в парламентском кретинизме!

Частичные выборы в Германии за последнее время сосредоточивают на себе особенное внимание политических кругов. Это и понятно: форпостные стычки бросают свет на всю предстоящую генеральную кампанию. Выборы в Гиссене за неделю до речи Бебеля целиком подтвердили те тезисы, которые выставил славный вождь германских марксистов. На перебаллотировке либералы не только не пошли с социал-демократами, но прямо и открыто перекинулись к реакции.

Все национал-либералы и очень значительная часть свободомыслящих голосовали за антисемита, чтобы только насолить социал-демократам. И это — не единичное явление. На недавних выборах в Штуттгарте, за которыми еще более напряженно следила вся политическая Германия, повторилось то же самое.

В Штуттгарте избирательная борьба шла вокруг кандидатуры на пост обер-бургомистра. Кандидатом от социал-демократии выступал известный ревизионист д-р Линдеманн. Здесь ревизионисты возлагали особенные надежды на осуществление «великого блока». И что же оказалось? Все буржуазные партии решительно

сплотились вокруг реакционной кандидатуры некоего Лаутеншлагера, который и был выбран буржуазной коалицией против социал-демократической кандидатуры. Всего интереснее то, что в решительный момент на сторону реакционера перебежало и около 1000 избирателей — сторонников «левой», так называемой «Народной партии» («Volkspartei»). Вот до чего в Германии запугивает «красный призрак» даже самые «передовые» слои буржуазии! «Буржуазия в штуттгартских выборах, — писал «Vorwärts», — выказала себя поистине сплошной реакционной массой».

Выборы в Штуттгарте ознаменовались еще одним экстраординарным столкновением между марксистами и ревизионистами. Социал-демократический кандидат, ревизионист Линдеманн, за несколько дней до выборов вдруг неожиданно сделал заявление, что он может принять кандидатуру лишь в том случае, если ему будет предоставлена «полная свобода» в деле сношений с короной и придворными сферами... Заявление это среди германских с.-д. вызвало совершенно понятное возбуждение. Местная штуттгартская организация после некоторых колебаний сочла себя вынужденной, против своей воли, принять условие Линдеманна и его кандидатуру оставить. Вмешался — хотя и в очень осторожной форме — Центральный Комитет партии (Vorstand). Огромное большинство партийных органов резко выступило против Линдеманна. Но последний не сдавался. И всего характернее, что даже подобного «реального» политика ревизионистская печать — конечно, при громких криках одобрения со стороны либералов — сочла возможным защищать...

Выборы в Штуттгарте окончились, а страсти в с.-д. партии Германии по поводу «нового метода» ревизионистов все еще не улеглись. Впрочем, для Линдеманна «метод» этот не совсем нов. Линдеманн был в числе тех «Hofgänger'ов» (т.-е. паломников в придворные сферы), которые уже два года назад сочли возможным принять участие в одной манифестации «верноподданнических чувств». Лейпцигский, а затем и Магдебургский конгрессы германской с.-д. партии решительно осудили этот «метод», признав его «несовместимым с основными принципами с.-д.». Линдеманн и его друзья отправились «в Каноссу» ([1]), пообещав, что они «больше не будут». Но теперь, в погоне за мандатом, ревизионисты забыли о своем обещании. И наказаны вдвое: и мандата не приобрели, и со стороны партии встретили такой прием, который не скоро забудут. «Ein Genosse auf Urlaub», т.-е. «товарищ в отпуску»,

«товарищ», желающий иметь «полную свободу» в сношениях с придворными сферами, — так заклеймил Линдеманна К. Каутский в превосходной статье в журнале «Neue Zeit». Другие партийные органы прямо требовали исключения Линдеманна из с.-д. партии. Конфликт будет окончательно рассмотрен будущим партийным съездом...

Несмотря на позорные шатания реформистов, германская социал-демократия готовится встретить грядущие выборы, как могучая, стройная, целостная организация германского пролетариата. И ее ждут на этих выборах большие политические победы, между прочим и потому, что она идет под знаменем Бебеля и Каутского, а не Линдеманнов и Мауренбрехеров...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 24, от 28 мая 1911 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Бассерман, Э., — член германского рейхстага, лидер «национал-либералов», неоднократно выдвигался мещанскими «социал-реформаторами» в различные комиссии рейхстага по рабочему вопросу, считаясь почему-то знатоком профессионального движения.

[3]) Мауренбрехер, М., — германский социал-демократ, оппортунистического крыла.

[4]) Каносса — замок в Италии, принадлежавший в XI веке ревностной католичке, маркграфине Матильде Тосканской, куда вынужден был пешим отправиться с покаянием император германский Генрих IV (в 1077 г.), боровшийся с папой Григорием VII за независимость светской власти от церковной. С тех пор, в течение многих веков, выражение «итти в Каноссу» означает унизительное принесение повинной.

НА ПЕРЕВАЛЕ [1].

(По поводу Иенского съезда германской социал-демократии.)

За последние годы классовая борьба в Германии обостряется. И внутренняя, и внешняя политика командующих классов Германии содействует этому как нельзя больше. Столкновения неизбежны. Это чувствуют все.

Эпоха подготовительная явно сменяется для германской социал-демократии эпохой начала непосредственных столкновений.

— Мы идем навстречу серьезным, очень серьезным временам, — говорил великий вождь германских рабочих А. Бебель на прошлогоднем съезде с.-д. партии в Магдебурге.

— Быть может, русское освободительное движение получит скоро поддержку с совершенно неожиданной стороны, — высказал надежду недавно Бебель в Иене, намекая на предстоящие события в Германии...

На германской социал-демократии лежит теперь огромная ответственность. Понятно, что тщательнее, чем когда бы то ни было, она взвешивает теперь каждый свой шаг. Ей есть чем рисковать. Посмотрите, в каких цифрах выражается сила рабочей организации:

836.000 членов партии (в 1910 году — 723.000).

1.306.000 подписчиков партийных изданий (в 1910 г. — 1.116.000).

48.800 собраний за год (в 1910 г. — 43.600).

36.000.000 с.-д. воззваний и брошюр за год (в 1910 г. — 25½ миллионов).

4½ миллиона доходов и 4 миллиона расходов за год.

8.910 с.-д. представителей в городских самоуправлениях (в 1910 г. — 7.729).

На предстоящих выборах в рейхстаг даже враги рабочих пророчат социал-демократии 4 миллиона голосов. А профессиональные союзы, примыкающие к партии! Они насчитывали к концу 1910 года 2.128.000 членов (на 236.000 больше, чем к концу 1909 года), а ко времени недавнего съезда в Дрездене — 2½ миллиона членов. Доходы этих союзов равнялись:

64.372.176 марок в 1910 году.
50.529.114 » в 1909 »

Имущество союзов:
52.755 марок в 1910 году.
43.809 » » 1909 »

Прибавьте к этому сильные кооперативы, учтите специальные женские организации и организации молодежи, вспомните о разнообразных рабочих обществах, клубах и т. д. — и тогда вы получите представление о том, с чем идут навстречу грядущим бурям рабочие организации Германии.

Вполне понятно, что приспособиться к условиям новой эпохи германской социал-демократии не легко. Приходится не только итти проторенной дорогой, но и прокладывать новые пути. На этой почве возникают новые разногласия в партии, даже разногласия внутри марксистского ее крыла. Одни из них решены жизнью, другие — возникают. К числу почти решенных жизнью старых разногласий принадлежит, например, спор о «нейтральности» профессиональных союзов. «Нейтрализм» отмирает. Можно ли теперь говорить о безразличном («нейтральном») отношении профессиональных союзов к политике, когда профессиональные союзы Германии, силою вещей, с каждым днем все дальше втягиваются в политику. На демонстрации против войны (в связи с Марокко) (²) звала не только германская с.-д. партия, но и профессиональные союзы. Рабочие массы заставляют союзы делать это даже в тех случаях, когда во главе союзов стоят ревизионисты, защищающие «нейтрализм». Кампанию против дороговизны союзы ведут вместе с партией. В праздновании 1 мая союзы принимают все более деятельное участие. В устройстве демонстрации в пользу всеобщего избирательного права союзы шли рука об руку с партией. И не могли не итти: иначе от них отвернулись бы массы. На предстоящих выборах в рейхстаг профессиональные союзы пойдут вполне открыто с партией. Где же тут почва для нейтрализма? Прав К. Каутский, когда он в своей последней книжке пишет:

«Если эпоха 1894 — 1900 г.г. была периодом роста идей нейтрализма, то с тех пор нейтрализм все больше отмирал и сменялся другим паролем, гласящим: «партия и профессиональные союзы—едино суть» («Тактические направления», стр. 30 немецк. изд.). Это, конечно, еще не значит, чтобы все ревизионистские вожди союзов отказались от проповеди нейтрализма.

* * *

Очень значительная часть работ Иенского съезда протекла в борьбе между марксистами. Это привело к неожиданному на первый взгляд последствию. Ревизионисты спрятали свое ревизионистское знамя в карман и стали трубить о своем согласии с Бебелем. Они увидели, что все равно им своих ревизионистских взглядов на съезде не провести, зато, быть может, удастся, во-первых, вогнать клин между обеими группами ортодоксальных марксистов, а во-вторых, — поднять свой кредит согласием с Бебелем. Возьмите, например, вопрос о Марокко. Он тесно связан с вопросом о принципиальной политике вообще. Как известно, ревизионисты — в отличие от ортодоксальных марксистов — не относятся отрицательно ко всяким колониальным завоеваниям. Ревизионисты стоят только за «культурную» колониальную политику и считают даже мыслимой «социалистическую» колониальную политику. Казалось бы, тут-то, в Иене, им и защищать свою точку зрения. Но ревизионисты храбро спрятались в кусты и ни слова не сказали в защиту своей принципиальной позиции.

Или хотя бы очень важный вопрос об избирательной тактике с.-д. на предстоящих выборах в рейхстаг. Ревизионисты с пеной у рта защищали до сих пор «великий блок» с.-д. с либералами, блок «от Бассермана (вождя национал-либералов) до Бебеля».

«Нужна либерально-социал-демократическая кооперация», — писал еще совсем недавно известный ревизионист Квессель в полемике против Бебеля.

«Либерализм и социал-демократия должны итти на выборах вместе», — убеждал в съездовском номере ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte» Шредер.

А на самом Иенском съезде ревизионисты ни слова не сказали в защиту «великого блока» и покорно голосовали за резолюцию Бебеля, принятую единогласно. И это — несмотря на то, что Бебель прямо бросил перчатку ревизионистам:

«Когда дело будет итти о нашем с.-д. кандидате, вся буржуазная клика, конечно, пойдет против нас. И это неудивительно: ведь либерал и консерватор гораздо ближе друг другу, чем мы либералу».

То же повторилось и в вопросе о 1 мая. Ревизионисты уже давно считают, что празднование этого дня надо отменить. А на съезде они лишь очень робко намекали на этот план. И даже в единственном пункте — при выборах в Ц. К. партии вместо умершего П. Зингера (3), — когда ревизионисты решились принять

бой с марксистами, — они сделали это с максимальной трусостью. Ревизионисты не выставили определенного сторонника ревизионистских взглядов. Они только поддержали одного из марксистов (Эберта) ([4]), который, по их мнению, «подает надежды», против другого марксиста — Гаазе. Но и здесь храбрые ревизионисты потерпели поражение: 287-ю голосами против 102 был выбран именно Гаазе ([5]), на котором сошлись обе фракции марксистов.

Что касается собственно марксистов, то главное столкновение между ними произошло в связи с отчетом Центрального Комитета партии. Внешним поводом было недовольство недостаточно энергичным поведением Ц. К. в связи с Марокккской авантюрой. Но это именно — только повод. Сущность же разногласия между марксистами касается вопроса о быстроте нарастающего движения. Готовы ли уже сейчас массы — вот вопрос. Из-за него дело дошло до образования особых фракций. Уже в 1910 году в Магдебурге большинство марксистов стало устраивать свои фракционные собрания и даже выбрало свой фракционный центр — «Комитет общественного спасения», как его назвали в шутку. На местах стали организовывать фракционные клубы (например, марксисты в Бадене, а ревизионисты в Гамбурге). Но когда в Иене сделана была попытка повторить фракционные собрания марксистов, часть из них (сторонники Бебеля) отказались участвовать в этих собраниях. Силы на съезде разделились приблизительно поровну. Насколько далеко пойдут фракционные обособления в Германии — сказать еще трудно. Все, конечно, признают, что такое обособление вредно, это — зло, пока неизбежное. И в германской партии разногласия, конечно, будут изжиты скорее, чем где бы то ни было. Возможность идейной борьбы на открытой политической арене, давление огромных пролетарских масс приведет вновь к полному единству среди марксистов. Германское рабочее движение находится на перевале.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 27, от 29 октября 1911 г.; подпись — «Мариус».

[2]) **Марокко** — обширная область в Северной Африке, на которую уже давно было обращено внимание французской буржуазии, предпринявшей туда ряд военных экспедиций. Этою же страною заинтересовалась и Германия Вильгельма II, почему произошли конфликты между обоими «колонизаторами», особенно обострившиеся в 1911 г., когда одно время на волоске висела война. Затем французское правительство (каби-

нет Кайо) вступило в переговоры с немецкою дипломатиею (Бетман-Гольвег), и была разграничена «сфера влияния» того и другого хищнических аппетитов. Впрочем, французские шовинисты рассматривали исход дела как провал «национальной гордости» Франции, и правительство Кайо вынуждено было уйти в отставку.

[3]) Зингер, Пауль (1844—1911) — германский социал-демократ. Буржуа по происхождению, в прошлом—владелец фабрики дамских пальто, Зингер отдал много сил и все свои средства делу пролетариата. В германской социал-демократии Зингер примыкал к ее радикальному крылу и был ортодоксальным марксистом. Зингер был традиционным председателем германских с.-д. партейтагов (съездов) и часто возглавлял международные социалистические конгрессы. Количественный рост германской с.-д. в значительной степени обязан Зингеру, организационно создавшему по Германии целый ряд с.-д. очагов.

[4]) Эберт, Фр. — германский «социал-демократ», депутат рейхстага от эльберфельд-барменского рабочего района, нынешний «президент» германской «республики», действующий теперь заодно с офицерскою диктатурою генерала Секта.

[5]) Гаазе — германский «с.-д.», депутат от кенигсбергских рабочих. Один из вождей партии, примыкавший к центру. Во время войны занял колеблющуюся позицию. Один из основателей (вместе с Ледебуром) «независимой с.-д. партии». После революции 9—XI 1918 г. — член правительства (из шейдемановцев и независимых). Убит немецким офицером в 1919 г.

ОКТЯБРИСТЫ И «ЛАССАЛЕВСКОЕ СООТНОШЕНИЕ СИЛ» (1).

Читатель, вы помните переход октябристов в оппозицию? «Голос Москвы» грозил отозванием октябристских депутатов из 3-й Думы и бойкотом 4-й Думы; А. И. Гучков сложил с себя звание председателя и, чтобы окончательно засвидетельствовать свою оппозиционность, прокатился на Дальний Восток; «Громобой» заговорил чуть не «революционным» языком и во всеуслышание заявил, что октябристы перекуют орала на мечи; в Думе октябристская фракция, устами Шидловского (2) и других ораторов, давала клятву, что октябристы никогда не простят правительству его маленького государственного переворота (роспуска Думы на 3 дня) и никогда не проголосуют за закон о земстве в западных губерниях.

Прошло всего несколько месяцев со времени этого грозного перехода октябристов в оппозицию и... какой, с божией помощью, поворот. От «полевения» октябристов не осталось и следа. Готовили целое кровопролитие, а кончилось только тем, что на председательском месте вместо Гучкова сел Родзянко (3). «Сферы» не уступают нам, — сказали себе октябристы, — так ладно же, мы накажем их тем, что... сами уступим им...

Так и сделали храбрые октябристы. И теперь они заняты только одним: найти словесное прикрытие своему отступлению.

Эту почтенную задачу берет на себя главный октябристский публицист «Громобой». Теперь, видите ли, октябристы могут быть спокойны: «соотношение сил» в сферах изменилось в пользу октябристов. «Русские общественные деятели (это — Гучков и Крупенский) (4) подали друг другу руки, поклявшись на хартии нашего освобождения (т.-е. на манифесте 17 октября)»... «Нельзя выдать за карлика гиганта», — утешают себя гучковские молодцы («Голос Москвы», № 253). Никакой опасности теперь октябристам не грозит. Правительство знает их силу. Дело «обновленного» строя обеспечено. И, поздравивши себя сами с превращением из карликов в гигантов, октябристы затягивают: «Гром победы, раздавайся»...

О, теперь «правительство» никогда уж не даст больше пинка октябристам! Помилуйте, можно ли не питать почтения перед такими «великанами»! «Ведь здесь (т.-е. в «сферах») просто лассалевское соотношение сил» имеет решающее значение.

Под «лассалевским соотношением сил» октябристы из «Голоса Москвы» понимают, однако, нечто весьма... не лассалевское. Если в закулисной интриге нынче получил какой-нибудь новый козырь такой-то, имя-рек, — октябристы считают уже, что изменилось «соотношение сил». Посмотрите, например, какая тревога поднялась недавно в октябристском муравейнике по поводу предполагаемых успехов известного черносотенца Льва Тихомирова (5) в некиих сферах. Дело происходило совсем на-днях, надо полагать, что октябристы были уже в это время «не карликами, а великанами». И, однако, как перепугались, эти «великаны». «Нам заведомо известно, — писали столпы октябристской партии, — что Тихомиров продолжает и теперь свою агитацию за новый переворот, за упразднение Думы и т. д.». В каждой строчке октябристов по поводу успехов Л. Тихомирова так и сквозит тревога: а ведь это меняет соотношение сил.

Или присмотритесь к тому, как относятся октябристы и их родные братья—кадеты—к начавшейся недавно газетной перебранке между некоторыми министрами в отставке и некоторыми неудавшимися кандидатами в министры.

Началось с того, что Гучков кольнул Витте (6) за то, что тот в 1905 году предпочел П. Н. Дурново (7) П. А. Столыпину (8).

— А вы были тогда таким «красным», таким потрясателем основ, что не хотели поддержать правительство, — возразил Витте.

— А вы, г. Витте, хотя и корчили из себя либерала на словах, на деле хотели еще более расширить применение смертной казни,— вмешивается бывший министр Тимирязев (9).

— Ну, насчет смертной казни-то вы бы уж помолчали, — не остается в долгу гр. Витте. — Вы и сами были за нее, и выгнал я вас из кабинета министров не за то, что вы якобы были противником смертной казни, а за то, что вы запутались в скандальной истории с подкупом Гапона и Матюшенского (10).

— Так вы вот как,—не унимается Тимирязев,—так вы хотите свалить с больной головы на здоровую. Да я документами докажу, что в подкупе Матюшенского у вас рыльце в пушку-то по меньшей мере в такой же степени, как у меня.

Все эти «разоблачения» неспроста. За ними кроется борьба групп, состязание перед весьма влиятельными «сферами», долженствующее, быть может, оказать влияние на перераспределение портфелей и т. п. И посмотрите, как октябристы и кадеты ловят, затаив дыхание, каждое словечко, каждый звук, смакуют его,

взвешивают, обсуждают, как событие мировой важности. Еще бы: ведь закулисная борьба «высоких» категорий,— это и есть то, что, с точки зрения октябристов и кадетов, единственно определяет «соотношение сил».

Или возьмите недавние разоблачения по поводу переговоров так называемых «общественных деятелей» о вступлении в министерство в 1905 — 1906 годах.

— Это вы, господа кадеты, фактически поддержали кандидатуру Дурново, — заявляют октябристы.

— Нет, извините, господа октябристы, это вы были за отдачу портфеля министра внутренних дел Дурново, — возражают кадеты.

— Да ведь это вы, г. Петрункевич ([11]), сами высказались за кандидатуру Дурново, — напоминает лидеру кадетов бывший кадет Трубецкой ([12]).

— Нет же, вы запамятовали, князь, — возражает лидер к.-д. Петрункевич бывшему кадету Трубецкому.

Действительно важный вопрос о роли буржуазии,—и кадетской, и октябристской, и мирнообновленческой, — одинаково предлагавшей свои услуги старой власти и в 1905, и в 1906 г.г., обходится молчанием. Зато игре интриг, борьбе кружков, закулисным торгам о том, какой портфель кому отдать, — о, этим темам кадеты и октябристы уделяют все свое внимание. Как же, ведь именно эта игра определяет «соотношение сил»!

«Соотношение сил» — это словечко у вас часто на языке, господа кадеты и октябристы. Но вы видите только «соотношение сил» наверху... Позвольте вам, однако, почтительнейше доложить, что действительно определяющим является соотношение сил внизу... А там, в глубинах, незримо для вас, происходит чрезвычайно важный процесс накопления новых «факторов прогресса». И в один прекрасный день все вы, люди 3-го июня, увидите, к чему привело действительно лассалевское соотношение сил.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 29, от 12 ноября 1911 г., подпись—«Гр.».

Лассалевское соотношение сил — основная тема двух речей Ф. Лассаля, произнесенных им в 1862 и 1863 г.г.: «О сущности конституции» и «Что же теперь?» (то и другое есть в русских переводах).

Фердинанд Лассаль (1825—1864) оставил неизгладимый след в истории пробуждения рабочего класса, многим обязанного агитационной и практической деятельности автора «Программы работников» и основателя «Всеобщего Германского Рабочего Союза».

Лассалевский анализ «соотношения сил» направлен против либерализма и всякой «писанной конституционной мудрости». Лассаль четко выяснил, что любой конституционный вопрос — прежде всего — вопрос силы, а не права. Поэтому действительная конституция какой-нибудь страны только тогда имеет значение, если представляет точное выражение действительных отношений сил в обществе. Далее Лассаль, на ряде примеров, убеждает, что хотя право должно бы предшествовать силе, но в действительности — наоборот: сила всегда впереди права, и такой конституционный порядок соблюдается до тех пор, пока не изменится «соотношение сил» — народа и буржуазного правительства — и народное право не наберет достаточно сил, чтобы сломить силу своего бесправия.

[2]) Шидловский, С. И. — член Гос. Думы, воронежский октябрист, помещик, состоял товарищем председателя земельной комиссии; при Хомякове был избран товарищем председателя Думы.

[3]) Родзянко, М. В. — председатель 3-й Гос. Думы (после отказа Хомякова) и 4-й. После февральского переворота остался не у дел; в первые же дни октябрьской революции поспешил эмигрировать и в конце декабря 1923 года умер в Юго-Славии. Сын Родзянко, гвардейский кавалерист, предводительствовал передовым отрядом Юденича во время его попытки овладеть Красным Петроградом.

[4]) Крупенский, П. Н. — член Государственной Думы, «националист» из «бессарабской» группы Пуришкевича и Крушевана, легшей в фундамент думского черносотенства. При всяческих думских «блоках» Крупенский являлся неизменным связующим звеном между крайне-правыми скамьями Думы и октябристами, якшаясь иногда и с кадетами.

[5]) Тихомиров, Л. А. — некогда народоволец, вдохновитель целого ряда террористических актов вплоть до убийства Александра II, редактор знаменитого письма народовольцев Александру III. Затем с издания им брошюры «Почему я перестал быть революционером?» начинается картина полнейшего падения с переходом в лагерь самого безудержного мракобесия. Тихомиров становится реакционным публицистом, редактором крайне-правых «Московских Ведомостей», ко дню своего литературного «юбилея» получает ценный подарок от Николая II с «всемилостивейшими» поздравлениями. Тихомиров дожил до дней великого торжества столь ненавистной ему рабочей революции и окончил свою бесславную жизнь в декабре 1923 г. в Троице-Сергиевом посаде, под Москвой.

[6]) Витте, С. Ю. — всесильный министр финансов, затем первый «конституционный» премьер сфабрикованного им в октябре 1905 г. кабинета «на основе манифеста 17 октября». Витте — вышел из некрупного железнодорожного чиновничества, большою работоспособностью и ловкостью в тарифных делах обратил на себя внимание в 80-х г.г. тогдашнего министра финансов Вышнеградского и быстро сделал неслыханную в бюрократическом мире по быстроте карьеру, заняв, после смерти Вышнеградского, его пост. Пребывание Витте на министерском кресле связано с усиленным правительственным поощрением «грюндерства», т.-е. насаждения крупной промышленности и образования соответственного частного капитала. Нетерпимый Николаем II Витте временно был уда-

лен от дел, но необходимость развязаться с японо-русской войной вынудила царя просить Витте быть адвокатом разгромленного царизма на мирных переговорах с японцами в Портсмуте. Затем—снова «почетный покой» с графским титулом, и лишь великая всероссийская забастовка в октябре 1905 г. вынудила царя опять обратиться к содействию испытанного политического фокусника. Последовал «манифест», создание Виттевского кабинета и весьма скорое крушение его.

[7]) Дурново, П. Н. Начав с прокуратуры, Дурново добрался до должности директора департамента полиции и, в качестве большого «специалиста» по части политического сыска, снискал благоволение «царя-пугала». В 1900 г. был назначен товарищем министра внутренних дел (Д. С. Сипягина); по инициативе Витте, который пытался посредством Дурново перекинуть мост к правым, в ноябре 1905 г. стал министром внутренних дел. «Дни свободы» были густо уснащены репрессиями Дурново, настолько гнусно ведшего дело, что Николай II, при всей любви к «подавлению мятежей военной силой», все же постеснялся показать своего фаворита 1-й Думе, и почти накануне явки во дворец «избранников народа» Дурново был выброшен из кабинетского списка.

[8]) Столыпин, П. А.—председатель совета министров, сменивший Витте, который сам выдвинул его в министры внутренних дел из саратовских губернаторов, после того как Столыпин при разгроме там аграрного движения приобрел репутацию «опытного администратора»—иначе—сторонника разрешения крестьянских нужд при помощи казачьих нагаек. Политико-социальная система премьерства Столыпина свелась к двум «законодательным актам», неразрывно и справедливо отождествляемых с его именем: закона 3 июня 1907 г. и закона 9 ноября 1909 г. Первый «закон», путем самых беззастенчивых подтасовок, давал при выборах в Государственную Думу полнейший перевес «благонадежным» элементам цензового обладания. Второй же—пытался создать кадры кулацкого крестьянского слоя, насаждая «отрубное хозяйство», и тем, по мысли Столыпина, создавая «крепкое» крестьянство — опору престолу и отечеству. «Столыпинский режим» являлся соединением самого неслыханного подавления революции («Столыпинские галстухи» — виселицы), ликвидации революционных завоеваний и в то же время использования некиих «конституционных начал». В этом отношении Столыпин опирался на сфабрикованную им 3-ю Государственную Думу, где «правительственным центром» были октябристы, поддерживаемые справа «националистами», а слева—пресловутою «партиею народной свободы», при чем кадеты распинались как «оппозиция его величества». При Столыпине процветало грязнейшее провокаторство. Сам он погиб, став в 1911 г. жертвою охранника-провокатора Богрова.

[9]) Тимирязев, В. И.—сподвижник Витте, его правая рука по торгово-промышленным комбинациям: в роли сперва товарища министра финансов, а затем и главы вновь созданного министерства торговли и промышленности. Далее Тимирязев нашел более выгодным для себя стать председателем совета «Русского для внешней торговли банка». В 1909 г. он опять попал в министры торговли и промышленности, но очень скоро после того был ошельмован разоблачениями в печати его скандальных махинаций с подкупами дутых «рабочих организаций», по поручению Витте.

[10]) **Матюшенский** — изворотливый мелкий петербургский журналист, оперировавший с пресловутым Гапоном. Участвовал в «деле» Тимирязева.

[11]) **Петрункевич, И. И.** — тверской земец, один из организаторов партии к.-д., и председатель ее центрального комитета, издатель газеты «Речь».

[12]) **Трубецкой, Е. Н.** — московский профессор философии, занимавшийся в свободное от кафедры время кадетством; затем нашел даже это политически резким и перешел в «прогресисты».

К ВЫБОРАМ В 4-ю ДУМУ [1].

Уже в феврале или марте будущего года 3-я Дума, очевидно, будет распущена. Утвердить бюджет, провести еще один-другой реакционный законопроект—вот все, чего еще требуют от 3-й Думы ее хозяева. После этого можно будет распустить почтенных законодателей по домам. Во всяком случае, через 3 — 4 месяца мы будем стоять вплотную перед избирательной кампанией. Пора, решительно пора и передовой демократии заняться всеми вопросами, связанными с избирательной кампанией. Ведь планомерная подготовка к выборам не должна же быть монополией только кадетствующих октябристов и октябриствующих кадетов. Раз марксисты решили принять участие в выборах (а сомневаются в необходимости такого участия только люди, по недоразумению причисляющие себя к марксистам), — надо отдать себе отчет в сложности задачи и во-время сделать все предварительные шаги, необходимо уяснить себе перспективы.

Прежде всего — чего могут ждать марксисты относительно вероятного состава будущей 4-й Думы? Все, что в России тянется к свету и свободе, сходится на одном пожелании: 4-я Дума должна быть поменьше похожа на свою предшественницу — на 3-ю Думу. Но, трезво взвешивая все обстоятельства, надо заранее сказать: если за ближайшие месяцы не произойдет новых серьезных изменений, то шансов, чтобы состав 4-й Думы был радикально отличен от состава 3-й Думы, — очень мало. Полевение страны за период 1907 — 1912 г.г. так же мало сможет найти себе выражения в составе 4-й Думы, как оппозиционное (в лучшем смысле слова) настроение широких слоев населения в период выборов в 3-ю Думу — в составе последней. Почему это так — ответить нетрудно. Нижеследующая маленькая табличка достаточно красноречиво объясняет дело.

Согласно ныне действующему закону 3-го июня, один выборщик приходится

в землевладельческой курии на	230	чел.
» 1-й городской курии (крупнейшие богачи) на . .	1.000	»
» 2-й городской курии (средняя буржуазия) на . .	15.600	»
» крестьянской курии на	60.000	»
» рабочей курии на.	125.000	»

Иными словами, это значит, что, по существующему избирательному закону, у 230 крупных помещиков столько же прав, сколько у 60.000 крестьян и у 125.000 рабочих!

Из числа 5.252 выборщиков по 53 губерниям, согласно избирательному закону 3-го июня,

Выбирается:	Выборщ.	Общ. число выборщ.
от землевладельцев	2.594	49,39%
» рабочих.	112	2,13 »
» 1-й городской курии (крупнейшие богачи)	788	15,01 »

Таким образом землевладельцам и крупнейшим богачам из 1-й курии существующим законом механически обеспечено абсолютное большинство выборщиков. Естественно, что волею закона 3-го июня антинародным партиям (всем этим националистам, октябристам, кадетам) «победа» над демократией гарантирована вполне.

4-я Дума останется, как и 3-я, ареной соглашения всего третьеиюньского лагеря. И насколько можно судить сейчас, в 4-й Думе, как и в третьей, будет два большинства: октябристско-националистско-правое и октябристско-прогрессистско-кадетское. Разница между тем и другим большинством — не бог весть какого принципиального значения. Все эти партии, включая кадетов, обеими ногами стоят на почве 3-го июня. Все они, каждая по своему, преследуют антидемократические задачи, и самые «левые» из них не идут дальше цензовой «конституции». П. А. Столыпин, в течение всего своего премьерства, опирался то на то, то на другое большинство. И новым руководителям российской политики не надо быть семи пядей во лбу, чтобы попытаться управлять при помощи тех же двух большинств. Что из этого выйдет при нарастающем подъеме общественного настроения, это — другой вопрос...

Задачей российской передовой демократии в предстоящих выборах, конечно, не будет погоня за несколькими лишними депутатскими мандатами (хотя, конечно, все, что можно сделать для улучшения состава 4-й Думы, будет сделано). Август Бебель недавно очень хорошо охарактеризовал главную задачу передовой демократии на выборах:

«Для нас на выборах выдвигаются прежде всего следующие задачи: посмотреть, кто с нами и кто против нас; проверить,

как действует в стране наша агитация; научиться, как лучше направлять огонь, дабы его пламенные языки проникали все глубже и глубже в самые отдаленные уголки»...

Для марксистов России, где политическая свобода еще не завоевана, где столько битв еще впереди, эта, так сказать, агитационная точка зрения Бебеля еще более обязательна...

Старые задачи, с такой силой выдвинутые в 1905 году, не решены, а решить их необходимо. И решены они будут неизбежно. Последняя попытка спасти отжившее путем некоторого «приспособления», путем некоего шага по пути превращения в буржуазную монархию, при которой, однако, за крепостниками попрежнему остались бы их власть и доходы, — эта попытка теперь сорвалась окончательно. Пресловутый «парламентский кризис» конца прошлой сессии, крах октябризма наверху, и многое, многое, происходящее «внизу»,—все это симптомы несомненнейшей неудачи последней ставки старого режима.

Что марксистам необходимо будет провести систематическую кампанию на два фронта, — это стало теперь общепризнанным. На два фронта, это значит: и против открыто-«третьеиюньских» сил, и против кадетской партии, — этой партии третьеиюньцев в либеральной маске. Кадетская партия за период 1907 — 1911 г.г. сделала все от нее зависящее, чтобы устранить всякую возможность споров относительно ее в лагере передовой демократии. Казалось бы, в эти мрачные годы, когда лапа победителей так безжалостно придавила все, сколько-нибудь рвущееся к новой, лучшей жизни,—казалось бы, в это время кадеты должны были ближе подвинуться к подлинной демократии. Но этого отнюдь не случилось. Ни о какой непосредственной «красной опасности» для буржуазии не было и речи. А «черные» неистовствовали настолько, что иногда не щадили даже кадетов: чем меньше между теми и другими была принципиальная разница, тем ожесточеннее были их внутренние свары и пререкания. И все же кадеты правели не по дням, а по часам, а теперь только спят и видят «великий блок» с октябристами. Достаточно вспомнить в самых кратких чертах главные подвиги кадетов за третьедумский период.

Голосования за ассигновки на тюрьмы и военные суды; неоднократное голосование за бюджет в целом; лакейская позиция в области иностранной политики; поездки в Лондон; голосование за антинародные займы; поддержка октябристов при проведении закона о лишении отдыха торговых служащих и страхования

капиталистов за счет рабочих; сборник «Вехи» — этот гнусный пасквиль на все освободительное движение; длинноухие речи кадетов (и их пресловутое воззвание к студентам) о том, что не надо «омрачать памяти» Толстого протестом против смертной казни; пресловутые совещания «представителей науки и миллионов в Москве», т.-е. попросту переход кадетских светил на службу к первогильдейским купцам; поведение кадетов в связи с движением учащихся, и многое, многое другое, — все это достаточно говорит за то, что кадеты окончательно повернули вспять—к начальству. «На 17-м октября надо было поставить точку», — проповедывали премудрые кадетские пискари. А сами дошли до... Лондона, сами не только забыли о том, что они говорили до 17 октября, но стали типичными—худшего вида—национал-либералами, угодливо гнущими спину перед сильными мира сего, готовясь каждый день продать остатки своего «демократизма» за чечевичную похлебку. Никаких других отношений с кадетами, кроме самой решительной борьбы, у марксистов в предстоящей избирательной кампании быть не может.

Борьба с идейной реакцией, с «веховством», в широком смысле этого слова, коснувшимся одним боком даже рабочего движения, займет одно из видных мест у марксистов на предстоящих выборах.

Для других групп—буржуазных и покровительствуемых буржуазией — внешние условия избирательной работы будут несравненно легче, чем для рабочей партии. Но все прошлое и даже не столь веселое настоящее ручается за то, что марксисты сумеют и в предстоящей избирательной кампании развернуть свое знамя, сплотить ряды, воспользоваться выборами для просвещения масс, отвоевать солидное представительство для передовой демократии во вражеском лагере для бичевания и разоблачения врагов и дать отпор проводникам буржуазного влияния на пролетариат.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 30, от 20 ноября 1911 г.; подпись—«Гр.».

ОЧЕРЕДНОЕ ДЕЛО [1].

Общее собрание профессионального союза петербургских рабочих по обработке металла приняло постановление предложить представителям рабочих в Гос. Думе внести заново проект о свободе коалиции (см. «Звезду», № 29). К этому предложению нельзя не присоединиться. Внести такой законопроект, как и законопроект о 8-часовом рабочем дне и ряд других законопроектов, в самом деле, было бы очень полезно.

Не в том, конечно, дело, чтобы можно было надеяться, что 3-я Дума «даст» свободу коалиций или 8-часовой рабочий день, — 3-я Дума объективно не может этого дать, даже если бы она — предположим невероятное — захотела это сделать.

Не надежда на то, что 3-я Дума «даст» что-либо рабочим, диктует необходимость внести такой законопроект. 3-я Дума даст рабочим только камень вместо хлеба — на этот счет у нас нет никаких иллюзий, и мы не должны оставлять их среди масс.

И именно для того, чтобы лишний раз закрепить это в сознании масс, для того, чтобы еще раз заставить высказаться все буржуазные партии, полезно было бы рабочим депутатам внести ряд законопроектов.

3-я Дума доживает свои дни. Не мешает уже сейчас начать подведение итогов.

Рабочие депутаты шли в 3-ю Думу ведь не для того, что кадеты и октябристы называют положительной работой, «серьезным и солидным законодательствованием». Они шли туда высказать то, что есть, они шли туда только в интересах политического просвещения масс. А право внесения законопроектов есть одна из серьезных возможностей в этой области. Внести ряд законопроектов — дело вполне осуществимое. Это будет действительное, а не словесное только использование существующего «парламентаризма».

Крайне важен, конечно, вопрос о характере будущих законопроектов. Чтобы они достигли цели, они не должны загромождаться мелочами и частностями, они должны быть написаны языком, понятным самым широким кругам слушателей и читателей. В этом отношении образцом мог бы служить законопроект

втородумской рабочей фракции по вопросу о свободе стачек. Он почти исчерпывался двумя пунктами:

Пункт 1-й: все рабочие и работницы имеют право стачек.

Пункт 2-й: всякий, кто мешает рабочим в осуществлении этого права, подлежит ответственности и наказанию тюрьмой.

В такой же сжатой, простой, но живой форме не раз вносили законопроекты в европейские парламенты такие деятели рабочего движения, как Гэд ([2]), Либкнехт ([3]) и другие.

Конечно, парламентарии из рядов кадетской партии такой «грубой» формой будут оскорблены в своих лучших чувствах и будут кричать о том, что это — «не серьезное законодательствование», а «митинговый» метод работы. Но в этом случае мы попросим господ кадетов, несколько отстранив вопрос о форме, вспомнить о содержании их законопроектов, даже тех законопроектов, которые они вносили еще в 1-ю Думу, когда на улице Пуришкевича ([4]) не было еще праздника. Мы попросим их вспомнить их законопроект о свободе (?) печати, который так и пестрит пунктами: «наказывается заключением в крепости на срок до одного года», «наказывается заключением в крепости не свыше 5 (!) лет». Мы попросим кадетов вспомнить их законопроект о свободе собраний, в котором больше всего говорится о тех случаях, когда полицейский чин может закрыть собрание. Мы попросим их припомнить их «приказчичьи» законопроекты, называющиеся так только потому, что они целиком направлены против приказчиков. И мы скажем кадетам: хоть ваши законопроекты и подробно разработаны, но избави нас, господи, от подобных законопроектов и подобных «подробностей».

Нечего и говорить о том, что, внося такие отдельные законопроекты, как о свободе коалиции или о 8-часовом дне, рабочие депутаты ни в каком случае не будут отрывать эти отдельные требования от общих, не будут противопоставлять частное общему. И наоборот: обязательно будут освещать эти частные требования с точки зрения именно неразрывной связи их с общим, будут говорить всем, прислушивающимся к их голосу: хотите достижения частного — думайте об общем.

В заключение напомним один, — как нам кажется, не лишенный поучительности — исторический пример. В Германии в 1882 году, т.-е. в разгар «исключительного закона против социалистов», рабочие собрали полмиллиона подписей на законопроекте с.-д. фракции рейхстага по вопросу о законодательной охране труда.

Это произошло после того, как по предложению Либкнехта, Газенклевера ([5]) и других с.-д. депутатов, рабочие отвергли план подачи петиции в рейхстаг (или Бисмарку).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 31, от 26 ноября 1911 г.; подпись— «Гр.».

[2]) Гэд, Ж. (1845-1920) — вождь французских марксистов. Гэд, рука-об-руку с Полем Лафаргом, много сделал для французского рабочего движения. Борьба его с французским оппортунизмом (Жорес, Мильеран) продолжалась ряд лет и десятилетий, когда Гэд отстаивал линию революционного марксизма. Однако со времени объявления войны подобно другим вождям II Интернационала занял крайнюю оборонческую позицию. Был министром без портфеля в буржуазных министерствах.

[3]) Либкнехт, Вильгельм (1826-1900) — отец Карла Либкнехта, революционер 1848 года, один из первых учеников и последователей Карла Маркса. Был главным редактором «Форвертса». Либкнехт до конца дней своих остался преданным последовательному марксизму и идее рабочего Интернационала.

[4]) Пуришкевич, В. М. — бессарабский черносотенец и погромщик, член 2—4 Гос. Дум, душа «Русского Знамени» и «Союза русского народа». Умер в белом лагере уже после Октябрьской революции. Крикун и кривляка, Пуришкевич поклонился «оборончеству» Плеханова, и после смерти последнего возложил на гроб его венок с надписью: «Великому гражданину от монархиста».

[5]) Газенклевер (1837-1889) — германский социал-демократ, был председателем лассалевского «Всеобщего германского союза рабочих», с 1876 по 1878 г.г. редактировал газету «Форвертс». В 1870 г. единственный из с.-д. членов рейхстага голосовал за военные кредиты на войну с Францией. Умер умалишенным.

СТРАХУЮТ! [1]

Государственный Совет на-днях назначил уже комиссию для рассмотрения законопроекта о страховании рабочих, перешедшего туда из Государственной Думы.

Чего не доделала Дума 3-го июня с ее Тизенгаузенами и Гучковыми, то доделает Государственный Совет с его Крестовниковыми и Дурново. Ужо застрахуют... капиталистов за счет рабочих...

Что предвещает рабочим рассмотрение законопроекта в Государственном Совете — это легко себе представить по составу выбранной Государственным Советом комиссии [2].

Выбраны: *Н. С. Авдаков, Г. А. Крестовников, С. М. Ротванд, М. Н. Триполитов,* В. Дейтрих, В. И. Тимирязев, А. А. Бирилев, Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус, Мясоедов, барон Икскуль-фон-Гильденбандт, А. С. Хоминский, А. П. Сырнев, А. Зеленцов, Н. П. Балашов, М. И. Миклашевский, Багалей, И. П. Шипов, М. М. Ковалевский, Еремеев, Салтыков.

Все вожаки совета съездов фабрикантов и заводчиков (подчеркнутые имена), несколько бывших министров, несколько биржевиков, да парочка либеральных профессоров — вот кто будет вершить судьбы законопроекта о страховании рабочих.

«Новое Время» напало на промышленников за то, что они чересчур уж откровенно хотят использовать страхование в своих корыстных целях. Тон «Нового Времени» весьма бранчлив по адресу фабрикантов и заводчиков. «Эти последние, — жалуется «Новое Время», — руководятся не мотивами справедливости (*«Новое Время»* и... справедливость!), не государственными интересами, а только своими корыстными аппетитами». Во время революции промышленники выставили-де «чуть не всю программу-минимум социал-демократической партии», а теперь они «совершенно отказались от каких бы то ни было социальных реформ», и т. д.

Конечно, нужно быть очень наивным, чтобы принять всерьез эти выступления «Нового Времени» за социальные реформы и против фабрикантов и заводчиков. «Милые бранятся — только тешатся». То же «Новое Время» еще несколько дней назад писало по поводу страхования рабочих:

«Само собою разумеется, что никакое правительство не склонно вооружать врагов существующего новыми средствами

для борьбы с ним», т.-е., иными словами: страхование, так и быть, мы допускаем, но отнюдь не такое, которое укрепляло бы рабочих, а — лишь такое, которое укрепляло бы их врагов.

И, сваливая с больной головы на здоровую, нововременцы прибавляли:

«В стремлении крайних элементов использовать в революционных целях профессиональные и кооперативные союзы и учреждения коренится главное препятствие к успешному развитию последних... Доктринеры марксизма, проповедующие революцию для блага рабочих, на деле приносят благо и реальные интересы рабочих на алтарь революции»... («Новое Время», № 12806.)

Цена нововременской оппозиции против фабрикантов и заводчиков нам очень хорошо известна. Но, тем не менее, чем же вызвана перебранка между закадычными друзьями? Полагаем, вот чем. «Новое Время» — очень чуткий барометр. Эта газета часто слышит «как трава растет». И иногда она скорее, чем другие контр-революционеры, улавливает перемену настроения среди широких слоев рабочего населения. Нововременцы хорошо запомнили фразу г. Коковцова, обращенную к Государственному Совету:

«Если большинство наших фабрично-заводских законов издавалось под влиянием заводских забастовок и стачек, то отказываться от издания закона только потому, что этих стачек сейчас нет, — с государственной точки зрения совершенно недопустимо».

«Новое Время» видит, что в настоящий момент уже нельзя даже утешать себя тем успокоительным соображением, что стачек «сейчас нет», и оно благоразумно предлагает действовать не с такой циничной откровенностью. «Грабь, но знай же меру!».

Фразы «Нового Времени» против «мыловаренного» патриотизма промышленников, колкий ответ «Голоса Москвы» на «неосновательность обвинения» нововременцев, как и жалобы промышленников на «засилье аграриев», — все это, конечно, спор совершенно домашнего свойства. Сегодня они чего-то не поделили а завтра они опять идут вместе против всего живого, против всего сопротивляющегося их диктатуре. Но все-таки значение некоего симптома эта легкая перебранка в охранительном лагере — и как раз перебранка по рабочему вопросу — имеет. Быть может, только этого признака не хватало, чтобы можно было

окончательно сказать: значит, действительно не за горами начало оживления, коли эти начинают грызть друг друга...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 32, от 3 декабря 1911 г.; подпись: «Мариус».

[2]) В «Комиссию для рассмотрения законопроекта о страховании рабочих» кроме Авдакова, Крестовникова, Триполитова и Тимирязева (см. прим. стр. 76 и 90) входили:

а) Ротванд, С. М. — председатель варшавского биржевого комитета и совладелец банкирской конторы «Г. Вавельберг» в Петербурге; б) Бирилев, А. А. — морской министр, прогремевший хищениями в морском ведомстве; в) Балашов, Н. П. — был, согласно статистике крупного землевладения в России, своего рода «некоронованным королем» крестьянского юга; г) Шауфус, — бывший министр путей сообщения, широко развивший взяточничество на жел. дорогах; д) Мясоедов, — бывший выборгский губернатор, душивший Финляндию; е) Икскуль-фон-Гильденбандт, Ю. А., барон — безжизненный бюрократ аристократического уклада, сухой кодификатор канцелярской стряпни; ж) Хоминский, А. С. — «лицо без речей», благоговейно купавшийся в своем звании члена Совета; з) Сырнев, А. П. — отставной полковник, попавший в Совет от помещичьих земцев Вятской губернии, больше занимался коннозаводством и рыболовством; и) Зеленцов, А. — «человек без биографии», тоже из «выборных»; к) Миклашевский, М. И. — получил избирательные голоса от екатеринославских дворян за свой «250-летний род» потомственных владетелей «крещеной собственности»; л) Багалей, Д. И. — ректор Харьковского университета, археолог, замкнувшийся в круге специальности, далекой от жизни; м) Шипов, И. П. — б. министр финансов, а потом — торговли и промышленности, вышедший «в люди» лишь благодаря пресмыкательству пред Витте; н) Ковалевский, М. М. — выдающийся государствовед, основатель парижской «высшей школы социальных наук», но в практической деятельности — благодушный доктринер, на все смотревший глазами буржуазного конституционализма; о) Еремеев, А. К. — правый вологодский земец, выдвинутый своими единомышленниками «за твердость взглядов» в Гос. Совет; п) Салтыков, И. Н. — «светлейший князь», предводитель дворянства Петерб. губернии; р) Дейтрих, В. Ф. — б. пом. финл. ген.-губернатора, крайний «руссификатор».

Вот при таком-то составе «рабочая комиссия» из князей, капиталистов, помещиков, фабрикантов и черносотенных чиновников рассматривала «законопроект», вышедший из-под пера «барона» Тизенгаузена и его октябристских сородичей.

ЧТО ТАКОЕ «ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ» ОКТЯБРИСТ [1].

Уже давно известно, что октябристы потому только и называются октябристами, что больше всего ненавидят 17 октября. Действительные октябристы, это — кадетская партия, открыто заявившая устами Милюкова:

«На 17-м октября надо было поставить точку»...

Кадеты не хотели шага вперед от 17 октября, октябристам был нужен шаг назад — к 3-му июня. По справедливости, октябристам следовало бы называться «людьми 3-го июня».

Но такова уж логика политической борьбы! Умеренные (конечно, не в деле эксплоатации рабочих!) французские буржуа называют себя партией «радикал-социалистов». Австрийские антисемиты величаются «христианскими демократами». Кадеты в России не стыдятся называть себя партией «народной свободы». Не обманешь — не продашь!

В центральном органе октябристов появилась статья, в которой сказано:

«Акт 17 октября является делом необдуманным, творением канцелярским, не имеющим ни исторических, ни почвенных основ, результатом безмерной самонадеянности и крайнего легкомыслия».

Нечаянно, таким образом, один из сотрудников центрального органа октябристов высказал сокровенную мысль октябристов. Совершенно так же, как, например, в сборнике «Вехи» господа Струве [2], Изгоев [3], Бердяев [4], Булгаков [5] и проч. выболтали сокровеннейшие мысли кадетской партии.

Что тут было делать дипломатам октябризма? Помните, как Милюков любовно пожурил откровенных веховцев за их откровенность? То же сделал и г. Гучков по отношению к откровенному октябристу.

— Я и сам отлично знаю, что 3 июня много превосходней 17 октября. Но, ради бога, помолчите, избирателя побойтесь! — так сказал Гучков.

Через несколько дней после откровенной статьи Витмера [6] в центральном органе октябристов появилось «разъяснение» ее. Разъяснение сводится к двум пунктам:

1) «Мы (т.-е. редакция «Голоса Москвы»)... называем себя газетой беспартийной» (совершенно так же, как газета «Россия» «называет себя» частным изданием).

2) Указанная статья принадлежит-де перу «не-ортодоксально» октябристскому (совершенно так же, как кружок веховцев из «Русской Мысли» является «не-ортодоксально» — кадетским).

Полноте, г. Гучков, кто вам поверит? У вас с господами Витмерами совершенно такое же простое разделение труда, как у г. Милюкова с г. Струве. Витмер относится к Гучкову, как Струве к Милюкову.

Г. Гучкову мы бы серьезно рекомендовали, во избежание недоразумений, составить руководство для своих молодцов. Это руководство могло бы гласить приблизительно следующее:

— Ортодоксальный октябрист должен пить шампанское по поводу акта 3 июня, но официально славословить и акт 17 октября.

— Когда в стране голод, ортодоксальный октябрист, выслушавши речь премьер-министра, должен безбоязненно заявить, что голода собственно нет.

— Ортодоксальный октябрист должен до последней капли крови защищать Азефа и систему охранки вообще, но только — охранки обязательно «обновленной».

— Ортодоксальный октябрист должен помогать травить «инородцев» и в особенности — Финляндию. Но каждый раз, затравивши инородца, ортодоксальный октябрист должен перекрестить рот.

— Ортодоксальный октябрист должен говорить, что смертная казнь есть «печальная необходимость», но он должен действовать так, чтобы казни не уменьшались.

— Ортодоксальный октябрист может ругнуть Толмачева (7), но только после того как Толмачев ушел.

— Ортодоксальный октябрист должен говорить, что он — за гласность, и поэтому он должен храбро закрывать двери Думы, когда там хотят разоблачить провокацию.

— Ортодоксальный октябрист должен говорить как Громобой: «Мы возносимся в те высоты духа, где нечего делать полиции», но на деле октябрист должен всячески поддерживать народную тьму...

Этих заповедей, пожалуй, хватит для гучковского молодца, и, соблюдая их, он постоянно будет «ортодоксальным» октябристом...

Недавно г. Изгоев счел нужным заявить, что и он собственно — октябрист, правда не «ортодоксальный», а — «идейный». Г. Изгоев пишет:

«Да кто теперь не идейный октябрист в прогрессивном лагере? Вся без исключения левая часть Государственной Думы стоит под этим знаменем».

Насчет «всей левой без исключения» — это уж г. Изгоев хватил через край! Но г. Гучкова поздравить с приобретением все же следует: «ортодоксальный» октябрист и «идейный» октябрист — два сапога — пара.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 33, 10 декабря 1911 г.; подпись: — «Мариус».

[2]) Струве, П. Б., — вождь «легального марксизма», затем основатель группы и газеты (Штуттгарт) «Освобождение» — предтечи партии к.-д. Далее встал на правый фронт к.-д. и, закрепившись на позиции империалистической «Великой России», добрел до самого безудержного служения царизму и оправдания его шовинистических преступлений. Ныне в белой эмиграции.

[3]) Изгоев, А. С. (Ланде) — фигура, во всем подобная Струве, но меньшего калибра. Был некогда марксистом, а очутился там, где ему и приличествовало быть, — в центральном комитете кадетов и в редакционном составе «Речи». Ныне заграницей.

[4]) Бердяев, Н. А. — тоже отступник марксизма. Пошел по линии богостроительства и богоискательства, соединенной с линией откровенной белой реакции.

[5]) Булгаков, С. Н. — подобие Бердяева; пережив известный период «научно-профессорского» увлечения марксизмом, Булгаков перекачнулся «от марксизма к идеализму».

[6]) Витмер, А. Н. — октябрист, был заметен среди «союза 17 октября лишь благодаря полнейшей бесталанности «партии», состоявшей из чиновников и купцов, тянувшихся за своими главарями, которым требовалась некоторая «конституционность» в пределах, удобных для коммерции.

[7]) Толмачев, И. Н. — в 1907 г. был одесским градоначальником; инициатор и покровитель погромов. Он вел свою черносотенную «политику» до такой степени цинично, что даже Столыпин сконфузился и «ради приличия» убрал его.

ПОДАРОК ПРИКАЗЧИКАМ (¹).

Ровно год тому назад Государственная Дума приняла в третьем чтении пресловутый законопроект об отдыхе торговых служащих. Теперь, божией милостью, и Государственный Совет дал движение этому закону, и недавно, под председательством В. И. Тимирязева, состоялось заседание особой комиссии Государственного Совета для суждения по этому вопросу. Если ничто не помешает, то как раз к выборам в 4-ю Думу приказчики будут осчастливлены новым подарком: окончательным утверждением этого закона.

Государственному Совету осталось «исправить» и «разъяснить» уже немногое. Все было достаточно «исправлено» и «разъяснено» в черной Думе.

Достаточно сказать, что пресловутый законопроект есть детище пресловутого барона Тизенгаузена, третьедумского специалиста по рабочему вопросу.

Суть закона такова. «Нормальный» рабочий день попрежнему устанавливается в 12 часов, но тут же, рядом «исключений», доводится до 15 часов и больше. Сверхурочные работы узаконяются и доводятся до крайнего предела. Ученики отдаются на полный произвол хозяев и ввергаются в омут темноты и невежества. Выбор дня еженедельного отдыха устанавливается без малейшего внимания к интересам угнетенных национальностей. Надзор за исполнением закона поручен органам, явно враждебным торговым служащим. Мудрено ли, что барон Тизенгаузен, вдохновленный законченностью своего собственного творения, патетически воскликнул при третьем чтении законопроекта:

— «Это — один из гуманнейших законов, которые знает культурный Запад!»

Государственный Совет, как известно, не торопится, а поспешает медленно. Его комиссия пока что остановилась только на 1-м пункте законопроекта. Но уже при рассмотрении 1-го пункта достаточно выяснилось, в какую сторону Государственный Совет будет «разъяснять» и исправлять этот «гуманнейший» из законов. — Надо, — говорят члены Государственного Совета, — нормировать не время производства торговли, а время, в течение которого могут быть заняты служащие в предприятиях. Ухудшение здесь яснее ясного. В первом случае хоть 15-часовой

или 12-часовой рабочий день будет соблюдаться. Ибо единственная сколько-нибудь серьезная гарантия, это — запрещение держать открытым предприятие дольше определенного времени. Во втором же случае, если Гос. Совет «улучшит» проект г. Тизенгаузена, никакой контроль станет уже совершенно невозможным, и приказчики будут отданы целиком на милость хозяев. Даже г. министр торговли и промышленности С. И. Тимашев нашел, что хватит и скорпионов думской реакции, и в комиссии Гос. Совета он выступил против новых ухудшений законопроекта.

Но это еще только цветочки, ягодки — впереди. Оказывается, сами октябристы, проведшие в Думе этот «гуманнейший» закон о лишении отдыха торговых служащих, теперь затевают генеральный пересмотр его и прямо подсказывают Государственному Совету целый ряд самых вопиющих коренных ухудшений законов.

Ко времени начала работ комиссии Гос. Совета в октябристском «Голосе Москвы» появляется статья-манифест, откровенно требующая от Гос. Совета самой беспощадной расправы с приказчиками и служащими.

Только после исправлений Гос. Совета,—выражает надежду «Голос Москвы», — «мы получим закон, освобожденный от тех увлечений (в сторону охранения копелька хозяев? — *М.*), которыми изобилует думский законопроект» («Г. М.», № 277).

Думский законопроект (не забудьте: произведение Тизенгаузена!) создает, видите ли, «привилегированные (!) категории труда» и является «усилением дани крестьянства на содержание необходимого штата торговых служащих» — так повествуют октябристы, внезапно оказавшиеся противниками привилегий и радетелями крестьянства.

А далее октябристы уж прямо намечают для Государственного Совета целую программу ухудшений «гуманнейшего» из законопроектов.

Во-первых, думский проект предвидит только «для некоторых видов торговли» 15-часовой рабочий день. Ряду торговых заведений придется, таким образом, терпеть в течение 3-х часов «непосильную конкуренцию» — бедные, бедные хозяева! Отсюда мораль: введите всюду 15-часовой рабочий день для торговых служащих. Таково первое пожелание октябристов.

Во-вторых, думский проект предусматривает, что сверхурочные работы должны совершаться за особую плату и с согласия

служащих «по соглашению с хозяевами». Октябристам это не нравится. — «Нетрудно видеть,—пишет их орган,—что хозяева здесь отдаются на полный произвол служащих (так и написано. *М*.), ибо такие сверхурочные работы требуются обыкновенно в самое горячее время»... Мораль: заплатите особую плату за сверхурочные работы...

В-третьих, думский проект заранее учитывает некоторые границы эксплоатации детского труда (учеников), и с этими ограничениями наши «гуманные» законодатели никак не могут примириться.—«На практике такое освобождение малолетних от труда... поведет — видите ли — к баловству и развращению подростков». Вывод: упраздните **всякие** ограничения, выжимайте из детей и подростков все соки, — тогда сможете при помощи безграничной эксплоатации детского труда давить на взрослых приказчиков и служащих...

Нечего от себя скрывать: **такое** начало работ комиссии Госуд. Совета и **такое** выступление октябристов не предвещают приказчикам ничего хорошего. Антиприказчичий законопроект будет еще больше заострен против приказчиков. Закон о лишении отдыха торговых служащих будет превращен в закон о **сугубом** закабалении приказчиков. Таков подарок, который готовят приказчикам. Пусть знают они это и пусть сумеют дать организованный отпор своим врагам...

Скоро выборы в 4-ю Думу. У приказчиков есть крохи избирательных прав, и поэтому с ними перед выборами опять начнут заигрывать кадеты и октябристы. Приказчикам следовало бы хорошо ознакомиться с тем, как выступали в Думе различные партии в связи с приказчичьим законом.

Октябристы говорили:

«Мы являемся здесь не апостолами отдыха, мы — не апостолы безделья, а мы здесь — апостолы труда»... (Из речи барона Тизенгаузена.)...

Кадеты голосовали за переход к постатейному чтению закона г. Тизенгаузена, предлагали 10-часовой рабочий день и проповедывали приказчикам, что:

«Эти вопросы должны решаться не **путем стачек**, а государственным законодательством» (Щепкин).

— Государство должно защищать служащих, «**поскольку** (оно) из каких бы то ни было соображений может **обезоружить** рабочий торговый люд» (Маклаков).

Только рабочие депутаты до конца защищали интересы торговых служащих, и за это они были обвинены кадетами (Щепкин и другие к.-д. ораторы) в «крайностях» и в чрезмерном «увлечении» классовой точкой зрения...

Приказчичий вопрос вновь становится на очередь. Закипает борьба вокруг второго законопроекта — о найме торговых служащих. Политиканы не дремлют. Всякий действует по-своему. Г. Тизенгаузен нечаянно подменяет одну принятую редакцию другой. Господа кадеты меняют, как перчатки, свои предложения — в вопросе о приказчиках это для них не новость: тут бухгалтерия к.-д. партии особенно процветает.

А между тем огромный слой трудящегося торгового люда находится в чрезвычайно тяжелом положении. Докладчик в Думе Крюденер-Струве (октябрист) констатировал, что продолжительность торговли в бакалейных и мануфактурных лавках доходит до 16 часов, в гастрономических магазинах — до 17 часов. Средняя продолжительность торговли, если включить сюда и мелкую торговлю, — до $17^{1}/_{2}$ часов!

А плата?!

Совершенно бесплатно работают . . .	4,32 %
От 3 — 30 руб. в месяц получают . . .	66,43 »
От 30 — 50 руб. » » » . . .	23,03 »
Свыше 50 руб. » » » . . .	6,22 »

73,37 % приказчиков страдает ревматизмом. 70,4 % — болезнями пищеварения, 25 % — болезнями дыхательных органов, 35,56 % — нервным расстройством!

Камни вопиют!..

Для этих двух миллионов тружеников куют новые цепи октябристы. Их готовятся обмануть на выборах кадеты, протаскивающие своих Кутлеров и Маклаковых голосами обманутых приказчиков. Но не довольно ли? Не пора ли приказчикам взять свою судьбу в собственные руки?

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 34, от 17 декабря 1911 г.; подпись: — «Мариус».

КРАСНОРЕЧИВОЕ МОЛЧАНИЕ ([1]).

Вот уже несколько недель прошло с тех пор, как в газетах опубликовано главнейшее решение кадетской конференции: голосовать за октябристов («левых» октябристов) там, где нельзя будет провести кадетов.

Кадеты совершенно официально и весьма торжественно предложили октябристам блок на выборах. Они—по сути, а не по форме, конечно,—обратились с этим предложением как партия к партии, как держава к державе. Мы—вам, вы—нам; согласны, господа?—спросили кадеты октябристов. И—получили в ответ... гробовое молчание.

С понятным интересом и мы ждали, какой же будет ответ октябристов на кадетское предложение руки и сердца. Прошла неделя, две, три, четыре—октябристы точно воды в рот набрали. «Голос Москвы» передал содержание кадетских решений и ни слова не проронил о том, как же отвечают октябристы на предложение кадетов.

Что же сие значит? Почему октябристы хранят молчание по такому злободневному вопросу? Потому что молчание—тоже ответ. Потому что в данном случае молчание красноречивее всякого ответа.

Молчание октябристов означает, что октябристы отвергают предложение блока как обоюдный договор двух партий, как соглашение равного с равным. Если октябристы думают теперь о каком-либо блоке, так это о блоке с националистами и с крайними правыми вообще. Октябристы знают, что предвыборный правительственный циркуляр будет в пользу националистов, они понимают, что при избирательном законе 3-го июня националисты—сила, и они ищут блока именно с ними. Что до кадетов, так октябристы превосходно знают, что частичную поддержку—против левых—кадеты им и без того окажут. Деморализация среди веховских либералов настолько сильна, их боязнь «компрометации» пред начальством—какой бы то ни было близостью к левым—настолько велика, их жажда подслужиться к октябристам настолько необъятна, что кадеты и без блока в большинстве случаев помогут октябристу, где не смогут пройти сами.

Do ut des,—мы дадим вам наши голоса, а вы дайте нам свои—обращаются кадеты к октябристам. Напрасно поторопились,—

холодно отвечают октябристы на пылкое предложение кадетов. Мы так полагаем, господа, что вы без блоков и без «взаимностей» поддержите нас...

Заслуженный урок для представителей «ливрейной оппозиции»!

— Да мы к вам всей душой,—божатся кадеты перед главными союзниками старого режима.

— Проходите, проходите, господа хорошие,—отвечают им последние.

Кадеты однажды устами Милюкова наивно пожаловались: да Трепов (²) и другие представители реакции с нами (т.-е. с кадетами) считались только до тех пор, пока они считали нас революционерами, или пока они думали, что мы имеем влияние на революционеров...

Кадеты забыли, что слуги реакции не краснобаи. Слуги реакции не прочь использовать в своих целях и бессильно воздыхающего либерала; но чтобы они шли в блок с либералами, как равный с равным, это уж—ах, оставьте, г. Милюков!—по крайней мере до тех пор, пока реакция не будет прижата совсем с другой стороны.

Не блоки заключать с вами будут, господа кадеты, пока вы ведете себя так холопски, а пинки давать вам будут. Зарубите это себе на носу, почтеннейшие, чтобы вам вновь и вновь не попадать в то глупое положение, в которое вы попали теперь: разбежались, расшаркались, раскрыли объятия, а «предмет» ваш молча повернулся и ушел, оставив вас не в очень умной позе...

Что кадеты проглотят и эту пилюлю и даже сделают при этом веселую мину—это несомненно. Ибо больше им сделать нечего. Не пойти же им теперь, после Лондона и «Вех», на блок с левыми,—если даже предположить, что найдутся такие «левые», которые не побрезговали бы теперь союзами с к.-д. и сами предложили бы кадетам такой союз, рискуя попасть в то же положение, в которое попали кадеты, отвергнутые октябристами... Кадеты и без того в течение всех четырех лет 3-й Думы моют то «пятно», которое на них осталось со времени былого знакомства с «левыми», да никак не отмоют. Одна дорога торная осталась кадетам—дорога к октябристам. И они поплетутся к этой цели, как ни огорчены теперь «бесчувственностью» октябристов, которым они так пылко объяснялись в любви с таким плачевным результатом.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 34, от 17 декабря 1911 г.; подпись: «Гр.».

[2]) Трепов, Д. Ф. — свитский генерал Николая II, потомок старинной полицейской семьи, в 1905 г. получил от Николая II права диктатуры над Петербургом; первым мероприятием Трепова в этой области была попытка подавить рабочее движение пресловутым приказом «патронов не жалеть!» Затем — при усиливавшемся размахе революционного движения—пытался создать «кабинет общественного доверия», при чем вел тайные переговоры с кадетами, на которые те пошли весьма охотно в чаянии министерских портфелей. Треповская комбинация не удалась, сам он впал в немилость у Николая II и умер в должности дворцового коменданта, под конец даже лишившись влияния на закулисные интриги «Царского Села».

ВЫБОРЫ В РЕЙХСТАГ [1].

Вся европейская политическая печать напряженно ждет исхода избирательной борьбы, на этот раз имеющей особенно большое значение. «Гвоздем» является вопрос о результате борьбы для германской социал-демократической партии. Что эта партия одержит большую победу на предстоящих выборах—в этом не сомневается никто. Вопрос только—в размерах этой победы. Но и этот вопрос имеет огромное политическое значение и решит, быть может, судьбы всей германской политики в ближайшие годы. Понятно, что вся буржуазная Европа со скрежетом зубовным взирает на разыгрывающуюся в Германии грандиозную борьбу. И столь же понятно, что вся пролетарская Европа, затаив дыхание, ждет результатов того могучего единоборства, которое ведет германская социал-демократия со всеми буржуазными партиями. Даже некоторые из синдикалистов и анархистов на этот раз как будто отказались от своего обычного—столь неумного—пренебрежения к «парламентаризму» и самым внимательным образом следят за ходом борьбы в Германии (например, газета Эрве) [2]. Все понимают, что данные выборы имеют не одно только «парламентское» значение, что они сыграют огромную роль не только в германской, но и в международной политике.

Германская социал-демократия в своей избирательной платформе (подписанной Центральным Комитетом партии и парламентской с.-д. фракцией последнего рейхстага) заявила прямо и открыто:

«Социал-демократия стремится к завоеванию политической власти, которая теперь находится в руках имущих классов, злоупотребляющих ею в интересах меньшинства и в ущерб широким массам населения».

И действительно, вопрос о завоевании политической власти социал-демократией в Германии принимает все более и более реальные очертания. Приведенное положение все более и более начинает превращаться из чисто теоретического в практическое.

«Лассаль,—напомнил в своей последней статье Фр. Меринг,—в интимных беседах частенько говаривал своим друзьям и сторонникам: «Когда я говорю о всеобщем избирательном праве, вы всегда должны понимать под этим революцию».

И Меринг несомненно выражает мнение огромного большинства германских ортодоксальных марксистов, когда указывает, что протекающую теперь в Германии кампанию выборов—по внешности чисто парламентарную—тоже следует понимать именно в вышеуказанном смысле.

Памятные прошлые выборы в германский рейхстаг, так называемые «готтентотские» выборы 1907 г., прошли под знаком полной изоляции германской социал-демократии. Все, без исключения, либеральные партии, вплоть до самых либеральных, соединились тогда в одну «сплошную реакционную массу».

Им удалось лишить германскую социал-демократию 38 депутатских мест, хотя число голосов, поданных за социал-демократию, и на этот раз возросло на 250.000.

Вся буржуазная клика, вся юнкерская свора буквально опьянела от восторга после выборов 1907 года. Высокопоставленные особы посылали друг другу поздравительные телеграммы. Бебель с большим юмором рассказывал, как правящие сферы устраивали уличные демонстрации по поводу победы над социал-демократией, которую заживо хоронили.

Но — «кончился пир их бедой». Германская социал-демократия не испугалась изоляции (лишь ревизионисты потеряли голову и особенно рьяно принялись проповедывать «великий блок» с либералами). Неумолимая логика классовой борьбы привела к тому, что в нынешние выборы буржуазные партии вступили деморализованными, расколотыми между собой, неуверенными в своих собственных силах.

Ненасытный германский империализм требовал новых и новых налогов на широкие массы бедного люда. Дороговизна жизни за 1907 — 1910 г.г. дала себя знать чрезвычайно сильно. Цены поднялись в среднем на 30 — 35%, между тем как заработная плата за это время, по самым оптимистическим подсчетам, повысились только на 17,9%. Огромные локауты в металлургической, строительной, табачной промышленности восстановили против буржуазии десятки тысяч рабочих, доселе безразлично относившихся к борьбе партий. Страшное обнищание внизу (как мы знаем из цифр, даже абсолютное обнищание), сказочное накопление миллионов наверху — все это является лучшей пропагандой в пользу германской социал-демократии. Высчитано, что налоги составляют 290 марок (около 140 руб.) в год на семью. А в среднем заработок семьи равен 900—1.000 марок (около 400 руб.).

«Я знаю только одну семью, — воскликнула в одной своей речи Роза Люксембург, — которая за последний год повысила свое состояние ровным счетом на 3 миллиона. Это — семья Гогенцоллернов» ([3]).

В последнем германском рейхстаге было два большинства. Первое — «Бюловское» ([4]) большинство — состояло из либералов и консерваторов и «правило» в течение $2^1/_2$ лет. Либералы подло предали даже дело той полусвободы, которую они, казалось, всегда сами отстаивали. Конечно, очень скоро либералы и сами оказались обманутыми. На словах они изобразили себя «правительствующей» партией. На деле правили юнкера, от которых либералы получали только пинки. Обманутые обманщики были использованы реакцией до последней степени, а потом ею же были осмеяны. С каждым днем почва все более уходила из-под ног либералов. Они видели, что теряют всякое сочувствие даже со стороны тех слоев населения, которые их раньше поддерживали. Тут подоспела знаменитая «финансовая реформа». Юнкера требовали новых 500 миллионов налогов. Либералы соглашались голосовать только за 400 миллионов и клянчили, чтобы 100 миллионов были взяты из налогов на наследство. На этом и произошел разрыв либералов с консерваторами и сложился второй — «черно-голубой» блок. Партия центра (католики) — родные братья черносотенных юнкеров — уже не только по существу, но и опять формально стала у кормила. Этот новый, так называемый «Schnapsblock» (водочный блок), блок попов и помещиков, ознаменовал свою деятельность покушением на свободу коалиции и на самостоятельность рабочих в страховых организациях, подготовкой нового генерального натиска на пролетариат и колоссального увеличения расходов на милитаризм.

А за это время все больше и больше расшевеливался рабочий класс Германии, а с ним и все трудящееся население. Митинги протеста против войны, движение против дороговизны жизни, стотысячные уличные демонстрации с требованием всеобщего избирательного права в прусский ландтаг, Моабит и проч. — все это означало начало новой эры.

И теперь в глубинах народных бурлит, закипает еще более острая, более ожесточенная классовая борьба. Классовые противоречия зреют с головокружительной быстротой.

Избирательная борьба кипит во-всю. Буржуазные партии пустились, что называется, во все тяжкие. Издаются специаль-

ные руководства по «технике избирательной борьбы»: как писать избирательные афиши, как озаглавить погромче реферат, чтобы привлечь публику, как в последний день придумать неожиданную ложь против с.-д. кандидата. Издаются целые брошюры с «цитатами» из Энгельса, Бебеля и т. д., чтобы доказать «безрелигиозность» германской социал-демократии. Открывают специальную «национальную» подписку и создают фонд для борьбы с социал-демократией. Лгут и клевещут — кто во что горазд...

Либералы, предчувствуя большую победу с.-д., заранее начинают говорить о «справедливом» голосовании на перебаллотировках. «Справедливым» либералы считают, чтобы с.-д. голосовали на перебаллотировках за них. Сами же они, сплошь и рядом, надувают рабочих и в решающий момент голосуют за черных против с.-д. Так и французские «радикалы», — кричат о «республиканской дисциплине», чтобы заполучить себе голоса социалистов, а самим проводить черных там, где «радикалы» не могут пройти. Мягкотелые германские ревизионисты совершенно растаяли, слушая сладкие речи либералов. Они готовы местами голосовать за либералов даже при первом туре. Но марксисты на страницах «Vorwärts'a» и «Neue Zeit» предостерегают рабочих от чрезмерного доверия к «героям, которые в решительную минуту покидают поле битвы или даже перебегают на сторону врага».

Все пришло в движение. Все, и даже экономические организации деятельно участвуют в борьбе, как предпринимательские (например, «союз сельских хозяев»), так и рабочие (профессиональные союзы). «Свободные» союзы (социал-демократические), конечно, деятельно помогают с.-д. партии. Католические рабочие союзы, идущие за центром, тоже втянуты в борьбу. Но — к невыгоде центра. В политических столкновениях рабочих, идущих за центром, яснее вырисовывается демагогическая сущность этой партии. И рабочие все чаще и чаще отходят от центра, примыкая к социал-демократии, единственной защитнице рабочих интересов.

Новая заря занимается над Германией. Все чувствуют приближение новой эры. Социал-демократия в Германии все время быстро росла, как это видно из следующего подсчета:

За германскую с.-д. подано голосов:

1871 г. — 124.700 голосов, 1874 г. — 355.000, 1877 г. — 493.000, 1878 г. — 487.000, 1881 г. — 312.000, 1884 г. — 65.000,

1887 г. — 763.000, 1890 г. — 1.427.000, 1893 г. — 1.786.000, 1898 г. — 2.107.100, 1903 г. — 3.010.800, 1907 г. — 3.259.000.

Но теперь приближается критический момент, когда количество перейдет в качество. Энгельс предвидел, что, в конце концов, возможен момент в Германии, когда «легальность» станет убивать правящий класс и когда пролетариат скажет: стреляйте первые, господа буржуа! Кто знает, не начинает ли приближаться именно этот момент в Германии?. Покушения «господ буржуа» на свободу коалиции, быть может, служат лишь робким началом, за которым последуют новые нападения на завоеванные народом права. Что произойдет тогда — покажет будущее. Во всяком случае, предстоящие 12 января (нов. ст.) выборы сыграют очень большую роль в ближайших судьбах германского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 36, от 31 декабря 1911 г.; подпись: «Мариус».

[2]) Эрве, Г. — французский анархо-синдикалист, издатель газеты «Виктуар» («Победа», прежде «Социальная война»), проповедник «прямого действия», противник парламентаризма, выдвигавший лозунг всеобщей стачки, — особенно в борьбе с милитаризмом и в случае войны. Все это не помешало Эрве с началом международной бойни 1914 г. превратиться в самого яростного защитника теории поголовного истребления немецкого народа ради всевозможных аннексий и контрибуций, а его газета впала в националистический бред самого крикливого свойства.

[3]) Гогенцоллерны — низвергнутая в 1918 г. династия прусских королей (с 1701 г.) и германской империи (с 1871 г.), «созданной» Бисмарком, как он сам хвастался, «из крови и железа». Все Гогенцоллерны усиленно насаждали в Германии милитаризм, особенно последний представитель семьи — Вильгельм II, в войне 1914 г. нашедший себе союзников в лице германской социал-демократии.

Фамилия «Гогенцоллерн» происходит от давно уже разрушенного замка рыцарей-разбойников (между Баденом и Вюртембергом). Гогенцоллерн значит по-русски «Высокий Цоллерн».

[4]) Бюлов, Ф. — германский канцлер, верный пособник Вильгельма II по проведению его империалистических планов и немалый искусник в парламентских блоках. В 1911 г. Бюлов, при княжеском титуле, уже был послом Вильгельма в Риме.

СИМВОЛ ВЕРЫ КАДЕТСКОЙ (1).

Новые времена — старые песни... В преддверии избирательной кампании кадеты делают попытку воскресить один из самых ветхих символов веры либералов: миф о том, будто вся Россия делится только на два лагеря — либералов и не-либералов, конституционалистов и противников «конституции», «прогрессистов» (2) и реакционеров.

Кадетская «Речь» уже давненько — в связи с частичными выборами в Москве — подбиралась к тому, что на выборах в 4-ю Думу должно-де оказаться не больше двух лагерей: сторонники правительства и «прогрессисты». Тогда это пробовали истолковывать так, что кадеты, в виду гонений против антиправительственных кандидатов, особенно в провинции, дают разрешение своим партийным кандидатам в случае надобности укрываться под кличкой просто прогрессиста. К таким мерам нелегализованная оппозиция силою внешнего, так сказать, «галицийского» давления, быть может, действительно вынуждена будет прибегать (хотя к.-д. — меньше всего). Не против этого мы спорим. При всех возможных гонениях бороться будут не два, а три лагеря. Мы спорим против той лицемерной «философии», которая создается кадетами специально на предмет предвыборных надобностей, специально для обмана демократического избирателя.

Демократический избиратель все более начинает эмансипироваться от кадетской указки, освобождаться от кадетского гипноза. Попытаться удержать гегемонию, хотя бы над прежним составом избирателей, голосовавших за кадетов, кадеты могут только прибегая к новым средствам обмана избирателей. То они пугали неискушенного обывателя «черносотенной опасностью». То теперь стали втирать очки насчет того, что при нынешнем политическом положении в России остались-де только две партии: черные да кадеты.

На этот раз начинают право-кадетские «Русские Ведомости»(3). В передовой статье, посвященной принципиальным вопросам открывающейся избирательной кампании по выборам в 4-ю Государственную Думу, «Русские Ведомости» пишут:

«В России числится много партий, но сейчас... все эти партии... как бы сгруппировались на двух сторонах, между кото-

рыми будет вестись борьба на выборах. Демаркационная линия между двумя лагерями проведена очень резко, и принадлежность различных политических групп к тому или другому из них всецело определяется их отношением к вопросу об упрочении в России конституционного строя» («Р. В.», № 287).

И для вящшей убедительности московский орган кадетов прибавляет:

«Многие программные разногласия, которые еще так недавно раскалывали прогрессивную половину русского общества на ряд борющихся между собою партий, в значительной степени утратили свою остроту... Жизнь отодвинула все разъединяющие моменты на второй план, а выдвинула на первую очередь те основные конституционные вопросы, в решении которых среди прогрессивных элементов русского общества нет (?) разногласий».

... Хорошо поют кадетские писатели, убедительно поют... Только, как же это так? Не вы ли, господа кадеты, распинаясь, кричите, что вы боретесь и против «крайностей» справа, и против «крайностей» слева? Значит, считая и кадетов, на арене политической борьбы в России существует не два, а три лагеря. Не вы ли в той же 3-й Думе, надрываясь, убеждаете всех, кому сие ведать надлежит, что вы (кадеты) и представляете собой настоящий, разумный «государственный» центр, в противоположность и излишне реакционной политике правых, и «кровавой и бесплодной» тактике левых? Значит, в будни, когда не приходится думать о непосредственном уловлении избирателя, вы сами признаете, что в России борются три основные политические группы, три системы политики.

Как же это три лагеря превратятся в два?

Какой же из трех лагерей, господа кадеты, должен по-вашему исчезнуть на время выборов? Правые, кадеты или левые? И как вы думаете добиться этого политического чуда, господа? Прикажете ли вы помещикам и купцам не выбирать националистов и октябристов? Предложите ли вы средней буржуазии и верхним слоям буржуазной интеллигенции не выбирать либералов? Или крестьянам и рабочим посоветуете не выбирать трудовиков и социал-демократов? Мы охотно верим вам, господа кадеты, что третье было бы для вас самым желательным, что вы готовы для этого сделать все возможное и даже невозможное; мы очень хорошо знаем, что именно для этого и придумана вся ваша «философия» о двух лагерях. Но только, право же, не выйдет это у вас. Не видать российским либералам гегемонии над

рабочими и передовым крестьянством — об этом позаботились бурные годы нашей истории. Рабочие и крестьянство кое-что да значат уже в нашей общественно-политической жизни, эти слои имеют свои партии, и заставить их оказать доверие кадетам за пару «добрых» слов и за то, что кадеты перерядятся в «прогрессистов», — не так уж легко.

Вы вот говорите о «двух лагерях», господа кадеты. Но как у вас память коротка! Ведь совсем на-днях вы предложили блок на выборах в 4-ю Думу октябристам. Представьте же себе, господа, на минуту, что октябристы приняли бы ваше предложение — ведь счастье казалось вам «так близко, так возможно». Что же, тогда на выборах в 4-ю Думу тоже было бы только два лагеря? И против кого, почтеннейшие, вы и хотели заключить этот блок с октябристами, как не против третьего лагеря, т.-е. против левых, против рабочей и крестьянской демократии?

Но вам не повезло, господа кадеты, — октябристы ответили вам презрительным молчанием. И когда мы на это указали в «Звезде», октябристы, процитировав нашу статью, открыто заявили, чтобы еще больше унизить вас, что и отвечать-то вам не стоило, ибо ваше предложение руки и сердца повисло «в атмосфере равнодушного молчания» («Голос Москвы», № 292). Получив пинка от октябристов, вы и заговорили о двух лагерях...

Вы уверяете, господа кадеты, что у нас будут только два лагеря, потому что центральным вопросом становится вопрос о «конституции», в решении которого будто бы «нет разногласия» среди «прогрессивных элементов русского общества». Теперь-то мы понимаем, почему вы предложили блок Гучкову. Ведь заявил же Гучков, что он — «конституционалист» и притом «не со вчерашнего дня». Ну, как было Милюкову не поверить Гучкову!

Полноте притворяться невинными младенцами, господа кадеты! Это вам не к лицу. Уж будто вы и не слышали, что «конституция» «конституции» рознь! Уж будто вы и не знаете, что именно из-за характера конституции идет борьба между российской демократией и российским либералом! Все «прогрессивные» люди, видите ли, согласны, что нужна «конституция», а потому — только два лагеря. Точно г. Милюков никогда и не знал, что одно дело — «конституция», скажем, прусская, а другое дело, например, — «конституция» французская, швейцарская

или американская, а еще другое дело — та «конституция», которая нравится Пуришкевичу...

«Где силой взять нельзя, там надобна ухватка»... И кадеты хватаются за всякую фальсификацию, не останавливаясь перед любым лицемерием, чтобы только отвлечь демократического избирателя от левых партий. Кто возьмется предсказать, сколько раз за время избирательной кампании изменят они еще свои приемы и свою тактику? «Конечная цель» у них остается одна. Но в «тактике» они весьма гибки! Сегодня — предложение блока октябристам, завтра — россказни о двух лагерях, послезавтра — вопли о черносотенной опасности, еще через день — использование полицейских привилегий против левых и т. д., и т. п.

У нас находятся наивные люди, верующие в возможность установления «на время выборов» «солидарности (с кадетами) в борьбе за самую свободу выборов и выборной агитации». Пусть новейший прием кадетов с «двумя лагерями» послужит уроком для таких людей. Весь этот прием рассчитан всего-навсего на устранение с политической арены именно левого лагеря.

Сами кадеты, конечно, ни на минуту не верят в старинную либеральную побасенку о двух лагерях. Они знают, что политическая дифференциация пошла и в России достаточно далеко, что безвозвратно миновали времена, когда можно было говорить: у нас все едины против партии кнута и палки. Миф о двух лагерях воскрешается в явно демагогических целях — «для народа».

Что бы там ни было, а рабочая демократия должна суметь в предстоящей избирательной кампании сказать достаточно громко:

— Граждане избиратели! В стране (и на выборах) борются три основные политические силы:

1) Правые, вплоть до октябристов, являющиеся опорой режима 3-го июня.

2) Либералы, с кадетами во главе (сюда же входят «прогрессисты», мирнообновленцы (⁴), некоторые «беспартийные», некоторые «левые» октябристы), желающие «обновленья» больше, чем старый режим.

3) Демократы, с рабочей демократией во главе, выражающие интересы огромного большинства российского населения...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 1, от 6 января 1912 г.; подпись: «Г. Зуев».

[2]) Прогрессисты — немощная политическая «партия», придуманная проф. М. М. Ковалевским. От октябристов ее отделяло только название. В 3-й Гос. Думе группа насчитывала 40 членов, председательствовал некто И. Н. Ефремов, дворянский депутат от казачьих стариков «войска донского», любивший прикидываться «правым кадетом».

[3]) «Русские Ведомости» — одна из старейших либеральных газет, выходившая в Москве с 1863 г. По составу своих сотрудников и по академически-безжизненному тону тщательно взвешенного «прогрессизма» газета именовалась «профессорской». Газета попала в конце концов в право - кадетские руки.

[4]) Мирнообновленцы — так называлась в 1-й Гос. Думе горсточка земцев и «горожан», выбравшая своим председателем ветхого старца, графа П. А. Гейдена. В 3-й Гос. Думе мирнообновленцы распылились, но в 4-й уже значились в объединении с «прогрессистами».

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ [1].

Известно, при каких тяжелых внешних условиях протекает деятельность рабочих профессиональных союзов в России. За один 1910 год, по только что опубликованным данным органа российских локаутчиков — «Промышленность и Торговля», закрыто 82 профессиональных союза, из них 32 в одной Петербургской губернии. По другим подсчетам, за 1910 год закрыто не 82, а 120 профессиональных союзов рабочих. К пятилетнему юбилею закона 4-го марта, весною 1911 года, когда «считать мы стали раны», было установлено, что за тот период было закрыто 497 рабочих союзов и отказано в регистрации 604 союзам!

Кажется, достаточно красноречивые цифры. Мы можем не распространяться о сотнях арестов деятелей профессионального движения, о бесконечном мартирологе рабочих профессиональных журналов и т. д. Читатель знает, что каждое закрытие союза означает арест десятков членов его, несет полное разрушение долгой, кропотливой, зачастую прямо героической работы передовых рабочих! И если читатель, хотя бы только в уме, попробует помножить эти удары по рабочим на 487, на 620, на 120 и т. д., — перед ним встанет картина таких гонений, которых не знали рабочие ни одной страны, хотя и «в Европе» пролетарии видели не мало гонений.

Пробовал у нас защищать свободу союзов такой столп реакции, как Лев Тихомиров. В своей книжке «Рабочий вопрос» он выступил с целой программой на этот счет. Конечно, Тихомиров добивался известной свободы союзов не потому, что это необходимо в интересах рабочих. Нет, он прямо объяснял, что «дать» некоторую свободу союзов он предлагает с единственной целью — отвлечь рабочих от социал-демократии и увлечь их в сторону «чисто-экономической» деятельности. Вслед за буржуазным профессором Кулеманом [2] г. Тихомиров повторяет: «профессиональное движение — смертельный враг социал-демократии», пооcлабьте «прижим» по отношению к союзам, и вы убьете социал-демократию...

Теперь в печати выяснено, что Лев Тихомиров находился в очень близком личном общении с П. А. Столыпиным. Он, значит, имел не мало шансов на то, чтобы его «план» был серьезно обсужден и обдуман. Но, судя по вышеприведенным

цифрам, руководители русской политики сделали другой вывод из опыта профессионального движения на Западе. Они не решились на предложенный Тихомировым эксперимент. В отношении к рабочим у них давно нет места иллюзиям...

Еще совсем на-днях центральный орган октябристов писал, разбирая вопрос о «свободах»:

«Не знаешь, как быть с малейшим проблеском свободы: ведь все стремятся использовать... Автономия высшей школы? Вот вам всевозможные забастовки... Профессиональные союзы? Вот вам социал-демократические организации» («Голос Москвы», № 284).

В этих словах выражена вся «философия» правящих кругов в вопросе о профессиональных союзах. В сущности, октябристы и те, кто с ними солидарен, говоря так, сходят с почвы закона, ими самими установленного, и становятся на почву гражданской войны. Закон обеспечивает некоторую свободу союзов. Но... но в силу указанных «Голосом Москвы» соображений, закон отменяется. Таков, в сущности, был и ответ правительства и думского большинства на известный запрос с.-д. фракции 3-й Думы, по поводу гонений на рабочие союзы. Рабочие депутаты запрашивали не о том, почему арестовывают людей, заподозренных в принадлежности к неугодной партии. Тут ответ ясен. Нет, они спрашивали, почему закрывают рабочие союзы, действующие на основании закона. И тот ответ, который дает «Голос Москвы» и дала 3-я Дума, есть, несомненно, отказ от законной почвы тех, кто больше всего о законности кричит. И из этого отказа, естественно, необходимо другой стороне сделать и свои выводы...

Мерами насилия теперь добились того, что численно профессиональное движение очень слабо. В целом ряде губерний, например, почти во всей центральной России, профессиональные союзы совсем «не допускаются». Центральной всероссийской организации у рабочих союзов вовсе нет. И этим, между прочим, объясняется и то обстоятельство, что своей рабочей статистики союзы не имеют, и трудно даже сказать с точностью, сколько профессиональных союзов существует сейчас в России. Некоторые данные на этот счет мы можем почерпнуть только из отчетов отдела промышленности и из органов фабрикантов и заводчиков.

В конце 1908 года «Промышленность и Торговля» определяла число членов профессиональных союзов по всей России

в 40.000 человек. К концу 1909 года этот же орган насчитывал уже только 14.000 членов по всей России. Некоторое представление о количестве союзов (но не о числе членов) к концу 1910 года дает следующая табличка:

Губернии.	Число союзов предпринимателей.	Число союзов рабочих и служащих.
Московская	13	66
Таврическая.	1	69
Петроковская	13	43
С.-Петербургская.	9	45
Херсонская	4	47
Варшавская	6	37
Лифляндская	8	35
Киевская	8	32
Донская область.	1	30
Екатеринославская	2	21
Прочие губернии	19	295
Всего	84	720

Нечего и говорить о том, что считать приведенные данные беспристрастными нельзя. Так, число хозяйских союзов явно преуменьшено. По данным анкеты Технического Общества, опубликованным и в «Звезде», хозяйских союзов почти вдвое больше. Ведь недаром же Витте еще в 1903 году открыто взывал к фабрикантам и заводчикам: «старайтесь почаще видеться, съезжаться, совещаться, организовываться». Фабриканты и заводчики вняли этому благому совету, и теперь, пожалуй, даже граф Витте признает, что они «съезжаются» и «совещаются» более чем достаточно...

Во всяком случае, как ни отрывочны приведенные цифры, они свидетельствуют с несомненностью, что вырвать с корнем профессиональное движение оказалось невозможным.

Интересно сопоставить данные о профессиональных союзах с последними данными о кооперативах, тоже на-днях опубликованными. На 1-е января 1911 года в России зарегистрировано одних только кредитных кооперативных обществ 8.504. Число членов потребительских обществ перевалило за полмиллиона, и еще в 1908 году равнялось 550.000.

Почти во всех странах Западной Европы число членов кооперативов находится на одном уровне с числом членов профессиональных союзов или даже несколько превосходя их. Не то в России. У нас число членов кооперативов приблизительно раз в десять превосходит число профессиональных союзов.

Чем объяснить подобное явление? Несомненно тем, что огромное большинство нынешних русских кооперативов по своему составу не рабочие, и уже, во всяком случае, в своей политике не руководствуются пролетарской точкой зрения. Рабочие кооперативы тоже подвергаются в России чрезвычайным гонениям и едва только начинают грудью прокладывать себе дорогу к лучшему будущему. «Жить» дают преимущественно антирабочим и антисоциалистическим кооперативам, тем кооперативам, представители которых на 1-м всероссийском кооперативном съезде в Москве провалили предложение об открытии кооперативами кредита рабочим во время забастовок. («Грабиловки», как известно, наоборот, именно во время забастовок особенно прижимают рабочих.) «Терпят» в лучшем случае те кооперативы, от имени которых либерал Тотомианц ([8]) в Гамбурге на международном съезде кооперативов самодовольно заявлял:

— «О классовом характере кооперативного движения не может быть и речи (!), ибо это изменило бы тот угол зрения, под которым раз навсегда следует рассматривать кооперативы».

Рабочие профессиональные союзы, рабочие кооперативы не имеют возможности свободно развиваться. Этой свободы их лишают именно за то, что они — рабочие и, стало быть, в современной России — почти всегда социалистические. Чтобы добиться свободы союзов, хотя бы такой, как в западноевропейских странах, рабочим приходится попрежнему бороться за коренное общественное изменение всей русской жизни. Смешно думать, что без этого можно было бы добиться в России свободы коалиции, что можно постепенно «врасти» в эту свободу. Именно с точки зрения реальной политики — в лучшем смысле этого слова — нельзя ни на минуту представить себе режима 3-го июня, совмещенного со свободой коалиции. Поэтому, кто понял необходимость свободы коалиции — частного, тот должен бороться против режима 3-го июня и за достижение коренным образом нового общеполитического уклада (т.-е. бороться за общее). Кажется, нигде

и никогда еще не была так очевидна политическая истина: хочешь достигнуть частного — борись за общее... Кажется, нигде и никогда еще не было настолько очевидно, что так называемая «борьба за право», т.-е. за частичные поправки к старому режиму, есть лозунг ограниченно-либеральный.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 1, от 6 января 1912 г.; подпись: «Гр.».

[2]) Кулеман, В. — советник бременского (в Германии) окружного уголовного суда, автор книги «Профессиональное движение» (было два издания на немецком языке — 1901 г. и 1908 г.), есть русский перевод (1901 г.). «Профессиональное» положение Кулемана ясно определяет точку зрения, с которой этот судейский чиновник мог смотреть на рабочее движение.

[3]) Тотомианц, В. Ф. — автор трудов по кооперации и рабочему движению. О взглядах можно судить по его предисловию ко II и введению к первому изданию его книги «Формы рабочего движения» (1905 г.), где автор заявлял, что «высоко ставит экономику» и боится «разочарований политики».

«НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТЫ» И НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЫ (1).

Националисты не так давно попробовали «родными счесться» с кадетами, по крайней мере с теми из кадетов, которые являются безоговорочными веховцами, т.-е. не отрекаются даже на словах от пресловутого сборника «Вехи», этого пасквиля на русскую демократию.

Дело происходило так. Националисты решили, что они ничем не хуже других партий, и что им тоже нужна своя идеология, своя «философия». То ли националистам не давали спать лавры знаменитых московских совещаний «представителей науки и миллионов», на каковых совещаниях московские купцы за сходную цену нанимали себе светил кадетской науки и публицистики для обслуживания «идеологических» потребностей; то ли националисты и сами почувствовали, что без какой ни на есть «интеллигенции» и идеологических прикрытий им в их хищнической политике не обойтись; но только националисты тоже решили «пойти в народ», заняться пропагандой и — пуститься в литературное плавание.

Московская группа националистов («национал-демократов»), с благословения гр. В. А. Бобринского (2), выпустила «сборник Ладо» (3), в котором рядом с провозглашением целого ряда «свободолюбивых», «национал-демократических» программных требований выдвигается, как одна из главных задач «русского национального движения», — «идейное противодействие социалистическому и социал-демократическому учению» и создание специальных обществ «борьбы среди масс против лжеучения социал-демократов».

И вот в этом-то почтенном сборнике наши «национал-демократы», с благословения гр. Бобринского, делают следующее признание в любви по адресу кадетов-веховцев:

> «Вехи» — показатель поворотного периода. Это — первое зародышевое движение еще некристаллизованной партии националистов, государственных либералов, национал-народников [?], национал-прогрессистов или, лучше всего — национал-демократов».
>
> «Вехи» — покаяние интеллигенции.... Принципиально ничто не разделяет больше покаявшегося чиновничества и покаявшейся (веховской) интеллигенции. «На сочетании двух идей, выдвинутых

смутой, — идеи государственной и идеи прогрессивной, либеральной, демократической (!) — мы думаем, будет построено мировоззрение новой России».

Этот жирный поцелуй националистов не понравился прикровенным веховцам, дипломатам из «Речи». В целом фельетоне («Речь», № 341) Милюковы кадетизма пытаются смыть этот поцелуй и представить дело так, будто между «Вехами» и национализмом, между национал-либерализмом кадетов и «национал-демократизмом» московского кружка националистов абсолютно нет ничего — ну, решительно ничего — общего.

Остановимся на этом вопросе. Нельзя, разумеется, просто поставить знак равенства между «национал-демократами» и веховцами-кадетами. Но необходимо признать, что в вышеприведенной оценке «Вех» содержится много безусловно верного. Святая истина, что «Вехи» — покаяние интеллигенции. Надо было только сказать: контр-революционной либеральной интеллигенции. Святая истина, что принципиальной грани между покаявшимся чиновником и покаявшимся веховцем нет. Как реальные политики, националисты правильно уловили то, что роднит кадета-веховца с прямыми защитниками режима 3-го июня. Напрасно только московские националисты так затрудняются подыскать соответствующее политическое название для веховцев-кадетов. — «...Национал-народники», «национал-прогрессисты»,— тужатся наши писатели из националистического сборника. Они, очевидно, забыли, что в европейской политической номенклатуре существует еще одно совершенно точное определение: национал-либерал. Кадеты-веховцы, группа «Русской Мысли» (4), в первую очередь все эти Струве, Маклаковы, Гершензоны (5), Изгоевы, Кистяковские (6), и проч., и проч., представляют собою совершенно определенных национал-либералов на русской почве.

Уже в 1908 году можно было явственно наблюдать зарождение национал-либерализма на русской почве. Г. Струве, который в делах ренегатства всегда в первых рядах, уже бросил свой лозунг: «Великая Россия». И лозунг этот имел, конечно, тот же смысл, что в устах, скажем, германских национал-либералов лозунг: «Великая Германия». Усиление милитаризма, завоевательная внешняя политика, откровенный империализм — вот что прежде всего означает пароль «Великая Россия». Вспомните, как повела себя вся кадетская партия в эпоху аннексии Боснии и Герцеговины (7). Вспомните холопское поведение каде-

тов во время «всеславянской» оргии (8). Вспомните, как наперебой с октябристами кадеты исполняли долг прислужничества перед Крамаржем (9) и всеми «славянскими гостями», как кадеты Маклаков и Стахович в тесной компании с Бобринским ездили на «всеславянский съезд». Вспомните, как выступления Извольского на думской трибуне объявлялись в «Речи» «национальным праздником», как Маклаков от имени всей кадетской партии заявлял с думской трибуны по поводу внешней политики правительства: «мы желаем быть не помехой, а поддержкой и опорой правительству в его дальнейшей деятельности». Вспомните, как Струве прямо указывал правительству ближайший объект завоевательной политики (конечно, исключительно в интересах «Великой России») — Ближний Восток. Вспомните, как, по разоблачению А. Столыпина, в одном интимном собрании «один из знаменитых на всю Россию членов оппозиции схватился за виски и говорил: «ведь вот в чем ужас, — у нас нет войска... ужас, ужас!..»

«Вехи» были только дальнейшим этапом на этом пути. Контр-революционные либералы уже не только робко намечали свою «положительную» программу, но с цинизмом озлобленных ренегатов обдавали слюной все подлинное освободительное движение. Знаменитая поездка кадетов в Лондон, за которую даже формально ответственна вся кадетская партия, принципиально ничем не отличалась от «Вех», относительно которых Милюков и К° выступили с некоторыми трусливыми оговорочками. Этого факта не вытравят никакие — по нынешним временам вполне возможные — временные и скоропреходящие «полевения кадет»...

Вспомните другой лозунг П. Струве, — лозунг, выраженный в претенциозной формулировке: «личная годность», и по существу являвшийся перепевом столыпинской «ставки на сильных». Это — тоже вполне в круге идей национал-либерализма. И группа «Русской Мысли», — т.-е. откровенные кадеты-веховцы, — вполне последовательно продолжает ту же национал-либеральную линию «Великой России».

Полюбуйтесь, например, следующими признаниями Изгоева в одной из последних книжек «Русской Мысли».

Сей подголосок Струве, рекомендующийся как человек, которого «трудно обвинять в особых симпатиях к социал-демократам», приятельски журит дипломатов «Речи» за их покачивания головой по поводу проповеди идеи «Великой России».

— Струве упрекают за проповедь империализма и милитаризма. — «Ничего зазорного в этом упреке нет», — отвечает его оруженосец Изгоев.

— «Армия, если она существует, должна существовать только для войны...

...Все воспитание, обучение и снаряжение армии должно руководиться единой целью — ее подготовкой к войне. Бессмысленно воспитывать армию в отвращении к войне... Либералы... восстают против всего того, что делает нашу армию менее способной к войне, к убийству наших врагов» (в том числе и «внутренних», конечно ?).

По крайней мере, откровенно! Жаль, что Изгоев не депутат 3-й Думы. После таких реплик Гучков нет-нет, а пустил бы Изгоева в комиссию государственной обороны. Ну, как националистам после этаких заявлений не хвалить национал-либералов — веховцев? Везет веховцам! Похвалил преосвященный Антоний Волынский ([10]), похвалили теперь молодцы графа Бобринского. И хуже всего это то, что и тот и другие похвалили кадетов-веховцев вполне заслуженно.

Струве, когда он еще был марксистом, пророчески предсказал, что «чем дальше на Восток, тем подлее и трусливее становится буржуазия». Своей собственной политической эволюцией Струве усиленно стремится подтвердить эту святую истину. Но и Струве, кажется, не без основания, предсказал один поэт, что:

В Союзе Русского Народа
Вождем идейным будет он...

Поживем — увидим, до чего дойдет сей перманентный перебежчик. Но дело не лично в нем. Дело в целом идейно-политическом направлении, которое ярко и выпукло выразили веховцы. В контр-революционных либералах веховского толка «национал-демократы», руководимые Бобринскими, вполне справедливо узрели родственные души, при всей той разнице, которая между той и другой группой существует сейчас.

Наши «национал-демократы» делают попытку создать нечто среднее между «центром» и «консерваторами», говоря германскими терминами. Конечно, российская вариация имеет во многом свои особые черты. Но с национал-либералами у нее окажется не мало точек соприкосновения у нас в России, как существуют эти точки соприкосновения и в Германии.

У рабочей демократии достаточно ожесточенных и ненавидящих врагов и в лице «национал-демократов», и в лице

веховцев (откровенных — типа Струве, прикровенных — типа Милюкова). У рабочей демократии нет, в свою очередь, никаких оснований относиться с чрезмерной любовью как к национализму, так и к национал-либерализму...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 4, от 20 января 1912 г.; подпись — «Г. Зуев».

[2]) Бобринский, В. А., граф — аристократ, проведенный в Гос. Думу киевскими черносотенцами, глашатай «национализма». Бобринский носился с криками о «всеславянстве», тянул под скипетр Николая II так называемую «Угорскую Русь» (австрийскую Галицию) и т. п. В Думе выступал традиционным защитником всяческого произвола самодержавного режима.

[3]) «Ладо» — «литературно - общественный сборник, посвященный «нарождающейся русской национал - демократии», изданный в СПБ., в 1911 г. В сборнике участвовало, кроме самого инициатора «Лада», графа Бобринского, несколько пылких, но аляповато-бездарных «национал-демократов».

[4]) «Русская Мысль» — ежемесячный «литературно-общественный» журнал, издававшийся с 1880 г. После зарождения «веховства» был захвачен Петром Струве.

[5]) Гершензон, М. О. — плодовитый историк литературы, знаток ее «пушкинского периода». Был крестным отцом «Вех», где сломал не одно перо в потугах доказать «превосходство правильного устроения каждого отдельного духа над изменением общественных форм» (см. статью «Творческое самосознание»).

[6]) Кистяковский, И. А. — юрист, цивилист (много писал в области «гражданского права»). Оставив профессуру, сделался помощником и сотрудником С. Муромцева, вплоть до выбора последнего в председатели 1 Гос. Думы.

[7]) Босния и Герцеговина — область на Балканском полуострове, отпавшая от турок после войны 1877—78 г.г. и полуприсоединенная к Австро-Венгрии на началах «протектората», хотя население, сплошь почти мусульманское, всячески тяготело к Турции. В 1908 г., путем соглашения царского министра иностранных дел, Извольского, и австрийского—графа Эренталя, состоялась полная «аннексия» Боснии-Герцеговины к Австрии. Либеральная интеллигенция, особливо кадеты, подняли шум, при чем ничего не говорилось в защиту прав Турции, а весь вопрос рассматривался с точки зрения австрийской «опасности для великодержавных планов России».

[8]) Всеславянская оргия — состоялась дважды: в 1908 г. и в 1910 г. Первая «оргия» именовалась «всеславянским съездом в Праге», а вторая — «всеславянским съездом в Софии». Левые элементы славянства вполне правильно отказались участвовать в «оргиях», а черносотенно-русские «оргиасты» поехали в Прагу и в Софию исключительно с целью попеть «боже, царя храни» и продемонстрировать двуглавого орла. Поэтому

вполне резонно «Славянский клуб в Кракове» отказался от съездов, указав, что он «не может работать с представителями реакционной и националистической России, — русификаторской, антиславянской и славяноедской». Несравненно менее разборчивыми оказались кадеты, которые делегировали в Прагу В. Маклакова, а в Софию А. Стаховича, усиленно тщившихся рекламировать «неославизм» Милюкова и Струве.

[9]) Крамарж, К. — чешский националист; был вице-президентом австро-венгерского рейхстага (парламента), но его принудили выйти в отставку, потому что во время одной обструкции он нашел возможным ввести в залу заседания полицию. С зарождением «неославянства» стал одним из его главарей, будучи близок к кругам Милюкова. В нынешней Чехо-Словакии с 1918 г. по 1919 г. был главой правительства.

[10]) Антоний Волынский (Храповицкий) — был до Октябрьской революции «архиепископом» Волыни и Подолии, где долгие годы насаждал погромную политику, особенно пользуясь для этой цели известными в свое время «Листками Почаевской лавры». Храповицкого называли «архистратигом» (главнокомандующим) черной монашеской рати царской России.

ВЫБОРЫ В ГОРОДАХ (¹).

После рабочей курии и частью крестьянской, наибольший интерес для рабочей партии представляют выборы по городской курии, точнее—по второй городской курии или по второму съезду городских избирателей. Правда, избирательный закон 3-го июня настолько враждебен демократии, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем кандидату рабочих одолеть все те многочисленные препятствия, которые стоят на его пути при выборах по городам. Но тем не менее выборы во все три Думы показали, что городские избиратели, даже процеженные через несколько сит, представляют сферу серьезного влияния марксистов.

Споры среди русских марксистов по вопросу об избирательной тактике вообще и об избирательных соглашениях в особенности относились преимущественно к выборам по городам. В рабочей курии безраздельно властвуют с.-д., и их влияния никто не решался серьезно оспаривать. Среди крестьянства строго оформленных партий до сих пор не было. На завоевание курии землевладельцев,—курии, где господствуют зубры,—марксисты,—конечно, не претендуют. Всем ясное и отчетливое соревнование определенных политических партий происходило главным образом на городских выборах. Здесь было больше всего трудностей, больше всего разногласий.

Чтобы наметить правильную линию поведения в предстоящих выборах в 4-ю Думу, марксистам необходимо остановиться прежде всего на итогах выборов в 3-ю Думу. Некоторые особенности избирательного закона 3 июня, некоторые бесспорные цифровые данные по выборам в 3-ю Думу—первые выборы на основе нового избирательного закона—сами решают отдельные спорные вопросы избирательной тактики марксистов в городах. Остановимся же прежде всего на этих данных и этих особенностях.

I.

Избирательный закон 3 июня 1907 г. на первый взгляд увеличил, усилил представительство городов. По старому избирательному закону городские избиратели имели в 53 губерниях Европейской России 22,27% всех выборщиков. По новому закону городские избиратели имеют целых 26,24% выборщиков

в тех же губерниях. Но ... — маленькое «но» — из этих 26,24% львиная часть — 15,01%! — отдана в распоряжение первой городской курии, т.-е. в распоряжение кучки крупных домовладельцев и первоклассных городских богачей. Дело достаточно ясно. Мы видим здесь перед собой социальную политику режима 3-го июня в цифрах — политику, выраженную столь же наглядно, как и в сведении числа крестьянских выборщиков с 42,89% до 22,24%. На крупного помещика, на первогильдейского купца можно «положиться»; на крестьянскую массу, на мелкую буржуазию городов — упаси, боже!

Каковы же были результаты выборов в 3-ю Думу на основе нового избирательного закона? Вот важнейшие данные на этот счет. По 51 губернии Европейской России, дающей 5.161 выборщика, выборщики распределялись следующим образом:

левых	466	1.660	умеренных	236	2.482	беспартийных	372	455
кадетов	579		октябристов	579		неизвестных *)	83	
прогрессистов	572		правых	1667				
народовцев	43							

Оппозиция дала, таким образом, даже на основе закона 3-го июня 38% выборщиков. Рабочая, крестьянская и 2-я городская курии, т.-е. все население России за исключением помещиков и крупной городской буржуазии, имеют на основе закона 3-го июня 35,6% всех выборщиков (2,13% + 22,24% + 11,23% = = 35,6%). На такой же приблизительно процент могла рассчитывать оппозиция. На деле она получила даже больше на 2,4%.

По отдельным куриям указанное выше число выборщиков распалось следующим образом:

Крестьяне.

левых	206	405	умеренных	87	467	беспартийных	191	224
к.-д.	43		октябристов	10		неизвестных	33	
прогрессистов	156		правых	370				

Землевладельцы.

левых	30	395	умеренных	100	1.909	беспартийных	130	164
к.-д.	133		октябристов	456		неизвестных	34	
прогрессистов	192		правых	1.353				
народовцев	40							

*) Данные эти мы заимствуем из кадетской печати, склонной преувеличивать успехи к.-д. за счет успехов левых и в особенности за счет с.-д. Народовцев правильнее причислять к правому лагерю. Но это дела серьезно не меняет.

1-я городская курия.

левых	38	362	умеренных	32	303	беспартийных	30	36
к.-д.	194		октябристов	94		неизвестных	6	
прогрессистов	127		правых	177				
народовцев	3							

2-я городская курия.

левых	100	405	умеренных	17	101	беспартийных	21	27
к.-д.	209		октябристов	19		неизвестных	6	
прогрессистов	96		правых	65				

Рабочая курия.

92	левых (все с.-д.).
1	к.-д.
4	беспартийных.
2	правых (?).

По приведенной статистике крестьянская курия дала 47% оппозиционных выборщиков вместо 60% при выборах во 2-ю Думу. Но все наблюдатели отмечали, что в виду гонений многие крестьяне при выборах в 3-ю Думу скрывали свою оппозиционность и именовали себя «беспартийными» и т. п.

Землевладельческая курия дала 17% оппозиционных выборщиков вместо 24% при 2-й Думе. Избирательные права мелких землевладельцев, как известно, тоже сужены законом 3-го июня. Отсюда — «поправение».

1-я городская курия дала 54% оппозиционных выборщиков. Даже 1-я курия дала больше половины оппозиции! Победа Щепкина в Москве по 1-й курии дает основание полагать, что успехи кадетов среди первогильдейских купцов еще увеличатся.

2-я городская курия дала 80% оппозиционных выборщиков. Если сравнить 2-ю курию + 1-ю с результатом выборов по городам во 2-ю Думу, мы получили бы значительное «поправение». Но такое сопоставление не давало бы верной картины. Даже при выборах во 2-ю Думу, когда в городах правые элементы бывали майоризованы оппозиционными элементами, октябристы и правые собрали свыше 14% городских выборщиков. Нельзя поэтому удивляться и тому, что по 2-й курии они на выборах в 3-ю Думу тоже собрали около 16% (84 выборщика на 530).

Рабочая курия дала подавляющее большинство с.-д.

II.

Рассмотрим подробнее положение дел во 2-й городской курии.

Что вытекает из вышеприведенных данных? Совершенно ясно, что если брать 2-ю городскую курию в целом, то никакой серьезной черносотенной опасности в ней нет. Даже при выборах по закону 3-го июня — не говоря уже о выборах в 1-ю и во 2-ю Думы — $^4/_5$ всех выборщиков принадлежали здесь к определенно выраженной оппозиции. Самостоятельное выступление рабочей демократии на выборах по 2-й городской курии безусловно необходимо и обязательно. Борьба и против черных, и против к.-д. во 2-й городской курии безусловно необходима для марксистов, если они не перестают быть марксистами. Избирательный закон 3-го июня в городской курии чрезвычайно благоприятен для кадетов: он достаточно антидемократичен, чтобы исключить широкие круги подлинной городской демократии, в первую голову — рабочих; и он достаточно «терпим», чтобы наградить избирательными правами среднего буржуа, адвокатов, профессоров, вообще высоко оплачиваемую буржуазную интеллигенцию. Главный противник марксистов во 2-й городской курии — кадеты, из-под влияния которых во что бы то ни стало необходимо вырвать, например, приказчиков, прямо обманываемых кадетами.

Но около 20% октябристы и правые все же получили по 2-й городской курии. И эти 20% реакционных выборщиков, конечно, принесли большой вред. 2-й городской курии законом обеспечено 27 депутатов, да еще 25 депутатов обеспечено от общих городских курий вместе. И, разумеется, реакционное большинство на губернских собраниях проводит от городов правых, если только правые имеются в составе выборщиков. С этой точки зрения для демократии крайне важно не пропустить от 2-й курии ни одного правого выборщика.

Но, во-первых, необходимо иметь в виду, что спасти для оппозиции тут можно было только, максимум, десяток депутатских мест. В какой бы то ни было мере урезать ради этого свою агитацию немыслимо для марксистов. Во-вторых, мы уже видели, что даже при выборах во 2-ю Думу 14% октябристы и правые в городах все же имели. Тут избирательными соглашениями всей оппозиции ничего не поделать. В-третьих, нельзя

забывать, что избирательный закон 3-го июня берет «не мытьем, так катаньем». Существует в нем, например, 35 статья, гласящая:

> «Съезды городских избирателей могут быть разделяемы, по распоряжению министра внутренних дел, на отделения по местностям или по роду владеемых цензов, а в уездах с смешанным населением — и по национальностям».

Таким образом, где с оппозицией нельзя справиться иначе, там начинают кромсать избирателей «по национальностям» и т. д. Так, при выборах в 3-ю Думу это делалось против оппозиции, например, во Владимире, Петрозаводске и т. д. При развязанных таким образом руках администрация всегда протащит в выборщики некое количество правых, а правое большинство в губернских собраниях именно этих выборщиков и просунет в депутаты. Пока существует закон 3-го июня, до тех пор будут существовать и депутаты, прошедшие **против воли** 99% населения. Никакие избирательные соглашения не избавят нас от этого.

Опасность косвенно помочь черносотенцам выставлением самостоятельного списка с.-д. падает окончательно благодаря 106-й статье положения о выборах, предусматривающей перебаллотировки там, где выборщик не получил абсолютного большинства. Статья 106 гласит:

> «Уполномоченными от предварительных съездов, а равно выборщиками от избирательных съездов признаются лица, за коих подано более половины голосов, участвующих на съезде... Если означенным путем не будет избрано положенного по расписанию на съезд количества выборщиков, то производятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков, при чем избранными считаются получившие относительное большинство голосов».

Косвенным образом 106-я статья практически решает некоторые споры внутри марксистов. Она ставит нас в известном смысле в европейские условия. На первых выборах — самостоятельные кандидатуры. На перебаллотировках — в первую очередь соглашения с буржуазной демократией против всех остальных, а затем, если нужно, то и соглашения с либералами против правых и октябристов. На этом, мы уверены, сойдутся марксисты обоих основных течений.

Относительно выборов в 3-ю Думу кадеты смогли указать лишь один город, где, благодаря нежеланию с.-д. входить в соглашение с кадетами, победили правые. Это — Баку, где, к слову сказать, кампанию в городе тогда вели марксисты, признававшие в принципе блоки с к.-д. даже в первой стадии; очевидно, были

местные условия, побуждавшие отказаться от соглашения с к.-д. даже на перебаллотировке (хотя возможно, что здесь была совершена и ошибка). Г-да Изгоевы и Вергежские (²), специально тренированные на травле против марксистов, рвали и метали, доказывая, что марксисты помогают черносотенцам. Но фактов (кроме Баку) и они не привели; если не считать странной жалобы на то, что в Киеве кадет должен был обеспокоить себя и подвергнуться перебаллотировке благодаря выставлению особой рабочей кандидатуры, и если не считать сообщения правдивого г. Изгоева о том, что, «как нам телеграфируют», в Симбирске левые и т. д., и россказней Вергежского о том, будто в СПБ. с.-д. готовы были войти в соглашение с правыми, чтобы только не пропустить г. В. Гессена. 106-я статья, на которую недостаточно было обращено внимания при выборах в 3-ю Думу, дает нам полную возможность развернуть борьбу против к.-д. по всему фронту, не рискуя даже в исключительных случаях косвенно помочь правым.

Еще проще дело стоит в 5 крупнейших городах с прямыми выборами. При выборах в 3-ю Думу в Риге и Одессе большинство имели с.-д.; в Риге после перебаллотировки и прошел с.-д., в Одессе он был «разъяснен». В Петербурге и Москве серьезная борьба шла и пойдет только между к.-д. и с.-д. В Киеве даже самые неслыханные злоупотребления администрации не помешали пройти кадету. По Петербургу, Москве, Киеву и Одессе на выборах в 3-ю Думу подано всего 200.065 голосов. Из них, по подсчетам к.-д., за кадетскую партию — 99,753 голоса, за с.-д.— 17,291, за народников—13,673, или в процентах: 49,9%, 8,5%, 6,8%. Лишь в отдельных случаях кадеты проходили после перебаллотировки. Все московские депутаты и большинство петербургских прошли сразу. Шансы с.-д. по 2-й курии теперь сильно увеличились: нет и в помине бойкотистского настроения, и рабочие-квартиронаниматели уже воспользуются своими правами. Здесь тактика марксистов ясна сама собой: самостоятельные кандидаты— на первых выборах, и соглашения с народниками (трудовиками, народными социалистами и т. д.) против либералов—на перебаллотировках.

III.

Основная задача рабочей демократии на выборах, это—политическое просвещение масс. Непосредственная, практическая задача— укрепление рабочего представительства в 4-й Думе и усиление в ней демократического крыла вообще. Неотъемлемым элементом

в борьбе марксистов и за то, и за другое является решительное и неуклонное разоблачение контр-революционного либерализма по всей линии. Наше дело вовсе не заключается в том, чтобы просто помочь либералам в том или в другом случае победить черного. Не наша задача также содействовать воплощению в жизнь либерального пожелания о том, чтобы на выборах были только два лагеря: «прогрессисты» и не-прогрессисты. Гегемония рабочего класса в освободительном движении предполагает решительную борьбу с теми, кто, как кадеты, своим фальшивым «демократизмом», своей переметчивостью и предательством мешают освободительному движению победить.

Как ни тяжело положение рабочих, — они сумеют отстоять свои интересы на выборах. В печати уже сообщалось о том, что рабочие общества начинают заботиться о внесении в избирательные списки рабочих и т. д. Необходимо, чтобы рабочие организации **всех** видов дружно занялись подготовкой выборов. Рабочие, не имеющие избирательных прав, тоже многое могут сделать. Посмотрите на Германию с ее избирательными комитетами по районам, по улицам, с ее десятками тысяч рабочей молодежи, участвующей в кампании разноской бюллетеней, воззваний и т. д. Слишком в невыгодные условия поставил рабочих новый избирательный закон, и надо позаботиться о том, чтобы и в его тесных рамках сделать все возможное...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статьи (три главы) напечатаны в «Звезде», №№ 5 и 6, от 29 января и 2 февраля 1912 г., подпись: «Г. Зуев».

[2]) **Вергежский** — «политический» псевдоним писательницы кадетского толка Ариадны Тырковой, много кричавшей о «феминизме», т.-е. о женском вопросе в смысле предоставления женщине уравнения «в правах» с мужчиною.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В 4 ГОС. ДУМУ([1]).

Курии землевладельцев и 1-я городская.

Даже по старому избирательному закону (1-я и 2-я Думы) землевладельцы имели целых 1.952 выборщика — 31,48% всех выборщиков по 53 губерниям России. Численно ничтожная кучка распоряжалась почти целой третью всех выборщиков. Но для режима 3-го июня и это оказалось чересчур демократичным. Поэтому вдохновители третье-июньского режима при выработке нового избирательного закона наградили землевладельцев уже 2.594 выборщиками, что составляет 49,39% всех выборщиков. Что может быть красноречивее этой цифры?

Кучка помещиков держит в своих руках половину выборщиков, т.-е. имеет столько же избирательных прав, сколько все остальное 150-миллионное население России. Вместе с 1-й городской курией помещикам уж безусловно обеспечено полное избирательное господство. 1-я курия — кучка богачей городских — имеет 15,01% всех выборщиков. Помещики плюс эта кучка городских богачей дают 49,36% + 15,01% = 64,40% всех выборщиков, т.-е. большинство почти в две трети!

При выборах в 3-ю Думу землевладельцы в 33 губерниях из 50 губерний Европейской России одни имели большинство выборщиков в губернских избирательных собраниях. А вместе с 1-й городской курией они были вершителями судеб в еще большем числе губерний.

Каковы же задачи рабочей демократии в этих двух наиболее антидемократических куриях? Прежде всего — задача просвещения широких народных масс, задача агитации. Надо высказать народу то, что есть, т.-е. что закон 3-го июня отдает Думу в безвозбранное распоряжение ничтожного меньшинства населения, надо непрестанно указывать на то циничное неравенство, на те неслыханные привилегии, которые находят себе выражение в вышеприведенных цифрах.

Посмотрим прежде всего, *сколько их*, — этих вершителей судеб нашей родины, которым закон 3-го июня обеспечил половину всех выборщиков.

По 292 уездам в 50 губерниях Европейской России в избирательные списки (по закону 3-го июня) внесено 16.290 крупных

землевладельцев. Это они-то и имеют столько же избирательных прав, сколько все остальное многомиллионное население!.. На выборах в 3-ю Думу по 141 уезду (составляющих более одной четверти всей России) по землевладельческой курии приняло участие всего 4.760 человек. Это дает по всей России максимум 20 тысяч активных избирателей-помещиков. И эти 20 тысяч помещиков имеют столько же избирательных прав, сколько *миллионы* рабочих, *десятки миллионов* крестьян и *миллионы* городских средних обывателей, вместе взятые!

На вопрос: сколько их, — вершителей судеб, — ответ гласит:

20 тысяч на всю Россию!

Теперь посмотрите, кто они, эти вершители судеб, по их общественному положению.

При выборах в 3-ю Думу из 1.000 выборщиков землевладельцев было:

126 предводителей дворянства,
70 земских начальников,
26 чиновников администрации,
44 гражданских чина,
4 бывших губернатора,
3 сенатора,
10 членов Госуд. Совета,
202 священника,
56 членов земских управ и т. д.

Картинка эта, полагаем, не нуждается в длинных комментариях. Указанные 20 тысяч вершителей судеб в значительной части принадлежат к высшему чиновничеству и духовенству, во всех отношениях зависимому от того же чиновничества.

Вот еще несколько примеров по отдельным губерниям.

В Курляндской губернии 75 землевладельцев выбирают 24 выборщика. Из этих 24 выборщиков при выборах в 3-ю Думу были: 19 баронов, 4 графа, 1 пастор. А земельная собственность этих 24 человек равнялась 150.000 десятин, т.-е. на сумму около 25 миллионов рублей!

В Виленской губернии 300 человек землевладельцев имеют 38 выборщиков и давят своим голосованием все остальное население Виленской губернии!

Творцы закона 3-го июня настолько «жирно» наделили помещиков избирательными правами, что на выборах в 3-ю Госу-

дарственную Думу доходило до таких, например, курьезов: в Слободском уезде, Вятской губернии, на выборы явилось всего 4 помещика, а по закону они должны были выбрать 8 выборщиков. В Каргопольском уезде, Олонецкой губ., явилось только 2 помещика, а выбрать они должны были 4-х! 4 помещика имеют право выбрать 8 выборщиков, а многомиллионный рабочий класс всей России тоже имеет право выбрать... 112 выборщиков. Возможна ли большая ясность?

Статистики подсчитали, что в 141 уезде (более четверти России) по курии землевладельцев 4.760 избирателей выбрали 738 выборщиков, по 1-й городской курии 27.690 избирателей выбрали 341 выборщика, по 2-й городской курии 126.460 избирателей выбрали 225 выборщиков.

За каждого черносотенного выборщика в среднем подано 6—7 голосов, за каждого прогрессивного выборщика — 560 голосов. А за каждого рабочего с.-д. выборщика, конечно, еще во много раз больше.

Что может быть нравоучительнее всех этих данных? И не является ли долгом каждого демократа прежде всего уяснить самым широким слоям населения социально-политический смысл этих красноречивых цифр?

Итак, наша первая задача в землевладельческой и 1-й городской куриях, это — критика, разъяснение, разоблачение. Но мы не должны ограничиться только этим. Не забудем, что, несмотря ни на что, даже курия землевладельцев при выборах в 3-ю Думу дала 17% оппозиционных выборщиков, а 1-я городская курия — целых 54%. В курии землевладельцев оказалось при выборах в 3-ю Думу 30 левых выборщиков (к.-д. — 139). Это, конечно, ничтожнейший процент: 30 человек на 2.400! Но положение при законе 3-го июня таково, что важен каждый выборщик. 1-я городская курия тоже дала 38 левых выборщиков. 38 + 30 = 68. Это почти 15% всех левых выборщиков (466) и две трети того, что дает вся рабочая курия. Этим брезговать левые не должны. Ст. 29 положения о выборах «на всякий случай» дает возможность администрации делить и землевладельческую курию «по роду владеемого ценза», «по национальностям» и т. д. Но, несмотря на это, 30 левых администрация оказалась вынужденной «пропустить» даже по этой курии. В тех, — конечно, очень немногих, — случаях, где это возможно, левые должны и здесь выставлять своих кандидатов.

В 1-й городской курии при выборах в 3-ю Думу прошло около 5% левых (38 на 708). Главным образом, они проходили в провинции, где ценз не так высок, как в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и Риге (ст. 32 положения о выборах дает ценз по 1-й курии в городах с меньшим населением, чем 20 тысяч, владельцам недвижимости на сумму по оценке не менее 300 руб., а в городах с населением выше 20 тысяч — не менее 1.000 руб.). Конечно, 5% — опять-таки ничтожная цифра. Но мы видели ряд случаев, когда в губернских собраниях победа прогрессивного списка зависела от 2—3 и даже от одного выборщика. При этом иногда создавалось такое положение, что 1—2 голоса левых решали. И тогда левые, входя во 2-й стадии в соглашение и с либералами против реакционного блока, могли выговаривать представительство и себе. Поэтому, как ни малы шансы демократии в 1-й городской курии, но она должна и здесь — в особенности в провинции — стараться, где можно, выставлять своих кандидатов, а не просто помогать кадетам.

Буржуазные партии уже усиленно готовятся к выборам в 4-ю Думу. Пора энергично взяться за дело и тем, кто законом 3-го июня поставлен в такое исключительно-невыгодное положение. Те, от кого сие зависит, готовятся расставить еще тысячу новых препятствий рабочей демократии на выборах. Ст. 76-ю положения о выборах, гласящую:

> «Избирателям... предоставляется образовывать особые подготовительные собрания для совещания о лицах, достойных быть избранными»,

собираются «разъяснить» так, что левым должен быть зажат рот на таких собраниях, и т. д., и т. д. Можно ждать всего. И надо суметь, не взирая ни на что, провести в 4-ю Думу рабочую фракцию, достойную русского рабочего класса, — фракцию, которая сумеет дать отпор всем и всяческим проводникам буржуазного влияния на пролетариат и которая окажется достойной преемницей своих славных предшественниц.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 8, от 9 февраля 1912 г.; подпись — «Г. Зуев».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКИЙ КРИЗИС В РЕЙХСТАГЕ ([1]).

Первый политический акт новорожденного рейхстага, и тут же — первый «кризис»! Все политическое положение в Германии уже давно чревато кризисом, — большим, исторических размеров кризисом. А теперь и внутри рейхстага, благодаря блестящей победе социал-демократов, нанесшей серьезную трещину черно-голубому реакционному блоку, создалось такое положение, при котором большие и маленькие парламентские кризисы неминуемы. Председательский кризис — только небольшая прелюдия, только маленький пример того, что теперь ждет германский рейхстаг на каждом шагу.

Социал-демократия на недавно закончившихся выборах оказалась первой, наиболее сильной партией. Она получила $4^1/_4$ миллиона голосов — $^1/_3$ всех поданных голосов. Не взирая на все искажения всеобщего избирательного права путем неправильного разделения избирательных округов, социал-демократия получила 110 депутатских мест и даже по числу депутатов оказалась опять-таки самой могущественной партией. Все традиции буржуазного парламентаризма, казалось бы, требовали, чтобы с.-д., как наиболее сильной партии, было отдано председательское место. Не тут-то было! Все традиции летят прочь, раз выступает «красный призрак» социал-демократии.

Однако, теперь и на парламентской почве справиться с германской социал-демократией не так-то уж легко. Выборы президиума показали это достаточно наглядно.

Германские с.-д., как известно, выдвинули своего кандидата и на пост председателя. Это сделано было, конечно, исключительно для демонстрации. Никто не сомневался в том, что буржуазные партии объединятся против с.-д. и не пропустят кандидата рабочих в председатели. «П у с т ь!—говорили себе германские с.-д. — Зато народные массы лишний раз увидят, что рабочий класс и вся буржуазия — два непримиримо-враждебных лагеря». И германские с.-д. выставили кандидатом в председатели своего славного вождя, — красу и гордость всего рабочего Интернационала, старого Августа Бебеля.

На первой баллотировке Бебель получил только 110 социал-демократических голосов, на второй уже 114, а на третьей — 175 голосов. Выбран был 196 голосами против 175 депутат

Шпан, представитель реакционеров из «центра». Целых 65 либеральных депутатов поддержали с.-д. кандидатуру — ровно столько, сколько нужно было, чтобы «попугать» реакционеров, но ни в коем случае не провести в председатели с.-д. Однако, либералы шутили с огнем. Ведь только 11 голосов не хватило Бебелю, чтобы победить. И тогда весь мир мог бы наблюдать историческую и преназидательную картину: Бебель tête à tête с Вильгельмом II... Да, меняются времена, господа буржуа! Бебель, — «простой рабочий Бебель»,—начал с того, что был единственным представителем рабочих в рейхстаге. А теперь социал-демократов — 110 человек, и они всерьез собираются посадить своего председателя в вашем же рейхстаге!

Когда-то Вильгельм II сказал: «для меня социал-демократ и изменник родине — одно и то же». А теперь этих «изменников» среди этих избирателей $4^1/_4$ миллиона, и они — самая сильная партия в вашем же парламенте. Есть от чего в отчаяние прийти, почтеннейшие!..

Представитель «центра», Шпан, принял избрание. Первым товарищем председателя был выбран социал-демократ Шейдеман (2), а вторым — национал-либерал Пааше. Этим выборам предшествовали трехдневные закулисные переговоры и торги с переторжками между главарями различных фракций буржуазии в рейхстаге. Центр требовал проведения «чистого» буржуазного списка, без допущения в президиум социалиста. Его список был таков: 1 из «центра», 1 консерватор и 1 национал-либерал. Этот же список поддерживала правая часть национал-либералов с доктором Шифером во главе. С.-д. предлагали провести чистый оппозиционный список, без допущения в президиум черных, и соглашались председательское место уступить любой фракции либералов. Национал-либералы выдвинули третий список — смешанный: 1-е место «центру», 2-е — с.-д. и 3-е — национал-либералам. Присоединиться к с.-д. и победить черных эти либералы не решались. Максимум, на что они отважились, это— отдать первое место черным, но пропустить на второе место с.-д. Этот третий список и прошел. Либералы, присоединившись к черным, провели председателем Шпана. А затем часть либералов примкнула к с.-д. и помогла провести вице-президентом Шейдемана.

Но самое интересное произошло после выборов президиума.

Только что по всему миру разнеслась весть о необычайной храбрости либералов; только что немецкие ревизионисты завели

бравурную руладу о пользе «великого блока — от Бассермана до Бебеля»; только что французский ревизионист Жорес успел высказать свою «уверенность, что немецкий либерализм «решительно пойдет рука-об-руку с социалистами для завоевания парламентарного режима, всеобщего избирательного права в ландтаги» и т. д., — и вдруг случилось неожиданное происшествие.

Представитель «центра» Шпан сложил с себя звание председателя, и реакционеры подняли отчаянную травлю против либералов. Правительство и правое крыло национал-либералов решительно поддержали «центр». Министры стали «частным образом» заявлять, что они не будут брать слова в рейхстаге при председательствовании «красного». Правые национал-либералы инсценировали «взрыв негодования» всей национал-либеральной партии и либеральных избирателей против «непатриотического» поведения парламентской фракции национал-либералов, поддержавшей кандидатуру с.-д. Шейдемана. Вождя «левых» национал-либералов, Бассермана, объявили изменником и чуть ли не анархистом. И наши храбрые национал-либералы, конечно, немедленно струсили и, по крайней мере наполовину, сдались черным.

«Центр», отзывая Шпана, мотивировал это тем, что не желает участвовать в президиуме, оскверненном присутствием социал-демократа. На деле же «центр» руководился двумя другими соображениями. Во-первых, по германскому наказу через месяц происходит перебаллотировка президиума, и «центр» боялся, что его кандидата тогда провалят. Во-вторых — и это главное — желание скрутить и приручить либералов является в этом рейхстаге вопросом жизни для «центра» и для правительства. И они пользуются первым случаем, чтобы напугать национал-либералов предъявлением им обвинения в преступной близости к ненавистным социал-демократам.

И маневр действительно удался «центру». Национал-либералы были до того напуганы, что поспешили отозвать своего члена президиума Пааше и заявили, что их партия... тоже не примет участия в президиуме, как и «центр». Более беспомощное, более смешное, более карикатурное положение трудно себе и представить. Национал-либералы вышли из всего инцидента оплеванными и справа, и слева, ослабленными, осмеянными и расколотыми внутри. У части национал-либералов хватило теперь мужества только поддержать кандидатов «прогрессистов» Кемпфа и Даве, которые и выбраны теперь: первый — председа-

телем, а второй—вице-председателем рейхстага. Кончена ли обструкция «центра» и правительства,— сказать трудно. Это видно будет через месяц, когда произойдет окончательная баллотировка президиума.

Одно заседание рейхстага, за отказом Шпана, провел вице-председатель, с.-д. Шейдеман. Вся буржуазная печать подняла отчаянный вой по поводу «осквернения храма» буржуазного парламентаризма. Хроникеры буржуазных газет обнюхали Шейдемана со всех сторон и потом доложили своим почтенным читателям: а он был в новом рединготе и даже свежем белье... Закатывая глаза от страха, буржуазные писаки с трепетом изображали всякое движение Шейдемана в историческом заседании рейхстага, впервые прошедшем под председательством социал-демократа. «Он всходит на трибуну», «он говорит», «он берет в руки колокольчик», — докладывали они, точно речь идет о каком-то чудище.

Буржуазии особенно неприятно председательствование с.-д. потому, что дать какие бы то ни было обязательства насчет хождения ко двору социал-демократы решительно отказались. Как известно, из-за этого в 1903 году, когда с.-д. стали второй партией в рейхстаге, и не был выбран с.-д. в президиум. Ревизионисты, со свойственной им «широтой», считали тогда большой «узостью» и «догматизмом», что марксисты-ортодоксы не хотели, чтобы делегат партии, в качестве члена президиума, ходил ко двору и т. п. Но тогда марксисты победили ревизионистов. А теперь либералы, помогшие провести Шейдемана, не посмели даже поставить социал-демократам такое условие. Как республиканцы, германские с.-д. не могли бы и теперь, конечно, принять такого условия, и они действительно и отказались от всяких оппортунистических уступок в этой области.

В нынешнем германском рейхстаге нет прочного и устойчивого большинства. Усилились крайние партии и будут стоять стеной против стены. Либерализм станет бессильно метаться из стороны в сторону. Ситуация как будто специально создана для того, чтобы окончательно скомпрометировать в глазах народных масс переметчивый, трусливый, половинчатый либерализм. Теоретически возможно и левое большинство, составляющееся из с.-д, плюс либералы. Практически будет во многих случаях главенствовать правое большинство из черных и либералов. Но, как бы то ни было, положение таково, что буржуазные партии не

смогут пошевельнуться без того, чтобы не помочь косвенно социал-демократии. Социал-демократия использует колебания либералов и вправо, и влево, и подготовит смертельный удар черным.

Недавно одна германская с.-д. газета писала: «когда с.-д. Шейдеман взял в руки председательский колокольчик, — кто знает, не ёкнуло ли сердце у правящей буржуазной клики и не подумала ли она: да не означает ли этот звон—начало конца? Быть может, он предвещает уже конец всему буржуазному строю?»...

Начала конца еще нет. Но германская социал-демократия находится на лучшем пути к тому, чтобы максимально приблизить его.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 8, от 9 февраля 1912 г.; подпись: «Г. Зарин».

[2]) Шейдеман, Ф. — германский с.-д., член президиума партии, депутат рейхстага от дюссельдорф-золлингенского округа. Был некогда типографским наборщиком. С начала войны — вдохновитель германского социал-патриотизма. Глава первого «социалистического» правительства после революции в Германии 9 ноября 1918 г. Ныне занимает пост обер-бургомистра в гор. Касселе.

«ОНИ ИЛИ МЫ» (¹).

В германском рейхстаге произошла первая встреча лицом-к-лицу правительства и социал-демократии. При произнесении тронной речи социал-демократы не имели удовольствия присутствовать. Да отвечать на эту речь непосредственно все равно не было возможности. Но вот теперь, в прениях по общей политике, выступил имперский канцлер фон-Бетман-Гольвег с поучительнейшей речью.

— Вы требуете ответственности министров перед парламентом? Но, господа, именно потому, что число социалистов так возросло, не может быть и речи о подобной ответственности министров. Канцлер должен остаться ответственным только перед короной.

— Вы требуете демократизации законодательства? Ни за что на свете!

— Вы хотите расширения прав парламента? Никогда!

— Вы говорите, что нужно справедливее перераспределить избирательные округа? Ни в каком случае!

Так, с похвальной откровенностью, говорил канцлер.

Но «соль» его речи была не в этом. Гвоздь ее заключался в ультиматуме, который устами Бетмана правительство поставило либералам.

«Они или мы?» — т.-е. социалисты или юнкерское правительство? Выбирайте! Таков короткий смысл длинного увещания по адресу либералов.

Положение в рейхстаге теперь таково, что от либералов зависит, будет ли попрежнему в парламенте хозяйничать «черно-голубой» блок попов, юнкеров и промышленных магнатов, или будет осуществляться либерально-левое большинство. У либералов, естественно, глаза разбегаются: итти ли налево, итти ли направо? У этих, по меткому выражению Меринга, «Буридановых ослов» (²) либерализма захватывает дух от того богатства перспектив, которые открываются перед ними. Подумайте только: сегодня можно—с черными, завтра—с красными, хотя злые языки говорят, что и завтра, и послезавтра либералы во всем важном пойдут на деле с черными.

Во всяком случае, хозяева германской жизни несколько обеспокоены и авансом дают хорошего пинка либералам.

— Как? Добрая половина из вас на выборах председателя подала свои голоса за социалиста! И вы смели это сделать! И за кого же?—за Бебеля, того самого Бебеля, который является автором столь часто повторяемого теперь социал-демократами заявления: мы, социалисты, — смертельные враги буржуазного общества!

— А на спокойную и мягкую тронную речь вы ответили тем, что избрали первым вице-председателем социал-демократа. И кого же?—Шейдемана, который позволил себе называть монарха уменьшительным (хотя и не ласкательным.—*Г. З.*) именем!

— Вы говорите, что социал-демократы изменились, что они уже не те? Нет, извините, это вы, либералы, изменились. И правительство этого—вы слышите?—не потерпит!

В таком тоне представитель юнкеров отчитывал «Буридановых ослов» либерализма. Они или мы? Выбирайте!

Особую роль в генеральных прениях играл вопрос о ревизионистах. На них возлагают большие надежды и ими «дразнят» ортодоксальных социал-демократов. И вылощенный Посадовский([3]), бывший статс-секретарь, и тяжеловесный Бетман-Гольвег, и либералы,—все с удовольствием упоминали о том, что среди с.-д. депутатов много ревизионистов. Авось хоть эти вывезут!—такова последняя надежда. Увы! Тщетная надежда! Германский рабочий класс, наверное, скорее ликвидирует ревизионизм, чем ревизионисты смогут ликвидировать германскую социал-демократию.

И положение же у «правящих» буржуазных партий в рейхстаге!

— Социал-демократы для меня уже давно вне государства,—бросает с трибуны один из германских зубров.

— А мы все-таки здесь, и нас здесь целых 110,—отвечают ему со смехом с социал-демократических скамей.

— Долой социализм!—провозглашает главный чиновник правительства, Бетман-Гольвег.

— Долой капитализм, и да здравствует социализм!—отвечает ему в превосходной речи оратор социал-демократов Ледебур.

Оратор, между прочим, остановился и на судьбе наших втородумских с.-д. депутатов. «Если и перед лицом таких чудовищных судебных убийств буржуазия молчит, то я, от имени многих миллионов пролетариев, подымаю громкий протест против преступления, совершенного над рабочими депутатами»,—заявил при громких кликах одобрения всех с.-д. тов. Ледебур ([4]).

— «Мы или они!» — вопят в бешеной злобе юнкера, щелкая зубами по адресу либералов.

— Допустим, что либералы пойдут попрежнему с вами, господа юнкера, — спокойно отвечают социалисты. — Но с нами, социалистами, уже идет $4^1/_4$ миллиона населения. Растет, подымается красная волна, и она неминуемо снесет ваш подлый строй насилия, нищеты и эксплоатации человека человеком!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 9, от 12 февраля 1912 г.; подпись: «Г. З.».

[2]) Буридановы ослы — выражение, пошедшее со времени французского схоласта (средневекового философа) Ж. Буридана (1300—1358). Знаменитый рассказ о «Буридановом осле» рисовал осла, поставленного перед двумя стогами сена и не знавшего, с какого начать еду.

[3]) Посадовский-Венер, А., граф, — неоднократно занимал высшие бюрократические посты у Вильгельма II.

[4]) Ледебур, Г. — германский социал-демократ из группы «бебелевских стариков», с 1900 г. — член рейхстага, куда он вступил на место скончавшегося В. Либкнехта. В годы войны остался верным интернационализму, участвовал в циммервальдской конференции (правое крыло ее). После переворота 1918 г. не отказался от участия в министерской «коалиции» и занял враждебную позицию в отношении германского восстания «спартаковцев». Один из вождей и создателей «Независимой с.-д. партии», ныне слившейся с шейдемановцами.

КАДЕТЫ И ПРИКАЗЧИКИ (1).

«Вопрос рабочего законодательства всегда занимал видное место в программе к.-д. партии», — гордо заявляли кадеты, опубликовывая в свое время ряд выработанных ими законопроектов по рабочему вопросу (сборник «Законодательные проекты и предположения партии народной свободы»).

Действительно, рабочему (вернее было бы сказать: антирабочему) законодательству кадеты уделяли не мало внимания. В законопроекте «о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях» кадеты, со свойственным им либерализмом, заявили, что рабочий день... «не должен продолжаться дольше 12 часов». 12-часовой рабочий день,— ведь это совсем немного,—всего только в полтора раза больше того, что признают приемлемым сами рабочие! Но если рабочим не улыбается 12-часовой рабочий день, тогда им на выбор предоставляется и нечто иное. В другом кадетском законопроекте—«о рабочем договоре» — длина рабочего дня определяется в следующих выражениях: «Рабочему должно быть оставлено время для выполнения его семейных и гражданских обязанностей».

Необыкновенно точно и, главное, необыкновенно «либерально»!..

Другими словами, кадеты говорят: либо потрудитесь работать 12 часов в день, либо уже совсем не станем определять рабочего дня и предоставим вас «добровольному» соглашению с хозяевами.

В законопроектах «о профессиональных организациях» кадеты усиленно хлопочут о том, чтобы, боже упаси, кто-нибудь не посягнул на свободу союзов предпринимателей, но охотно допускают, чтобы права на организацию профессиональных союзов были лишены целые категории лиц, живущих наемным трудом, например государственные служащие, домашняя прислуга и проч.

В законопроекте о «свободе стачек» кадеты раньше всего заняты изобретением ряда параграфов, карающих рабочих тюрьмой за «угрозы», «насилия», и пр., и т. п.

Но особенно повезло приказчикам. Они пользовались неослабным вниманием со стороны господ кадетов. Злые языки объясняют это внимание тем, что голоса приказчиков имеют

крупное значение даже по избирательному закону 3-го июня. Но это, разумеется,—клевета, Кто же из знающих благородство, принципиальную устойчивость, демократизм кадетов поверит, чтобы эта почтенная партия стала гоняться за приказчичьими голосами? На самом деле кадетам просто полюбились добрые и честные приказчики: уважаемая партия совершенно бескорыстно уделяет им так много трогательных забот и внимания... Просто «существо этого вида труда (т.-е. приказчичьего) позволяло в охране его итти много дальше, чем в охране других видов труда»,— как это засвидетельствовал в своем отчете избирателям октябрист в кадетской шкуре — Маклаков.

Мы уже видели, как далеко зашли в «защите» некоторых других видов труда господа кадеты, но в приказчичьем вопросе они, действительно, пошли еще «много дальше» — в этом прав депутат Маклаков...

Четыре раза меняли свои законопроекты по приказчичьему вопросу господа кадеты. То неожиданно «полевеют» (обыкновенно перед выборами), то опять циничнейшим образом превращают свои «приказчичьи» законопроекты в законопроекты п р о т и в приказчиков.

Остановимся только на некоторых из этих продуктов законодательных работ господ кадетов о приказчиках.

Вот перед нами «Основные положения законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих». Законопроект этот внесен группой влиятельнейших кадетских депутатов во 2-ю Государственную Думу 17-го апреля 1907 года, т.-е. когда новых выборов в Думу кадеты еще не ожидали. И вот полюбуйтесь-ка кадетской защитой приказчичьего труда!

Торговый день устанавливается в 10 часов. Но тут же рядом «исключений» из правил рабочий день сводится для приказчиков во множестве отраслей торговли до 12-ти и даже до 14-ти часов! (См. ст.ст. 1, 2, 3.)

«В торговых заведениях, складах и конторах, которые действуют не более 8-ми часов, хозяева обязаны предоставлять служащим перерыв на принятие пищи продолжительностью в $^1/_2$ часа»,—так гласит пункт 5-й указанного кадетского законопроекта. Недурно? П о л ч а с а перерыва «на принятие пищи» при 8-ми часах труда,—кто же из самых скаредных толстосумов и самых оголтелых Тит Титычей способен был бы предложить приказчикам что-нибудь меньшее?..

Самым «крайним» требованием кадетов в этом законопроекте, верхом их «демократизма» является пожелание о том, чтобы каждый служащий имел двухчасовой отпуск в будничный день раз в две недели (пункт 8). Щедро, не правда ли? Если еще прибавить, что, согласно кадетскому проекту, целый ряд важнейших функций по «охране» труда приказчиков возлагается «на губернаторов и начальников областей» (пункт 13), то заботы кадетов о приказчиках предстанут в вполне определенном свете...

Таков проект, внесенный кадетами во 2-ю Думу. Многим ли он отличается от того, что ныне проведено в 3-й Думе блоком гучковских молодцов и явных черносотенцев?

Или возьмите другой «приказчичий» законопроект кадетской партии—«О найме торговых служащих», выработанный еще для 1-й Гос. Думы и теперь при 3-й Думе кадетами во много раз ухудшенный.

Чего стоят одни только 5 пунктов параграфа 17-го, в которых изложены «уважительные причины, дающие хозяину право отказаться от услуг торгового служащего»! Приведем их полностью. Хозяева имеют право без дальних слов выбросить служащего на улицу в следующих случаях:

«1) Если торговый служащий обнаружит в течение двух недель службы явное незнакомство с делом, к которому он нанялся». (А судить-то кто будет о «явном незнакомстве», господа кадеты? Все те же дорогие вашему сердцу хозяева?)

«2) Если торговый служащий обнаружит недобросовестность или злоупотребит оказанным ему доверием» (т.-е. опять полный произвол хозяев).

«3) Если торговый служащий без согласия хозяина заведет самостоятельное торговое дело по той отрасли торговли, какую ведет хозяин».

«4) Если торговый служащий не явится на службу без достаточных оснований в течение трех (!!!) дней».

«5) Если торговый служащий обнаружит грубое поведение в отношении хозяина или других служащих».

Об этих законодательных перлах кадетской партии можно не терять лишних слов. Под видом защиты интересов приказчиков кадеты самым подлым образом предают интересы этих приказчиков в пользу эксплоататоров. Вот так «приказчичий» законопроект!

В том же законопроекте «о найме торговых служащих» те же кадеты—разумеется, совершенно случайно!—все сроки расторжения договора устанавливают на послесезонный период,

дабы хозяин лучше мог прижать служащего, лишенного возможности найти другое место (пункт 14 проекта). Кадетский проект лишает торговых служащих права иметь на стороне подсобный заработок торговлей по той отрасли, в которой торгует хозяин, и таким образом у многочисленных служащих в универсальных магазинах отнимает всякую возможность зарабатывать хотя бы мелкие гроши на стороне. Проект этот, далее, узаконяет прикрепление приказчиков к хозяйской квартире и столу. Он совершенно обходит вопрос о защите женского труда в торговле и столь же упорно молчит об ученичестве, и в обоих этих отношениях еще гораздо больше играет на руку хозяевам, чем законопроект министерский...

Удивительно ли после этого, что кадетский законопроект о найме торговых служащих удостоился в 3-й Думе похвальных отзывов со стороны самого бывшего министра Тимирязева? И не будут ли правы торговые служащие, если они скажут, что это именно кадеты проложили путь антиприказчичьему министерскому законопроекту о найме?

Удивительно ли после этого, что при третьем чтении законопроекта о «нормальном отдыхе» в 3-й Думе кадеты боролись только против с.-д. депутатов, указывавших, что это закон— против нормального отдыха? Удивительно ли, что кадеты при том же третьем чтении отличались от октябристов только тем, что эти последние предлагали установить, например, 40 дней «сезонных работ», когда хозяин может удлинять рабочие дни по произволу, а кадеты предлагали установить 20 таких дней в году? Удивительно ли после всего этого, что кадетский пророк, В. Маклаков, даже когда обратился лицом к избирателям, в своем московском докладе (напечатанном в «Русской Мысли»), и то выразился о требовании 8-часового рабочего дня как о требовании «пресловутой (!) восьмерки», и обманывал избирателей относительно того, будто «и правительство противодействия к проведению хорошего закона (о приказчиках) не обнаруживало».

Теперь господа кадеты опять непрочь на недельку-другую «полеветь», в частности и в приказчичьем вопросе. Неужели же этим господам опять удастся выклянчить у приказчиков их избирательные бюллетени и с помощью избирательного закона 3-го июня отпраздновать новую «победу» над подлинной демократией? Неужели до сих пор хотя бы передовые слои приказ-

чиков не поняли, что защитить интересы торгового пролетариата до конца может только рабочая партия?

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 10, от 16 февраля 1912 г.; подпись: «Г. Зуев».

НА-ПОПЯТНЫЙ [1]).

— Так вы вот как, вы проводите в товарищи председателя рейхстага социал-демократа?! Так не видать же вам передней Вильгельма II!—сказал германским национал-либералам осерчавший на них имперский канцлер Бетман-Гольвег. И Вильгельм II отказался принять традиционный визит членов президиума рейхстага.

Член президиума, социал-демократ Шейдеман, впрочем, и не собирался участвовать в этом хождении ко двору. И вообще социал-демократы были, разумеется, очень мало огорчены тем, что Вильгельм II отказался доставить удовольствие свидания с ним двум буржуазным членам президиума. Но национал-либералы весьма пали духом и разогорчились не на шутку. Помилуйте, их, верноподданнейших либералов, и знать не хотят! Что же это такое? Это — такая жестокая несправедливость, такой незаслуженный удар... Они ли не старались, они ли не будут стараться и вперед?

Пораздумав, национал-либералы нашли следующий выход: через 2—3 недели после выборов объявили, что они собственно голосовали за с.-д. члена президиума только потому, что Бебель во время частных переговоров обещал им за это... стать национал-либералом и послать с.-д. ко двору, как давно обещал и то, что с.-д. примут участие в провозглашении торжественного «ура» германскому венценосцу.

Нужды нет, что с.-д. в своих органах все время открыто писали, что ни в каком случае они не пойдут на сделку со своей республиканской совестью и безусловно не примут участия ни в каких монархических манифестациях. Нужды нет, что весь рейхстаг отлично знает, как знают и Вельгельм II, и Бетман-Гольвег, что национал-либералы трусливо лгут и жалким образом виляют. Это не мешает всем буржуазным политикам делать вид, что они поверили национал-либералам, и восклицать:

— А, так вот как обстояли дела! Ну, это совсем иное дело... Так, значит, во всем виноват коварный Бебель, обещавший стать национал-либералом и введший в соблазн невинных лидеров национал-либерализма. Ну, тогда понятно поведение национал-либералов. И раз Бебель их «обманул», то им остается теперь сделать практический вывод: выгнать из президиума

социал-демократа, так коварно нарушившего свое обещание. Черные им в этом помогут, и дело будет в шляпе.

Национал-либералы не только пошли на-попятный, но сделали это таким позорным, таким трусливым и подлым образом, как только могли.

Если партия дошла «до жизни такой», то, значит, плохи ее дела. Ну, кто же станет ее уважать после этакой гнусности?..

Бебель от имени с.-д. заявил, что никогда с.-д. больше не пойдут на переговоры с национал-либералами.

А черные... черные, похлопывая по плечу либералов и едва сдерживая смех, говорят: ну, конечно, господа, во всем виноват Бебель, вы же — люди, известные своей благонамеренностью,— неужели вы бы стали так просто, здорово живешь, поддерживать социал-демократа?!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 12, от 23 февраля 1912 г.; подпись: «Г. З.».

РАСКОЛ В ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (1).

В течение целого ряда лет в итальянской социалистической партии борются между собой различные фракции. Фракция «интегралистов» («примиренцев»), пытавшаяся занять «среднюю» позицию между ревизионистами и левыми, почти окончательно сошла на-нет в силу мертвенности ее точки зрения. Но за последние годы и в лагере самих реформистов происходит разделение, кончившееся теперь полным разрывом между «левыми реформистами», во главе с Туратти (2), с одной стороны, и правыми реформистами, во главе с Биссолатти (3) — с другой.

Биссолатти, не сделавшийся министром только по совершенно независящим от него обстоятельствам, прославился еще и тем, что года два назад на партийном съезде объявил социалистическую партию «засохшей веткой» (см. подробный рассказ о позиции этого итальянского ликвидатора в статье Г. В. Плеханова, «Мысль», № 1). И Биссолатти действительно не считался с партией, не подчинялся ее контролю и гораздо ближе принимал к сердцу судьбы кабинета Джиолитти (4), чем судьбы рабочей партии.

Фракция Туратти, оставаясь ревизионистской, тем не менее за последнее время прогрессировала влево. Сторонники Туратти оказались достаточно чуткими, чтобы все же считаться с настроениями рабочих масс. Это — с одной стороны. Но с другой — благотворное влияние на них оказал и отпугивающий пример сторонников Биссолатти, которые, оставаясь последовательными до конца, не останавливались перед самыми чудовищными ликвидаторскими выводами.

Фракция Туратти стала все больше отступать от былой защиты постоянных блоков с буржуазными партиями. А в последнее время она тяготилась и своей былой защитой министериализма и искала повода сдать эту позицию без особенного шума.

Правильная тактика революционных марксистов, с Лерда (5) и другими во главе, находила себе все большие симпатии среди рабочих масс и давала все большую силу в партии именно этой марксистской группе, которая в лучшей своей части поняла необходимость беспощадной борьбы с ревизионизмом и «слева»

и «справа». За последние годы эта марксистская фракция явно усиливалась за счет ревизионистов и этим еще более принуждала лучших из тураттианцев хотя бы отчасти ревизовать свой собственный ревизионизм и отречься от крайностей итальянского ликвидаторства, предводимого Биссолатти.

На этой почве сильно обострились отношения между обоими лагерями реформистов, и теперь дело дошло до раскола.

Последний съезд партии высказался против всякой систематической поддержки министерства. Парламентская фракция, Ц. К-ту до сих пор почему-то не подчиненная, осаждаемая друзьями Биссолатти — изнутри, вынуждена была предоставить «свободу действий» в этом вопросе каждому отдельному депутату. Это в сущности уже означало раскол, распад фракции.

Но скоро возник еще следующий конфликт. Депутаты — сторонники Биссолатти—непременно захотели принять участие в «торжественном» собрании палаты, посвященном памяти павших на войне, вызванной триполитанской авантюрой. Против этого высказались сторонники Туратти и два депутата-марксиста, которые имеются в парламентской фракции. Они полагали, что долг социалистов — всячески протестовать против подобных авантюр, и не им поэтому участвовать в таких чествованиях.

В парламентской фракции Биссолатти собрал большинство (17 против 14). Это переполнило чашу. И депутаты — сторонники Туратти — решили не подчиняться позорному решению, вышли из парламентской фракции и образовали свою социалистическую фракцию в палате. Марксисты, конечно, поддерживают «левых» реформистов в их борьбе против крайних итальянских ликвидаторов.

Раскол в парламентской фракции, конечно, вызывает частичный раскол и во всей партии. Но, — говорят себе марксисты,— «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас».

Сам Биссолатти на-днях открыто заявил о своем уходе из партии... Скатертью дорога! Даже орган французских жоресистов заявил; что это — логический вывод из всего поведения Биссолатти. Итальянскому пролетариату такая чистка принесет только пользу...

Насколько велико будет число тех, кто последует за Биссолатти, — сказать еще трудно. В виду кризиса, вероятно, скоро будет созван партийный конгресс. Во всяком случае, на пути к победе находятся в Италии только марксисты.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 12, от 23 февраля 1912 г.; подпись — «З.».

[2]) Туратти — итальянский социалист, лидер реформизма; в начале войны нашел в себе мужество голосовать против военных кредитов, но далее сполз на крайне-правое крыло итальянской социалистической партии.

[3]) Биссолатти — правый итальянский социалист, во время империалистической войны вошедший в состав правительства членом кабинета министров. Умер в 1919 г.

[4]) Джиолитти — председатель итальянского кабинета министров, старый, искушенный в политике парламентский делец, направивший Италию на путь широкой колониальной авантюры. Им была затеяна плачевная Триполитанская война, имевшая целью захват нового рынка на севере Африки. В своих предвыборных комбинациях Джиолитти не брезговал входить в соглашения с Ватиканом — иначе с главою римско-католической церкви — при чем, конечно, им делались разные поблажки требованиям духовенства.

[5]) Лерда — социалист левого крыла итальянской социалистической партии.

ОКТЯБРИСТЫ и ПРИКАЗЧИКИ (1).

Везет приказчикам. Прямо счастливцы! Кто только не заботится о них? Уж на что октябристы — «солидная» партия... Приказчика, наверное, в ее составе нет ни одного, все сплошь — хозяева. Но и эта хозяйская по преимуществу партия перед выборами решила обратить свое благосклонное внимание на приказчиков.

В каждой «большой» русской газете, как известно, должен быть хоть один большой... ренегат. В «Новом Времени» — Меньшиков (2), в «Московских Ведомостях» — Тихомиров, в «Речи» — Изгоев... Теперь октябристский «Голос Москвы» обзавелся своим политическим перевертнем: он... пригласил к себе профессора Т. Локотя (3), который из левого трудовика превратился в правого «националиста». И вот этот-то Т. Локоть занялся на страницах центрального органа октябристов приказчичьим вопросом.

Так как Т. Локоть в свое время был чуть-чуть не «социалистом», то ему, естественно, полагается прежде всего наговорить побольше вздора именно насчет социализма. Социализм в устах заарендованного октябристами профессора оказывается, конечно, «принципом, явно противоречащим идее человеческой общественной и политической свободы». Социализм, как полагает тот же просвещенный профессор, грозит человечеству «ужасами взаимной борьбы, самоуничтожения захвативших власть абсолютистов» («Г. М.», № 34). То ли дело господство «захвативших власть» Пуришкевичей, Думбадзе (4), Толмачевых, Стишинских (5), Марковых 2-х (6)?! Вот это — не жизнь, а масленица, неправда ли, г. Локоть? И уж, во всяком случае, господство упомянутых персонажей ни в малейшей мере, конечно, не противоречит «принципу человеческой и политической свободы»...

«Приказчики, особенно пользующиеся избирательными правами, во всяком случае, — не пролетариат. Участие их, хотя бы при выборах, в социалистических партиях — явный абсурд», — убеждают приказчиков господа октябристы устами профессора Т. Локотя. И если политически-сознательный приказчик спросит октябристов: почему же, собственно, абсурд, чтобы торговые служащие поддерживали рабочую партию, отстаивающую интересы всех лиц, живущих наемным трудом? — то у Локотя готов ответ и на этот вопрос:

«Экономический признак этой группы (т.-е. группы приказчиков)—обладание высокой (??) заработной платой, а не капиталом—не имеет решающего значения, так как в любой момент (!) эта же заработная плата может дать происхождение капиталу, достаточному для мелких самостоятельных предприятий»,—так гласит ответ октябриствующего профессора Локотя.

Тут—что ни слово, то прямо перл...

Приказчики «обладают» высокой заработной платой! Не судите по себе, г. Локоть. Октябристские хозяева, право, совсем не всех своих служащих оплачивают столь щедро... И не слыхал ли центральный орган октябристов, что в 3-й Думе сами же октябристы, устами докладчика «рабочей» комиссии Крюденера-Струве, признали, что 66,43% приказчиков «обладают» платой от 3 до 30 рублей в месяц и лишь 23,73% получают от 30 до 50 рублей? Вот так «высокая» заработная плата!

Заработная плата приказчиков так высока,—уверяет далее центральный орган октябристов,—что в «любой момент» приказчик может сколотить маленький капиталец и открыть самостоятельное, хотя и мелкое, предприятие. А мы так слыхали, наоборот, что все большее и большее количество мелких хозяев вынуждено переходить в ряды служащих, ибо крупные торговцы их разоряют, ибо весь ход капиталистического развития толкает их из рядов собственников в ряды пролетариев, живущих продажей своей рабочей силы. Пусть бы октябристы попробовали перевести Локотя на жалование от 30 до 50 руб. в месяц! Посмотрели бы мы тогда, как скоро этакое жалование «дало бы происхождение капиталу» у выдающегося по своим способностям профессора Локотя!..

На помощь Локотю, освещающему вопрос «теоретически», октябристы выпустили еще некоего, подписывающегося «Служащим», который ставит вопрос уже на практическую почву. Мы не знаем, кому именно и в какой области служит сей «Служащий», но только старается он во-всю.—«Ведь левое крыло,—убеждает он приказчиков,—не только не сильно теперь, но не может быть сильно и в ближайшем будущем»... «Разумно ли, практично ли, даже с чисто шкурной точки зрения», итти с левыми и не лучше ли «войти в соглашение с прогрессивно (?)-умеренными партиями (сиречь, с октябристами). Только тогда могут приказчики рассчитывать получать не журавлей в небе, а синиц в руки» («Г. М.», № 35)—так распинается за октябристов «Служащий».

*

Не помогут вам, господа октябристы, ни услужающие профессора, ни «служащие»! Вы провели в 3-й Думе закон против отдыха торговых служащих; вы проваливали все улучшающие закон поправки с.-д. депутатов и объявили «социалистической» мэрой даже предложение с.-д. о том, чтобы в каждом предприятии имелось достаточное количество сидений для приказчиков; вам даже сам министр торговли и промышленности Тимашев говорил в Думе, что некоторые ваши предложения «несколько ухудшают условия труда служащих» (стенографический отчёт, стр. 15); вы в своем центральном органе прямо подсказали Гос. Совету то издевательство над приказчиками, против которого теперь протестуют все служащие. (См. ст. в «Голосе Москвы», № 277, на которую мы своевременно указали в «Звезде», № 34 (7).) И после всего этого вы имеете... мужество обращаться к приказчикам с предложением поддержать вашу партию на выборах! Да за кого же вы принимаете приказчиков?

При обсуждении в 3-й Думе закона против отдыха торговых служащих, кадет Щепкин, торгуясь с октябристами, пугал их тем, что их поведение «создаст представление, что действительно без активной борьбы (приказчикам) обойтись нельзя». Еще рельефнее выразился правый крестьянский депутат Гулькин, сказавший:

«Здесь начали с 12 часов дня (для приказчиков) и, точно с дурачками, с нами играют, постепенно добавляя до 15-ти часов, а мало-по-малу доберутся до 20... Если мы расплодим социал-демократов, что будет из того?» (Голос слева: «социализм!».)

Не пора ли приказчикам показать, что у них действительно уже создается столь ненавистное кадетам и октябристам «представление», что без активной борьбы не добиться торговым служащим улучшения своей участи?.. Передовые слои приказчиков на предвыборные заигрывания октябристов, наверное, ответят: Подите прочь, господа! Приказчиков достаточно обманывали кадеты, чтобы они могли хоть на минуту поверить вам. Приказчики знают, что только рабочие с.-д. депутаты защищали и будут защищать их интересы до конца—и против отъявленно-реакционных толстосумов, и против либеральных буржуа!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 14, от 4 марта 1912 г.; подпись: «Г. Зуев».

[2]) Меньшиков, М. О. — нововременский публицист, отдавший свое бойкое перо поддержке крайних националистических и реакционных течений, хотя начал литературную работу в либеральной газете «Неделя». Имя его стало олицетворением крайней писательской подлости и предательства (Иудушка Меньшиков).

[3]) Локоть, Т. — когда-то сидел в Гос. Думе в качестве «трудовика», но затем, так же как и его ближайший единомышленник, Аладьин, предпочел сделаться сотрудником «Нового Времени». Ныне в белой эмиграции.

[4]) Думбадзе, И. А. — первый ялтинский градоначальник, применял самые сумасбродные меры вплоть до сожжения «подозрительных» домов.

[5]) Стишинский — крупный бюрократ.

[6]) Марков 2-й, Н. Е. — крайне-правый депутат Гос. Думы, сидевший в чаще так называемых «курских зубров» — наиболее диких помещиков, сторонников беспардонного стремления назад к временам ничем не стесняемого произвола царской и барской власти.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ МАКЛЕРЫ (¹).

Германские национал-либералы довели-таки до конца позорную комедию. Соединившись с черными, они при перебаллотировке президиума провалили бывшего вице-президента социал-демократа Шейдемана. Порок наказан, добродетель восторжествовала. Теперь «коварный Бебель» будет знать, как обманывать бедненьких национал-либералов... И теперь Бетман-Гольвеги, Гейдебранды (²), Дельбрюки (³) могут быть спокойны: создан президиум, который не только что в торжественных случаях готов кричать «ура», но согласен даже на бесконечное, перманентное «ура». «У-р-р-р-а»!

— «Когда имеешь дело с трупом, то должен быть всегда готов встретиться с процессом гниения»,— напоминает германским социал-демократам известный их публицист Ф. Меринг. Неудивительно, что германский либерализм прогнил насквозь. В смысле серьезной оппозиционной силы, в смысле сколько-нибудь значительного освободительного фактора в политической жизни, германский либерализм уже давно — труп. Но бессильной кучке либеральных маклеров это нисколько не мешает, играя на обостряющихся противоречиях между крайней левой и крайней правой, сколачивать себе время от времени политический капиталец.

Так и теперь. Национал-либералам приказано было вытеснить с.-д. из президиума. Они свято исполнили приказание. Но почему же не заработать при сей оказии? Кто сам себе враг? И либералы поступили следующим образом. При выборе председателя они воспользовались тем, что с.-д. не хотели, конечно, пропустить черного и подали все свои 110 голосов за «прогрессиста» Кемпфа. А когда прошел Кемпф, либералы сыграли на том, что черные не захотели пропустить в вице-президенты социал-демократа, и голосами черных и национал-либералов провели первым вице-председателем национал-либерала Пааше (вместо с.-д. Шейдемана) и вторым вице-председателем — «прогрессиста» Дове. Черные было заартачились. Но тут явился на помощь государственный секретарь Дельбрюк, который, опираясь на пожелания правительства, быстро уговорил черных голосовать за либералов — только бы не пропустить «красного».

Так возник новый германский президиум, который теперь имеет все шансы быть принятым на аудиенции Вильгельмом II.

На $^1/_3$ поддержали красные, на $^2/_3$ помогли черные,—и либеральные маклеры торжествуют. Национал-либералы — только 4-я по силе в рейхстаге партия, «прогрессисты» — 5-я партия. На первоначальных выборах нац.-либ. провели лишь 4-х депутатов, а вторые — ни одного, президиум же весь в их руках. Это ли не выгодная сделка?

Германские с.-д., конечно, очень мало опечалены таким оборотом дел. Будет меньше одной иллюзией насчет сущности либерализма и насчет возможности «левого большинства» в современном рейхстаге,—говорят они себе. Из среды крайних германских ликвидаторов, пишущих в «Socialistische Monatshefte», раздались, правда, отдельные голоса, советовавшие с.-д. вице-председателю принять участие в хождении ко двору—только бы, дескать, избегнуть «морального поражения»—исключения Шейдемана из президиума. Но марксисты только посмеялись над такими советами, да и большинство ревизионистов не посмело настаивать на этом плане.

Итак, у германского рейхстага теперь президиум, состоящий из представителей двух фракций либералов. Национал-либералы предали с.-д., чтобы ублаготворить правых. И весь вопрос теперь только в том, какая из либеральных фракций раньше предаст другую либеральную фракцию в пользу тех же черных юнкеров и попов, в пользу той же черно-голубой клики...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 14, от 4 марта 1912 г.; подпись: «Г.».

[2]) Гейдебранд, фон-дер, Лазе, Э. — вождь германской консервативной партии, «некоронованный король Пруссии».

[3]) Дельбрюк, Г. — идеолог прусских консерваторов, статс-секретарь, издатель реакционного журнала «Прусские Ежегодники».

ОКТЯБРИЗМ НАРАСПАШКУ [1].

Октябристы распоясались. В программной статье № 48 центрального органа октябристов («Перед выборами») они с откровенностью, доходящей до цинизма, устами Еропкина [2] заявляют во всеуслышание, что избирательного закона 3-го июня им мало; что для окончательного торжества на выборах им необходимо, чтобы правительство внесло некоторые поправки действием в существующий антинародный избирательный закон.

Октябристы ставят вопрос «на чистоту». На кого может опереться третьеиюньская Россия? На миллионы русских рабочих? Ну, тут и разговаривать не стоит, — всякий купец и всякий дикий помещик знают, что кроме жгучей ненависти отсюда старому строю ждать нечего. На десятки миллионов российского крестьянства? Нет, уж извините, пробовали при 1-й Думе возложить «на крестьян все надежды, как на основной консервативный элемент государства». Ну, что же вышло? Пришлось «увидеть крестьянских депутатов почти сплошь на левых скамьях, главным образом среди трудовиков». Да что говорить о крестьянах! Они не исправились даже после 3-го июня. «Нужно ли говорить, что крестьянские выборщики во все т р и выборные кампании в Думу всегда и неуклонно шли об руку с левыми». Дело ясное: опереться можно было только на помещиков, как на среду, «не зараженную ни революционными, ни социалистическими бреднями». На них Столыпин и возложил свои надежды, и «устав 3-й Думы вполне оправдал эти надежды».

Все бы, казалось, вышло недурно. Да вот грех, — не все предусмотрели. На-ряду с помещиками дали избирательные права и духовенству, а это последнее не везде и не во всем проявляло безусловную покорность. И так как рабочие, крестьяне, городская буржуазная демократия использовали крохи своих избирательных прав для того, чтобы всюду выбирать левых и оппозицию, то в некоторых местах «и з б и р а т е л ь н ы е ш а н с ы п р и т а к о й к о м б и н а ц и и г о л о с о в к о л е б а л и с ь н а 2 — 3 ш а р а х», и бедным октябристам кое-где приходилось туго.

Как же помочь этому горю помещиков и купцов? Да очень просто. Производить еще раз государственный переворот, пожалуй, пока не стоит, «изменять основные выборные законы едва ли

желательно». Можно обойтись пока менее радикальными мерами. Пусть министр внутренних дел распорядится выделить священников в особую курию, лучше всего причислить их ко 2-й курии, дать им одного-двух выборщиков там, где помещики будут иметь 50 — 60 выборщиков, и тогда дело будет много спокойнее. «Необходимо во-время об этом подумать, чтобы не запоздать (!) с ходатайством о том перед министром внутренних дел». Как просто разрешают иные затруднения «крупные государственные деятели» и «солидные политические партии»!

Хотя, и то сказать, можно бы ведь разрешить вопрос еще проще: ну, например, те губернии, в которых, как показал опыт, помещикам с купцами не вполне обеспечено большинство, просто лишить всяких избирательных прав. Попробуйте, «господа октябристы», «войти с ходатайством» об этом к министру внутренних дел! Только смотрите, не запоздайте. Успех вашего «ходатайства» вовсе не исключен, право. Кто осуществил большое 3-е июня, тому нет особых причин отказаться, в случае надобности, осуществить еще одно маленькое 3-е июня.

В приведенном выступлении «Голоса Москвы» характерно еще вот что. Центральный орган октябристов уже давно заявил, что «крестьяне и рабочие, как политические союзники для буржуазии (имеется в виду крупная торгово-промышленная буржуазия) не существуют», что «для буржуазии, пока что, остается единственный союзник—землевладельцы», и что «поэтому соединение в Союзе 17 октября представителей обоих классов (т.-е. помещиков и крупной буржуазии) вызвано не случайными причинами». Но вопрос о соотношении сил внутри контр-революционного блока помещиков и крупных буржуа остался открытым. И только теперь мы видим совершенно откровенное признание центрального органа октябристов о том, что диктаторствовать внутри их блока должны именно помещики, что большинство должно принадлежать непременно землевладельцам, а то, что этому мешает, должно быть устранено. Диктатура помещиков — это становится чем-то бесспорным, чем-то само собою разумеющимся для главных участников третье-июньского блока. Хорошая иллюстрация того, насколько нелепы уверения некоторых добряков, будто Россия действительно безболезненно «врастает» в обновленный правовой строй и будто «в России в ближайшем будущем предстоит торжество умеренного прогрессизма». Готовящийся выборный блок между национали-

стами (см. их платформу) и октябристами достаточно убедительно показывает, что предстоит вовсе не умеренно-прогрессивный «компромисс» в аграрном, скажем, вопросе, а — продолжение и обострение борьбы с помещичьим блоком за демократию и демократическое разрешение аграрного вопроса...

Мы хотели бы указать еще на одно обстоятельство, важное для рабочей демократии, в связи с откровенным выступлением октябристов. Деловым образом рассматривая итоги выборов в 3-ю Думу на основе нового избирательного закона, октябристы совершенно верно констатируют факт: в некоторых губерниях «избирательные шансы колебались на 2 — 3 шарах». Наша газета уже не раз указывала, что это именно так. И она делала из этого практические выводы, что для рабочей демократии крайне важен каждый демократический выборщик и что рабочая демократия должна строго-обдуманно воспользоваться своим положением там, где от ее 2 — 3 голосов зависит исход выборов. В ответ на это нас горделиво приглашали «от избирательной арифметики» к политическому действию. Мы должны сказать на это вот что. Слов нет, политика очень важна для рабочего класса. В особенности политика марксистская, в отличие от политики либеральной. Но, чтобы провести марксистскую политику на предстоящих выборах, рабочему классу весьма и весьма необходимо разобраться и в презренной «избирательной арифметике». Это великолепно подтвердили октябристы их вышеразобранной программной декларацией. Люди, пренебрежительно толкующие об «избирательной арифметике», хотят помочь только кадетам или кадетско-прогрессистскому блоку, дабы «вырвать (на словах!) Думу из объятий реакции». На деле же—недостаточная ориентировка рабочих в конкретных условиях выборов привела бы еще к худшему: к косвенной помощи блоку октябристов и националистов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 15, от 8 марта 1912 г.; подпись: «Г. З.».

[2]) Еропкин, А. В.—депутат Гос. Думы от рязанских октябристов.

УРОКИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ (1).

Германские финансовые тузы и их приказчики из лагеря правительства утверждают, что Рурская стачка есть просто отклик английской забастовки (2), и по этому случаю угольные бароны и их лакеи, подвизающиеся на парламентской арене и в капиталистической печати, обзывают ее «легкомысленной», «фривольной» стачкой.

Конечно, если бы германская стачка и была только стачкой изъявления симпатии английским рабочим, то и тогда она свидетельствовала бы не о «фривольности» и «легкомыслии», а только о высоко-развитом чувстве международной пролетарской солидарности. Но на деле английская стачка только ускорила стачку в Германии, назревшую уже давным-давно и вызванную чрезвычайно тяжелым экономическим положением горнорабочих Рурского бассейна.

Почему забастовали горнорабочие Германии — об этом дают ясное представление следующие красноречивые цифры. В 1907 году средняя годовая заработная плата горнорабочего Дортмундского округа составляла 1.562 марки, в 1911 же году она равнялась лишь 1.446 марок, т.-е. упала на 116 марок. Это — по самым оптимистическим данным. А с.-д. депутат Заксе привел в рейхстаге документы, из которых вытекает, что с 1907 по 1909 год заработная плата упала на 200 марок в год, а в Вестфалии даже на 315 марок. В Силезии же система выжимания пота из рабочих дошла до того, что средняя годовая заработная плата равна всего 980 — 988 маркам (марка (равна) 46 коп.). Подсчитано, что за 1908, 1909, 1910 и 1911 годы копевладельцы, только посредством одного сокращения заработной платы, ограбили рабочих на 152.372.048 марок! Система штрафов доведена до небывалых размеров. Увечья достигли чудовищных цифр: за год из семи рабочих самое малое один терпит более или менее сильное увечье!

А рядом с понижением заработной платы растет дороговизна предметов первой необходимости.

За период 1907—1912 г.г. цены на предметы первой необходимости поднялись на 14,2%, а заработная плата упала в среднем на 18%! И в то же время одни только владельцы 24-х наибольших копей за один 1910 год получили чистой прибыли 163½ миллиона марок, а за 1911 год — 182½ миллиона!

Вот почему бастуют горнорабочие Германии!

Эти ли цифры не подтверждают безусловной правильности того положения Маркса, которое указывает, что в капиталистическом обществе многочисленные слои рабочих обречены не только на относительное, но и на абсолютное обнищание? Не очевидно ли, что не только положение многих миллионов рабочих ухудшается по сравнению с ростом богатств и роскоши крупной буржуазии, но что многие сотни тысяч рабочих часто попадают в худшее экономическое положение, чем 5, 10 или 20 лет тому назад? Не только ширится и углубляется пропасть между миллионами бедноты и кучкой эксплоататоров, но увеличивается и обостряется беднота миллионов людей, растет мера народных лишений и бедствий, сотни тысяч находятся на краю голодной смерти.

Требования, предъявленные забастовавшими германскими горнорабочими, чрезвычайно скромны. Главное требование — повышение заработной платы на 15%. А читатель видел из приведенных цифр, что положение рабочих с 1907 года ухудшилось и покупательная потребность их понизилась на целых 32,2% (18 + 14,2 = 32,2%)! Остальные требования бастующих относились к вопросам о сроках расплаты, о штрафах, о санитарных условиях производства.

И вот забастовка, написавшая на своем знамени такие минимальные требования, германскими юнкерами, попами и министрами объявлена «бунтом», чуть ли не революцией. На место действия двинуты войска — несколько полков. И уже в первые дни забастовки пролилась рабочая кровь: 3 человека пали убитыми от пуль жандармов, охраняющих кошельки угольных королей. И это — несмотря на то, что среди бастующих господствует поразительная дисциплина, полное спокойствие и та выдержка и немецкая организованность, которая является гордостью всего рабочего Интернационала и предметом ненависти и злобы со стороны международного капитала и прислуживающей ему челяди.

Горнорабочие Рурского бассейна бастуют уже в третий раз. Их первая большая забастовка состоялась в 1889 году, а вторая — в 1905 году. Теперь борьба затруднилась еще тем, что в нынешней стачке принимают участие только «свободные» (т.-е. социал-демократические) профессиональные союзы и лишь небольшая горсточка либеральных («Гирш-Дункеровских») союзов ([3]). А между

тем среди углекопов очень сильны еще так называемые «христианские» союзы, в которых, под флагом «христианства» и эксплоатируя религиозные предрассудки отсталых рабочих, партия центра подло обманывает рабочих и заставляет неразвитых рабочих слепо шествовать за колесницей злейших и худших врагов рабочего класса. Но наемные р у к о в о д и т е л и союзов при помощи самой гнусной демагогии и вообще всеми правдами и неправдами заставляют свою паству играть роль Иуд, роль штрейкбрехеров, предающих своих братьев, находящихся в самых гнетущих, в самых отчаянных условиях жизни.

Но, несмотря на все попытки копевладельцев сыграть на этом расколе среди рабочих, забастовку сломить не удалось. И партия центра внесла запрос в рейхстаг, требуя еще более усиленных скорпионов против забастовщиков. Буржуазное большинство, конечно, охотно пошло навстречу угольным магнатам. Эти депутаты большинства, которые, по выражению одного с.-д. оратора, очень близко приняли к сердцу покушение на итальянского короля и даже бровью не моргнули, когда узнали о расстреле трех мирных забастовщиков, конечно, согласны на все, лишь бы сломить упорство стачечников. В порядок дня поставлен штык!

Прения в рейхстаге лишь нагляднее подчеркнули тесную связь между экономической и политической борьбой. В Германии, — одной из наиболее передовых стран в смысле развития капитализма, обострения классовой борьбы и ясности классовой размежовки, — уже в течение ряда лет идет бешеная борьба буржуазии за влияние на рабочих. Профессиональное движение рабочих в Германии не только не едино, а является ареной самого ожесточенного раскола. Как на арене политической борьбы мы видим в Германии три основных группы — социал-демократию, либералов и реакционный центр, — так и в сфере профессионального движения мы наблюдаем те же деления. Социал-демократы имеют свои с.-д. союзы, либералы — свои либеральные союзы и центр — свои христианские союзы. Борьба между этими тремя группами союзов так же неминуема, как и между указанными тремя группами политических партий.

Разумеется, то обстоятельство, что в сфере профессионального движения центр и либералы опираются на чуждую им в классовом отношении среду рабочих, заставляет буржуазные группы вести в этой области своеобразную политику: играть

комедию забот о «меньшом брате», притворяться социал-реформаторами, пускать в ход самую крикливую демагогию. И этот своеобразный обман отсталых рабочих создает, конечно, для социал-демократии особые трудности. Одно время некоторые германские с.-д. думали, что можно облегчить себе борьбу против влияния центра на рабочих тем, что объявить профессиональные союзы строго «нейтральными», чуждыми всякой политики. Тогда — полагали они — войдут в общие союзы и «христианские» рабочие, которых можно будет постепенно освободить от развращающих влияний центра. За эту ошибочную идею ухватились ревизионисты и уже окончательно довели ее до абсурда. Жизнь показала, что подобный нейтрализм был не только неосуществим, но что проповедь его была прямо вредна. Каутский, подводя итоги спорам о нейтрализме, справедливо говорит о том, что «нейтрализм все больше отмирал и сменялся другим паролем, гласящим: партия и профессиональные союзы едины суть». И происходящая теперь борьба в Рурском бассейне нагляднее всего показывает, насколько беспочвенны нейтралистские планы — даже если бы социал-демократы признали принципиально неприемлемым нейтрализм.

В самом деле. Нейтралисты всегда больше всего апеллировали именно к тому, что центр силен среди горнорабочих и что там больше всего следовало бы применять нейтралистскую тактику. Посмотрите же теперь на происходящую забастовку! Какой тут возможен нейтрализм при такой бешеной схватке между «христианскими» союзами и социал-демократическими? Какая мертвенная, маниловская утопия — надеяться уничтожить влияние центра на рабочих путем безобидной нейтралистской проповеди! При виде всей этой грандиозной борьбы становится яснее ясного, что только открытой с.-д. проповедью, только долгой работой систематической пропаганды и открытым выступлением профессиональных союзов вместе и рука об руку с социал-демократической борьбой и только прямым состязанием с буржуазными партиями можно высвободить отсталые слои рабочих из-под буржуазных влияний.

Ширится, растет напряженная борьба рабочего класса. Англия и Германия — страны самого развитого капитализма и самых обостренных классовых противоречий. Могучие стачки горнорабочих Англии и Германии приковывают к себе внимание всего мира. Рабочие массы Англии, так долго чуждавшиеся политики

и политической борьбы, ходом общественной жизни учатся тому, что без политической борьбы нет освобождения рабочего класса. Рабочие массы Германии все больше и больше убеждаются в необходимости возможно более тесного сближения между с.-д. партией и рабочими профессиональными союзами. Великие схватки рабочей армии с капиталистическим миром дают незаменимые уроки пролетариям всех стран.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 16, от 11 марта 1912 г.; подпись: «Г. Зиновьев».

[2]) Английская забастовка — грандиозная схватка горнорабочих с промышленниками и правительством, вспыхнувшая в Англии в начале 1912 г. Впервые в истории борьбы труда и капитала в Англии рабочие выступили с отчетливым требованием закрепления минимальной заработной платы независимо от колебания доходности предприятия. Рабочие стойко держались на своей позиции, и дело приняло такой грозный оборот, что вынужден был вмешаться глава правительства, вождь либералов, Асквит, заявивший, что ему придется самому разрешить законодательной властью назревающий грандиозный экономический кризис. При этом капиталистам дано было понять, что их аппетиты зарвались, и предпринимательская политика может привести всю страну к краху. Шахтовладельцы, однако, уперлись, и вопрос перешел в парламент, где соответствующий «билль» (законопроект) был читан трижды. Суть этого билля сводилась к тому, чтобы требуемый рабочими минимум был введен для известных категорий рабочих на основаниях, вырабатываемых смешанными комиссиями из представителей труда и капитала под руководством органов самоуправления и местной правительственной власти. Рабочая партия голосовала в парламенте против этой половинчатости, но, тем не менее, билль был принят («закон Асквита»). «Черная стачка», длившаяся три недели, обошлась английскому капиталу в 36 миллионов фунтов стерлингов.

[3]) Гирш-Дункеровские союзы — были основаны в Германии в 1869 г. М. Гиршем и Ф. Дункером. В основу их легли так называемые «трэд-юнионы» (английские профессиональные союзы). Уже параграф 1-й устава союзов сразу же обрисовывал физиономию новой организации, ибо рекомендовал «избавить рабочих от необеспеченности, зависимости и нужды и дать им уверенность, самостоятельность и участие в продуктах..., достигая этого не революцией, но законными общими усилиями заинтересованных сил». Отношение союзов к стачкам было отрицательное. Насколько гирш-дункеровщина была прямо опасна для рабочих масс, видно из того, что союзы эти не встречали ни малейшего сопротивления со стороны власти, а буржуазия даже поддерживала их. За последние годы союзы подпали под власть «христианских социалистов» и стали гнездом анти-семитического движения.

ЖЕНСКИЙ СЪЕЗД И РАБОТНИЦЫ (1).

Примыкающие к кадетской и октябристской партиям буржуазные феминистки говорят о созыве в близком будущем нового всероссийского женского съезда (2). Участвовать ли в нем женщинам-работницам?

Несомненно, что когда говорят о «всероссийском съезде женщин» без различия классов, состояний и т. д., то это одно сплошное лицемерие. На самом деле речь идет о съезде женщин буржуазного класса, и практически съезд созывается для того, чтобы укрепить силы либералов и сорганизовать женщин либерально-буржуазного образа мыслей. Работница — не товарищ самой светской и хотя бы и самой либеральной даме. Буржуазные съезды для рабочих — чужие съезды. Работницу не могут удовлетворить те решения, которые принимают либералки, руководимые различными госпожами Милюковыми, Тырковыми и K°. Работнице нужна своя собственная классовая организация, ибо лишь рука-об-руку с рабочими, со всем пролетариатом может она добиться улучшения условий труда в рамках капиталистического строя.

Но вывести отсюда необходимость для работниц отказаться от участия в съездах, подобных женскому, было бы большой ошибкой.

Там, где рабочие и работницы добились уже свободы организации, там, разумеется, им незачем итти на общие с буржуазией съезды. Кто это оспаривает, тот, конечно, либерал, а не марксист. Но наше положение в России иное. У нас рабочие и работницы не завоевали еще возможности свободно организоваться, они не могут созывать своих открытых съездов и вынуждены особенно тщательно использовать, между прочим, «чужие» съезды именно в интересах классового воспитания, как раз в интересах создания самостоятельной классовой рабочей организации. Участие в «чужих» съездах для передовых рабочих России стало временно обязательным.

Недавно, в конце февраля, в Германии тоже состоялся «всегерманский женский съезд». Разумеется, и там не было недостатка в фальшивых либеральных заверениях, будто съезд этот вовсе не классовый, что все женщины без различия классов должны объединиться и «не раскалывать рядов» и т. д.

Как же поступили германские работницы, руководимые социал-демократической партией? Пошли они на чужой съезд? Разумеется, нет! Центральный орган германской социал-демократии («Vorwärts») писал по этому поводу: «работницам нечего делать на этом буржуазном съезде». Но почему могли так поступить германские работницы, почему мог так писать центральный орган германской социал-демократии? Потому что у них была возможность в день открытия буржуазного женского съезда организовать около полусотни своих пролетарских митингов. И в то время, когда буржуазные дамы из «хорошего круга» на съезде распинались за «надклассовые» идеалы, десятки тысяч германских работниц на своих открытых митингах во всеуслышание провозглашали свои социалистические идеалы.

Будь у нас в России подобная возможность, разумеется, и русским работницам незачем было бы итти на чужой женский съезд. Но этого нет... И передовые работницы России поэтому-то и пошли на 1-й женский съезд и, вероятно, пойдут и на 2-й.

Конечно, все зависит от того, зачем идут на чужой съезд рабочие. Если итти туда для того, чтобы разыгрывать комедию всеобщего примирения и просто подпевать либералам, тогда лучше вовсе не ходить. Но практика показала, что это не так. Одни (правительство) «пускали» рабочих на съезды, другие (либералы) всячески приглашали туда рабочих — с единственной целью: «приручить» рабочих, оторвать их от непримиримой социал-демократии, заманить на путь либерального крохоборства. Увы, попытки эти командующим классам не удались. На деле рабочих не использовали, а наоборот, рабочие использовали в своих целях буржуазные съезды. Рабочие не убоялись либеральных криков о вреде «митинговых» выступлений на этих съездах, они не послушались ложных советов о том, что надо итти на съезды только для того, чтобы там во что бы то ни стало искать «точек соприкосновения» с либералами. Работницы на 1-м женском съезде, например, выступали настолько выдержанно, что навлекли на себя гнев не только со стороны либералов, но и со стороны ликвидаторов, упрекавших работниц за то, что те «стремились прежде всего «отмежеваться», подчеркнуть, что есть «вы» и «мы», и что все язвы и болезни общественного строя излечит только социализм»;

упрекали работниц за то, что те подчеркивали «резко и надоедливо (!): вы — буржуйки и проч., буржуйки ездят на рысаках, а мы плетемся пешком» и т. д.

Мы могли бы только приветствовать такое стремление работниц отмежеваться от буржуазных элементов съезда и подчеркнуть с возможно большей настойчивостью и «надоедливостью» свою особую классовую позицию. И поэтому мы говорим:

— Если работницы и на предстоящем съезде смогут провести такую же марксистскую тактику, не смущаясь упреками и зубоскальством либералов и либеральствующих, то им весьма стоит принять участие в этом съезде.

А чтобы выполнить свою задачу достойным образом, работницы должны позаботиться о подготовительных шагах....

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 16, от 11 марта 1912 г.; подпись: «Г.».

[2]) Первый женский съезд состоялся в декабре 1908 г. Съезд протекал при «русском женском обществе в С.-Петербурге». Уже одно это предопределяло направление съезда и социальное лицо его. И, действительно, изданный толстый том «трудов» съезда отчетливо выявляет, что течение съезда протекало по руслу, отведенному ему «распорядительною комиссиею», во главе которой стояла А. П. Философова. Таким образом, съезд оказался организованным исключительно для либерально-интеллигентских женщин, которые и приняли его, как типичную форму буржуазного западно-европейского феминизма. Любопытно, что в перечне докладов съезду значится несколько заглавий на темы из быта женщины-работницы, но все такие доклады помечены «недоставленными». И на самом деле, работнице нечего было делать на съезде, где ораторствовали кадеты и «народники» обоего пола. Петербургский пролетариат, естественно, остался холодным по отношению к съезду.

«МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ» ОКТЯБРИСТЫ ([1]).

Кто не знает, какую бездну самопожертвования выказали бесстрашные господа октябристы в неравной борьбе со «старцем» Григорием Распутиным? Ведь дело дошло до того, что их центральный орган, «Голос Москвы», за эту борьбу уже дважды — страшно вымолвить! — был конфискован...

Но Гучков себя в обиду, как известно, не даст и сумеет «сосчитаться» с кем следует. Он, во-первых, внес запрос в Думу. Во-вторых, на великом национальном русском празднестве, 36-летии существования «Нового Времени», провозгласил «оппозиционный» тост за «многострадальную» печать. И, в-третьих, поместил в своем органе грозную передовицу под заглавием: «Над пропастью». Теперь уж, наверное, «старец» Распутин смиренно склонит главу свою перед мужественным А. И. Гучковым.

Слов нет, участие А. И. Гучкова в юбилее «Нового Времени» есть огромной важности политическое событие, хотя злые языки и говорят, что Гучков присутствовал там просто, так сказать, по долгу службы, как один из крупных... пайщиков этого малопочтенного издания. И особенно важное значение имеет тост за «многострадальную» печать, под которой следует разуметь, конечно, «Голос Москвы» да «Вечернее Время» ([2]). Но еще знаменательнее упомянутая передовая статья в «многострадальном» органе октябристов.

Г-н Гучков «пугает» правительство. Мы вам не какие-нибудь рабочие. Закрывайте р а б о ч и е органы сколько вашей душе угодно, мы вам и слова не скажем. Но если вы тронете нас, купцов именитых, то берегитесь — скатитесь в пропасть! Власть «изолируется от общества», народ восстает — берегитесь!.. В самом деле, разве можно сравнивать каких-то рабочих с представителями «общественного мнения» — октябристами? Рабочие союзы, рабочую печать и сам бог велел душить. Но знайте же меру, не трогайте нас, октябристов!

«З а к р ы в а я п р о ф е с с и о н а л ь н ы е о р г а н и з а ц и и... п р а в и т е л ь с т в о о х р а н я е т з а к о н н ы й п о р я д о к», — пишут г.г. октябристы («Г. М.», № 54) и тут же единым духом делают донос насчет «преступной революционной деятельности» рабочих профессиональных союзов — «... а

насильственно зажимая рты мирным и благонамеренным гражданам, оно само нарушает его» (т.-е. законный порядок).

Спасибо за откровенность, господа октябристы! Душите рабочих, душите их союзы, их печать, но дайте свободу нам,— ведь вы так прямо и заявляете, господа! И русские рабочие хорошо это запомнят.

Вы хотите выслужиться, господа, и стараетесь превзойти Пуришкевича и К⁰ в деле травли рабочих. Но вместе с тем вы, заимствуя методы либералов, пускаете в ход старый истасканный прием, становитесь в грозную позу и говорите: уступите **нам**, а то **они** будут стрелять. Но поверьте, «многострадальные» господа октябристы, что ни то, ни другое вам не прибавит особенно обильных лавров. Кем были, тем и останетесь... Труслив, как заяц, блудлив... и т. д.—про кого бишь это сказано?

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 18, от 15 марта 1912 г.; подпись: «Г.».

[2]) «**Вечернее Время**»—газетка, издававшаяся в Петербурге Б. Сувориным (сыном нововременца А. Суворина); направление было то же самое.

ПРИКАЗЧИЧЬИ ВОПРОСЫ [1].

Государственный Совет своим нападением на последние крохи приказчичьих прав разбудил спящих и поднял на ноги самых равнодушных.

— Этого стерпеть нельзя! Так дальше продолжаться не может! — в этом смысле отозвались приказчики со всех концов России на неслыханно... откровенное лишение их всякого права на отдых. Ростов и Барнаул, Херсон и Нижний - Новгород, Самара и Новороссийск, Екатеринодар и Пенза, Рязань и Екатеринбург, Уфа и Балаково — всюду приказчики заявили самый решительный протест против ограбления их прав. Огромное большинство приказчиков обратилось с поручением защищать их интересы к думской социал-демократической фракции. И очень большое число приказчичьих обществ с полным основанием подчеркнуло, что они и в эту тяжелую годину остаются верны решениям 3-го съезда торговых служащих и в особенности требованию восьмичасового рабочего дня. Лишь небольшое число приказчиков, преимущественно из находящихся под влиянием кадетской партии, попыталось ограничить протест посылкой челобитной в Государственный Совет. Но после той холодной ванны, которую они получили на приеме у Тимирязева, и после того более «теплого», но не более утешительного ответа, который они получили от Коковцова, надо надеяться, и у них пропала надежда на такой род «борьбы».

Какой, однако, политический смысл того неслыханно грубого вызова, который сделал Государственный Совет приказчикам?

На первый взгляд этот шаг Государственного Совета кажется каким-то политическим парадоксом, странностью, капризом. В самом деле, у нас всегда бывало наоборот: приказчиков именно перед выборами обычно старались подкупить теми или иными — пусть грошовыми — улучшениями, умаслить теми или иными — пусть фальшивыми — «заботами» о них. Мы не говорим уже о законе 11 декабря 1905 года, когда на приказчиков были возложены почти такие же надежды, как на крестьян, и когда им были предоставлены сравнительно очень широкие избирательные права.

Но даже после разгона 1-й Думы мы видели, как правительство, в середине ноября 1906 года, провело по 87 ст. временный закон о «нормальном отдыхе» приказчиков. И даже 3-го июня 1907 года приказчики были сравнительно с рабочими «пощажены», и их избирательные права были экспроприированы в гораздо меньшей степени.

Разумеется, никто не станет отрицать того факта, что временные правила 1906 года на деле не обеспечивали приказчикам ни «нормального отдыха», ни отдыха вообще. Но, во всяком случае, тут характерно то, что приказчикам не только не бросали тогда вызова, но с ними скорее заигрывали.

Откуда же такой, божьей милостью, поворот?

Ответ ясен: приказчики, как и многомиллионное крестьянство, как и рабочий класс, как и вся Россия, кроме маленькой кучки, не оправдали надежд реакции. Выступление Государственного Совета против приказчиков равносильно выдаче этим последним аттестата о политической зрелости. Вы в большинстве своем не хотите поддерживать старого режима, вы не хотите итти за черной сотней, вы не хотите быть рабами хозяев и их политических партий, вы добиваетесь лучшей жизни и требуете света и свободы — так вот же вам, получайте—лишение всякого отдыха, получайте отмену даже ноябрьских 1906 года правил! Таков, и только таков политический смысл брошенного вам вызова, товарищи-приказчики!

Пробовали подкупить — не вышло, так попробуем же запугать приказчиков. Авось они тогда «образумятся» и поймут, что надо жить в ладу с начальством и с покорными ему партиями. Несомненно так говорят себе действительные господа положения, — те, кто делает в России политическую погоду...

Такое положение вещей налагает на приказчиков серьезную ответственность. Они должны суметь показать, что их так же нелегко запугать, как и приручить. Они должны показать, что готовы активной борьбой защищать свои позиции. В некоторых местах уже раздались голоса сознательных рабочих, заявляющих, что фабрично-заводские рабочие готовы всеми силами поддержать приказчиков, если они поведут борьбу против того насилия, которое на них обрушилось. В деле протеста, в деле борьбы приказчики несомненно могут рассчитывать на посильную поддержку всех передовых элементов рабочего класса. Нужно только, чтобы сами приказчики хорошенько сознали свою кровную

связь с фабрично-заводским пролетариатом, чтобы они поняли, что пролетарий прилавка и пролетарий фабрики и завода — самые естественные союзники. Нужно сорганизоваться и постепенно, не покладая рук, систематически и неуклонно готовить отпор, готовить достойный ответ на брошенный вызов...

В приказчичьей среде теперь много разговоров о необходимости созвать съезд приказчиков, который мог бы реагировать от имени всего торгового пролетариата на вызов Государственного Совета. Слов нет, это — чрезвычайно важная задача, не менее важная, чем укрепление союзов приказчиков на местах и создание союзов там, где их нет. Надежд на то, чтобы съезд приказчичьих обществ был разрешен, конечно, очень мало. Приказчики ведь не объединенные дворяне, не фабриканты и заводчики, не горнопромышленники, — так что им, разумеется, будут всячески мешать съехаться, сорганизоваться, сговориться. Но попытка должна быть сделана. Пусть тот, кто еще сомневается, воочию убедится в том, что приказчикам не хотят дать возможности сорганизоваться. Свободу союзов приказчики, вместе со всем рабочим классом России, завоюют не как «частичное требование», а лишь в результате борьбы со всем режимом за всестороннюю политическую демократию... Из среды приказчиков должна выйти инициативная группа, которая взялась бы за организацию съезда профессиональных союзов и обществ приказчиков. Если не удастся устроить открытого съезда с широким составом участников, то, может быть, каким-нибудь иным путем можно будет добиться сплочения и сговора, по крайней мере, передовых кругов и руководящих элементов приказчиков... Но главное — чтобы инициативная группа правильно ставила всю свою агитацию, чтобы она не сеяла иллюзий насчет истинных размеров нынешней «легальности», чтобы она не подменяла «борьбой за легальность во что бы то ни стало» действительную рабочую политику.

В 3-й Думе, по всей вероятности, скоро станет, наконец, на обсуждение законопроект о договоре о найме торговых служащих. Опять кадеты будут состязаться с октябристами в послушности правительству и в готовности предать интересы приказчиков. Опять правые будут доказывать, что они — лучшие друзья приказчиков, и взапуски с кадетами будут зазывать приказчиков в свою лавочку. Приказчики уже сказали раз правительству: не подкупите! Они готовятся теперь сказать достаточно внуши-

тельно Государственному Совету: не запугаете! И они должны суметь сказать господам кадетам и октябристам достаточно громко: не обманете!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 19, от 18 марта 1912 г.; подпись: «Г. Зуев».

СИНОД И ДУМА [1].

В прениях о синоде [2] с поразительной наглядностью образовались три основные силы, борющиеся в стране и в Думе. Какой бы политический вопрос ни стал на очередь, мы всегда видим эти три главных деления: крепостничество, либерализм, демократия. И то же деление мы видим в недавних думских спорах об отношении церкви к государству, о современном состоянии церкви, о тех надеждах, которые на нее возлагают различные классы населения. В прениях были отдельные индивидуальные отклонения. Некоторые октябристы говорили, как кадеты; Пуришкевич отказался от чужой рати крепостников в вопросе о методах защиты старины. Но в общем картина ясна: три лагеря, три точки зрения, три линии.

Водораздел и здесь прошел по тому же направлению, по которому проходит во всей современной борьбе основных политических сил в России.

— Нужно оставить старое, а по возможности вернуться и вспять, — говорят крепостники.

— Нужно подправить, подновить, подчистить старое именно для того, чтобы его в основном сохранить и чтобы добиться «соглашения» между «обществом» и старым режимом, — говорят либералы.

— Нужно сломать старое, вырвать его с корнем и построить нечто совсем новое,—говорят демократы с рабочей демократией во главе.

Многие из думских ораторов, говоривших по смете синода, делали попытки представить дело так, будто в этой области «нет места политике», будто о роли церкви они судят с какой-то «нейтральной», непартийной точки зрения. Это была простая дань лицемерию. Может быть, ни на одном вопросе не сказались с такою силою, с такой резкостью именно классовые, именно политические деления.

Первая точка зрения — точка зрения крепостников — нашла себе защиту в речах Маркова 2-го, епископа Митрофана [3], обер-прокурора святейшего синода В. К. Саблера [4] и др. Это — официальная точка зрения, берущая под свою защиту даже... Распутина.

— Все обстоит благополучно. «Исконные начала» должны остаться в полной неприкосновенности—таков символ веры этой группы. Здесь царствует прямо какой-то суеверный ужас: не троньте старого, не вводите новшеств. Бог знает, к чему это приведет. А между тем сейчас — худо ли, хорошо ли — клерикализм старого покроя свою роль выполняет: опутывает крестьянина, запугивает его, содействует тому, чтобы он коснел в предрассудках, без которых старый режим не продержался бы, разумеется, ни дня. Ради бога, не трогайте старины!..

— Но вы не понимаете своих собственных интересов,— возражает вторая группа.—Сохранение старины приведет к гибели. Мы сами не менее, чем вы, заинтересованы в том, чтобы держать крестьянство в психологии покорности, примирения с судьбой, надежд на вознаграждение в загробной жизни. Но разве можно старыми средствами достичь этой цели? Разве могут представители старомодного клерикализма добиться решения поставленной задачи? Смотрите, крестьянство уже не то, народ сделал огромный шаг вперед. Старомодные средства только озлобляют его, только толкают его на путь вражды к представителям власти и ко всему современному укладу жизни. Церковь должна «обновиться». Только утонченный, новый, «европейский» клерикализм достигнет той цели, которая обща нам — либералам, и вам — безоговорочным защитникам старого режима. Только т а к о й клерикализм сможет бороться с «язвой социализма»...

Очень выпукло выразил эту точку зрения докладчик думской комиссии, депутат Львов 2-й [5].

«...В область государственной жизни введен представительный строй (т.-е. Дума 3-го июня. — *Г. З.*). Но, скажем мы, в отношении православной церкви, что было введено? Н и ч е г о!..»

Вывод:

«...Если мы желаем, чтобы у нас в государственной жизни было все спокойно, если мы желаем, чтобы православная церковь в своей жизни не испытывала шероховатостей,—то обновите православную церковь т а к ж е, как мы, при помощи 3-й Думы, «обновили» весь государственный строй...»

И формула перехода, внесенная г. Львовым 2-м от имени думской комиссии, в соответствии с этим, настаивает на «необходимости безотлагательных преобразований в области церковного управления». К а к и х «преобразований» — об этом нетрудно догадаться.

В таком же духе говорил граф Уваров ([6]), разоблачивший немало темных историй, между прочим, и то, как один «красивый брюнет» ([7]) шпионит (по поручению канцелярии синода) в Думе за голосованием священников.

В таком же духе говорил и А. И. Гучков. У октябристов какие-то особые счеты с Распутиным, и это увеличивает их «оппозиционность». Но надо признать, что и вообще в вероисповедных вопросах Гучков в Думе всегда был ближе к кадетам, нежели к черным. Требования Гучкова—те же, что и Львова. «Обновите», если не хотите полной гибели.

— Уступите нам, а то вы поможете Гегечкори,—запугивал сферы почти-либерал Гучков. — Послушайтесь нас, иначе «мертвый застой... грозит господствующей церкви неизбежной катастрофой» («Г. М.», № 59).

И совершенно в том же круге идей остался кадет Милюков.

— Нужно «открыть здание, проветрить его», иначе нас «поглотит какой-нибудь каприз истории». Епископ Стефан ([8]) сказал: для нового возрождения требуются новые формы внутренней жизни, формы соборного устройства... Мысль епископа Стефана для меня (Милюкова) приемлема. Вы мешаете церкви выйти из сферы местной, провинциальной, в ту область, в те соблазнительные (для кого? — *Г. З.*) перспективы, которые рисовал епископ Стефан. А между тем, г.г., ведь та потребность в изменении этих внешних форм, потребность, связанная с процессом возмущения веры, разве теперь чувствуется меньше» и т. д. (Цитир. по стеногр. «России».)

Здесь — не принципиальное отрицание, а лишь добрый, дружеский совет: подчистить, «проветрить», приспособиться к духу времени, «возмужать», стать на почву европейского клерикализма.

Г. Милюков, конечно, не был откровенен, как писатели-клерикалы из «Вех», или как бывший депутат Караулов ([9]), который в Думе объявил «ужасным», огромным вредом «для дела государственного» то, что массы «обезвериваются». Но и он всецело остался в рамках второй, выше охарактеризованной группы.

Третья точка зрения — точка зрения демократии — была представлена в речах трудовика Рожкова ([10]), деп. Розанова ([11]) и, главное, — Е. П. Гегечкори ([12]), блестяще защитившего позицию рабочей демократии. Всякого, интересующегося этой позицией, мы отсылаем к прекрасной речи Е. П. Гегечкори (напечатана в № 15 «Звезды»), с которой должен познакомиться каждый рабочий.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 20, от 20 марта 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Прения о синоде были вызваны в Гос. Думе обсуждением синодской сметы на 1912 год, но дебаты вылились в возмущение против всей политики синода и православной церкви вообще, давно уже вошедшей в тесный союз с полицейским режимом. Поэтому и искусственно введенный в Гос. Думу элемент священников-депутатов, за крайне редкими исключениями, занял позицию общую со светскими черносотенцами. А церковная печать почти ежедневно призывала несознательные элементы к погромам и кровопролитию, например «Почаевские листки». Даже «верующий» Гучков не выдержал и заявил в Гос. Думе, что «русская церковь дошла до неслыханного позора».

[3]) Епископ Митрофан — депутат от подтасованных могилевских черносотенных выборщиков.

[4]) Саблер, В. К. — старый синодский чиновник, из иноверцев, слывший «ревностно-религиозным человеком» и «истинно-русским патриотом», что и доказал, переменив, в начале войны 1914 г., «немецкую» фамилию на Десятовского. Был ревностным покровителем всех церковных грехов, лакействовал у Распутина и получил особую «благословенную грамоту святейшего синода»...

[5]) Львов 2-й, В. Н. — при Временном Правительстве был оберпрокурором синода. При рабочей власти скрылся было заграницу, но затем понял невозможность контр-революции и вернулся в Советскую Россию. В Гос. Думе был «националистом».

[6]) Уваров, А. А. — граф, думский «прогрессист», дрался на дуэли с Гучковым.

[7]) «Красивый брюнет» — синодальный чиновник В. А. Тернавцев.

[8]) Епископ Стефан — еп. Могилевский и Мстиславский.

[9]) Караулов, В. А. — член 1-й Гос. Думы, старый революционер, каторжанин, переживший затем отступничество от революции и пошедший в Думу в кадетских рядах.

[10]) Рожков, Г. Е. — «трудовик», депутат от Ставропольской губ.

[11]) Розанов, Н. С. — саратовский «беспартийный левый».

[12]) Гегечкори, Е. П. — кутаисский меньшевик; после Октябрьской революции один из вождей грузинской «демократии».

ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ? (1)

(К избирательной кампании в 4-ю Государственную Думу.)

— За что бороться? На чем сосредоточивать главное внимание народа в предстоящей избирательной кампании? Этот вопрос все более настоятельно ставится на очередь дня и повсеместно требует ответа.

За что бороться, что нужно русскому народу, что нужно рабочему классу, крестьянству, всей демократии? У нас так много отнято и отнимается каждый день, у нас столь многого нет, что, кажется, начав перечисление того, что нам нужно, рискуешь никогда не кончить.

Всеобщее избирательное право,—нужно ли оно нам? Еще бы! Кому, кроме помещиков и первогильдейских купцов, улыбается третьеиюньская система избирательного права, вернее — избирательного бесправия?

Свобода коалиции, — нуждаемся ли мы в ней? Какие могут быть сомнения? Лишь те, кто заинтересован в том, чтобы рабочие были разъединены, чтобы граждане представляли из себя людскую пыль, не могли сплачиваться, объединяться в союз и т. д.,—лишь эта эксплоататорская кучка может считать преувеличением, когда мы говорим, что свобода коалиции нужна нам так же, как воздух для легких.

Свобода слова, выборность судей народом, право национального самоопределения, свобода печати, действительное государственное страхование рабочих, отделение церкви от государства, действительно всеобщее и бесплатное обучение и многое, многое другое — все это настоятельно необходимо России, чтобы ей стать свободной страной.

Но каковы те краткие формулы, которые все это охватывают, все эти отдельные требования включают, систематизируют, доводят до логического конца?

Эти формулы таковы:

1) Действительная и всесторонняя политическая демократия.

2) Восьмичасовой рабочий день.

3) Переход помещичьих земель в руки крестьян без всякого выкупа.

Объединяющими формулами во всей нашей избирательной агитации при современном положении России могут и должны стать именно эти формулы.

Менее всего эти три формулы абстрактны, отвлеченны. Наоборот, именно они дают вполне конкретную канву для всей агитации. Все, что происходит каждый день в стране, в Думе, в Государственном Совете, на съезде объединенных дворян и т. д., и т. п., — все это целиком подтверждает жизненность этих трех формул, все это систематически и неуклонно выдвигает именно эти объединяющие формулы во главу угла политической жизни.

Истекающее пятилетие со времени 3-го июня дает так много конкретного, живого материала для иллюстрации этих формул, что остается черпать его полными пригоршнями.

Действительная и всесторонняя политическая демократия включает в себя и всеобщее избирательное право, и свободу коалиции, и свободу слова, и т. д., и т. п. Именно поэтому формула — «действительная и всесторонняя политическая демократия» может и должна стать объединяющей, центральной формулой, альфой и омегой избирательной агитации. Кто хочет всеобщего избирательного права, кто хочет свободы коалиции и свободы слова, кто не хочет, чтобы народных представителей сажали на каторгу, кто не хочет, чтобы в стране господствовал режим смертных казней, кто хочет, чтобы народные деньги не разворовывались, чтобы народное хозяйство основано было не на «пьяном» бюджете, — тот пусть присоединится к борьбе за полную и всестороннюю политическую демократию. Свобода коалиции всегда будет настолько же совершенна и полна, насколько политическая демократия в данной стране стала действительной и всесторонней. Требование свободы коалиции в полной мере не удовлетворено еще даже в передовых капиталистических странах. Покушения на это право со стороны господствующих классов — обычное явление в Европе и Америке. За последние годы мы были свидетелями неоднократных покушений в Англии против свободы тамошних трэд-юнионов. Во Франции многочисленные категории рабочих лишены еще вовсе свободы союзов. Французская буржуазия свято блюдет традиции своих праотцев, отнявших у рабочих свободу союзов немедленно после первых побед великой французской революции и мотивировавших это

лишение тем, что организация граждан в союзы противоречит-де принципам свободы, равенства и братства. В Америке, в периоды обостренной борьбы, буржуазия угрожает смертной казнью деятелям прогрессивного движения. В Германии правящая клика не перестает скалить зубы против свободы коалиции. Действительная гарантия полной свободы коалиции, это — сильная организация рабочего класса и полная и всесторонняя политическая демократия. Поэтому во всей нашей избирательной агитации должен несмолкаемо звучать основной мотив: хочешь свободы коалиции — борись за всестороннюю политическую демократию.

Немало конкретного материала для защиты основных формул мы можем — и должны — почерпнуть из области местной жизни, злоупотреблений местных властей против населения и т. п. И здесь мы должны суметь отчетливо и громко сказать всем гражданам: «поймите, что серьезные требования местного характера всегда теснейшим образом связаны с общими требованиями, с общим положением вещей и отношением сил в области центрального управления страной. Хотите демократического удовлетворения местных требований — примыкайте к борьбе за демократию во всем управлении России».

Лозунг восьмичасового рабочего дня вытекает из всего положения рабочего класса в России. Сколько-нибудь серьезно улучшить экономическое положение рабочих может только восьмичасовой рабочий день. Рабочий класс России ставил уже этот лозунг весьма конкретно 6—7 лет тому назад. Это требование было одним из основных требований русского освободительного движения, во главе которого шел и пойдет пролетариат; за годы контр-революции рабочий день вновь отчаянно увеличен и вообще экономическое положение рабочих страшно ухудшено. Требование восьмичасового дня вновь выдвигает просыпающийся рабочий класс России, как главное обобщающее экономическое требование.

Переход — без выкупа — помещичьих земель в руки крестьян есть единственно возможное демократическое решение аграрного вопроса. Это решение, конечно, включает в себя «пересмотр» закона 9 ноября. Но пересмотр не бюрократический, а пересмотр самим народом. Переход помещичьих земель, конечно, не означает ни социализма, ни «уравнительного» землепользования. Но это означает конец позору голодовок, ко-

торым ныне периодически подвергаются десятки миллионов крестьян, это знаменует конец средневековым формам кабалы... Переход помещичьих земель — тоже старое народное требование, но оно должно остаться во всей своей силе в предстоящей избирательной кампании.

Таковы три основные требования, которые теперь не столько отрицаются, сколько, ко вреду для дела, замалчиваются. Рабочая демократия должна их выдвинуть со всею силой.

Сказав коротко — за что бороться, мы еще не сказали — как бороться. Но это — особая тема. Само собой понятно, однако, что указанные требования не могут быть реализованы в результате либеральной «борьбы за право», а могут быть завоеваны лишь в результате проявления высших форм самостоятельности рабочего класса и крестьянства. Не столько «реформы», сколько «реформа» — это логически вытекает из всего вышесказанного.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 23, от 29 марта 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

КАДЕТЫ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ КАНДИДАТУРЫ (1).

Первые сообщения о том, что социал-демократы готовятся выставить собственного кандидата по 2-й городской курии, и первый же очередной вой господ кадет о «черносотенной опасности» и о том, будто с.-д. помогают правым!

«Киевские социал-демократы», — как сообщает кадетская «Речь», — возымели преступное намерение, «не вступая пока ни в какие соглашения», выставить на первоначальных выборах своего собственного рабочего кандидата... Может ли это стерпеть газета «Речь»?

Кадетский официоз сообщает по этому поводу еще ряд обстоятельств, отягчающих «вину» киевских марксистов. Оказывается, киевские марксисты — закоренелые преступники, можно сказать, рецидивисты: они еще на выборах в 3-ю Думу в 1907 году поступили столь же преступным образом. Не спросив у кадет разрешения, взяли да и выставили своего рабочего кандидата. И ведь до чего дошло! Нет, вы подумайте только! Выставлением своей рабочей кандидатуры киевские марксисты «лишили кандидата партии народной (гм!) свободы (гм! гм!), проф. Лучицкого, абсолютного большинства» и заставили кадетского кандидата обеспокоить себя перебаллотировкой. Распять их, распять за этакое возмутительное кощунство, распять киевских марксистов за дерзостное неуважение к кадетам, которым сам бог предначертал быть депутатами от всех городов Российской империи...

И в 1907 году, как раз по поводу того же Киева, били в большой барабан все кадетские Изгоевы и Вергежские. Помилуйте! Благодаря самостоятельному выступлению с.-д., кадетский кандидат должен подвергнуться перебаллотировке. Не ясно ли, что с.-д. играют на руку черной сотне и т. д., и т. д.? Первый пробный шар пускают и теперь кадеты в связи с Киевом.

Полноте, господа, вашими криками о черносотенной опасности вы не обманете никого, кроме тех, конечно, кто *хочет* быть обманутым вами. Ведь всякому ясно, что эти крики — ваш простой предвыборный фокус: запугивать «черносотенной опасностью», чтобы вымогать у левых, демократических избирателей подачу голосов за либералов. Раз-два вам удалось

обмануть часть левых, но чтобы теперь нашлись еще простаки, которые вам поверят, — в этом уж позвольте усомниться.

Конечно, левые предпочитают вас, господа кадеты, черносотенцам. Но ведь не могут же они забыть и того факта, что вы-то предпочитаете черносотенцев левым. Не могут же они забыть, сколько раз вы на деле помогали черной сотне, хотя бы за время пятилетия 3-й Думы. Нужно ли еще напоминать заявление Милюкова о голосовании к.-д. фракции за исключение на 5 заседаний с.-д. Войлошникова из-за неуважительного отзыва о милитаризме, ваше поведение в вопросе о студенческом движении, вашу поездку в Лондон, и проч., и проч., и проч.? Много ли среди левых осталось таких людей, которые не понимали бы, что действительно обезвредить реакцию можно лишь борясь и против черных, и против контр-революционных либералов; что действительное усиление демократии происходит лишь в меру высвобождения масс из-под влияния предательского либерализма?

Но не в этом еще дело. Суть та, что вы сознательно лжете избирателям, запугивая их «черносотенной опасностью» во 2-й городской курии. Ибо ведь только об этой курии идет дело, только здесь вы сталкиваетесь лицом-к-лицу с рабочей демократией. В России в 1912 году несомненно есть «опасность» черносотенного засилья в том смысле, что в стране по сути дела диктаторствует кучка крепостников. Но не об этом спорят, с этой кучкой вы, кадеты, ведь сами хотите мира и «соглашения». А вот зачем вы обманываете избирателей, будто во 2-й городской курии есть черносотенная опасность? Ведь вы же отлично знаете, что даже при выборах в 3-ю Думу, на основе закона 3-го июня, 2-я городская курия дала свыше 80% оппозиционных выборщиков. Как общее правило, здесь нет черносотенной опасности. Борьба идет между кадетами и демократами. И вы, господа кадеты, вместо честной борьбы опять начинаете «запугивать»!

Пугнуть черных красными, пугнуть неустойчивые элементы демократии черными — в этом альфа и омега тактики партии «народной свободы». И в этой игре, порою граничащей с прямым политическим шарлатанством, вы рассчитываете на поддержку рабочей демократии!!

Все преимущества, которые антинародным избирательным законом предоставляются кадетам, они всегда и неизменно

используют в своих узко-корыстных целях против демократии. Ведь дошли же кадеты до того, что при выборах во 2-ю Думу не пропустили в Москве ни одного рабочего в Думу, пользуясь только тем, что рабочая курия не была выделена в общем собрании выборщиков и к.-д., при помощи Виттевского закона, могли подавить сотни тысяч московских рабочих.

А теперь разве не пользуются кадеты избирательной арифметикой Крыжановского против демократии? Разве кадетам хоть раз пришло в голову, что так как их «победы» в больших городах суть, прежде всего, победы избирательного закона 3-го июня над демократией, то им следует, — ну, хотя бы пропорционально голосам, поданным за левых даже по закону 3-го июня, — уступить левым на перебаллотировках одно - два места, скажем, в пяти больших городах с прямыми выборами? Ведь, если сложить голоса демократов в этих пяти городах (или четырех городах, не считая Риги, где прошел с.-д.), то пропорционально они должны были получить минимум одно место. Но кадеты, конечно, скорее двадцать раз помогут октябристам, хотя те и дали им пинка, чем откажутся от побед над демократией при помощи системы Крыжановского.

Тактика, установленная марксистами для предстоящих выборов, совершенно ясна и определенна. И никаким фальшивым крикам о «черносотенной опасности» рабочая демократия не даст себя сбить с занятой ею позиции.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 28, от 10 апреля 1912 г.; подпись — «Г. Зарин».

НА АЛТАРЬ КАПИТАЛА ([1]).

Итак, принесенная телеграфом душу леденящая весть подтвердилась! Более 200 рабочих пало убитыми, несколько сот — ранеными!.. Кровопролитные битвы между двумя враждебными армиями не всегда кончаются таким огромным количеством жертв... Максимальное число забастовщиков на Ленских приисках определяется в 5.000 человек. Из них более 500 теперь убиты или ранены. Это значит, что из каждых 100 бастующих рабочих 10 человек убито или ранено...

Из различных Нееловок и Гореловок, из разных голодных углов многострадальной России свезли в далекую Сибирь рабочих и крестьян и заставили их работать на капиталистов в таких условиях, в которые далеко не везде поставлены даже каторжники. Когда они посмели выставить требование более человеческих условий труда, их провозгласили «бунтовщиками». Когда они объявили забастовку, их, бездомных и голодных, заброшенных на расстоянии не одной тысячи верст от родины, стали гнать с приисковых квартир. Иди — куда глаза глядят... Когда они стали настаивать, что дальше так жить нельзя, — их расстреляли... Средь бела дня более 500 человек крестьян и рабочих погибло от руки таких же сыновей деревень.

Требования рабочих были чрезвычайно умеренны. Но ленские заправилы, потом и кровью людской составляющие себе миллионы, не уступали ни пяди и, видимо, сознательно провоцировали кровопролитие.

Посмотрите, что телеграфировали даже «Новому Времени» его собственные корреспонденты с места действий!

«Все это убедительно подтверждает игнорирование товариществом существенных нужд рабочих и что осложнения в забастовке создались сознательно по вине товарищества... 18 марта окружный инженер устанавливает незаконность действий товарищества... 19 марта стачечный комитет вновь постановил продолжать забастовку, доказывая фактами нарушение контракта: отпуском негодных харчей, неверным расчетом, неплатежом увечным, принуждением детей работать 10 часов, выдачей купонов вместо денег. Рабочие единогласно просят властей о содействии».

ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ — БОЛЬШЕВИКИ В ЭПОХУ «ЗВЕЗДЫ» И «ПРАВДЫ».

Н. Р. Шагов.

М. К. Муранов.

А. Е. Бадаев.

Ф. Н. Самойлов.

Н. Г. Полетаев.

И далее:

«Положение удручающее. 19 марта поверенный товарищества с исполнительными листами приступил к выселению. Исправник с воинской силой прибыл на место».

29 марта тот же корреспондент телеграфирует:

«Настроение забастовщиков, обостряемое настойчивыми действиями товарищества в отношении выселения и отказа в выдаче продовольствия, повышенное».

31 марта:

«Главноуправляющий товарищества доказывает, что настоящее положение влечет за собой громадные убытки... Предупреждением этого является необходимость, даже силою оружия, подавить забастовку».

Вот, что сообщает даже «Новое Время» (№№ 12944, 46, 48) — газета, всегда являющаяся цепным псом миллионеров.

Ныне программа действий Ленского товарищества выполнена. Так как им грозили убытки, то рабочих усмирили «силой оружия», не остановившись перед массовыми убийствами.

Преступные требования забастовавших рабочих в настоящее время известны. Они сводятся, строго говоря, к одному — чтобы администрация приисков исполняла закон.

Так элементарны были эти требования. И все-таки... все-таки более 200 убитых, несколько сот раненых!

Столько жизней принесено на алтарь капитала! На этот раз рабочие не будут иметь и того более чем сомнительного утешения, что их братья принесены в жертву на алтарь «отечественного», русского капитала. Осведомленные французские газеты сообщают, что Ленские прииски принадлежат международной компании капиталистических хищников. Хозяином приисков фактически является англо-американское товарищество «The Lena Goldfields», которое состоит в тесных отношениях с трансваальским товариществом «Goldfields Consolitaded». Главными акционерами «The Lena Goldfields» являются, рядом с Ратьковым-Рожновым ([2]), Русско-Азиатским ([3]) и Интернациональным ([4]) банками, французские, английские и американские капиталисты, парижская компания «Société Générale» и т. д.

Во имя кошельков французских, английских и американских миллионеров погибло более 200 русских рабочих!

Русские рабочие не первый раз переживают такие бойни. 90-е годы и начало девятисотых не раз приносили мирно бастующим рабочим кровавые расправы. Вспомните 5 мая 1892 года в Лодзи ([5]), когда пало 108 убитых рабочих и когда Гурко впервые пустил в ход пароль «патронов не жалеть!» Вспомните «усмирения» в 1892 году в Юзовке ([6]) и других южных центрах! Вспомните расстрел «молодцами-фанагорийцами» в 1895 г. рабочих Корзинкинской мануфактуры в Ярославле ([7])! Вспомните массовые расправы над рабочими в Риге и Либаве в 1899 году ([8])! Вспомните «усмирение» рабочих фабрики Максвеля в Петербурге 14 декабря 1899 года ([9]), стоившее рабочим 80 человек раненых! Вспомните «Обуховскую оборону» ([10])! Вспомните, как 3 октября 1900 года 300 человек рудокопов Донецкого бассейна были прогнаны сквозь строй!! Вспомните Златоустовскую бойню ([11]) 23 января 1903 года, когда пало убитыми 69 рабочих и 100 человек ранеными!.. Всего не перечесть... И вот снова на Ленских приисках сотни — убитых и раненых.

При всех чертах различия между нынешним положением и положением в конце 90-х и начале 900-х годов — здесь вместе с тем так много черт и сходства. Рабочие, на первый взгляд, как будто «начинают сначала». Правящие слои расстреливают инертность рабочих и каждым своим шагом доказывают невозможность безболезненного исхода...

Внешняя обстановка сильно изменилась. Как же, ведь у нас «конституция»! 3-я Дума отменила пресловутую 51-ю статью, карающую за мирную стачку, как за уголовное преступление! После долгих колебаний с этой отменой, скрепя сердце, согласился даже Государственный Совет. Но легче ли от этого расстрелянным и раненым, их семьям, их братьям, всему рабочему классу, на деле попрежнему не имеющему простого права экономической стачки? В тысячу первый раз русская жизнь, живые факты классовой борьбы в России показали, что всякое серьезное требование русских рабочих (свобода стачек и т. п.) неизменно упирается в вопрос о коренном переустройстве русской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 29, от 12 апреля 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Ратьков-Рожнов, В. А.—юркий делец из юристов, обогатившийся в 70-х г.г. прошлого века. Этот основатель «фирмы» Ратьковых-Рож-

новых вышел в большие чины и после его смерти сыновьям осталось многомиллионное состояние, давшее им возможность слыть «благотворителями». Поэтому выжимки из ленских рабочих тоже швырялись на показную «филантропию»... У этой семьи в одном Петербурге было 26 домов.

[3]) Русско-Азиатский банк — спекулянтская компания, во главе которой стояли А. И. Путилов, М. В. Верстрат, П. А. Бок, В. Ф. Давыдов и К. И. Дюбрейль.

[4]) Интернациональный банк — вернее, Международный; этим учреждением, обагрившим себя кровью ленских рабочих, управляли Н. И. Гучков (брат думского А. И. Гучкова), Тагиев, — бакинский эксплоататор, С. С. Хрулев, А. И. Вышнеградский, Е. Г. Шайкевич и И. И. Вебер. Все архи-богачи или бывшие царские чиновники.

[5]) 1 мая 1892 г. в Лодзи — месть царского правительства лодзинским рабочим за начатую ими 23 апреля массовую стачку текстильщиков, в которой принимало участие 60.000 рабочих. Стачка приняла весьма организованный вид и принесла местным капиталистам огромный убыток. 1 мая рабочие отпраздновали пролетарский день международной солидарности, вмешались войска, пришедшие на помощь капиталу, и 46 человек мирных, невооруженных демонстрантов было убито. Солдаты действовали по приказу генерал-губернатора И. В. Гурко, который прошумел в русско-турецкую войну 1877—78 г.г. тем, что устлал Балканы трупами русских солдат.

[6]) «Усмирения» в 1892 г. в Юзовке — понадобились для расстрела 500 рабочих, виновных лишь в том, что свыше 30.000 юзовских шахтеров, измученных невероятною эксплоатацией хозяев, учинили массовую стачку в виде протеста против наглости капиталистов.

[7]) Расстрел в 1895 г. рабочих Корзинкинской мануфактуры в Ярославле — был кровавым ответом царского правительства и капиталистов на заявленные корзинкинскими ткачами просьбы изменить ужаснейшие условия труда на фабрике, управлявшейся «ученым спецом», профессором «императорского технического училища» в Москве Федоровым. Администрация мануфактуры призвала на помощь роту квартировавшего в Ярославле Фанагорийского полка, и ротный командир Калугин получил «монаршее спасибо» Николая II «за стойкое и хладнокровное поведение молодцов-фанагорийцев». А последнее выразилось в том, что Калугин дал ряд залпов в беспомощную толпу рабочих с женами и детьми, при чем было не мало жертв «стойкости и хладнокровия» ротного командира. Очень много рабочих было переарестовано, их пытались освободить, и в результате — судебное дело с приговором пятерых к двум годам арестантских рот.

[8]) Массовые расправы над рабочими в Риге и Либаве в 1899 г. — вызваны были волнениями рижских рабочих по поводу отвратительных издевательств полиции над стачечницами-работницами, которых загнали в городской сад, где пожарные, по распоряжению «власти», обливали их водою из брандспоев, при самых гнусных «шуточках» со стороны администрации города.

[9]) «Усмирение» рабочих фабрики Максвеля в Петербурге — состоялось 14 декабря 1899 г. На заводе происходила стачка, организованная социал-демократическими силами из местных рабочих. Поли-

ция прибегла к системе ночных вторжений в общую рабочую казарму для огульных арестов. Стачечники вынуждены были дать отпор этим набегам, пошла односторонняя стрельба, и полилась кровь.

[10]) «Обуховская оборона» — 7 мая 1901 г. Стачка возникла на Обуховском заводе вследствие расчета 26 рабочих «за празднование 1 мая». 7 мая администрация приступила к общему расчету рабочих. В этот же день, отброшенные полицией и войсками с Шлиссельбургского тракта, рабочие забаррикадировались в здании Карточной фабрики; здание было занято войсками только после «осады». Созданный после этого судебный процесс дал 29 обвиняемым в общей сложности 11 лет каторги, 9 лет арестантских рот и 57 лет тюрьмы.

[11]) Златоустовская бойня — трагический результат мирной забастовки рабочих оружейного завода в г. Златоусте, Уфимской губ. В безоружную толпу, по распоряжению уфимского губернатора Н. М. Богдановича, был дан ряд залпов. На месте расправы остались 28 человек и более 50 тяжело раненых. 6 мая 1903 л. Богданович был убит...

ВАЖНЫЙ СПОР В РЯДАХ ГЕРМАНСКОЙ С.-Д. (1).

В рядах германской социал-демократии все еще продолжается подведение итогов той грандиозной избирательной кампании, которую недавно провела великая партия германского пролетариата. Особенно страстно обсуждается тактика партии на перебаллотировке и то соглашение, которое с.-д. партийное правление («форштанд») заключило на перебаллотировке с одной из фракций германских либералов — с так называемыми «прогрессистами».

Мы остановимся не на том знакомом споре между марксистами и ревизионистами, который длится вот уже не одно пятилетие и который нашел себе отражение, конечно, и в недавно закончившейся избирательной кампании. Это — старый, хотя и вечно новый спор, давно уж взвешенный судьбою. Он отражает столкновение идеологии революционного пролетариата с идеологией переживающих переходное состояние мелко-буржуазных слоев. Не о нем здесь речь.

Мы хотели бы познакомить читателей «Звезды» с тем спором **внутри** самих ортодоксальных марксистов, который возник в связи с вопросом о заключенном партийным правлением соглашении на перебаллотировке.

Дело происходило так.

На первоначальных (основных) выборах либералы-«прогрессисты» не получили **ни одного** депутатского места, хотя число поданных за них голосов и увеличилось. Это сделало «профессоров» более склонными к заключению соглашения с с.-д. на перебаллотировке. Партийное с.-д. правление поспешило пойти навстречу этой тенденции «прогрессистов», и соглашение было заключено.

Разумеется, в принципе никто из ортодоксальных марксистов не восстает против допустимости соглашений с либералами **на перебаллотировке**, когда главная борьба против **всех** буржуазных партий — и в том числе против либералов — уже проведена. Ни одного голоса, принципиально осуждающего допустимость соглашений на перебаллотировке, не раздалось и на этот раз из среды германских с.-д. Но зато очень значительная часть германских ортодоксальных марксистов — судя по последним данным, большинство — резко осудила **данное** конкретное соглашение, заключенное «форштандом».

И вот почему.

В Германии в перебаллотировке участвуют только два кандидата, именно те 2 из забаллотированных на основных выборах кандидатов, которые собрали максимальное число голосов. (Не то у нас в России, где перебаллотировка означает просто новые выборы, в которых могут бороться все старые и даже новые кандидаты.) В Германии на перебаллотировке, значит, возможны были лишь следующие комбинации: 1) с.-д. против черного, 2) с.-д. против либерала, 3) либерал против черного. Ясное дело, что при таком положении вещей особенно необходимо, чтобы каждая из партий дала совершенно точный, ясный и определенный ответ: кого не поддерживает она, за кого призывает она голосовать своих избирателей на перебаллотировке. А между тем, сообразно соглашению, заключенному между с.-д. правлением и «прогрессистами», выходило так, что одна сторона с.-д., дает прямое обязательство безусловно голосовать при 3-й комбинации (либерал против черного) за либерала. «Прогрессисты» же нашли «неудобным» прямо призвать своих избирателей при 1-й комбинации (с.-д. против черного) голосовать за с.-д, и обязались только дать расплывчатый пароль: «против черно-голубого блока».

Но особенно резкой критике подверглось заключенное «форштандом» соглашение в той его части, которая касается 2-й комбинации (с.-д. против либерала-«прогрессиста»). Оказывается, «прогрессисты» добились от с.-д. правления согласия на то, чтобы в 16-ти таких округах с.-д. «притушили» (dämpfen) свою агитацию, чтобы дать пройти в этих округах либералам-«прогрессистам». Такое соглашение, обязывающее с.-д. урезать свою агитацию против либералов, было настолько неприемлемым для большинства с.-д., настолько, — как выразился Ф. Меринг в журнале «Neue Zeit», — противоречило традициям и сущности германской с.-д., что чуть ли не большинство местных с.-д. организаций данных 16-ти округов прямо не подчинились правлению в этом вопросе. Факт совершенно неслыханный в германской с.-д. партии с ее образцовой, заслуживающей восхищения дисциплиной!

Каковы же были на деле результаты заключенного «форштандом» соглашения? Выполнили ли либералы-«прогрессисты» хотя бы эти условия? Да ничуть не бывало!

В первый же день перебаллотировки они почти в 20-ти округах, в которых налицо была 1-я комбинация (с.-д. против

черного), помогли пройти черным. Выходит, что за это подлое предательство «прогрессисты» получили еще согласие с.-д. правления в 16-ти важных для «прогрессистов» округах не устраивать ни одного с.-д. собрания, не выпускать ни одного с.-д. листка и вообще «притушить» с.-д. деятельность, дабы облегчить прохождение в рейхстаг «прогрессистам»! В дальнейших перебаллотировках «прогрессисты» вели себя тоже в достаточной мере предательски. В решающий момент они прямо или косвенно во многих случаях перебегали на сторону реакции— увы, удел либералов всех стран: вопли против «черносотенной опасности» не мешали либералам помогать на деле черносотенцам против социал-демократов!..

С критикой заключенного «форштандом» соглашения первая выступила Роза Люксембург. Однако, не надо думать, что пред нами в данном случае та же группировка, которую мы видели в прошлом году на Иенском съезде или еще раньше, при споре о немедленных выступлениях, всеобщей стачке и т. п. Нет, в данном случае мы видим новую группировку. На Иенском съезде, например, большинство берлинской делегации было на стороне правления— против Люксембург. Теперь — наоборот. Раньше Меринг выступал против Люксембург, теперь — за нее. Меринг в ряде статей в журнале «Neue Zeit», выходящем под редакцией Каутского, выступил с самой резкой критикой ошибочного шага с.-д. правления, давшего согласие на то, чтобы была урезана, «притушена» с.-д. агитация против либералов на перебаллотировке. Ряд крупнейших местных организаций—Гамбург, Бремен и т. д., — решительно признали ошибочным данный шаг партийного правления. Да и само правление наполовину признало теперь свою ошибку и настаивает только на том, что надо было сделать пробу и доказать на деле предательство либералов, так как иначе широкая публика могла бы возложить ответственность за победы черных на непримиримость с.-д.

Особенно важное значение имели споры на недавней конференции делегатов берлинской организации. Эта организация по всему своему положению имеет руководящее значение. Она — самая сильная, самая влиятельная и наиболее ортодоксально-марксистская организация во всей стране. И вот перед ней-то на ряде собраний, к которым приковано было внимание всей германской социал-демократии, столкнулись оба мнения среди марксистов. От обеих сторон выступили их крупнейшие ораторы.

Тактику правления защищали такие влиятельные члены его, как Гаазе, Молькенбур (2). Позицию Меринга и Люксембург защищали последняя, затем Штадтгаген (3), Ледебур («Речь» наврала или напутала, напечатав, будто Ледебур выступает в этом вопросе против Люксембург).

Из оправдательных речей особенно важна была речь Гаазе. Ни одна из сторон не отрицает того, что «прогрессисты» вели себя на перебаллотировке по-предательски. Но Гаазе, тем не менее, пробует защищать позицию правления указанием на то, что без уступки в вопросе о 16-ти округах с.-д. получили бы не 110 мест, а только 90, между тем как для уничтожения черно-голубого блока каждое депутатское место имело большое значение. Однако, Гаазе не привел цифровых данных в пользу своего мнения, между тем как другая сторона дала очень красноречивые цифры, опровергающие точку зрения Гаазе.

В результате бурных прений берлинская организация огромным, подавляющим большинством голосов признала ошибочным взгляд правления и стала на точку зрения Меринга-Люксембург. Мобилизовав лучшие свои силы, выступив в печати и т. д., обе стороны тем самым признали суд берлинцев. И берлинцы сказали свое слово. Революционный инстинкт масс подсказал им правильное решение. Несмотря на весь, — вполне заслуженный, конечно, — авторитет правления, ему пришлось выслушать от влиятельных организаций слово осуждения ошибке в вопросе о перебаллотировке. Последнее слово будет принадлежать предстоящему летом съезду германской социал-демократии.

Ревизионисты всех стран бьют в бубны по поводу расхождений внутри германских марксистов, уверяя, что пришел конец марксистской «ортодоксии». Сколько раз уже охочие люди «хоронили» нашу ортодоксию! А она все жива, и от соприкосновения с массами, как Антей (4) от соприкосновения с землей, все больше набирается сил... От частной ошибки группы германских марксистов господа ревизионисты приходят к заключению, что их него полку прибыло, что теперь и марксисты-де «убедились», как необходим «великий блок» рабочих с либералами, и что нужно отказаться от «сектантства», нетерпимости и т. п. Кое-кто из наших «чутких» российских ревизионистов тоже уж возликовал по поводу мнимой «концентрации» либералов вокруг германской с.-д. и т. п. Иллюзия эта теперь окончательно разбита жизнью. Германские национал-либералы своим подлым

поведением в вопросе о выборе президиума рейхстага дали хороший урок Маниловым ревизионизма. Далее, правое крыло германского национал-либерализма теперь опять заявило о себе с такой силой, и так наглядно показало себя законнейшим союзником реакции, что даже у ревизионистов начинает пропадать охота до разговоров о «великом блоке» и о «концентрации» либералов вокруг с.-д.

Классовая борьба неослабно идет вперед и безжалостно разрушает иллюзии о возможности перемирия, блоков и «сотрудничества». Жизнь берет свое. Разногласия внутри германских с.-д. являются только одним из доказательных проявлений того, что Германия вступила в более острую полосу общественной жизни, а германская с.-д. выходит уже из периода чисто «подготовительного», преимущественно пропагандистского, когда все шло по накатанным рельсам. Разногласия эти жизненны и имеют великое значение для освободительной борьбы пролетариата. И они свидетельствуют, между прочим, и о том, как неумны попытки заменить споры великой принципиальной важности пустыми воздыханиями, что, дескать, хорошо было бы, ежели бы да кабы всюду господствовали мир и благодать и не было бы «излишних» споров.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 30, от 15 апреля 1912 г.; подпись — «Г. Зуев».

[2]) Мольненбур, Г. — германский социал-демократ, рабочий-табачник, в 1881 г. эмигрировал в Америку, подвергаясь до того различным полицейским преследованиям. Вернулся в Германию в 1884 г., с 1890 г. — член рейхстага, будучи неоднократно переизбираем.

[3]) Штадтгаген, А. — германский социал-демократ, депутат рейхстага от резиденции Вильгельма II—Потсдама; избрание Потсдамом с.-д. представителя вызвало в свое время немалую сенсацию в берлинских буржуазных и правительственных кругах.

[4]) Антей — вымышленный древне-греческою мифологиею сын сказочной «богини земли» Геи. Антей будто бы вступал в борьбу со всяким чужеземцем, являвшимся в его страну, при чем в борьбе чувствовал прилив свежих сил от каждого прикосновения к матери-земле.

ПЕРВОЕ МАЯ ЗАГРАНИЦЕЙ (1).

Рабочие заграницей отпраздновали первое мая. Над стройными рядами десятков и сотен тысяч пролетариев колыхалось рабочее знамя. Мерный шаг рабочих баталионов сливался с торжественными звуками «Интернационала». Почти повсюду в Зап. Европе буржуазия в этот день ощетинивается лесом штыков против рабочих. Но все более многочисленной, более могучей становится армия международного пролетариата. Все больше усиливается число рабочих, участвующих в пролетарском празднике 1 мая. И все громче, все настоятельнее звучат в этот день требование 8-часового рабочего дня, протест против войн, требование замены постоянной армии вооружением народа. Все увереннее звучат клятвы верности социалистическому знамени...

Первого мая рабочие всех стран производят смотр своим силам и подводят итоги результатам борьбы за год. Подсчитаем и мы, что произошло за последний «отчетный» год в международной семье пролетариата.

Последний год отмечен многими событиями чрезвычайной исторической важности.

Летом 1911 года Европа стояла вплотную перед возможностью кровопролитнейшей войны из-за Марокко. Международный пролетариат забил тревогу. «Долой войну» — этот клич рабочих всех стран разнесен по всей Европе. «Все Марокко не стоит жизни одного солдата»...

И в то время как буржуазные клики «заинтересованных» стран скалили зубы друг против друга и вели бесконечные торги о том, кому какой кусок отдать в добычу, — рабочие всех стран братски соединяются дружественным рукопожатием и сливаются в огненном протесте против хищнической колониальной политики буржуазии всех стран. Во всех крупнейших центрах рабочего движения Германии, Франции, Англии, Испании, Бельгии и Италии социалисты организовали ряд митингов и демонстраций против войны, чтобы нагляднее подчеркнуть братскую солидарность рабочих всех стран; представители французских рабочих отправились в Германию, германские социалисты приехали во Францию, французы и немцы — в Англию и т. д. И всюду братание социалистов тех стран, господствующие классы которых в этот момент готовы были друг другу перегрызть горло, проходило при шум-

ном одобрении десятков и сотен тысяч передовых рабочих. Международный пролетарский протест разрастался и становился все более чувствительным для буржуазии. Высшим пунктом этой кампании протеста были 200-тысячная демонстрация берлинских рабочих в Трептов-парке, 60-тысячная демонстрация парижских рабочих и огромная демонстрация английских рабочих в лондонском Трафальгарском сквере... Еще раз буржуазия убедилась, какой могучий противник стоит перед нею. И если дело не дошло до войны, то международный протест пролетариата, во всяком случае, не остался без влияния на этот исход...

Англия стала ареной особенно крупных событий в истекшем году. Грандиозная стачка моряков, стачка железнодорожников и, наконец, недавняя великая стачка углекопов, охватившая 2 миллиона рабочих и перебросившаяся в Германию, Францию. Бельгию, Чехию! Все больше и больше сходит со сцены умеренный старый трэд-юнионизм, ограничивавший борьбу рабочих узкими цеховыми рамками и делавший английских рабочих в политической сфере придатком либеральной буржуазии. Все более и более широкие массы английских рабочих сознательно становятся под знамя социализма, под знамя классовой борьбы. Все более освобождаются они от буржуазных влияний, причинивших английскому рабочему движению так много вреда.

Профессиональные союзы английских рабочих в этом году опять значительно увеличили число своих членов, и к 1 мая 1912 года насчитывают уже целых три миллиона членов. Английская с.-д. федерация привлекла на свою сторону часть «Независимой Рабочей Партии», которая только недавно вошла в Интернационал и далеко не разделалась еще с либеральными пережитками. На съезде английских с.-д. и ряда местных организаций «Независимой Рабочей Партии» образована «Английская Социалистическая Партия», которая создает теперь первую ежедневную социал-демократическую газету в Англии.

В только что закончившейся миллионной стачке углекопов английские социалисты играли крупную роль. Борьба углекопов еще не кончилась. Искушенная в деле обманывания рабочих «передовая» английская буржуазия пустилась на всевозможные хитрости, чтобы превратить победу английских углекопов в полупобеду. Новые стачки отсрочены, но они неминуемы. Стачка, приковавшая к себе внимание всего мира, грозившая потрясти механизм капиталистического производства в ряде стран, всюду

повергшая в трепет капиталистов и заставившая учащенно биться сердца миллионов пролетариев по сю и ту сторону океана,— эта забастовка не прошла даром. Золотыми буквами будет она вписана в историю всемирного движения рабочих.

Не менее важное историческое значение имеет победа социал-демократии в Германии на последних выборах в рейхстаг: $4^1/_2$ миллиона голосов, 110 депутатов — какая огромная, могучая армия! И это — несмотря на все усилия и ухищрения германского правительства! Германская социал-демократия не только самая сильная партия в стране, но самая сильная партия во всем мире. Целая треть всех избирателей подала голоса за германскую социал-демократию. Это значит, что из каждых трех граждан, пользующихся избирательными правами, по меньшей мере один отдает свои симпатии с.-д. партии. Исход выборов в германский рейхстаг поверг международную буржуазию в неменьшую тревогу, чем международная стачка горнорабочих. Буржуазия понимает, как велики будут последствия этих исторических выборов; она видит, сколь воодушевляющим образом выборы эти подействовали на рабочих всех стран; она сознает, что роль передового авангарда международной армии борцов за социализм — в хороших и надежных руках.

Число членов германской с.-д. партии к 1 мая 1912 года достигло ровно миллиона. Какая великая рабочая держава! Растет и число членов «свободных» (с.-д.) профессиональных союзов. Все более и более разветвляется с.-д. пресса Германии. Никогда во всей истории человечества не было еще такой огромной, такой могуче-просветительной силы, какой является теперь германская социал-демократия.

Германская социал-демократия ведет в настоящее время более напряженную, чем когда бы то ни было до сих пор, борьбу за освобождение пролетариата от влияния буржуазии и поповщины, — этих темных сил, закабаливших широкие слои отсталых рабочих Германии. Недавно закончившаяся германская стачка углекопов потерпела поражение именно из-за штрейкбрехерства отсталых рабочих, идущих за католическим центром, так обильно сеющим дурман среди рабочих и так подло эксплоатирующим их не только в экономической, но и в политической области. Подготовительный период, сравнительно спокойный, в Германии явно заканчивается. Германия вступает в полосу острых и резких столкновений. Экономические конфликты (локауты, стачки,

борьба против дороговизны и проч.) становятся все грандиознее. Политическое положение обостряется. Правящие сферы и их военные деятели разрабатывают стратегию уличного боя с внутренним врагом. В воздухе пахнет порохом... На германскую социал-демократию, в своем большинстве отметающую всякие сделки с врагом, не верящую в «сотрудничество классов», ложатся чрезвычайно ответственные задачи. Рабочие организации всех видов все более и более сближаются. Пароль: «партия и профессиональные союзы — едины суть» приобретает все большее право гражданства. Изживаются последние остатки «нейтралистских» иллюзий. Все положение вещей заставляет германский пролетариат стягивать свои силы, централизовать организацию, концентрировать удар.

В Австрии социал-демократия руководила огромным движением протеста против дороговизны цен на предметы первой необходимости. Несмотря на всю трудность положения, она на выборах выиграла в числе голосов. Между партией и профессиональными союзами здесь, как и в большинстве Скандинавских стран, господствуют самые тесные организационные отношения, приносящие огромное благо и партии и союзам...

В Италии рабочие, несмотря на колебания, вносимые либералами в социалистической шкуре, организовали энергичный протест против триполитанской авантюры

Социалистические партии, входящие в Интернационал, все вместе взятые, насчитывают теперь свыше 2.500.000 членов. Профессиональные союзы — до 11.000.000 членов. Вся эта великая армия, представляющая все будущее человечества, напряженно следит за освободительной борьбой, разыгрывающейся на Востоке и имеющей такое великое значение для судеб всемирного политического развития.

В этом году мы были свидетелями революции в Китае [2], закончившейся провозглашением китайской республики. 300 миллионов китайского населения сбросили с себя вековой гнет абсолютизма и сделали большой шаг вперед в деле завоевания полной и всесторонней политической свободы. «Недвижный» Китай тронулся... Как много последствий будет иметь этот факт для всего мирового развития!

В Китае образовалась социалистическая партия, которую братски приветствовал весь Интернационал. Она слаба еще, эта партия, так же слаба, как и социалистическая партия в Японии,

подвергшаяся и в этом году таким жестоким преследованиям со стороны японского правительства. Но этим партиям принадлежит будущее. Восток освобождается. Социалистическая партия, освободительница всего человечества, не может и здесь не сыграть великой роли.

С какой любовью рабочий Интернационал следит за каждым шагом освободительной борьбы на Востоке, такой же ненавистью награждал он «международных жандармов», искавших точки приложения избытку своих человеконенавистнических чувств в Персии (3), Турции, и т. д. Зверства, происшедшие в этом году в Персии, встречались проклятиями по адресу виновников, встречались выражением самого горячего сочувствия по отношению к жертвам этих зверств. Крепче сжимались кулаки, еще и еще раз повторялась Аннибалова клятва (4) — приложить все силы к тому, чтобы покончить с позором человечества...

Международное политическое положение все более и более обостряется. Две основных силы — буржуазия и пролетариат — все определеннее, все нагляднее размещаются по разным сторонам баррикады. Класс — против класса!.. Первомайские празднества являются вехами в той непрерывной борьбе, которая кипит, не утихая, между этими двумя лагерями. В чью пользу кончится историческая тяжба этих двух сил, — в этом не может быть сомнения...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Статья напечатана в «Звезде», № 32, от 19 апреля 1912 г.; подпись: «Г. Зиновьев».

2) **Китайская революция** началась в конце 1911 г. и, руководимая Сун-Ят-Сеном, вождем партии Гоминдан (блок интеллигенции и мелкой буржуазии), привела к свержению манчжурской династии и учреждению республики.

3) **Человеконенавистнические чувства международных жандармов в Персии** проявились отношением Европы к вспыхнувшей в 1911 г. персидской революции. Персидские события 1911-1912 г.г. навели такой страх на международную буржуазию, что «либеральное» правительство Англии бросилось в объятия русского царизма. Революционное настроение в Персии назревало уже давно, имея корни в экономическом захвате страны многочисленными английскими концессионерами. Движение расширила и углубила русская революция 1905 г. Шах Магомет-Али вынужден был дать Персии конституцию и созвать первый персидский меджилис (парламент). Но царская реакция 1906 г. ободрила шаха, и находившаяся у него «казачья бригада», под командой царских офицеров Ляхова, Перебийносова и Ушакова, помогла ему разгро-

мить меджилис и обагрить Персию кровью революционеров. Царское вмешательство во внутренние дела Персии вызвало сильный взрыв негодования: образовалась добровольческая армия и вышвырнула Ляхова и его компанию. Тогда Англия спохватилась, что перегнула через край в своем якшаньи с царскими казаками, добилась удаления шаха, и тот выехал в Россию. По новому английскому «нейтрально-международному» плану, Персию отдали под контроль жандармерии, инструкторами которой были наняты офицеры шведской армии, чем было оскорблено чувство национальной независимости персидского народа. А финансовая часть персидского хозяйства была передана американцу Шустеру-Моргану. Это оказалось крайне невыгодно зарившимся на персидский рынок русским купцам, и царское правительство быстро нашло повод для вооруженного вторжения в Персию. Введенный туда русский отряд позволил себе ряд неистовств над мирным населением, но своей цели достиг: большое число персидских революционеров было обвинено в оскорблении русского «мундира», и заработала привычная военно-полевая юстиция Николая II. В Тегеране (столице Персии) появились русские виселицы, причем казнь наиболее выдающихся вождей революции была нарочно совершена в день большого мусульманского праздника. Англия сделала «благородную физиономию», и английский «либерализм» откликнулся на царские изуверства лицемерными «митингами протеста».

[4]) Аннибалова клятва была дана величайшим полководцем древнего Карфагена (в северной Африке) Ганнибалом (или Аннибалом), жившим в 247-182 г.г. до начала общепринятого в Европе летоисчисления. Ганнибал дал клятву всю свою жизнь посвятить борьбе с Римом и действительно выполнил ее.

ЦЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ (1).

В «Вестнике Европы» напечатан рассказ русско-американского журналиста Тверского (2) об одном его разговоре с П. А. Столыпиным в 1906 году.

Судя по тому отношению, которое рассказ этот встретил и в среде октябристов и кадетов, и в «Голосе Москвы», и в «Речи», — самая достоверность рассказа не подвергается сомнению, и с ним можно считаться, как с серьезным документом.

Вот самые интересные места этой беседы:

«Ошибочно думать, — сказал Столыпин, — что русский кабинет, даже в его современной, объединенной форме, есть власть: он — только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которых ему приходится работать...»

Когда речь зашла о черносотенной агитации и погромах, Столыпин сказал:

«В этой области и я, и министерство еще более бессильны..., это вынуждало меня не раз думать об отставке. Я уже упомянул о том гнете различных давлений и влияний, которые постоянно и очень остро действуют на кабинет. По некоторым вопросам у нас существует недосягаемый для него status in statu (государство в государстве), и это один из них... Мне остается только лавировать... Погромы теперь прекратились, и, пока я у власти, их больше не будет. За прошлое я, конечно, не ответствен, и прошу вас извинить меня, если этим и ограничу мой ответ...»

Далее:

«Я уже сказал, что мысль об отставке иногда меня посещает, но у меня всегда настраже есть могучий противовес... Если я уйду, меня может сменить только кто-нибудь вроде Дурново или Стишинского. Я глубоко убежден, что и для правительства, и для общества такая перемена будет вредна...»

Далее следуют жалобы на представителей местной власти, которые, руководясь чувством отместки за собственный перепуг (в 1905 году), теперь усердствуют не в меру и заставляют вспоминать пословицу: «заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет».

Остановимся на этих признаниях. В них много ценного.

Словом, будто Столыпин не уходил в отставку только потому, что считал вредным переход власти к более реакционным Дурново и $К^0$, конечно, поверят разве только кадеты типа г. Струве, который так и умрет с убеждением, что Столыпин был последовательным «конституционалистом».

Но дело не в этом.

Чрезвычайно ценно признание Столыпина, что он и его кабинет были лишь «тенью власти», что фактическими хозяевами положения были режиссеры «различных давлений и влияний» (всем очень хорошо известных). Это — святая истина. Столыпин был не чем иным, как о р у д и е м режима 3-го июня, как одним из самых крупных прислужников его. И только. Марксисты неустанно твердили об этом еще в ту пору, когда октябристско-кадетские восхваления Столыпина, как «великого государственного деятеля», кое-кем принимались на веру. Столыпин фактически служил господам Дурново, Стишинским, Марковым 2-м и прочим представителям помещичьего класса. Он защищал политические интересы старого строя... Только кадеты могут верить в существование между Столыпиным, с одной стороны, и Стишинским и Дурново, с другой стороны, какой-то противоположности интересов, действительно важных разногласий по основным вопросам политической жизни. В о с н о в н о м и г л а в н о м и Столыпин, и Дурново были едины, — против народа, против рабочего класса и крестьянства, против демократии.

Что касается признания Столыпиным той темной роли, которую правительственные круги играют в погромах и черносотенной агитации, то оно, конечно, ценно только тем, что его был вынужден сделать сам Столыпин. По существу дела уже давно ни для кого не тайна, кто действительные вдохновители погромов и черносотенной агитации... Надо только прибавить одно: увы, и сам Столыпин вряд ли с достаточным основанием заявлял: «моя хата — с краю»...

Зато чрезвычайно поучительно признание Столыпина о том, что он принужден был «лавировать». Он не сказал точно, между кем и кем пришлось ему «лавировать». На деле происходило так. Столыпин был «человеком 3-го июня», едва ли не виднейшим представителем третьеиюньского режима. Одна из верных отличительных черт этого режима заключалась в том, что он старался, при помощи некоторых новых средств, на деле сохранить с т а р у ю сущность. Старый порядок должен быть сохранен, но

он должен в известной мере приспособиться к условиям буржуазного развития. Старой «патриархальности» (общины и т. д.) не удержать, одной стариной не прожить. Нужны хоть какие-нибудь союзники для старой власти, нужно хоть немножко подчиститься, принять хоть несколько «европейский» вид. Отсюда — 3-я Дума, отсюда — указ 6 ноября и многое другое, — все то, что марксисты характеризовали формулой: еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию.

В результате этой политики, под сенью 3-го июня, родился третьеиюньский блок, — блок с помещиками, с одной стороны, и верхним слоем буржуазии — с другой. Вот между теми-то и другими Столыпину и приходилось «лавировать». Сознавая это или нет, он именно на это указывал, говоря о «лавировании».

Третьеиюньский блок основан был на том, что власть и доходы фактически оставались за крепостниками. Отсюда и свары внутри третьеиюньского лагеря. Но главное — отсюда вытекла и невозможность для режима 3-го июня сделать какие-нибудь серьезные уступки буржуазии, какие-либо решительные шаги в деле приспособления к условиям буржуазного развития. Отсюда — полное бессилие решить «сверху» вопросы, поставленные революцией. И в результате — теперь для всех уже очевидная неизбежность решения этих вопросов «снизу».

Разговор Столыпина с Тверским приподымает маленький краешек завесы над миром мерзости и запустения. Но такие ли еще разоблачения услышим мы в свое время от нынешних слуг режима 3-го июня? И в этом отношении мы несомненно пойдем по стопам «Европы», где после каждого падения существующего политического режима его бывшие служители безжалостно разоблачают все язвы павшего порядка. Ведь и у нас в 1905 и 1906 годах мы видели уже маленькое начало...

Придет пора, и мы услышим с чрезвычайной подробностью и из очень компетентных уст, где были действительные пружины черносотенной агитации, погромов, провокации, подкупа, «распутинщины» и всех других темных дел и делишек.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Звезде», № 33, от 22 апреля 1912 г.; подпись: «Г. З.».

[2]) Тверской — литературный псевдоним либерального помещика П. А. Дементьева.

Цѣна 5 коп.

№ 3. НЕВСКАЯ № 3.

ЗВѢЗДА

Годъ изданія первый.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская 33, кв. 57
Контора открыта съ 11 до 6 час. дня. (Телеф. 104-[illegible]).

№ 3 Воскресенье 6-го мая 1912 г. № 3

ПРАВЫЕ ПАРТИИ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ [1].

Октябристско-кадетский блок пока не состоялся. Октябристы, как известно, не приняли руки и сердца, предложенных им кадетской конференцией. Зато блок черных с октябристами идет чрезвычайно успешно, можно сказать, — на всех парах. На юге — прежде всего Киев, где этот блок черносотенцев и октябристов можно считать уже совершившимся фактом. На северо-западе будет заключен блок октябристов с «националистами» — если только последние снизойдут до него. «Националисты» ведь чувствуют себя настоящими именинниками, и съезд их, конечно, является настоящим триумфом «национальной идеи» [2]. Правда, основатель партии националистов, глубоко уважаемый всей Россией г. Меньшиков, пишет в «Новом Времени», что «В. Н. Коковцов никак не может назваться сторонником Всероссийского национального союза». Но тем не менее, предвыборный правительственный циркуляр, несомненно, будет в пользу националистов. Тот же строгий Меньшиков, однако, объявляет, что «национальная партия должна счесть В. Н. Коковцова... дружественною себе державой». А раз так, то горевать нечего. Гучков в ножки поклонится Меньшикову: только заключи со мною союз...

Все готово у правых, — хоть завтра выборы назначай. И все же... все же что-то не по себе. Сегодня Пуришкевич объявляет правых крестьян «вредным элементом». Завтра архиепископ Стефан сочтет нужным угрожать священникам бог знает какими карами, если они поддержат на выборах левых, — точно все русское духовенство испокон веков поддерживает новые партии...

Все правые газеты, включая и октябристские, подняли настоящий вой против социалистов, как будто есть непосредственная «опасность», что социалисты проведут в 4-ю Думу не менее двухсот своих депутатов...

«Московские Ведомости» пространно разъясняют весь ужасный «вред и неуместность избрания в Думу социалистов», так

как-де «людям с такими политическими понятиями не должно быть никакого места в законодательных учреждениях».

Видный октябрист г. Еропкин в «Спб. Ведомостях» выступает с настоящим манифестом. Делая чрезвычайно испуганный вид, он надрывается, умоляет все буржуазные партии перед лицом «красного призрака» «забыть политические тонкости и нюансы», — «лишь бы общими усилиями спасти (!) существующий государственный строй».

— «Здесь и консерваторы, и либералы (sic!), и октябристы, и националисты, и крайние правые, и поляки, — все в одном строю против натиска (!) социализма», — взывает г. Еропкин.

— «Иначе — крушение государственного строя, крушение гражданского правопорядка, крушение (слушайте! — *Г. З.*) семьи, религии, крушение границ государства, крушение всего цивилизованного мира (о, ужас!), крушение всего того, чему доселе мир поклонялся и чем жил».

О, ужас, ужас! — Прямо светопреставление... Можно подумать, что выборы в 4-ю Думу пройдут, по крайней мере, на основе всеобщего избирательного права и что русские социал-демократы смогут, подобно своим германским коллегам, заполучить, — ну, хотя сотню депутатских мест в 4-й Думе.

Мужайтесь, г. Еропкин! Не падайте духом. Конечно, социалисты вас всех в конце концов одолеют. Но только это все же произойдет еще не на выборах в 4-ю Думу... Зачем же себя заблаговременно оплакивать?

Или, быть может, — «умысел иной тут был». Быть может, господам октябристам просто-на-просто надо кого-нибудь запугать? Ну, например, некие «сферы», от которых зависит поведение Государственного Совета, так огорчающего октябристов.

— Полноте, господа, — «не запугаете»!

Или вы хотите еще больше пугнуть и без того от рождения запуганных либералов? Дело это, конечно, не трудное, но вряд ли стоющее. Чего вам больше, господа? Родичев — про которого давно уже сказано: что у Гессена и Милюкова на уме, то у Родичева на языке — заявил ведь прямо, что он «открытый враг социал-демократии», что социал-демократов, собственно говоря, в России нет, что это — «анархисты», «хулиганы» и т. п. Стоит ли труда еще больше запугивать «красным призраком» подобную «оппозицию» в ливрее?

Неужели даже при режиме 3-го июня октябристы и правые не могут жить спокойно, как у Христа за пазухой? Отчего же

это у них душа не на месте? Отчего у них кошки по сердцу скребут? Отчего... Уж не чуют ли они, что что-то зреет внизу?..

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 1, от 26 февраля 1912 г.; подпись: «Г. Зарин».

«Невская Звезда» выходила с 26 февраля 1912 г. по 5 октября того же года. Ее издателем подписывался до конца А. Е. Бессонов, формальных редакторов сменилось пятеро: К. Е. Харевич, Е. Г. Тюнин, И. А. Прохоров, С. З. Воронов и А. А. Калганов. Всего вышло 27 №№. Газета появлялась три раза в неделю. Редакция помещалась сперва на Разъезжей ул., № 33, после—на Ямской ул., № 2.

Так как состав сотрудников, общий со «Звездой» и «Правдой», неуклонно вел «правдистскую» линию, то и репрессии в отношении «Невской Звезды» сыпались в стремительном порядке, и редкий № газеты проходил без отметки о последовавшей каре.

[2]) Национальная идея была формулирована на состоявшемся в начале 1912 г. «Всероссийском съезде националистов». Она предназначалась для их избирательной платформы в 4-ю Думу: 1) Содействие всеми доступными Гос. Думе средствами величию и достоинству православной церкви. 2) Усиление военной мощи империи. 3) Подготовка армии народных учителей, способных воспитывать учеников в духе уважения к церкви. 4) Широкое развитие русского кредита. 5) Средства государственного банка должны быть пущены только в русские руки. 6) Пересмотр устаревших законов в духе более действительной борьбы с еврейством.

«СОСЧИТАЛИСЬ»!.. (1)

Кто не помнит грозного обещания гневного г. Гучкова «сосчитаться» с Государственным Советом, систематически губящим все те колоссальные реформы, которые вырабатывают октябристы в черной Думе? И как ни дороги нашему сердцу реформаторы-октябристы, а надо правду сказать: много воды утекло с тех пор, как трибун Гучков пригрозил «сосчитаться», а с головы нашей верхней палаты ни одного волоса не упало.

«Разъяснил» Государственный Совет вероисповедные законопроекты. Они были очень дороги сердцу многих октябристов, в частности Гучкова.— Ничего, съели! Малость поворчат, но в конце концов переварят.

Ст. 51, карающую за мирную стачку, как за уголовное преступление, даже 3-я Дума сочла немного «чересчур» и отменила ее. Государственный Совет, разумеется, поспешил восстановить ее. Ну, тут и огорчаться октябристам не стоило.

Выработала 3-я Дума закон о всеобщем (?) обучении. Потели не мало — надо было, чтобы и волк остался сыт, и козы целы. Сделали все возможное, чтобы школа и впредь осталась орудием правящих классов против народа. Но Государственному Совету и этого мало, он не терпит даже таких новшеств, как октябристское всеобщее (?) обучение. И — раскассировал почти окончательно и этот законопроект. Тут бы, казалось, октябристам и «сосчитаться». Увы, они избрали совсем другой путь. — Государственный Совет не уступает нам, так ведь есть выход: уступим мы ему, — сказали себе октябристы. И Анреп (2) с Ковалевским (3) в согласительной комиссии по главному вопросу — о сроке введения «всеобщего» обучения — «внесли компромиссную поправку», как мягко выражается «Голос Москвы», т.-е. на деле сдали почти все. Сосчитались!..

Теперь Государственный Совет обсуждает октябристский закон о реформе местного суда. И октябристы «с чувством глубокого волнения» («Голос Москвы») ждут, пока Государственный Совет... провалит и этот закон, и «разобьется вся реформа местного суда».

И учится русский народ. И видит, что даже октябристское «подновление» режима не всегда приемлемо для тех, у кого в руках вся власть. Знает он, что фактически над Россией хозяйничают г.г. Дурново, Пуришкевичи, Стишинские, Марковы 2-е.

Сосчитаться? — Да, это необходимо сделать. Но не октябристам, а — с октябристами и кое с кем еще заодно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 1, от 26 февраля 1912 г.; подпись: «Г.».

[2]) Анреп, В. К. — член 3-й Думы, октябрист, председатель думской комиссии по народному образованию, профессор медицины.

[3]) Ковалевский, Е. П. — член 3-й Думы, октябрист, товарищ председателя комиссии по народному образованию. Оба «советника» — «тайный» и «действительный статский» — не оказались в силах противостоять Гос. Совету и всячески шли на компромиссы.

«ПОРОХ» ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ (1).

«Wahlpulver» — есть такое выражение у немецких социал-демократов, — т.-е. «порох для выборов», для избирательной кампании. Речь идет о денежном фонде для ведения рабочей партией избирательной агитации.

Деньги — нерв войны, в том числе и великой освободительной войны рабочего класса. Железный закон капиталистического общества требует, чтобы и в борьбе против самого существования этого же общества шагу нельзя было сделать, не обладая презренным металлом...

В частности, избирательная кампания стоит всегда рабочим партиям больших денег: на усиленную письменную агитацию, на организационную сторону дела, на разъезды пропагандистов и агитаторов, и т. д.

Откуда же возьмет эти деньги рабочая партия, кроме как от рабочих?

Посмотрите на германскую социал-демократию. Теперь, когда за ней $4^1/_2$ миллиона избирателей, она обладает уже обеспеченным миллионным партийным бюджетом, достаточным и для ведения избирательной кампании. Но тем не менее и теперь, задолго до выборов, с.-д. газеты открыли специальные сборы на избирательную кампанию. Всюду появились рубрики: «порох для избирательной кампании». И каждый с.-д. деятель, каждый работник профессионального движения считал долгом посильно помочь увеличению избирательного фонда. А в былые времена это был единственный источник дохода германской с.-д. партии для выборов. Из рабочих трудовых грошей копейка за копейкой накоплялся достаточный запас пороха для выборов...

Не пора ли и русским рабочим, в виду предстоящих выборов в 4-ю Думу, подумать о создании специального избирательного фонда, о накоплении хоть малого количества «избирательного пороха»? Ведь мы так многому научились у немцев. Научимся же у них и «бюджетной политике»... Конечно, у буржуазии «пороха», или денег, будет во много тысяч раз больше, чем у рабочих. Но если у рабочих не будет и мини-

мума «пороха», то, даже обладая самыми скорострельными орудиями, они многого на выборах не сделают...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 1, от 26 февраля 1912 г.; подпись: «Г.».

СТАРАЯ ПОГУДКА НА НОВЫЙ ЛАД [1].

Было время — в 1903, 1904 и 1905 годах, — когда широкой волной разлилось по всей России рабочее движение, и нам не раз приходилось быть свидетелями следующих назидательных сцен. Идет горячий спор между добрыми друзьями. Это спорят, с одной стороны, представители «объединенной промышленности», т.-е. фабриканты и заводчики, с другой стороны, — представители правительства. Почва у спорящих друзей общая, желают они одного, потому-то они и друзья. Цель ясна: надо во что бы то ни стало «замирить» рабочее движение. Спор идет не о цели — она общая обеим сторонам. Спорят лишь о средствах к достижению общей цели. Обе стороны пришли — или начинают приходит — к убеждению, что одного штыка мало, что нужны и известные показные «уступки» рабочим. И вот спорят, надрываются: кто же сделает эти уступки — фабриканты или правительство, каковы будут эти уступки — экономические или политические.

Между добрыми и закадычными друзьями происходит, примерно, следующий разговор:

— Нет, господа, дело, ведь, яснее ясного. Разве мыслимо так продолжать? У вас 14-часовой рабочий день (а то и 15-часовой), у вас нищенская плата. Ну, как же им не бастовать? Рабочему до политики мало дела. И бунтует он только из-за того, что чересчур прижали его в экономическом отношении. Уступите ему хоть что-нибудь. Тогда он сразу отвернется и от социалистов, и от стачек, и от политических требований. А мы с вами, право, скоро наверстаем ваши потери. Да и потерь-то особенных у вас не будет. Ведь, знаете, это правду говорят, что при 10-часовом дне рабочий вырабатывает не меньше, чем при 14-часовом. Соглашайтесь, право, тогда всем левым — крышка...

— Ну, нет, уж извините,—возражают объединенные промышленники сановным бюрократам, — дело совсем не в экономическом положении рабочих. Дело именно в политическом бесправии. Ведь, между нами говоря, у вас творится форменное безобразие. Рабочий пикнуть не может. Да и не один рабочий. Всюду — казнокрадство, гнет, поощрение темноты. Разве так мыслимо... Известная конституция, знаете ли, необходима. И вы не думайте — рабочий это отлично понимает. Успокоить рабо-

чих можно только известными политическими уступками. Нет, батенька, если кому уступать, так это именно вам.

Образчики подобных милых бесед сохранились во множестве докладных записок фабрикантов и заводчиков за 1904—5 г.г. и во многих речах министров и бывших министров.

Еще в январе 1905 года нынешний премьер, а тогда только министр финансов, г. Коковцов, публично обращался к промышленникам, указывая им, что он выдвигает «не требование и насилие, не приказ, а дружеский совет» сделать для замирения рабочих некоторые экономические уступки. А ему отвечали фабриканты: «нужно вовсе не это, не экономические уступки важны, а — более глубокие реформы общегосударственного характера».

Граф Витте неподражаемо изобразил этот спор добрых друзей в своей недавней речи в Государственном Совете, при обсуждении законопроекта о страховании.

— Мы им говорили о введении государственного страхования, о введении лечения рабочих, а они, промышленники самого первоклассного промышленного города, подают следующую петицию: не это, мол, необходимо, а вот что необходимо — «необходимо ввести равноправность всех и каждого перед законом, необходима полная неприкосновенность личности» и т. п. (Цитируем по «России», № 1975.)

Долго еще спорили бы добрые министры с непослушными фабрикантами, много нравоучительных речей было бы произнесено и с той и с другой стороны, если бы... если бы не было еще кой-кого другого: рабочего класса. Рабочие поняли, что между их экономическими и политическими требованиями существует самая тесная, самая жизненная связь. Рабочие связали тесными узами свою экономическую и политическую борьбу.

Теперь этот торг между промышленниками и правительством возобновляется. Споры в Государственном Совете между министром Коковцовым, министром в возможности гр. Витте, с одной стороны, и Триполитовым, Крестовниковым и К°, с другой стороны, это — старая погудка на новый лад. Прения о государственном страховании происходили в Государственном Совете как раз тогда, когда ширился и рос протест десятков тысяч рабочих против расстрела на Лене. И не только у Коковцова и Витте, но даже у Меньшикова и Мещерского явилась потребность указать на то, что «слишком прямолинейная» политика ротмистров Трещенковых является несколько чересчур сильно действующим средством.

Конечно, — милые бранятся, только тешатся. Всей «оппозиции» указанного калибра цена — ломаный грош. И в том же вопросе о страховании милые друзья очень скоро поладили: Государственный Совет единогласно (значит, и с согласия «самого» Дурново) принял переход к постатейному чтению законопроекта о страховании. В данном случае поладить было особенно легко. Ведь не для кого же не тайна, что принятый 3-й Думой закон «о страховании рабочих» есть на самом деле закон о страховании капиталистов за счет рабочих. Ведь председатель совета министров г. Коковцов, несомненно, был совершенно прав, когда, урезонивая г. Триполитова, говорил, что закон о страховании «написан с той гибкостью, которую желал бы член Государственного Совета Триполитов» и что «мы (т.-е. правительство) новой повинности на промышленников не создаем» («Россия», № 1972).

Где уж тут новую повинность на бедных Триполитовых и Крестовниковых накладывать... С ними и так едва-едва сладишь.

Но, как симптом, те споры, которые возникли между Коковцовым и Витте и Крестовниковым и Триполитовым очень важны. Это начало нового торга между бюрократами и фабрикантами — чрезвычайно характерное знамение времени.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 3, от 6 мая 1912 г.; подпись — «Г. Зарин».

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Годъ изданія первый.

№ 1. Воскресенье, 22 апрѣля 1912 г. ЦѢНА 2 коп.

ОТКРОВЕННОСТЬ ПОНЕВОЛЕ [1].

Особенного успеха (на выборах) со стороны левых нельзя ожидать, потому что тормозом для них является нынешний избирательный закон.

А. И. Гучков.

Вышеприведенные слова Гучков произнес в беседе с сотрудником чешских «Народных Листов», на-днях опубликованной в «Новом Времени» (№ 12957).

В этой беседе Гучков сделал несколько очень откровенных признаний.

«В городах,—говорит Гучков,—вероятно, рабочие круги будут поддерживать партию социал-демократов, а средняя интеллигенция — кадетов».

О деревне Гучков вовсе умалчивает, замечая только, что «левые группы опираются, главным образом, на городские элементы, а нынешнее положение о выборах центр тяжести переносит, главным образом, в земскую (Гучков хотел сказать: в помещичью) среду».

Но где же крестьянство, г. Гучков? Если бы на него совсем не «опирались» левые группы, то, поверьте, вашим хозяевам не понадобилось бы отнять у него 1491 выборщика даже по сравнению с перводумским избирательным законом, т.-е. не понадобилось бы уменьшить число крестьянских выборщиков более, чем на 20%.

Итак, в городах избиратели идут за с.-д. и к.-д., относительно деревни — двусмысленное молчание. И все же... все же Гучков надеется на победу октябристов. Откуда же возьмется эта «победа»? — Октябристы опираются в провинции на земских деятелей (читай: на крупных помещиков), в городах же — на высшую (?) интеллигенцию (читай: на высшее чиновничество) и такие зажиточные элементы, как крупные торговцы, промышленники и т. д.

На этих трех китах—помещик, чиновный бюрократ, перво-гильдейский купец—и строит свои надежды вождь октябристов.

Но как же случится, что эта маленькая кучка победит на выборах многомиллионное население России? Да очень просто. Ведь Гучков с похвальной откровенностью объяснил уже вам, что «особенного успеха со стороны левых нельзя ожидать, потому что тормозом для них является нынешний избирательный закон».

Однако, зачем понадобилась Гучкову эта откровенность? Или поневоле станешь откровенным, когда после пяти лет насквозь лживых и лицемерных выступлений всякая твоя речь, попрежнему заигрывающая с «народом», встречается гомерическим хохотом?

Пора бы и кадетам, наконец, признаться, что и они своими избирательными «победами» над демократией обязаны исключительно избирательному закону 3 июня!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 4, от 26 апреля 1912 г., подпись — «Г. З.».

1 МАЯ В РОССИИ ([1]).

В 1891 году русские рабочие впервые приняли участие во всемирном празднике пролетариата.

Чем были мы тогда? Маленькими кружками единомышленников, небольшими содружествами первых пропагандистов научного социализма. И в соответствии с этим, в первомайском празднестве русских рабочих могли принять участие лишь немногие избранные, лишь те десятки передовых рабочих, которых успела воспитать еще только недавно начавшаяся в России пропаганда.

Но уже через 5 лет мы видим другую картину. Полоса кружковщины, пропаганды в узких, замкнутых рабочих кружках сменяется эпохой массовой агитации. Внимание рабочих деятелей обращено уже не только на выработку всесторонне развитых избранных одиночек из рабочих, но, главным образом, на просвещение м а с с. Усиленное развитие капитализма в России, вся общественно - политическая обстановка подготовляет условия, делающие неизбежным более широкое рабочее движение. С 1894 по 1896 год в России возбуждено было целых 726 политических дел, по которым привлечено было 3.531 лицо. Уже по одним этим цифрам можно судить о том, насколько движение начинало расширяться. И вместе с этим расширялось и участие рабочих в первомайском празднике.

Еще через 5 лет, к началу девятисотых годов, движение сделало уже огромный шаг вперед. В 1901 году в Петербурге и в ряде других городов происходят крупные первомайские забастовки, которые местами стоили больших жертв рабочим. Даже по официальным данным, в одном Петербурге состоялось 12 майских стачек, охвативших 14.300 рабочих, а по всей России число стачек, по тем же данным, достигло 120.

А еще через 5 лет, в 1906 году, мы видим величайшую в России первомайскую манифестацию рабочих: в этом году чуть ли не по всей России рабочие отпраздновали 1 мая забастовками и митингами. Не было такого угла, где бы рабочие в той или иной форме не присоединились к первомайскому празднику... Между 1901 и 1906 г.г. лежат знаменитая ростовская стачка (ноябрь 1902 года) и всеобщие забастовки на юге России (июль 1903 года), охватившие 225.000 рабочих... В 1907 году русские рабочие принимают еще довольно широкое

участие в первомайском празднестве. А затем — начинается мрачная полоса реакции, все более и более оттесняющая рабочих с завоеванных позиций и лишающая их возможности праздновать вместе с рабочими всех стран свой первомайский праздник . . .

Уже с 1910 года, среди мрака ночи, порою начинают вспыхивать ободряющие огоньки. Глубокая идейная реакция начинает проходить. Истекший год, май 1911 г. — май 1912 г., принес русским рабочим уже безусловную уверенность в том, что наступает **новая** полоса в периоде реакции. 1911—1912 год является го ом **перелома**, годом поворота. Еще глубокая ночь царит кругом, но первые лучи рассвета уже явственно брезжут впереди нас . . .

Обозревая события истекшего года, рабочие России в нынешнем году смогут указать и на кое-какие успехи. Широкой волной начинают разливаться экономические стачки рабочих. За 1911—12 год число таких стачек чрезвычайно выросло, несмотря на все гонения со стороны органов власти. Это—частью уже не только оборонительные, но и наступательные стачки. Рабочий расправляет спину и организует новую борьбу за те условия труда, которые он завоевал в бурные годы и которые начисто отняли у него в годы реакции, когда рабочих били в два кнута.

И теперь, несмотря на отсутствие широких и крепких рабочих организаций, несмотря на все гонения против всех видов рабочей организации, рабочие России заканчивают свой «отчетный» год однодневной «траурной» забастовкой, охватившей Петербург, Москву, Киев, Николаев, Нижний, Сормово, Харьков, Саратов, Одессу и др. города.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 8, от 1 мая 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев»

ДВА «ЖЕСТА» (1).

Фраза г. Милюкова («вот убийцы наших детей») (2), стоившая ему исключения из Думы на 10 заседаний, напомнила нам другую, не менее удачную фразу, брошенную в свое время с думской трибуны г. Родичевым.

Помните ли вы, читатель, как ответил тогда г. Милюков на красивый жест Родичева? (3) Милюков пошел в своем негодовании против «зарвавшегося Родичева» настолько далеко, что присоединился к октябристам и крайним черносотенцам и открыто принял участие в овации, устроенной третьедумским большинством П. А. Столыпину...

Тогда Милюков не удовольствовался этим. Он заставил Родичева в самых унизительных выражениях заявить, что он, Родичев, выражает сожаление и раскаяние, что его «не так поняли» и т. п. Черная сотня, конечно, не смягчилась просьбами Родичева, и провинившийся кадет был изгнан из Думы на несколько заседаний. С точки зрения Милюкова, это была заслуженная кара.

А теперь?.. «Какой, божьей милостью, поворот!» Сам П. Н. Милюков — чрезвычайно уравновешенный и с избытком хладнокровный Милюков — делает такой же оппозиционный «жест», как легко воспламеняющийся Родичев...

Чем же объяснить подобный поворот? Быть может, кадеты — и в частности Милюков — просто «полевели» за это время?

Этому предположению, однако, противоречит целый ряд фактов. Сам Родичев докатился до... черносотенного социалистоедства — вспомните его знаменитую беседу, в которой он отзывался о социал-демократии в духе «Земщины». Кадеты, как партия, решили добиваться блока на выборах с октябристами («левыми» (?) октябристами) и кокетничают теперь с «прогрессистами», тоже очень немногим отличающимися от октябристов. А в прениях по университетскому вопросу лидер к.-д. партии Милюков выступил с речью, в которой он прославлял «правое» студенчество и которая, вообще, сделала бы честь любому умному черносотенцу.

Перед лицом таких фактов брать всерьез кадетское «полевение» невозможно...

Остается еще другое предположение, объясняющее «левые» жесты кадетских вождей. Милюков заставлял Родичева изви-

няться перед черными — через несколько месяцев после выборов в 3 Думу. Милюков сам бросает «эффектные» «родичевские» фразы за несколько месяцев до новых выборов в 4 Думу, в разгар предвыборной борьбы. Нет ли тут известной закономерности?.. Верно ли такое предположение — пусть судят читатели.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 9, от 3 мая 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) «Вот убийцы наших детей» — фраза, брошенная Милюковым в заседании Гос. Думы от 11 апреля 1912 г. во время обсуждения сметы министерства народного просвещения (министром был тогда пресловутый Л. А. Кассо). По условиям изворотливой кадетской тактики, метавшейся то вправо, то влево, Милюкову надо было в данный момент «полеветь». Для этого Милюков использовал многочисленные случаи самоубийств среди учеников казенной средней школы и театрально разразился: «я вас спрашиваю, как можно назвать тех людей, которые добрые отношения преподавателей к ученикам расстраивают, и на кого падает обвинение в убийстве наших детей? Убийцы сидят тут пред вами».

[3]) Красивый жест Родичева — был сделан в заседании Гос. Думы 18 ноября 1907 г., вызванный пространно-напыщенной речью Столыпина на тему: «самодержавие — драгоценнейшее достояние русской государственности». Все тезисы Столыпина были построены на терминах «высочайшая власть», «свободная воля монарха», «историческая правда самодержавия» и т. п. Одну из ответных речей произнес Родичев. Его возбужденная, нервная реплика закончилась фразой: «Когда русская власть видит одно средство в том, что Пуришкевич в прошлом году назвал «муравьевским воротником», а что впоследствии назовется «столыпинским галстуком»... Почтительная Дума страшно рассердилась на Родичева, сам Столыпин покинул зал заседания, вне себя от гнева за сравнение с Муравьевым-Вешателем, а лидер кадетов — по злорадному репортажу сотрудника «Нов. Времени» — аплодировал Столыпину. Затем от имени «осведомительного бюро» казенной информации было оповещено в газетах, что «П. А. Столыпин потребовал от господина Родичева извиниться перед свидетелями». Родичев оказался вынужденным уступить приказу своего лидера Милюкова и извиниться.

ДОБРЫЕ ФАБРИКАНТЫ [1].

Московский орган октябристов сообщает:

«Общество фабрикантов и заводчиков московского промышленного района постановило не подвергать забастовавших рабочих штрафу за нарушение договора, а сделать вычет из жалования за прогульный день» («Голос Москвы», № 97).

Речь идет о московских рабочих, забастовавших в знак протеста против ленских событий. Сперва московские капиталисты были вполне довольны «своими» рабочими. Смотрите,—хвастались они в своих газетах, — «наши» рабочие не бастуют. Они не в пример иным-прочим остаются спокойны, несмотря ни на что... Однако, московские рабочие не оправдали надежд. Хотя и с опозданием, но и они в числе нескольких десятков тысяч присоединились к всероссийскому выступлению рабочего класса...

И вот перед московскими Тит Титычами стал вопрос: казнить или помиловать непокорных рабочих?

Какие добрые фабриканты! Они решили только вычесть у рабочих плату за один день стачки! А ведь фабриканты могли и заработать на этом деле: подвергнуть штрафу «за нарушение договора».

Было время — в 1905—1906 годах — рабочие были крепко сплочены. И они частенько заставляли фабрикантов платить за дни стачки. Тогда некоторые фабриканты и заводчики делали вид, что они платят за дни забастовки добровольно, единственно потому, что пылают горячей любовью к рабочим. Находились наивные люди, которые верили, что дело действительно объясняется «либерализмом» фабрикантов, тем, что у промышленников и рабочих есть-де общая цель.

Теперь, на расстоянии, гораздо видней: самые либеральные фабриканты уступают рабочим лишь тогда, когда рабочие имеют силу принудить их к этому...

И если московские фабриканты теперь сорвали только одну шкуру, а не две, то, конечно, единственно потому, что боялись новых забастовок рабочих.

Некоторые петербургские фабриканты после первомайской забастовки поступили иначе и вызвали новые стачки.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 11, от 5 мая 1912 г.; подпись — «Г. З.».

ИЗ ИСТОРИИ ПРАЗДНИКА 1 МАЯ (1).

Первомайскому празднику всемирного пролетариата насчитывается уже около 25 лет истории. Этот праздник явился первым детищем нового, возрожденного Интернационала. Но сначала несколько слов о предшественнике нового Интернационала — о великом Международном Товариществе Рабочих, во главе которого стояли творцы научного социализма, — Маркс и Энгельс, и которое первое заложило фундамент международной организации пролетариата.

I.

Весь цикл развития старого Интернационала (Международного Товарищества Рабочих) завершился в течение одного десятилетия 1864 — 1873 г.г. В течение этого короткого времени старый Интернационал проделал весь свой путь: от самых шумных, головокружительных успехов — до полного организационного крушения.

В конце 1864 года выходит первый манифест старого Интернационала, написанный Карлом Марксом и заканчивающийся великим призывным кличем:

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И уже через 4 — 5 лет Международное Товарищество приобретает ореол могучей организации, которая нагоняет трепет на всю капиталистическую Европу и которая собирает вокруг своего знамени передовые слои рабочих всех стран. Представители европейских держав считаются со старым Интернационалом, как с чрезвычайно сильным врагом, против которого они заключают оборонительный и наступательный союз. Международная буржуазия в своем испуганном воображении рисует себе Интернационал, как организацию, обладающую, прежде всего, огромными денежными запасами, которых может хватить на самую щедрую помощь десяткам и сотням тысяч бастующих рабочих всех стран. И это заставляет фабрикантов и заводчиков порой без бою уступать забастовавшим рабочим, раз только руководство данной стачкой взял в свои руки Интернационал — гроза капиталистов.

Международное Товарищество Рабочих — в зените славы. И все же—все же оно через каких-нибудь несколько лет погибает.

— Почему?

Нельзя признать исчерпывающими попытки объяснить распад старого Интернационала исключительно борьбой внутри Товарищества двух непримиримых направлений (марксизма и анархизма), или взгляд на крах Международного Товарищества только как на результат правительственных гонений против него (особенно усилившихся после Парижской Коммуны 1871 года, которая, по выражению Энгельса, была «духовным детищем Интернационала»). Главная и основная причина распада старого Интернационала лежала глубже. Она заключалась вот в чем.

Развитие рабочего движения, окрепшего и возмужавшего к тому времени почти во всех странах Европы, переросло старые организационные формы Международного Товарищества. Движение вышло из детского возраста. Руководить всеми — или хотя бы только самыми крупными — проявлениями классовой борьбы рабочих в отдельных странах из одного центра (каким был генеральный совет Международного Товарищества) — стало невозможным. Именно рост и укрепление рабочего движения в отдельных странах вызвали разложение старого Интернационала. Борьба с анархизмом и преследования со стороны правительства только ускорили это разложение и сделали его более мучительным.

Великие вожди старого Интернационала, Маркс и Энгельс, уже в самый момент краха Международного Товарищества поняли основную причину этого краха и вещим оком провидели возрождение нового Интернационала в новой исторической базе.

— «События и неизбежный ход вещей сами позаботятся о восстановлении Интернационала в более соответствующем виде... Мой взгляд на положение дел в Европе подсказывает мне, что было бы целесообразным отодвинуть на время формальную организацию Интернационала на задний план», — так писал К. Маркс 27 сентября 1873 года *).

«Десять лет Интернационал правил одной стороною европейской истории и именно тою, в которой заложено все будущее, и он имеет полное право с гордостью оглянуться на пройденный им путь... Старый Интернационал себя пережил... Я думаю, что следующий интернационал будет — после того, как учение Маркса в течение нескольких лет будет все более и более усваи-

*) См. Письма к Зорге (²), стр. 134 русск. пер.

ваться, — чисто коммунистическим», — писал соратник Маркса — Фридрих Энгельс осенью 1874 года *).

Маркс и Энгельс не столько горевали по поводу гибели их детища, сколько исследовали исторические условия, с неизбежностью приведшие к этой гибели. Им, самым активным деятелям старого Интернационала и непосредственным участникам всей борьбы, разыгравшейся в недрах его, было труднее, чем кому бы то ни было, взглянуть объективно и исторически на гибель международного товарищества. Но их гениальный историко-материалистический метод помог им и в этом случае.

Предсказания Маркса и Энгельса вполне оправдались. Не прошло и полутора десятков лет, как восстановился «в более соответствующем виде» новый Интернационал.

И одним из первых решений нового Интернационала было решение устраивать каждый год в день 1 мая (по заграничному календарю) международную пролетарскую манифестацию с требованием 8-часового рабочего дня.

II.

Идея ежегодной международной манифестации в пользу 8-часового рабочего дня уже и раньше бродила в головах рабочих Европы и Америки. Так, уже в 1885 году съезд некоторых рабочих союзов Соединенных Штатов решил 1 мая 1886 года устроить такую манифестацию. Решение это местами было проведено в жизнь. В Чикаго впервые пролилась кровь рабочих, участвовавших в первомайском празднике 1886 года. Американская буржуазия не удовлетворилась расстрелом рабочих на улицах Чикаго — ей понадобились еще судебные убийства. И буржуазный «суд», конечно, свято выполнил волю своих хозяев-миллиардеров: 8 человек «подстрекателей» были приговорены к смертной казни...

Впервые на строго социалистическую почву идею первомайского праздника поставили Парижский международный социалистический конгресс, — первый конгресс нового, возрожденного Интернационала.

Новый Интернационал впервые оформил то, что бродило среди передовых рабочих, и впервые придал международной агита-

*) См. письма к Зорге, стр. 155.

ции за 8-часовой рабочий день планомерный и систематический характер. И в этом — одна из величайших его заслуг перед всемирным движением пролетариата.

Восемь часов для труда, восемь — для сна, восемь — свободных, — таков был первоначальный пароль первомайского праздника, провозглашенный Парижским международным конгрессом. Лишь впоследствии, уже в ходе борьбы, к этому лозунгу присоединилось еще требование замены постоянной армии вооружением народа (милицией).

Первомайский праздник стал не только манифестацией в пользу 8-часового рабочего дня, но и демонстрацией против милитаризма. Правительства всех стран, состязающиеся между собой в деле возможно более обильных жертвоприношений на алтарь ненасытного милитаризма, позаботились о том, чтобы протест против милитаризма объединял все более и более широкие массы рабочих, на которых ложатся все главные тяготы милитаристического строя.

Новый Интернационал и при своем возрождении тоже не смог избегнуть на первых порах раскола. «Выступает на сцену старый раскол Интернационала», — писал Ф. Энгельс 8 июня 1889 года, накануне Парижского конгресса (3). И действительно. В июне 1889 года в Париже одновременно заседали два международных конгресса. Один из них был созван французскими марксистами при деятельнейшей поддержке германских с.-д. и под идейным руководством Энгельса. Другой организован был французскими «поссибилистами» (во главе с недавно умершим Брусом) при поддержке, главным образом, англичан, во главе с Гайндманом. — «Те же спорящие стороны, с тою только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем поссибилистов; та же продажа своих принципов буржуазии» и т. д. — писал со свойственной ему резкостью Ф. Энгельс по адресу поссибилистов. Попытки примирения и слияния обоих съездов в один конгресс — к великой радости непримиримого Энгельса—кончились ничем. Только через 2 года, в 1891 году, на международном конгрессе в Брюсселе (4) установилось единство. Поссибилисты были окончательно побеждены.

Оба Парижских конгресса 1889 года претендовали на звание международных социалистических конгрессов. Но в историю международного социализма, как крупное событие, вошел только конгресс, созванный под руководством марксистов. В этом кон-

грессе участвовали уполномоченные от рабочих Германии, Франции, Бельгии, Австрии, Италии, Голландии, Англии, Испании, Швеции, Дании, Америки. Были и представители от русских социалистических кружков. И именно этот конгресс провозгласил ежегодный пролетарский праздник 1 мая.

III.

Разногласия, существовавшие между двумя конгрессами 1889 года, отразились отчасти и на первом майском празднестве 1890 года. Участвовавшие во втором конгрессе (поссибилистов) англичане и французы не считали себя обязанными выполнять решения, принятые на непризнаваемом ими конгрессе. Это внесло на первых порах некоторые колебания. С другой стороны, в 1891 году англичане, немцы и швейцарцы перенесли праздник с 1 мая на первое воскресенье этого месяца, дабы избегнуть экономических репрессий за забастовку. В виду всего этого, Брюссельский конгресс 1891 года счел необходимым еще раз остановиться на вопросе о первомайском празднике и принял по этому поводу следующую резолюцию:

«Чтобы сохранить за первым мая его истинный экономический характер: требования восьмичасового дня и оттенения классовой борьбы,—

Конгресс постановляет,

Что должна быть одна общая демонстрация рабочих всех стран, и что эта демонстрация будет иметь место 1 мая.

Конгресс предлагает прекращать работы всюду, где это возможно».

Возрождение международного Интернационала не на шутку переполошило международную буржуазию и ее приказчиков — правительства. Ожил «красный призрак», который — господам буржуа так хотелось в это верить — сгинул, казалось, навеки.

Но с особенным остервенением встретила международная буржуазия призыв нового Интернационала к международному празднованию 1 мая. Недаром в 1890 и 1891 годах в день 1 мая пролилась рабочая кровь. На мирные манифестации рабочих в пользу 8-часового рабочего дня буржуазные правительства отвечали чуть не провозглашением осадного положения. В день 1 мая 1890 года большинство европейских столиц было превращено в военные лагери. Из Вены, например, накануне

1 мая 1890 года газета «Freie Presse» телеграфировала: «Солдаты стоят наготове; двери в домах заперты; в квартирах заготовлены запасы, как будто в виду осады; дела остановились; женщины и дети не смеют выйти на улицу».

Местами богатые буржуа в панике покидали город, а наиболее храбрые из представителей имущих классов стали поговаривать об образовании своей специальной буржуазной гвардии для борьбы с рабочими...

В 1891 году во Франции, в городке Фурми, 1 мая ознаменовалось расстрелом мирной рабочей демонстрации — 9 человек пало убитыми. Несколько десятков рабочих были ранены. Да сверх того буржуазная республика Франции еще устроила судебный процесс рабочим руководителям Кюлину и Лафаргу. Кюлин был приговорен к 6 годам тюрьмы, а Лафарг (речь идет об известном французском социалисте Лафарге, скончавшемся в этом году)— к одному году заключения. До столкновения с вооруженной силой республиканских войск дошло и в Клиши.

Энгельс, доживший до первого смотра сил нового Интернационала, с замиранием сердца следил за первомайским выступлением 1890 года.

«Первого мая я жду с большим нетерпением», — писал он своему другу Зорге 19 апреля 1890 года. И старый боец заранее ликует по поводу того, что «во Франции 1 мая может сделаться поворотным пунктом», и радуется тем благим результатам, которые проистекут для английского рабочего движения, «если у нас в Лондоне в воскресенье, действительно, состоится грандиозная манифестация за введение 8-часового рабочего дня».

Рабочие массы России значительно позднее присоединились к первомайскому пролетарскому празднику. В 1891 году впервые небольшие кружки сознательных рабочих России отметили 1 мая небольшими собраниями и речами. Русское рабочее движение, вообще запоздавшее на несколько десятилетий по сравнению с западно-европейским, замедлило и с празднованием 1 мая. Но это, конечно, не значит, что и русским рабочим не пришлось заплатить чрезвычайно дорогой ценой за участие в рабочем празднике, как это было и с их братьями во Франции, Америке и т. д...

IV.

Ширится и растет число участников в светлом пролетарском празднике 1 мая. Никакие преследования не могут удержать международной армии пролетариата от провозглашения своей рабочей солидарности, от систематической и неуклонной борьбы за 8-часовой рабочий день.

Празднование 1 мая стало делом не только социалистических партий, но и всех, даже чисто-экономических организаций рабочих. Профессиональные союзы — даже те из них, которые хотели бы сохранить свою пресловутую нейтральность — всюду в Европе и Америке, самими рабочими, членами союзов, привлекаются к деятельному участию в первомайском празднике. На любом съезде передовых профессиональных союзов любой из европейских стран в числе пунктов порядка дня вы можете увидеть вопрос о праздновании 1 мая. Попытки крайних ревизионистов ликвидировать празднование 1 мая на том основании, что это-де «устаревший обычай» и «искусственно придуманное» выступление — встречают самый широкий отпор со стороны самых широких масс рабочих.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 2, от 3 мая 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Зорге, Ф. — немецкий социал-демократ, участвовал в баденской революции 1849 г., бежал из Германии и жил эмигрантом в Англии, затем навсегда переселился в Америку. Когда в 1872 г. генеральный совет Международного Рабочего Товарищества избрал своим местопребыванием Америку, Зорге одно время был его секретарем. К. Маркс долго был в переписке с Зорге.

[3]) Парижский международный социалистический конгресс состоялся 14 — 20 июля 1889 г. На нем присутствовало 395 делегатов, в том числе от России — 6. Принимая во внимание, что «абсолютно необходимо законодательство в защиту рабочих во всех странах, где господствует капитализм», конгресс постановил требовать:

1) Установления предельного рабочего дня не свыше 8-ми часов; 2) воспрещения труда для детей моложе 14 лет и уменьшения рабочего дня до 6-ти часов для обоих полов; 3) воспрещения ночного труда, за исключением некоторых определенных отраслей промышленности, по своим особенностям требующих непрерывного производства; 4) воспрещения женского труда во всех тех отраслях труда, в которых работа должна особенно вредно отзываться на организме женщины; 5) воспрещения ночного труда для женщин рабочих моложе 18-ти лет; 6) отдыха не менее чем 36 часов без перерыва в неделю для всех рабочих; 7) запре-

щения таких отраслей промышленности и способов производства, в которых можно предвидеть вред для здоровья рабочих; 8) запрещения системы расплаты натурой; 9) воспрещения расчета рабочих пищевыми продуктами забором в лавках, открываемых предпринимателем. Одновременно конгресс вынес постановления об установлении первомайского празднества и борьбы с милитаризмом.

[4]) **Брюссельский международный социалистический конгресс** состоялся 16—23 августа 1891 г. Было 350 делегатов. Конгресс ознаменовался полной победой марксистского социализма, вынеся резолюцию, что он стоит всецело на почве классовой борьбы и призывает рабочих всего мира объединить свои силы, чтобы преодолеть сопротивление капиталистических партий и завоевать политические права для достижения политической власти.

———

ИЗВОЛЯТ ГНЕВАТЬСЯ (1).

Московские газеты сообщают, что на-днях состоялось, в связи с предстоящим съездом промышленников, заседание знаменитого совета съездов фабрикантов и заводчиков (2). Совет подводил итоги деятельности 3-й Думы. И отнесся к ней чрезвычайно неодобрительно. Совет «принял резолюцию об отрицательной деятельности Гос. Думы»,— сообщают газеты.

Капитал всероссийский изволит гневаться. Помилуйте! 3-я Дума «всегда не только равнодушно, но даже враждебно относилась к интересам торговли и промышленности» (читай: к интересам торговцев и промышленников).

Однако, не огорчайтесь, читатель, и не принимайте этого чересчур всерьез. За 5 лет существования 3-й Думы пресловутый совет уже неоднократно менял свои мнения о высокопочтенной 3-й Думе, то объявлял, что она совсем равнодушна или даже враждебна к «интересам промышленности», то объявлял, что она чрезвычайно «чутка» к этим интересам. В зависимости от того,— куда ветер дует...

В чем же дело?—А вот в чем.

Третья Дума основана на союзе помещиков и верхних слоев буржуазии, но союз таков, что хозяйничают попрежнему помещики. Правительство лавирует между теми и другими, стараясь по сути дела склонять весы на сторону первых. Ибо наше правительство само — плоть от плоти помещиков.

Отсюда иногда — недовольство и ворчание промышленников.

На самом деле 3-я Дума была весьма полезна и для господ промышленников. Но,—рассуждают господа из совета съездов,— она могла бы быть еще полезнее, если бы внутри союза помещиков и промышленников сильнее были последние.

Недавно председатель совета министров г. Коковцов в своей речи перед московскими промышленными тузами выразил пожелание, чтобы в 4-й Думе было побольше промышленников. Это есть затаенное желание и самих промышленников. И чтобы добиться этого, они и делают вид, что страшно недовольны 3-й Думой, что они готовы чуть ли не перейти в оппозицию, если в 4-ю Думу их не проведут в большем числе.

Правительство, в лице г. Коковцова, поворачивается теперь к нам лицом,—рассуждают господа промышленники,—так перей-

демте же в наступление. Сделаем вид, что мы гневаемся, и выторгуем себе бо̀льшую поддержку со стороны правительства при предстоящих выборах.

Таков смысл гнева совета съездов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 13, от 8 мая 1912 г.; подпись: «Г. З.».

[2]) Совет съездов — довольно старая форма организации промышленного капитализма. Еще до 1905 г. фабриканты, заводчики, и т. д. охотно и часто прибегали к съездам однородных групп производства для объединения способов давления на рабочего и на рынок. В промежутках же между съездами существовали их «советы».

*

НОВЫЙ ПОХОД [1].

Готовится новый поход против рабочих профессиональных союзов! В этом не может быть сомнения для тех, кто следит за правыми газетами.

Недавно октябристский «Голос Москвы» сообщил, что департамент полиции составил новую докладную записку о профессиональных союзах. Это стоит в связи с недавним запросом с.-д. фракции в Думе о гонениях против рабочих союзов.

Вывод департамента полиции, как и следовало ожидать, таков: союзы еще недостаточно преследуются, надо стеснить их побольше. Теперь на эту же тему каждый день помещаются статьи в министерской «России» и в «Новом Времени». Признак, увы, безошибочный! Писаки из этих «влиятельных» газет явно выполняют определенный заказ. На все лады твердят они одно и то же каждый божий день: тесните, тесните рабочие союзы, ибо в них действуют социал-демократы. Одна и та же мелодия звучит во всех писаниях указанных газет за последние дни. Дело ясное. Рабочие знают, чего им следует ждать.

Одинокими прозвучали в «России» и «Новом Времени» другие голоса. Они тоже, конечно, видят главного врага России в социал-демократии. Они тоже находят, что главная задача — «вырвать рабочих из-под тлетворного влияния с.-д.». Но они придумали другое средство.

Если пускать в ход только околоточного да участок, то это не всегда помогает,—говорят эти провозвестники «новых путей». А нужно вот что: надо насадить среди рабочих «христианские» союзы, подобно тем, которые создали германские патеры (отцы), находящиеся на службе у капитала. Посмотрите!—восхищаются нововременцы,—как велики заслуги христианских союзов в Германии! Кто сорвал последнюю стачку германских рудокопов? — Христианские союзы. О, благочестивые патеры иногда полезнее самого Трещенкова [2], поверьте... Попробуем же по-новому. Ведь сам обер-прокурор г. Саблер уже давно рекомендовал насаждение христианских рабочих союзов...

Рабочие скажут на это: попробуйте, господа! Желаем вам успеха. А мы... мы используем и эти ваши опыты в своих целях, как использовали вашу зубатовщину.

Но едва ли «они» попробуют... Они боятся рабочей организации уже по одному тому, что она — рабочая. И «они» пойдут

старым «испытанным» путем: полицейский участок, департамент полиции, провокатор Хорольский (³), Трещенков — вот эти «испытанные» средства. А новшества,— они враги всяких новшеств.

Готовится новый поход...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 13, от 8 мая 1912 г.; подпись: «А. Б.».

²) Трещенков, Н. В., — ротмистр «отдельного корпуса жандармов», руководивший расстрелом рабочих на ленских приисках.

³) Провокатор Хорольский — мелкая, но характернейшая подробность столыпинского режима, вызвавшая запрос в Гос. Думе со стороны с.-д. фракции и ответ, данный тов. министра внутренних дел Золотаревым (15 января 1912 г.). Запрос гласил: «Известно ли министерству внутренних дел, что в поселке при донецко-юрьевских металлургических заводах агент тайной полиции Хорольский подбросил на квартиру члена правления профессионального общества рабочих по металлу Токарева взрывчатые вещества и бомбы в отсутствие хозяев; что местная полиция произвела обыск и арестовала Токарева и Боборыкина, которые были преданы военному суду и приговором от 4 июня 1909 г. Боборыкин был присужден к каторжным работам на 6 лет; что временный суд в г. Екатеринославе, в заседании от 25 ноября 1909 г., установил наличие провокации со стороны Хорольского и признал, что взрывчатые вещества и бомбы были Хорольским подброшены». Верный помощник Столыпина, Золотарев, в иезуитски-изворотливом ответе пытался установить, что «по выяснении министерством внутренних дел противоречий в приговорах (!), основывавшихся на том, что Хорольский был предан суду по обвинению в том, что бомбы были принесенными, состоялась отмена (?) решения первого суда: Боборыкин был оправдан». Отсюда делался цинический вывод, что, дескать, обвиняемые «ничем не пострадали»... если, конечно, не считать $1^1/_2$ лет, проведенных ими в предварительном заключении.

НЕВЗЫСКАТЕЛЬНЫЕ «ДЕМОКРАТЫ» [1].

Наши «горе-демократы» из «Запросов Жизни» ужасно боятся, что кадеты не допустят их в лоно объединенной «оппозиции».

Недавно г. Бланк [2] набрался храбрости и «позволил себе» открыто спросить у г.г. Гессена и Милюкова: «включает ли объединенная формула г. Кизеветтера [3] также и левое крыло нашей оппозиции?»

Спросил и, затаив дыхание, ждал ответа от «самого» Милюкова.

И, представьте, Милюков снизошел и ответил. Ответил в тоне хотя и сдержанном, но милостивом.

Процитировав «Запросы Жизни», «Речь» лаконически заявила:

«Случаи совместного действия с «беспартийными прогрессистами», несомненно, представятся несравненно чаще... В больших городских центрах партия народной свободы, как и прежде, выступит самостоятельно. Но (заметьте, читатель, это великолепное «но») это не исключает возможности в отдельных случаях вступать в предвыборные соглашения и с левым крылом оппозиции. Каждый из таких конкретных случаев должен быть обсужден особо» («Речь», № 109).

Смысл этого надменного (чтобы не сказать больше) ответа к.-д. достаточно ясен. За невозможностью — по независящим от нас обстоятельствам — итти в блоке с октябристами, мы пойдем в блоке с «прогрессистами» Уваровыми и Львовыми. Но... но мы так великодушны, что в «отдельных случаях» мы готовы и «левым» позволить поддерживать к.-д. партию. Ведь мы уже давно пояснили, что, в сущности говоря, существование левых партий (трудовой группы и т. п.)—совершенно излишне. Кадеты сами отлично позаботились бы и о рабочих, и о крестьянах...

Так говорил Милюков.

Ну, а господа Бланки, эти «демократы» из «Запросов Жизни», поняли ли они хоть после этого унизительного для них ответа все неприличие их умильного заглядывания в милостивые очи кадетов?—Как бы не так!.. Наоборот... Они сделали совершенно удовлетворенную физиономию и, в сознании исполненной великой дипломатической миссии, самодовольно доложили читателям:

«Руководящий орган к.-д. партии отвечает, следовательно, утвердительно на поставленный нами вопрос. (Ура! Чего же

больше?) Этот ответ тем более ценен (надо было сказать: циничен...), что он исходит из органа, считавшегося оплотом тактики «splendid isolation», тактики изолированной узкопартийной борьбы. (Ну, тут уж — клевета на «Речь»: эта газета никогда не хотела «изолироваться» от... октябристов и всегда стояла за блок с ними.) Еще недавно некоторые статьи «Речи» звучали так отрицательно по отношению к левым партиям, что с.-д. «Звезда» поспешила заявить, что на объявление войны со стороны к.-д. и с.-д. ответят беспощадной войной... Теперь является надежда, что сия чаша минует нас». («Запросы Жизни», № 17, ст. Р. Б., стр. 1015.)

О, жалкие, либеральные подголоски! Кадеты совершенно правы, когда третируют вас, как персонажей, годных только на то, чтобы услужать партии Маклакова и Милюкова. Иначе, как либеральных свах, не будет вас третировать и рабочая демократия...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 5, от 10 мая 1912 г.; подпись: «Г. Зиновьев».

[2]) Бланк, Р. М. — литератор кадетского толка, соредактор М. М. Ковалевского по журналу «Запросы жизни».

[3]) Объединенная формула Кизеветтера была напечатана в одном из апрельских №№ «Русских Ведомостей». Она гласила: «прогрессивные конституционалисты, соединяйтесь!». По плану Кизеветтера, цель лозунга была «объединить оппозицию для совместной защиты основ подлинного, а не призрачного конституционного строя». Под «призрачными» конституционалистами надлежало понимать октябристов, а «подлинными» являлись, конечно, кадеты.

«ПРОГРЕССИСТЫ» (1).

Приятные черты наших таинственных незнакомцев — «прогрессистов» — начинают обрисовываться все с большей выпуклостью.

Сегодня один из них (депутат Харитонов) (2), во имя «прогрессизма», голосует вместе с черносотенцами за отклонение запроса о неслыханных беззакониях, чинимых администрацией над рабочей печатью (известный запрос о применении предварительной цензуры к газете «Правда») (3). Завтра вожди «прогрессистов» стараются втихомолку столковаться с объединенными промышленниками, только что договорившимися с г. Коковцовым...

Но особенно знаменательно заявление одного из вождей прогрессизма, известного Д. Н. Шипова, напечатанное в «Киевской Мысли» и в других органах печати.

Д. Н. Шипов берет быка за рога и прямо заявляет:

«...Необходимо, чтобы кадеты беспристрастно пересмотрели и изменили свою тактику», тогда «с объединенными прогрессистами, вероятно, пойдут вместе и левые октябристы».

Уж, кажется, достаточно кадеты «изменяли» и «пересматривали» свою тактику: о требовании всеобщего избирательного права они давно и думать забыли; принудительное отчуждение земли «разъяснено» ими таким образом, что оно стало совершенно октябристским. Но новым кадетским союзникам и этого еще мало.

Д. Н. Шипов объясняет довольно откровенно, в чем именно заключаются «ошибки» кадетов и от чего именно им следует еще отказаться:

«1) утопичная и несвоевременная постановка аграрного и отчасти рабочего (!) вопросов...; 2) провозглашение ультралиберальных лозунгов...; 3) избрание... исключительно пути борьбы с властью».

Дело яснее ясного. Кадеты должны повернуть, по крайней мере, еще на 45 градусов вправо — к октябристам, — и в рабочем вопросе, и в общеполитических вопросах. Тогда кадеты станут вполне приемлемы для «прогрессистов» и «левых октябристов»... А еще находились люди, которые уверяли, что благодаря союзу с «прогрессистами» кадеты «полевеют»!

Даже либералы из «Запросов Жизни» ([4]) начинают догадываться, что такой союз «был бы более похож на присоединение кадетов к октябристам, чем обратно», и что «такой прогрессизм похож, как две капли воды, на октябризм».

Вот то-то и оно, почтеннейшие. А вам до сих пор и невдомек было, что союз с «прогрессистами», это — только мостки, которые кадеты перекидывают к октябристам, показавшим спину конференции к.-д., когда та просто предложила октябристам блок. Впрочем, и понявши это, вы все-таки будете отстаивать «объединение» с.-д. с кадетами и прогрессистами...

В «партию» «прогрессистов» входят: 1) те самые крупные промышленники, с которыми кадеты Струве, Кизеветтер ([5]) и К° устраивали в Москве пресловутые совещания и учиняли союз «науки и миллионов». Это — господа Рябушинские ([6]), Коноваловы ([7]) и т. п.; 2) группа помещичья — господа Шиповы, Львовы, Уваровы, которые являются совершенно определенными сторонниками старого строя, слегка подправленного в их интересах, и «либерализм» которых, «как две капли воды», похож на октябризм. Это — ядро партии. Примкнувшие обыватели (из профессоров и т. п.), конечно, не в счет.

Но почему же эти господа называют себя прогрессистами? Неужели только потому, что они больше «прогрессируют» в сторону октябризма?

Ну, название — дело второстепенное. Ведь называют же себя во Франции «либералами» и «прогрессистами» самые заядлые реакционеры. А «радикал-социалистами» и «независимыми социалистами» именуются там для саморекламы благонамереннейшие буржуа...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда». № 19, от 22 мая 1912 г.; подпись: «Г. З.».

[2]) Харитонов, К. П., — член 3-й Гос. Думы, «прогрессист», председатель уфимской уездной земской управы.

[3]) Запрос о применении предварительной цензуры к газете «Правда» был внесен от имени социал-демократической фракции 3-й Думы депутатом Покровским 2-м. Суть его сводилась к тому, что в ночь на 28 апреля 1912 г. в помещение типографии газеты «Правда», Ивановская ул., № 14, явилась полиция и пыталась наложить запрещение на выпуск очередного номера, требуя предварительного цензурного просмотра материала, вопреки всем существовавшим правилам

о печати. «Спешность» запроса была отклонена голосами «благомыслящих» элементов помещичьей Думы.

[4]) «Запросы жизни» — двухнедельный журнал, издававшийся в Петербурге (1909—1912 г.г.) «при ближайшем участии» М. М. Ковалевского и Р. М. Бланка, под фирмою «вестника культуры и политики».

[5]) Кизеветтер, А. А., — кадетский историк, виднейший сотрудник «Русских Ведомостей»; ученый очень средней марки, но специализировавшийся на подведении «исторического фундамента» под кадетско-милюковские теории.

[6]) Рябушинские, братья: В. П., Д. П., М. П., Н. П., П. П. и С. П.,—семья московских богачей-промышленников.

[7]) Коновалов, А. И. — последний представитель фирмы, раскинувшей свои щупальца по всей России под именем «товарищества мануфактуры Ивана Коновалова с сыном». «Делец новой складки», нюхнувший западно-европейского «образования» и ставший на путь кадетской политики, благо кадеты гостеприимно открывали настежь двери своей партии представителям «культурного капитала», — А. И. Коновалов широко финансировал милюковскую тактику и за это при «временном правительстве» возведен был даже в министры и явился последним заместителем Керенского в момент Октябрьской революции. Ныне Коновалов — в эмиграции.

РАБОЧИЕ СОЮЗЫ И 3-Я ДУМА (1).

Когда в апреле 1908 года социал-демократическая фракция в своем известном запросе впервые поставила перед 3-й Думой вопрос о неистовых гонениях против профессиональных союзов, правительство ответило на этот вопрос так же, как теперь: вдесятеро усилило гонения на рабочие организации, устроило прямое «мамаево побоище» союзов, как выразился даже один либеральный депутат в Думе.

Черная Дума вполне поддерживала свое правительство в деле гонений на рабочие союзы. Когда через год слишним запрос обсуждался в Думе, она, как описывали петербургские газеты, следующим образом реагировала на объяснения бывшего товарища министра, небезызвестного г. Курлова:

— При каждой реляции г. Курлова о победе администрации над профессиональными союзами со скамей правых и националистов к небу поднимался шумный гул одобрений. — «Правильно! Го-го!..» «Такой-то союз закрыли»... «Мало», «мало». «Браво»!

Тогда запросу социал-демократов устроили похороны «по первому разряду». Разыгрались большие политические прения. Крупный заводчик, октябристский депутат г. Протопопов (2), приводил «цитаты» из Маркса, чтобы доказать, что сам Маркс был октябристом и всегда советовал рабочим союзам держаться в стороне от всякой политики. Кадеты Щепкин (3) и Герасимов (4) прославляли «чистый нейтрализм» в профессиональном движении. А г. Курлов запугивал октябристов и кадетов «новой революцией», которая-де разразится не сегодня-завтра, если только «дать» некоторую свободу рабочим союзам.

Нынче с запросами с.-д. обходятся гораздо проще. Выпустят бывшего земского начальника г. Новицкого (5), который «пугает» английской забастовкой, и в четверть часа рабочий запрос похоронен в комиссии.

45% всех запросов в 3-й Думе, как доказал Е. П. Гегечкори, внесены социал-демократами.

Оно и понятно. Гучкову и Пуришкевичу не о чем запрашивать министров. Разве лишь время от времени Пуришкевичи запросят о том, почему недостаточно (якобы недостаточно) травят «жида» и почему университеты еще не окончательно

превращены в полицейские участки. А Гучковы обидятся на то, что Распутин кое-куда более «вхож», чем главари октябристов... И обыкновенно бывало так: запросы с.-д. либо просто отклонялись, либо те персонажи, которых с.-д. изобличали в своих запросах, еще сверх того вознаграждались, становились фаворитами, получали повышения и отличия...

Однажды в 3-й Думе имел место такой инцидент. Делает доклад представитель думской комиссии Пилипенко ([6]) по запросу с.-д. о провокаторе Хорольском (который подложил бомбу члену правления рабочего союза, дабы можно было союз этот закрыть). Даже думская комиссия видит себя вынужденной рекомендовать Думе принять запрос: слишком очевидна провокация. В этот момент просит слова оратор с.-д. фракции по существу запроса. Тогда из рядов центра раздаются голоса:

«Откажитесь, а то провалим ваш запрос».

Таково отношение 3-й Думы к рабочим запросам. Если с.-д. посмеет взять слово, то «народные представители» из 3-й Думы провалят запрос и прикроют провокатора, изобличенного даже военным судом. Дальше, кажется, некуда итти в бесстыдстве...

Закрытием двух крупных петербургских союзов немедленно после внесения запроса вновь пробуют запугать с.-д. депутатов и принудить их не пользоваться правом запроса. Нечего и говорить о том, что этот прием не удастся черной Думе и тем, чью волю она творит. С.-д. депутаты вносят свои запросы не потому, что надеются, чтобы 3-я Дума что-нибудь сделала для улучшения быта рабочих. Она вносит их для того, чтобы открыть глаза всему народу на характер черной Думы. И чем больше Дума «старается», тем хуже для нее.

Профессиональные союзы в современной России и без того обречены на то, чтобы главных своих функций не исполнять.

Главная функция всякого современного профессионального союза в Европе состоит в руководстве экономической (в частности, стачечной) борьбой. У нас союзы, как таковые, лишены возможности выполнять эту основную задачу.

Закрытие союзов вновь ставит на очередь ряд больных вопросов рабочей жизни. Одним росчерком пера уничтожается то, над чем передовые рабочие трудились годами, чему десятки лучших сынов рабочего класса отдали все свои силы, уничто-

жается то, для чего приносились десятки жертв, за что заплачено такой дорогой ценой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 6, от 22 мая 1912 г.; подпись: «Г. Зарин».

[2]) Протопопов, А. Д. — член 3-й Думы, октябрист, товарищ председателя 4-й Думы, владелец крупнейшей в царской России фабрики сукон, председатель союза фабрикантов производства сукон, симбирский предводитель дворянства, последний министр внутренних дел при Николае II, по приказанию которого в дни февральской революции были выставлены пулеметы на петроградских крышах.

[3]) Щепкин, Н. Н., — член 3-й Думы, московский кадет.

[4]) Герасимов, П. В., — костромской кадет, член 3-й Думы.

[5]) Новицкий, М. А., — член 3-й Думы, правый октябрист.

[6]) Пилипенко, Н. Е., — член 3-й Думы, октябрист.

НА ВЫСЕЛЕНИЕ [1].

Недавно газеты обошло следующее известие, присланное по телеграфу выборным от рабочих Ленских промыслов Пешковым. Телеграмма сообщала, что по поручению горного департамента рабочим было категорически предложено немедленно стать на работу и им было указано, что упорствующие будут выселены и вывезены с приисков первыми пароходами.

Горный департамент выступает с «опровержением»...

Департамент грозил рабочим Ленских приисков выселением? Сохрани бог! Не было ничего подобного... Так начинается это опровержение. Но... но «с другой стороны», конечно, в телеграфном циркуляре горный департамент не мог не указать, что «продолжение забастовки рабочих, которая может в конечном результате привести к принудительной эвакуации, несомненно не соответствует интересам самих рабочих».

Спрашивается, что это опровержение или подтверждение?

Горный департамент заявляет, что он угрожал рабочим совсем не выселением, а всего лишь, видете ли, «принудительной эвакуацией». Да и то—в интересах самих рабочих... А какая разница между «принудительной эвакуацией» и выселением? Ровно никакой. Принудительная эвакуация это, выражаясь проще, и есть выселение.

Не выселение, а... принудительная эвакуация... «Не вмер Данило,— болячка задавила»,— как говорят малороссы...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 19, от 22 мая 1912 г.; подпись: «Г. З.».

«ХРИСТИАНСКИЕ» РАБОЧИЕ СОЮЗЫ (1).

В газетах усиленно говорят о том, что и у нас намерены приняться за организацию «христианских» рабочих союзов. Министерская газета «Россия» и другие влиятельные органы печати открыто проповедуют это начинание. Кадетская «Речь» подтверждает, что «готовится постановка на очередь христианских рабочих союзов». Необходимо и рабочим разобраться в этом вопросе и точнее уяснить себе то положение, которое создается, если у нас действительно решатся сделать опыт.

Наши отечественные сторонники «христианских» рабочих союзов открыто заявляют, что они в этом отношении хотят подражать «гнилому Западу», а именно — Германии, с ее католическими рабочими союзами, служащими слепым орудием в руках германского правительства и партии «центра». Присмотримся же поближе, как обстояло и обстоит дело в «отчизне вдохновения» наших бюрократов — в Германии.

«Христианские» рабочие союзы в Германии имеют за собой уже несколько десятилетий истории. Германское правительство стало относиться к ним с особенной лаской и особенным покровительством в конце 70-х годов, ко времени издания знаменитого «исключительного закона против социалистов» (2). Издав этот «закон», германское правительство на деле обрушилось всеми своими скорпионами не только против чисто-партийных с.-д. рабочих организаций, но и против классовых профессиональных союзов, клубов и т. д. К концу 1877 года, незадолго до издания «исключительного закона», в Германии числилось 30 профессиональных союзов, имевших 49.055 членов и 14 профессиональных органов. Все эти союзы, за исключением одного-двух, немедленно по издании «закона» были закрыты за то, что среди них преобладали социал-демократы.

Зато правительство стало усиленно насаждать и поощрять так называемые «христианские» союзы. Более того, видя, что на эту удочку поймаешь не особенно много рабочих, германское правительство стало поощрять даже л и б е р а л ь н ы е союзы, так называемые гирш-дункеровские, по имени их основателей Гирша и Дункера. Либералы оказались, конечно, настолько наразборчивы, что охотно воспользовались «поддержкой» со стороны правительства. Руководители буржуазно-либеральных

рабочих союзов зашли настолько далеко в своей законопослушности, что при поступлении членов в союз стали отбирать от рабочих подписки в том, что те не состоят членами социал-демократических «преступных сообществ». А «христианские» союзы жили еще в большей дружбе с правительством.

Итак, одной рукой душить с.-д. профессиональные союзы, другой рукой холить и растить «христианские» и либеральные рабочие союзы — такова была политика германского правительства. Каковы же результаты этой политики? Перед изданием «исключительного закона» с.-д. профессиональные союзы имели 50.000 членов и 12 органов. В 1889 году, т.-е. к моменту падения «исключительного закона», они увеличились в 4 раза и имели уже 200.000 членов и 41 орган. С.-д. партия Германии сумела в эту эпоху сочетать нелегальную с.-д. работу с легальной. И за это время и сама с.-д. партия сильно окрепла: число голосов, поданных за нее при парламентских выборах, возросло с 437.158 до 1.427.298, т.-е. увеличилось тоже почти вчетверо. Число ее газет поднялось с 42 до 60.

А после падения «исключительного закона» развитие «свободных» (т.-е. социал-демократических) профессиональных союзов пошло еще быстрее. Теперь эти «свободные» союзы насчитывают более двух миллионов членов, меж тем как «христианские» союзы вместе с либеральными (гирш-дункеровскими) имеют, даже по их собственным данным, немногим более полумиллиона. Относительно, т.-е. по сравнению со «свободными» союзами, число членов «христианских» союзов все больше падает. Сотнями и тысячами рабочие, поняв обман и раскусив существо «христианских союзов», переходят к с.-д., и влияние «христианских» союзов среди рабочих все больше и больше сходит на-нет.

Германское правительство и теперь всеми силами покровительствует «христианским» союзам. Кадетская «Речь» говорит неправду, когда пишет: «церковь там (т.-е. в Германии) свободна и в своей пропаганде опирается на силу слова и убеждения, а не на соседнего городового». Это — либеральная ложь. «Христианские» союзы в Германии находятся и теперь в очень дружественных отношениях с «соседним городовым». Ту же недавнюю стачку рудокопов в Германии срывали не одни патеры (отцы), а рука-об-руку с ними в этом благородном деле шла германская полиция. Но дружба с «соседним городовым» не помогает патерам. Они все больше теряют власть над умами рабочих.

Конечно, в стране с многомиллионным рабочим классом можно найти десяток и даже сотню тысяч темных, не сознавших еще свои интересы рабочих, которых временно удастся вовлечь в союзы, руководимые патерами да «соседними городовыми». Эти темные рабочие временно принесут большой вред своему классу. Но пройдет год, пять, десять лет, — рабочие безусловно поймут, что их обманывают. И они неминуемо повернут спину друзьям «соседнего городового» и перейдут в те профессиональные союзы, которые, действительно, защищают интересы рабочих и которые находятся в самой тесной, неразрывной связи с с.-д. партией...

Таков опыт Германии...

Для чего хотят у нас в России насадить «христианские» рабочие союзы? Конечно, для борьбы с социал-демократией. Пропагандисты идеи «христианских» союзов говорят это совершенно открыто. Итак, христианство явно хотят использовать для политических целей... Это — ваше право, господа. Но тогда не лицемерьте же, не говорите, что в вашем обществе церковь стоит выше партий и выше политики...

Убить социал-демократию — эту задачу ставят себе не только «соседние городовые». Над ней ломали и ломают себе голову и идейные вожди старого строя, начиная К. П. Победоносцевым и кончая Мещерским, Меньшиковым и Сигмой-Сыромятниковым. Отвлечь рабочих в свои законопослушные организации — этот план давно уже соблазняет вдохновителей старого порядка. На некоторые опыты они уже решались: зубатовщина, гапоновщина, ушаковщина. Но результатами они едва ли остались довольны... Перешли было еще раз к старым усиленным средствам в усиленной дозе. Но вот прошло еще несколько лет. Старое средство не помогло. И тогда, в поисках за самым действительным средством против социал-демократии, они наталкиваются на идею насаждения «христианских» союзов.

Еще в 1908 году обер-прокурор святейшего синода В. К. Саблер в своей книге «О мирной борьбе с социализмом» ([3]) выступает с проповедью христианских рабочих союзов.

В 1909 году такой столп реакции, как Лев Тихомиров, ведет в своей книге «Рабочий вопрос» подобную же линию. Тихомиров идет даже дальше. Он — почти как кадетская «Речь» — предлагает дать некоторую свободу всем вообще «мирным» рабочим союзам. Он начитался буржуазно-либеральных профессоров и уверовал,

что «мирное профессиональное движение — смертельный враг социал-демократии».

Теперь выступают с пропагандой «христианских» союзов Меньшиков и министерская газета «Россия». Последняя в передовой статье недавно писала:

«Пока мы не удосужимся завести у себя христианские благонамеренные (так!) организации рабочих, как в Германии, мы, естественно, будем отдавать рабочих в руки социалистов» («Россия», № 1969).

А последователь В. К. Саблера, священник Антонов, в специальном труде, недавно вышедшем в свет ([4]), возвращается к той же идее и тоже уверяет:

«Социализм силен, потому что все другое до сего времени молчит и бездействует»...

Последнее фактически неверно. «Союз русского народа», например, не бездействовал. Он изо всех сил старался насадить черносотенные рабочие союзы и кооперативы. Не его вина, если он не преуспел в этом...

Были и другие попытки «общения» с рабочими. Так, епископ Евлогий в 1907 году, в эпоху 2-й Думы, сделал попытку пропаганды среди петербургских рабочих и работниц Шлиссельбургского тракта. Не его вина, если «неблаговоспитанные» рабочие встретили его не слишком дружелюбно... Кстати, очень советуем газете «Россия» справиться у епископа Евлогия о ходе и исходе этих его опытов пропаганды среди рабочих...

Мы высказали-было в «Правде» предположение, что в настоящее время в России едва ли решатся сделать опыт с «христианскими» рабочими союзами в большом масштабе. Мнение наших «руководящих» сфер обычно таково, что рабочие организации опасны уже по одному тому, что они — рабочие. Министерская газета «Россия», однако, продолжает настаивать на своем плане. И — кто знает — может быть, мы и в самом деле скоро будем свидетелями возникновения «христианских» рабочих союзов.

Кадеты не советуют «сферам» проделывать этот опыт. Они уже сами пробовали создавать либеральные союзы среди пролетариата — да и то обожглись. И они предупреждают своих друзей справа: не делайте опасных опытов; если вы создадите «христианские» союзы, они «очень скоро наполнятся другим содержанием»...

Если бы «сферы» спросили нашего скромного мнения, мы бы, наоборот, ответили им так:

— Дерзайте, господа! Устраивайте «христианские» союзы! Успех ваш будет не меньше, чем при зубатовщине. Устраивайте ваши «христианские» союзы. Но уж, конечно, не посетуйте, если, действительно, исполнится предсказание ваших ясновидящих друзей из кадетского лагеря — если ваши союзы наполнятся не вашим содержанием...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 20, от 23 мая 1912 г., подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Исключительный закон о социалистах был по инициативе германского канцлера кн. Бисмарка представлен им в рейхстаг 20 мая 1878 г. Поводом к этому послужило покушение, совершенное на германского императора Вильгельма I, 11 мая того же года, человеком не имевшим ничего общего с социализмом. После этого 2 июня совершено было другое покушение, при чем покушавшийся был признан психиатрами ненормальным. Весь закон был утвержден рейхстагом 21 октября 1878 г. Он состоял из 30 пунктов, направленных против «общеопасных направлений» социал-демократии. Затем несколько раз закон этот возобновляли на новый срок действия и дотянули до конца сентября 1890 г. Основною мыслью «закона» было запрещение всех «союзов, имеющих целью разрушение, посредством социал - демократических, социалистических или коммунистических стремлений существующего государственного и общественного строя». Все пункты «исключительного закона» щедро снабжены всяческими карательными мерами. Бебель в 1890 г. подсчитал, что за последнее пятилетие под господством «закона» были запрещены 150 периодических изданий и около 1.500 человек попали в тюрьму.

[3]) В. К. Саблер — выступил в 1908 г. со своей книгой «О мирной борьбе с социализмом. — Путевые впечатления» (в 1911 г. было 2-е издание). В противовес социализму, который, по чистосердечному признанию обер-прокурорского автора, заботится о «материальном благополучии и особенно выдвигает идею права», Саблер напоминает о том, что удобнее и безопаснее думать «о благодатном царствии божием». В этих видах более шестисот страниц «Путевых впечатлений» от синодской командировки посвящены Саблером сладчайшему прославлению западно-европейской желтизны «христианских союзов».

[4]) Священник Антонов (Н. Р.) — автор книги, изданной в 1912 г. под заглавием: «Русские светские богословы и их религиозно-общественное мировоззрение». Достаточно характеризует Антонова уже то, что первым эпиграфом к своим «литературным характеристикам» он поставил выдержку из писаний откровеннейшего черносотенца, Антония Храповицкого. «Заключение» к книге имеет целью «мирную борьбу с социализмом, как задачу для церкви и духовенства». Центр тяжести этой «мир-

ной борьбы», по уверению Антонова, лежит в необходимости «выяснить и оценить нынешнего обер-прокурора святейшего синода, его высокопревосходительство Владимира Карловича Саблера», ибо, как, не краснея, лгал «мирный борец», «печать всех оттенков и направлений приняла к сердцу событие назначения его на высокий пост».

———

«СИНИЦА В РУКИ» (¹).

Конкуренция между кадетами и октябристами разгорается, в воздухе пахнет выборами. Кадеты для успешной конкуренции перед «солидными» цензовиками присосеживаются к Рябушинским, Уваровым, Львовым и Шиповым и прочим «прогрессистам». Октябристы, в надежде отбить у кадетов часть их избирателей, обращаются за последнее время не только к первогильдейским купцам и крупным помещикам, но и к более демократическим кругам избирателей.

Не так давно октябристы обратились к приказчикам с предложением союза. Теперь они обращаются к... еврейству. Вот в каких выражениях зазывает в свою лавочку избирателей октябристский «Голос Москвы»:

> «Не из-за прекрасных же глаз центрального комитета к.-д. поддерживают эту партию евреи, а только из-за своих практических интересов. Так не умнее ли будет отдать эту поддержку тем партиям и течениям (сиречь—октябристам—Г. З.), которые, не рассыпаясь в любезностях перед еврейством, могли бы действительно пойти на известные уступки в удовлетворении части притязаний еврейства и могли бы свои обещания выполнить? Конечно, на многое рассчитывать нет оснований, но все же... лучше синица в руках, чем журавль в небе» («Г. М.», № 116).

Типичный язык купца-конкурента! Друзья погромщиков—октябристы, заигрывающие с евреями,—интересное зрелище! Но удивляться тут нечему: все эти октябристы, «прогрессисты» кадеты станут заигрывать хоть с чортом и его бабушкой—только бы в Думу пролезть. А там уж, конечно, музыка пойдет иная...

Чем же, однако, пробуют соблазнить еврейство господа октябристы? Прямого ответа на вопрос октябристы не дают. Но с важным видом они делают загадочные обещания:

— Многого, дескать, не дадим. Мы не как иные прочие, обещать попусту не любим. Но уж что обещаем, то получите. Верьте честному слову, вот вам крест...

«Мы не максималисты»,—говорил недавно Гучков в Думе, предлагая признать под видом «реформы суда» ухудшение даже того безобразного положения, которое было до сих пор. «Мы не максималисты», многого не ждите, но уж синицу в руки получите, будьте благонадежны.

«Синица в руки» в приказчичьем вопросе—это на октябристском языке, наверное, означало бы «дать» вместо 18-часового рабочего дня 16-часовой.

А в отношении еврейского вопроса октябристские небольшие, но верные «реформы», наверное, свелись бы к тому, что еврейские погромы разрешались бы только по большим праздникам...

«Пять лет существования Думы неужели не научили и самой практической нации (евреев) оценивать обещания?»—восклицают октябристы.

Научили, научили, успокойтесь, господа октябристы! Ваша 3-я Дума не мало способствовала прояснению сознания народа. Напрасно только вы говорите о «нациях» — вам следовало бы говорить о классах. Ведь вы отлично знаете, что еврей барон Гинцбург (²), заправила Ленского товарищества,—одно дело, а еврейские рабочие—совсем другое дело. Ведь и в «Новом Времени» и в «России» есть свои евреи. Разные классы русского, еврейского и т. д. общества делают, конечно, различные выводы из уроков 3-й Думы. Но в оценке тайных и явных погромщиков, поверьте, сходится подавляющее большинство населения России. И на ваше предложение «синицы в руки» вы услышите один ответ: проходите, проходите, господа хорошие...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 27, от 31 мая 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Гинцбург — три брата, пользовавшиеся купленным титулом баронов»: «Александр Горациевич», «Давид Горациевич» и «Альфред Горациевич». Вся тройка захватила в свои руки целый ряд коммерческих предприятий, как-то: директорство в «Ленском золотопромышленном товариществе», могилевский свеклосахарный завод, общество «Платина», компанию пароходства по р. Шексне, Алтайское золотопромышленное товарищество, Бердовское золотопромышленное общество, Уфалейский горный завод, Волжско-Каспийское нефтяное общество и т. д.

ЗАДАЧИ ВРЕМЕНИ (1).

Рабочий класс в Германии и Австрии после 1848 года был настолько еще слаб численно, а еще более — политически, что ему понадобилось несколько десятилетий, чтобы создать самостоятельную классовую силу, чтобы стать на ноги, как класс. Но и рабочий класс Франции переживал после 1871 года десятилетие такого развала, такой деморализации и упадка, который не может итти ни на какое сравнение с тем, что пришлось пережить нам. Французские рабочие после разгрома Коммуны подпали под сильнейшее влияние буржуазии. Они стали отрекаться от социализма и, вслед за господами буржуа, даже поносили социалистическое знамя. Французские буржуа стали устраивать рабочие съезды. И на этих съездах подлинные рабочие, представители подлинных рабочих организаций, подписывали ренегатские, отступнические резолюции (2).

Чаша сия миновала нас. В самые тяжелые годы контрреволюции мы не видали со стороны русских рабочих такого отношения к старому знамени — хотя распад и у нас был достаточно велик. Буржуазия не овладела у нас сколько-нибудь значительными слоями пролетариата.

Только самые тупоумные из либеральных профессоров могут уверять, что расстрел на Лене «знаменует собою наступление... периода культурного капитализма», и ждать, что теперь правящие слои пойдут на компромисс для вящшего торжества «умеренного прогрессизма».

Насколько вредно маловерие, приведшее многих к прямому ликвидаторству, настолько же вредно было бы и легковерие и чрезмерный оптимизм.

Перед нами попрежнему стоит, как основная задача, длительная работа воспитания, политического просвещения, неустанного организационного строительства и подготовки. Никаких кричащих жестов, никаких фраз о «штурмовых колоннах».

Оппортунизм во всех странах света обладает свойством от умеренности и аккуратности бросаться в другую крайность и начинать не ко времени бросать ультра-«левые» лозунги.

В начале 900-х годов, при сходных во многих отношениях обстоятельствах, это имело место и у нас. На крики о непосредственной атаке, после первых демонстраций, марксисты отвечали:

нет, и тысячу раз нет; агитация — вот наш лозунг. Просвещение масс, организация их, накопление сил — такова была задача времени.

Такова же в основном задача дня и в нынешний момент. Тем, кто слишком «крут на поворотах», мы должны сказать спокойно и внушительно: спокойствие, спокойствие, господа, не теряйте головы при первом повороте событий!

Наступает, несомненно, новая полоса и в качестве и в количестве... И сколь смешными, сколь убогими кажутся недавние кабинетные потуги искусственно вызвать те или иные «кампании» — перед лицом подлинного, жизненного движения рабочих масс.

Рабочая демократия должна быть вместе с этим движением и впереди него на всех поворотах событий, на всех изгибах тернистого и длинного, но единственно верного пути. Она должна вести рабочих от частного к общему, она должна обобщать все отдельные протесты, она должна от детали апеллировать к системе, к массам.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 8, от 27 мая 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Ренегатские резолюции, — речь идет о таких рабочих съездах, как, например, рабочий съезд 1876 г. в Париже. Организовал его агент полиции, журналист Барьере. Присутствовало 360 делегатов. На этом съезде рабочие: 1) отреклись от социализма, 2) отреклись от солидарности с международным пролетариатом, засвидетельствовав свои высокопатриотические чувства, 3) отказались от всяких революционных способов борьбы, 4) решительно осудили стачку, как негодное и вредное средство борьбы.

ЛИБЕРАЛЫ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС ([1]).

При обсуждении сметы департамента государственных земельных имуществ депутат Березовский 1-й ([2]) произнес от имени кадетской фракции большую программную речь по аграрному вопросу.

Депутат Березовский 1-й является одним из самых ответственных к.-д. ораторов по аграрному вопросу в 3-й Думе. Он сыграл видную роль в генеральных думских дебатах по указу 9 ноября. А нынешняя его речь подводит итог всем думским выступлениям к.-д. по аграрному вопросу и намечает позицию к.-д. в этом кардинальном вопросе накануне выборов.

Кадеты — в особенности на первых порах — выступили против указа 9 ноября, ставшего впоследствии законом. Они и теперь не прочь объявить этот закон «неосторожным» шагом и «революционной ломкой исконных начал».

Но кадетская оппозиция против столыпинского аграрного законодательства — оппозиция совершенно особого рода. Кадеты тоже хотят «успокоения» крестьянства, они тоже сознают, что только мелкая земельная собственность может стать опорой режима «успокоения». И оппозицию третье-думскому закону они, в сущности, мнят лишь постольку, поскольку видят, что закон этот именно вышеуказанной цели не достигает, и поскольку кадетское «принудительное отчуждение», по их мнению, лучше достигло бы той же самой цели.

При генеральных прениях в Думе по вопросу об указе 9 ноября депутат Березовский 1-й с похвальной откровенностью говорил:

— Наш (т.-е. кадетский) проект «гораздо более выгоден и для владельцев», ибо «не надо выхватывать голый факт отчуждения... а надо посмотреть и оценить, во что выльется он».

И Березовский продолжает рисовать соблазнительную картину того, как стал бы «применяться факт отчуждения». «Отчуждение должно было бы пройти через земельные комиссии», которые — кадеты, как известно, предлагали составить из 5 крестьян и 5 помещиков и чиновников с обязательным председателем из чиновников, т.-е. с анти-крестьянским большинством. И вот Березовский живописует, каким образом «факт отчуждения» должен был бы «переработаться в Госуд. Думе и Государственном Совете, а затем «дойти до Высочайшей санкции».

В результате всего этого процесса «переработки» — заключил к.-д. оратор — реформа могла бы внести истинное удовлетворение и связанное с ним успокоение».

Другими словами: кадеты, в лице г. Березовского, стали на общую почву со сторонниками столыпинского аграрного законодательства и спорили лишь о том, что выгоднее «для владельцев» и для дела «успокоения» — кадетское принудительное отчуждение или октябристско-столыпинский закон.

Так было в начале 3-й Думы. Ну, а в конце ее, когда подводятся итоги за 5 лет, изменилась ли позиция к.-д.? Нисколько, в основном она осталась та же.

Кадетский оратор г. Березовский целиком остается и теперь на общей почве с октябристами и спорит с ними с их же собственной точки зрения.

— «В законах земельных, — видите ли, — больше, чем в других, проявлялась творческая (!) деятельность третьей Думы». Но — почему вы, господа октябристы, не послушались совета кадетов, которые к той же цели идут более целесообразными путями? — «Мы (кадеты) считали неизбежным (!) привлечь к этому вопросу крестьянство... и считали выгодным (для кого? для помещиков? — Г. З.) использовать (!) силы крестьянства для того, чтобы стать на правильный путь».

Далее оратор делает цифровые выкладки, с помощью которых приходит к выводу, что при кадетском проекте десятина земли «должна была обойтись крестьянам 60 — 70 р., но, во всяком случае, значительно дешевле, чем 125 руб., за которые она, по отчетам банка, продается теперь». Итак, разница между к.-д. и сторонниками столыпинской реформы только та, что первые предлагают цену выкупа 60 — 70 руб. (или даже больше — «Я не буду останавливаться на точной цифре», — говорит Березовский), а вторые берут — 125 рублей. Проще говоря, кадет относится к открытому столыпинцу, как 70 : 125!

И, сознавая это, г. Березовский вполне прав со своей точки зрения, когда с недоумением вопрошает октябристов, почему же они «склонны видеть в нашей (т.-е. кадетской) программе» какой-то «жупел»?

— «Нашу программу и наш взгляд на земельный вопрос принято отождествлять исключительно с вопросом о принудительном отчуждении». Но это неверно... «Мы прежде всего ставим во главу угла необходимость поднять культуру земли. Куль-

туру же эту можно поднять только в том случае, если крестьянство будет иметь земли в известных, так сказать, пределах землевладения». Поэтому... «мы считаем необходимым в некоторых случаях и принудительное отчуждение». И Березовский вполне искренно опрашивает октябристов: «С чем же вы не согласны?» Ведь «и вы (т.-е. октябристы) в программе указываете на необходимость увеличения землевладения», и даже у вас значится «принудительное отчуждение, если потребуется необходимостью». (Все цитаты взяты из «Речи», № 115.)

Итак, формула к.-д. гласит: «в некоторых случаях и принудительное отчуждение».

А по формуле октябристов: «принудительное отчуждение — если потребуется необходимостью».

Разница не велика. Если бы октябристы были чуть-чуть поласковее с кадетами — мигом сошлись бы на общей формуле... Г. Березовский хотя и заверял в своей речи раз пять (и как божиться-то не лень?), что кадеты «не отказываются» от принудительного отчуждения, но он так «разъяснил» это принудительное отчуждение, что от него, с позволения сказать, только мокрое место осталось...

В заключение Березовский сказал, что в аграрном вопросе есть «три течения». Это верно. И в этом вопросе — три лагеря: крепостники, либералы, демократия. При этом либералы в данном вопросе особенно близки к наиболее дальновидным крепостникам. Это и понятно: среди самих либералов не мало крупных помещиков...

Когда почитаешь откровенные статьи либерала Трубецкого («прогрессист») в кадетской «Русской Мысли», воспевающего аграрную реформу Столыпина, когда послушаешь откровенные речи господ Березовских, — еще и еще раз убеждаешься, как правы марксисты, говорящие, что с аграрной политикой 3-й Думы связали свои контр-революционные интересы не только правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, но на деле и контр-революционный либерализм.

На речь кадета Березовского по земельному вопросу обращаем особое внимание трудовика г. Водовозова (³), считающего (см. «Запросы Жизни», № 17) «крайне нетактичным слишком много говорить о контр-революционности кадетов».

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 9, от 29 мая 1912 г., подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Березовский, А. Е. — член 3-й Думы, симбирский кадет, помещик, член земельной комиссии.

Программная речь Березовского, конечно, вытекала из всей предшествовавшей политики кадетизма в отношении земельного вопроса. В далеком прошлом, на заре кадетства, в аграрную программу кадетов, составленную убитым впоследствии М. Я. Герценштейном, фигурировало принудительное отчуждение помещичьих земель. Но это втиснуто было кадетами в свою формулу «народной свободы» лишь «по политическим соображениям», т.-е. для подлавливания крестьянской курии. Поэтому уже в 3-й Думе Милюков конфузливо «докладывал» октябристам и Столыпину, что «поспешное внесение законопроекта в 1-ю Думу было вызвано как бы давлением со стороны крестьянства, и кадетскую платформу приходилось искусственно строить, так как это была «последняя опора, единственная причина, способная сдержать поток». Но, когда этот «поток» усилиями контр-революции был снова загнан в русло закона 9 ноября 1906 г., кадеты откачнулись от «иллюминации», зажженной ими же в первой программе. Постепенно сходил со сцены и кадетский план «государственного земельного фонда». Каждый очередной съезд кадетской партии ознаменовывал отход вправо с прежних позиций и в конце концов свелся к откровенному возобладанию повелительных интересов собственности. К тому же аграрной «эволюции», с точки зрения кадетской тактики, требовала и их неукоснительная тяга к министерским портфелям.

[3]) Водовозов, В. В., — литератор, по направлению (с 1906 г.) близкий к трудовикам, сотрудничал, начиная с 1886 г., в ряде журналов, между прочим с середины 90-х годов в «Русском Богатстве» и «Вестнике Европы»; особенно разрабатывал вопросы об избирательном праве в западно-европейских политических партиях.

СОЮЗНИКИ-КОНКУРЕНТЫ ([1]).

— «Нарушенная справедливость восстанавливается.—Такими словами можно формулировать впечатление от речей, которыми обменялись на съезде в Петербурге представители промышленности и правительства». — В этих выражениях подводит итог недавнему съезду промышленников центральный орган октябристов «Голос Москвы» (№ 105).

Вообще результатами съезда довольны обе стороны: и правительство и промышленники, особенно последние не нарадуются ласковым речам Коковцова . . .

Еще совсем недавно промышленники во всю глотку кричали об «аграрном раже» и «аграрном засилье». В жалобах на это «засилье помещиков» сходились и «Голос Москвы», и «Промышленность и Торговля», и «Торгово - Промышленная Газета». А теперь оказывается, — «справедливость восстановлена», и мигом вся «оппозиция» со стороны фабрикантов и заводчиков улетучилась, аки дым.

Что же случилось? Какие произошли перемены?

Центральный орган октябристов объясняет дело так:

— «Аграрное направление» (нашего правительства) «начинает, повидимому, сменяться полосой более равномерного покровительства» помещикам и промышленникам.

«Начинает» . . . «Повидимому» . . . — это выражение достаточно осторожно. И орган октябристов прибавляет дальше:

— «И если политическое представительство торгово-промышленного класса в законодательных учреждениях и на местах пока еще не соответствует тому «сдвигу», который, несомненно, происходит теперь в настроении правящей бюрократии, если господство аграрных элементов продолжает оставаться почти безраздельным, то, повидимому, недалеко уже то время, когда возросшее социальное значение торгово-промышленного класса найдет себе соответствующее отражение и в сфере политического влияния».

На простом языке это означает:

— Внутри третье-июньского блока продолжают хозяйничать помещики. Но кое в чем чаша весов склоняется в сторону промышленников. Лавирующее между теми и другими правитель-

ство («правящая бюрократия») сейчас, перед выборами в 4-ю Думу, как будто склонно увеличить наш паек, склонно дать промышленникам несколько больше влияния внутри союза 3 июня, чем было до сих пор. Правящая бюрократия сейчас может кой в чем помочь нам против нашего конкурента. Поэтому правящая бюрократия теперь наш друг и союзник больше, чем когда-нибудь. Ура! Да здравствует «сдвиг» бюрократии!..

Так поняли промышленники заигрывания с ними г. Коковцова. И моментально пропала вся их «оппозиционность» и даже исчезло «недовольство» 3-й Думой. Только один польский промышленный туз, г. Жуковский (3), что-то проворчал на съезде против 3-й Думы. Он заявил, что «ее экономическое большинство не надо смешивать с ее политическим большинством». В переводе на простой язык этот упрек означает, что в некоторых вопросах помещичья часть октябристов соединяется с помещиками — крайними черносотенцами, и создается еще гораздо более реакционное большинство, чем этого хотелось бы господам промышленникам. Это указание г. Жуковского, выраженное в очень неясной форме (на самом деле «политическое большинство» 3-й Думы вполне соответствует ее «экономическому большинству»), всегда разделялось вождями объединенных промышленников. Но на этот раз, в виду общего «благорастворения воздухов», г. Жуковскому, не только не подражали, а постарались «замять» всю его речь и «перешли к порядку дня».

Прочно ли это «примирение» промышленников с «правящей бюрократией»?

Либеральные политики, принимающие желательное за существующее, полагают, что ни о каком мире между современным правительством и промышленниками не может быть и речи.

«Под милым обменом любезностей — полагают либеральные политики—скрывается действительная трещина, не со вчерашнего дня существующая, но с каждым днем расширяющаяся под влиянием промышленного и общественного оживления».

Эта либеральная точка зрения, разумеется, совершенно не верна.

На самом деле союз промышленников с бюрократией существует «не со вчерашнего дня». Еще 10 лет назад Витте, будучи министром, обращался к промышленникам с призывом: «старайтесь почаще видеться, съезжаться, организоваться». Устами Витте говорила «правящая бюрократия», поставившая и расти-

вшая в лице организации промышленников своего будущего союзника.

На самом деле «под влиянием общественного оживления» союз промышленников и правительства будет становиться по существу дела теснее и неразрывнее. Ибо действительного народного движения промышленники боятся не меньше, чем бюрократия. Ведь и теперь «перемирие» состоялось так быстро и легко именно потому, что фабриканты и заводчики не мало встревожены по поводу начавшегося широкого стачечного движения.

Это не значит, что между «бюрократией» и промышленниками больше никогда не будет размолвок. Размолвки будут. Будут между ними и постоянные торги с переторжками о том, кому каким куском поступиться. Иногда эти размолвки будут по внешности носить очень дурной характер. И тогда либералы всех оттенков будут ликовать: нашего-де полку прибыло, «трещина расширилась», полевевшие промышленники тоже стали-де одной из движущих сил освободительного движения.

Но по существу дела размолвки эти являются не чем иным, как семейными спорами... Рабочие должны, конечно, использовать и семейный спор между промышленниками и правящей бюрократией. Но они должны ясно отдавать себе отчет в том, каков характер этих размолвок. Иначе рабочие не используют этих размолвок, а сами станут жертвой либеральных предрассудков.

Более дальновидные промышленники понимают, что «господство аграрных элементов (помещиков) продолжает оставаться почти безраздельным». Но опыт бурных годов научил их уже тому, что перед ними один выбор: если хочешь на деле уничтожить и в корне подорвать «безраздельное господство» помещиков, — тогда тебе придется поддержать демократическое движение рабочих и крестьян; а если пуще огня боишься демократического движения, если ты это движение считаешь анархией и «смутой»,— ну, тогда мирись с помещиками, не мечтай о сокрушении «безраздельного господства» и только выторговывай себе лучшее местечко на третье-июньском пиру.

Промышленники пошли по второму пути. По этому же пути, в сущности говоря, пошла и добрая часть кадетской буржуазии. Спутникам ничего не остается, как уговаривать Дурново, Стишинского и Пуришкевича поступиться частицей влияния в их пользу. А рабочему классу и крестьянству, естественно, прихо-

дится бороться на два фронта: не только против «безраздельно господствующих», но и против торгующихся с последними союзников-конкурентов . . .

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Статья напечатана в «Невской Звезде», № 9, от 29 мая 1912 г.; подпись — «Г. Зарин».

[2]) Жуковский, В. В., — член 3-й Гос. Думы, польской группы, крупный финансист и промышленник, председатель правления «спб. общества страхования» и член правления Сосновицкого каменноугольного общества. Любопытно отметить, что думские выступления Жуковского иногда вызывали сочувственное отношение наших меньшевиков, которые даже печатно провозглашали его «блестящим знатоком дела», иначе «финансовой политики».

СИБИРСКОЕ «КОЛО» (1).

В связи с предстоящими выборами в 4-ую Думу в сибирских газетах поднят один очень важный вопрос, имеющий большое значение не для одной только Сибири. Читинская газета «Думы Забайкалья» выступила со статьей, в которой настаивает, что — «сибирские депутаты должны представлять в Думе группу, крепко сплоченную интересами Сибири, и что всякое расслоение сибирских избранников по политическим фракциям нужно рассматривать, как явление до чрезвычайности нежелательное, пагубное для Сибири».

И далее газета прибавляет:

— «Конечно, по общеимперским вопросам, проходящим в Думе, каждый из сибирских депутатов волен действовать согласно своим социально-политическим воззрениям... Но как только малейшая речь заходит о Сибири, о ее нуждах, о реформах, намеченных для нее, и т. д., и т. д., тут уже и в помине не должно быть индивидуальных партийных программ. Здесь на думской арене должна выступать дружно, единомышленно действующая на благо родного края группа сибирских депутатов». («Думы Забайкалья», № 310, цитируем по «Обской Жизни», № 76.)

Это предложение подверглось уже — и поделом! — резкому порицанию в некоторых демократических сибирских изданиях. Попробуем и мы разобраться в нем подробнее и обсудим: осуществим ли вышеприведенный план, целесообразен ли он с точки зрения демократии?

Во всех трех Думах оказалось возможным существование польского «кола», как обособленной группы (2). Но почему это оказалось возможным? Потому что польские депутаты представляли — и представляют — действительно однородную социальную группу, потому что они на деле являются выразителями определенных классовых интересов, интересов верхних слоев польской буржуазии. Анти-демократическая система выборов приводила в Польше — при ее резкой внутренней общественной диференциации — к тому, что польское представительство попадало целиком в руки социально-однородной крупно-буржуазной котерии. Н› представьте себе, что рядом с этими господами Дмовскими (3), Дымшами (4), Парчевскими (5) и К° прошли бы в Думу представи-

тели сознательных слоев малоимущего польского крестьянства или представители передовых польских рабочих! Представьте себе, что польским крестьянам и рабочим, сознавшим свои интересы, удалось бы провести в Думу своих депутатов. Что же, вошли бы эти рабочие и крестьянские депутаты в польское коло? Можно ли это себе представить хоть на одну минуту? Конечно, нет. Существование обособленного польского коло есть результат узурпации и подделки представительства миллионов польского народа кучкой польских буржуа и их политических наемников. Этого ли хотят сторонники образования сибирского коло?

Сибирь до сих пор посылала депутатов частью умеренно-оппозиционных (к.-д.) и частью демократических и даже — социал-демократических. Отдельные сибирские депутаты (Чиликин (6), Шило) (7) уже делали опыты создания «беспартийного» сибирского коло. На деле, поскольку сибирские депутаты гнались за беспартийностью во что бы то ни стало, беспартийность эта на деле служила лишь игрушкой в руках глубоко анти-демократической партии к.-д. Совершенно справедливо сибирская демократическая печать, устами Мих. Садко и М. Леонова, констатирует этот факт. Возможно ли, после этого, чтобы передовые слои демократических избирателей позволили и дальше проделывать подобные опыты? Возможно ли, чтобы хотя один из будущих сибирских депутатов, если он будет действительным демократом и если он захочет в политическом отношении свести концы с концами,— чтобы хоть один такой подлинный демократ захотел стать игрушкой кадетов?

Нет ни одного — сколько-нибудь значительного — вопроса социально-экономической и общественно-политической жизни, где бы рабочие не имели своих интересов, крестьяне — своих, крупная буржуазия — своих и т. д. В важнейших вопросах предстоящего России демократического преобразования интересы пролетариата и демократического крестьянства, равно как и интересы городской буржуазной демократии, — в основном совпадают. Во многом они могут итти вместе. Но и это не значит, что они должны смешать свои ряды, слиться в одну организацию. Это невозможно, да и нежелательно.

И, далее, нет ни одного сколько-нибудь серьезного вопроса местной жизни, местных реформ — если только эти реформы идут хоть немного дальше луженья умывальников, — который не был бы теснейшими, неразрывными узами связан с общими

вопросами политической жизни, с общероссийской политикой. И в серьезных вопросах местной жизни мы всегда увидим то же разделение. Сибирскому купцу нужно не то земство, которое нужно сибирскому крестьянину. Едва ли легко было бы найти такого «беспартийного» депутата, который мог бы одинаково защищать интересы сибирских золотопромышленников и интересы рабочих, расстреливаемых по указанию торговцев золотом... Едва ли также в вопросах местной жизни удалось бы примирить интересы сибирских приказчиков с интересами эксплоатирующих их хозяев. Поэтому проповедывать, что «по общеимперским вопросам» следует вести одну бухгалтерию, а по местным вопросам другую, значит проявлять лишь бесконечную наивность либо безграничное политическое лицемерие.

И куда пришли бы мы, если бы каждая область, каждая окраина стала рассуждать подобным же образом, т.-е. стала бы устраивать свои «беспартийные» коло? Кавказу пришлось бы создать свое кавказское коло — при чем Гегечкори и Чхеидзе пришлось бы состоять в одной «беспартийной» фракции с кавказским депутатом Тимошкиным. Депутаты с Волыни должны были бы создать свое Волынское коло. А там, глядишь, появилось бы и Костромское коло, Черниговское коло и т. п. Большего удовольствия для людей 3-го июня нельзя себе и представить. Ибо такая приходская точка зрения была бы на руку только им.

Откуда же взялось в Сибири это странное представление, откуда эта пропаганда идеи беспартийного коло? Сибирский публицист М. Леонов безусловно прав, когда указывает, что здесь играет роль добрая доза «сибирской маниловщины». Но одной маниловщиной дела не объяснишь. Здесь есть и кое-что другое.

Создание беспартийного коло, пропаганда «беспартийного прогрессизма» в Сибири, где избиратель часто настроен левее к.-д., очень полезны для своекорыстной политики кадетской партии. Под видом «прогрессивной» беспартийности кадеты и кадетствующие хотят провести борьбу против демократии. Лозунг «беспартийности» есть удочка, закидываемая кадетами левым избирателям.

Кадеты очень хорошо умеют использовать обывательскую беспартийность, хотя сами для себя очень ценят свою (кадетскую) партийность и прекрасно знают, что без определенных политических партий, без партийной борьбы нет политической жизни. Для уловления голосов наивных обывателей — все позволено...

Вот вам профессор М. Ковалевский — один из видных вождей столь нашумевших «беспартийных прогрессистов». «Для Европы» он, конечно, самый горячий сторонник открытой политической борьбы между открытыми, строго определенными политическими партиями. Он первый вам докажет, что в Англии, Германии, Франции партийная система неизбежна, а борьба между партиями необходима и имеет огромное воспитательное значение. Ну, а для России... для России хватит и пошехонской «беспартийной прогрессивности». Куда нам с суконным рылом да в калашный ряд... Ведь тот же М. Ковалевский «для Европы» — республиканец, а для России — монархист. «У нас на все иная стать»...

Пора, пора российским гражданам сбросить с себя всевластие обывательщины. Пора понять, что существование отдельных борющихся между собою партий так же неизбежно, как существование различных классов общества и борьба между ними. Пора понять, что чем больше нынешние хозяева положения мешают нам организовывать открытые и определенные политические партии, тем больше мы должны именно к этому стремиться.

А сибирским избирателям, в частности, мы скажем следующее. Затея с беспартийным сибирским коло есть анти-демократическая, кадетская затея. Такое коло призвано стать только мостками для перехода Белоусовых ([8]) в лоно кадетской партии. Всякий действительный демократ, конечно, будет всеми силами бороться с подобной реакционной затеей и будет звать граждан в ряды подлинной демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 10, от 31 мая 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Польское коло — группа польских депутатов, имевшаяся во всех созывах Гос. Думы. Ее мировоззрение было всецело продиктовано программою партии польской «национал-демократии». Съезд «н.-д.», состоявшийся еще в 1903 г., очень рекомендовал своим сочленам необходимость «изоляции польского народа от тлетворного влияния чуждых его духу течений, возникающих на русской почве». Смысл этой «тлетворности» прямо раскрывался в следующей же статье постановлений съезда, говорившей о «борьбе с еврейским элементом на всех поприщах общественной жизни». Собственный же «национализм» партии не шел дальше пожеланий, чтобы Польша получила собственный учредительный сейм, собственную администрацию и бюджет. За эти подачки «н.-д.» соглашались «объеди-

ниться с Россией властью императора». В пределах самой Польши эн-деки вместе с полицией, жандармерией и войсками прославились расстрелом и нападениями на социалистических рабочих.

[3]) **Дмовский, Р.**, — лидер польского «кола» всех Дум. Еще в 1906 г. Дмовский ездил в Петербург к Витте, пытаясь выторговать автономию Польши в обмен за активное содействие в деле подавления революции. Тогда же Дмовский в одной из своих предвыборных речей заявил, что его партия боролась с «анархией», не останавливаясь даже пред «пролитием братской крови».

[4]) **Дымша, Л. К.**, — член польского «кола» 3-й Думы, приват-доцент петерб. университета, помещик Седлецкой губ.

[5]) **Парчевский, А. И.**, — член польского «кола» всех Дум, калишский присяжный поверенный.

[6]) **Чиликин, Ф. Н.**, — член 3-й Думы, беспартийный, от Амурской области.

[7]) **Шило, А. И.**, — член 3-й Думы, трудовик, от Приморской области.

[8]) **Белоусов, Т. И.**, — в 3-й Думе был членом с.-д. фракции (иркутский депутат), но потом вышел из фракции. Некоторым толчком к этому послужил и его «сибирский патриотизм». Белоусов смотрел на свои задачи в Думе чисто обывательски, считая себя прежде всего «жителем сибирского края», человеком, посланным в Думу «деревней», и думал, что его первейшая задача — «самая энергичная защита ассигнований кредитов на улучшение экономического и духовного быта сибирской деревни». Белоусов в своем меньшевистском ослеплении не оказался в состоянии усвоить, что от такого «улучшения духовного быта» деревни — один шаг до пресловутой «церковно-приходской школы».

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ В АНГЛИИ (1).

Итак, трехнедельная стачка докеров и рабочих на Темзе (в Лондоне) должна превратиться, вследствие упорства и алчности предпринимателей, во всеобщую национальную стачку всех занятых в этой отрасли промышленности рабочих Англии.

Стачечный комитет давно предупреждал и хозяев и правительство, что если хозяева не согласятся принять условия, предложенные правительством и принятые рабочими, то последним придется прибегнуть к всеобщей стачке; комитет хотел уже назначить день начала всеобщей стачки, но согласился отложить исполнение своего решения на несколько суток, чтобы дать возможность хозяевам еще раз обдумать предложение правительства и определить свое отношение к ним. Вчера предприниматели ответили, что они не могут принять его условия и согласны вести дальнейшие переговоры только в том случае, если рабочие Лондона немедленно и без всяких условий прекратят стачку и возобновят работу. Понятно, что транспортные рабочие Лондона, после трехнедельной борьбы, стоившей им много жертв и лишений, не могли сдаться на милость хозяевам и свести на нет свою прежнюю борьбу, приступив к работам на прежних условиях.

Как известно, теперешней стачкой рабочие хотели добиться признания со стороны хозяев соглашения, заключенного в августе 1911 г.; хозяева все время нарушали это соглашение: не платили рабочим условленной платы и, таким путем, положили себе в карман лишние сотни тысяч рублей, составленные из грошей, украденных у рабочих; не исполняли своих обязательств по другим пунктам соглашения, всякими правдами и неправдами стараясь оправдать свое поведение и издеваться над заключенным соглашением. Когда рабочие одной фирмы отказались работать вместе с рабочим, отказавшимся вступить в соответствующий профессиональный союз, на что рабочие имели право по августовскому соглашению,—эта фирма рассчитала своих рабочих и обратилась к союзу предпринимателей с просьбой исполнить за нее начатую разгрузку парохода. Но рабочие других предпринимателей отказались работать для этой фирмы, и в результате этого столкновения возникла стачка.

Назначенное правительством следствие для выяснения причин стачки и положения транспортных рабочих дало благоприятные для рабочих результаты, но хозяева отказались признать выводы правительственного следователя и упорно отказывались вести переговоры и с вождями стачки и, как уже указано было выше, отказались также принять последние предложения правительства.

Сущность этих предложений сводилась к созданию особого примирительного комитета, составленного из представителей от федерации (союза) рабочих и федерации хозяев: обе стороны обязывались следить за исполнением отдельными членами принятых условий и вносили определенную сумму денег, как залог исполнения взаимных обязательств... Всякие недоразумения должны были сперва разбираться в примирительном комитете, и только после того, как не удалось бы прийти к соглашению, обе стороны имели право прибегнуть к стачке или локауту. Рабочие приняли это предложение, хотя оно является для рабочих весьма нежелательным и рискованным посягательством на право стачек; хозяева же отказались пойти даже на эту уступку. Их намерения ясны: грубой силой и измором сломить стойкость рабочих и, победив рабочих в неравной борьбе, нанести удар рабочим организациям и рабочему движению.

Будущее покажет, оправдаются ли эти коварные замыслы.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 30, от 3 июня 1912 г.; подпись — «Г.».

«ЭКОНОМИКА» И «ПОЛИТИКА» [1].

Тактика экономической борьбы рабочего класса уже давно стала в Западной Европе целой наукой своего рода. Рабочим организациям приходится действовать при таких сложных социально-экономических и политических условиях, что руководство экономической борьбой пролетариата стало делом столь же ответственным и требующим столь же основательной подготовки и столь же широкого кругозора, как и руководство политической борьбой рабочих.

Современному руководителю крупного европейского профессионального союза необходимо — для успешного руководства экономической борьбой — прежде всего знать, например, положение рынка для продуктов данной отрасли промышленности. Но, по мере роста обмена, огромное значение для каждой данной отрасли промышленности приобретает и положение всего рынка в данной стране и, наконец, положение всемирного рынка. Положение же всемирного рынка в свою очередь тесно связано с вопросами международной политики, политики внутренней и т. д.

Даже в одной только области экономических стачек современное европейское рабочее движение знает ряд важнейших методов и тактических приемов: 1) стачка с резервами (типичный пример — знаменитая шведская забастовка: рабочие не бастуют в тех отраслях, где общая забастовка все равно вызовет застой — транспортное, отчасти железнодорожное дело и т. д., — зато небастующие резервы получаемое жалование отдают на стачку, и предприниматель наказан вдвое); 2) стачка перемежающаяся (скажем, день работают, день бастуют; предпринимателю затруднен расчет рабочих и вместе с тем дела его расстраиваются); 3) стачка «итальянская»; 4) стачка целой отрасли промышленности и стачка «партизанская» — одного предприятия за другим и т. д.

Но одной из самых важных и самых общепризнанных среди марксистов истин, из которых исходит все передовое профессиональное движение Запада, является та аксиома, что экономическая борьба теснейшим образом связана с политической.

Противоречия обостряются все больше. Обе стороны — и рабочие и предприниматели — укрепляют и централизуют свои организации. Класс стоит против класса. Политическая органи-

зация данного класса, естественно, выступает рука об руку с его экономической организацией. Каждая крупная экономическая стачка становится политическим событием, на которое каждый класс и каждая партия реагируют, конечно, по-своему.

Чтобы не далеко ходить за примерами, достаточно вспомнить недавние стачки углекопов в Англии и Германии. Международный социалистический конгресс в Штуттгарте (²) только констатировал факт, когда в своей известной резолюции о профессиональных союзах указал на теснейшую связь экономической борьбы с политической и на то, что «все растет та область классовой борьбы пролетариата, в которой могут быть достигнуты успехи лишь при единодушном сотрудничестве рабочих профессиональных союзов с рабочей партией».

Для всех западно-европейских марксистов теснейшая связь между экономической и политической борьбой является настолько общепризнанной, что, по их мнению, отрывать экономическую борьбу от политической и создавать между той и другой какой-то антагонизм можно, как выразился К. Каутский, только с полицейской точки зрения (см. ст. Каутского о профессиональных союзах, помещенную в органе польских марксистов; переведена и по-русски).

Но относится ли сказанное о связи экономической борьбы с политической также к России? Или, быть может, — у нас ведь на все «иная стать» — наши условия совсем иные?

Условия-то у нас действительно во многом совсем иные. Но только в том отношении, что у нас «экономика» с «политикой» связаны еще теснее, еще неразрывнее. Так, по крайней мере, всегда полагали все русские марксисты.

Рабочий класс России теснейшим образом связал в 1904—1905 годах массовую политическую стачку с экономической. Требования политические постоянно переплетались с экономическими, экономические стачки сливались с политическими — и обратно. И в этом была сила и жизненность движения. Это притягивало к нему новые десятки и сотни тысяч рабочих. Это не могло быть иначе. Ибо необходимость в ряде элементарных экономических улучшений так же сильно назрела, как и в политических.

Совершенно неправы те либералы и те либеральные рабочие политики, которые уверяют, что апрельско-майские стачки нынешнего года носили трэд-юнионистский характер («Речь») или что

единственным «смыслом» их была «постановка на очередь вопроса о свободе профессиональной борьбы» («Живое Дело», № 15, ст. «Молитвенное усердие»). Апрельско-майские стачки, несомненно, носили политический характер. Но они вместе с тем переплетались и переплетаются с экономической борьбой.

Вполне понятно, что теперь рабочие пожелали получить назад те экономические улучшения, которые отняты были у них хозяевами под прикрытием политической контр-революции. И как наступление капитала было неразрывно связано с полосой политической реакции, так оживление экономической борьбы рабочих связалось с полосой оживления политической борьбы рабочих...

Что же сказать о наших ликвидаторах, которые в «Невском Голосе» предостерегают рабочих, что «было бы непоправимой (!) ошибкой, если бы они (экономические стачки) переплетались с политическими выступлениями рабочих»? Ведь это узкий трэд-юнионизм самого худшего сорта. А главное это — совершенно кабинетная утопия (конечно, реакционная утопия), абсолютно мертвенная, абсолютно оторванная от живой жизни. В Англии и то теперь становится невозможной такая крупная стачечная экономическая борьба, которая не переплеталась бы с политическими выступлениями рабочих.

В известном сборнике «Общественное движение» (3), который Г. В. Плеханов совершенно правильно назвал ревизионистским, писатели ликвидаторского течения останавливаются на стачечном движении 1905 года. И они решительно объявляют ошибкой со стороны рабочих то, что те свои политические стачки связали с экономическими требованиями. С этой точки зрения указанные писатели резко осуждают тактику Спб. Совета Рабочих Депутатов.

Схема писателей из «Общественного движения» такова: если бы рабочие не выдвигали экономических требований, предприниматели не так скоро перешли бы в лагерь реакции, оппозиция была бы сильнее, и, быть может, рабочие кое-чего и добились бы в политической области.

Для приобретения некоторых, хотя бы и не столь больших политических завоеваний надо было временно не переплетать политической борьбы экономическими требованиями. Такова схема ликвидаторов касательно прошлого.

Послушать ликвидаторов, так выходит, что в 1904—1905 г.г. рабочие не должны были политические стачки переплетать эконо-

мическими требованиями, а в 1912 году не должны экономические стачки переплетать политическими требованиями.

Выходит с этой точки зрения, что «экономика» и «политика» должны всегда итти врозь и беспрерывно жить, так сказать, на разных половинах... Поневоле вспомнишь о вышеприведенной резкой характеристике К. Каутского...

С точки зрения марксизма «экономика» теснейшим образом связана с «политикой», а в России больше, чем где бы то ни было.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 11, от 3 июня 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

[2]) Международный социалистический конгресс в Штуттгарте — состоялся в 1907 г.

[3]) Общественное движение в России в начале XX века» — пятитомное издание, вышедшее (1909 — 14 г.г.) под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Это чисто меньшевистское коллективное творчество совершенно отчетливо характеризуется именами редакторов и их сотрудников (Дан, Череванин, Левицкий, Ерманский и др.). Редакция издания, горделиво объявляя, что «преследует чисто научные цели», провела под такою вывескою идеологию чистейшего ликвидаторства.

ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ (*).

Самое важное отличие между нынешней весенней к.-д. конференцией и их предпоследней конференцией, состоявшейся зимою 1911 года, заключается в том, что тогда кадеты говорили только исключительно об избирательном союзе направо — с октябристами («левыми» октябристами), а теперь они говорят о союзах и направо и налево: и с октябристами и с «партиями левее, к.-д.».

И знаменательно, что именно после нынешней конференции, принявшей как будто более «левые» решения, из сфер, гораздо более близких кадетам, нежели демократии, раздались слова: да полно, имеет ли кадетская партия еще право называть себя демократической?.. Больно уж фальшиво звучат обращения кадетов к левым! Больно уж вся эта погоня за двумя зайцами очевидна! Очень уж все это шито белыми нитками: с одной стороны — и с правыми элементами, крупными цензовиками, не рассориться, с другой стороны — для выборных надобностей несколько восстановить свою репутацию хотя бы в глазах некоторых слоев демократии.

Перед Милюковыми либерализма стоит головоломная задача: с кем выгоднее будет итти в блоке—с октябристами или с левыми? В сущности, оно бы недурно объединиться с октябристами. Да ведь что же поделаешь? Зимняя конференция к.-д. предложила же им руку и сердце, но октябристы и слушать не хотят. И находчивые дипломаты кадетской партии решают трудную задачу очень просто: скажем, что мы за союз и с октябристами и с левыми, а на деле — пойдем с «прогрессистами», которые мало чем отличаются от октябристов и являются, так сказать, октябристами второго разряда. Таким образом, авось мы и невинность соблюдем и капитал приобретем.

«За двумя зайцами» — вот как неминуемо должна характеризоваться тактика нашего либерализма в такой период, как нынешний. В течение первых годов 3-й Думы, когда контр-революция властвовала безраздельно и когда подслеповатым политикам казалось, что третье-июньцы будут властвовать над Россией отныне и вовеки нерушимо, — в эту трудную пору кадеты все ближе и ближе подвигались к октябристам и вообще к правому лагерю. Если бы не жестокие пинки со стороны оголтелых крепостников, кадеты придвинулись бы к ним еще плотнее...

Но ныне — новые времена, новые песни. Теперь и кадеты видят, что, кроме третье-июньцев, существует еще на Руси демократия, которая может вновь стать силой. Вывод для кадета: не надо окончательно ссориться и с демократией, попробуем словесным «полевением» купить и ее, если не благоволение, то хоть снисходительность.

Отсюда — «левые» жесты Милюковых, отсюда — «разъяснения», что никогда кадеты не считали демократическое знамя «красной тряпкой», отсюда — решение к.-д. конференции допустить избирательные блоки и с октябристами и с левыми.

И с октябристами и с социал-демократами — чего же проще? Ведь это гениально в своей простоте. Так, наверное, считали кадетские стратеги. И они будут искренно удивлены, что эта гениальная тактика погони за двумя зайцами не удастся . . .

Нет! — скажет либералам рабочая демократия. — Между реакцией и демократией нужно выбирать. Либо с той, либо с другой.

И перед выборами, и во время выборов, и после выборов в России остаются три главных политических лагеря: крепостники, либералы, демократы . . .

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 11, от 3 июня 1912 г.; подпись — «Г. Зуев».

СТАЧКИ ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ В АНГЛИИ [1].

«Братья! После продолжительных усилий предупредить стачки и долгих стараний мирно уладить текущую стачку мы пришли к мертвой точке. Предприниматели отказались признать права транспортных рабочих как членов профессиональных союзов. Они отказались действовать впредь как ответственный коллектив предпринимателей и придерживаться достигнутых соглашений. Они отказались признавать законную силу договоров и взаимных обязательств и отказались принять предложение правительства о создании особого совещания для улажения споров и проведения в жизнь условий соглашения. Они возлагают свои надежды на грубую силу полиции и войск, на возможность побить нас, изморив нас голодом и застращав нас. Мы видели, как они отталкивали в сторону соглашения, приговоры третейских судей и судебных мест; мы видели, как у нас похитили значительную сумму следуемой нам заработной платы со времени последнего соглашения. Мы теперь просим вас, наших товарищей транспортных рабочих, прекратить всякую работу и бастовать для содействия нам общенациональными силами добиться защиты нашей заработной платы и охраны наших прав организоваться. Мы обращаемся с призывом о помощи ко всем нашим товарищам, членам профессиональных союзов, ко всем сочувствующим борьбе пролетариата, ко всем друзьям справедливости и национальных традиций свободы. Мы просим вашей немедленной помощи, денежной и иной, мы просим помощи в виде призрения и кормления наших детей. Мы требуем вашего немедленного содействия!»

С таким воззванием исполнительный комитет Национальной Федерации транспортных рабочих только-что обратился ко всем рабочим и к общественному мнению Англии, и это воззвание в сжатой, но сильной форме излагает сущность конфликта и его важное значение для рабочих.

Хозяева несомненно стремятся нанести удар профессиональным организациям рабочих, ненавистной для них Федерации транспортных рабочих, которая за короткое время своего существования успела привлечь в свои организации более 300.000 членов. В то самое время, как союзы предпринимателей в транс-

портной области, особенно Ассоциация судовладельцев, являются наиболее реакционными, враждебными рабочим предпринимательскими союзами, — Федерация транспортных рабочих все более и более революционизируется и насчитывает среди своих вождей синдикалиста Тома Мэна, социал-демократов Бен Тилета, Виль Товена и др.

Хозяева надеются посеять раздор между более революционными и более отсталыми слоями рабочих, основывая свои расчеты на слухах об отсутствии средств в кассе стачечного комитета и на неизбежной усталости, которая должна проявиться в массах от лишений и жертв, с которыми для них связана продолжительная стачка, последовавшая так быстро после грандиозных стачек прошлого года.

Иначе нельзя себе объяснить их провоцирующее поведение во время этой стачки и их упорный отказ принять правительственное предложение, которое является для них куда более приемлемым, чем для рабочих, которые, однако, эти условия приняли.

Предложение правительства сводилось к созданию особого совещания из представителей от коллективных организаций рабочих и хозяев, которое должно было разрешать всякие возникающие споры и недоразумения и к которому обе стороны обязаны были обращаться до принятия каких бы то ни было других мер борьбы.

Как залог исполнения этого обязательства, каждая сторона вносила определенную сумму денег, из которой вычитывались штрафы за нарушение договора. Хотя постановления совещания не были обязательны для обеих сторон, и после приговора каждая сторона могла прибегнуть к стачке или локауту, но необходимость предварительно подвергнуться длинной процедуре переговоров в совещании и денежные штрафы известным образом являются посягательством на свободу стачек и шагом в сторону законодательного проведения «обязательных арбитражей», к чему уже давно стремятся предприниматели Англии и против чего решительно высказываются рабочие организации.

Рабочие, однако, готовы были принять это предложение, желая добиться мира, но хозяева ответили отказом, после чего исполнительный комитет объявил всеобщую стачку транспортных рабочих.

К Федерации транспортных рабочих принадлежит целый ряд профессиональных союзов: докеров, лихтермэнов, стиветоров,

грузовых возчиков, моряков и т. д. Кроме союза железнодорожников, почти все организации рабочих, занятых в транспортной области, принадлежат к этой Федерации.

За первый день стачки на призыв комитета ответило 50.000 рабочих в других портах Англии, кроме Лондона, где бастуют 100.000, и несомненно, что каждый день эта цифра будет расти.

Сомнительным является лишь отношение союза моряков и истопников, которые должны решить вопрос о присоединении к стачке в ближайший понедельник плебисцитом своих членов.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 11, от 3 июня 1912 г.; подпись — «Г.».

СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА [1].

Из длинного ряда уголовных дел в нашем городском самоуправлении дело д-ра Губерта является едва ли не самой позорной историей в этом роде.

Этот господин, долгое время разыгрывавший из себя общественного деятеля и пользовавшийся репутацией очень энергичного и полезного человека, оказался самым обыкновенным мошенником. На него были возложены весьма важные обязанности по охране здоровья городского населения. Он был представителем санитарной комиссии в холерное время, когда работа этой комиссии была особенно важна. Кроме того, он занимал еще целый ряд должностей: заведующего оспопрививательным институтом, приютом для недоносков и проч. И вот, во всех учреждениях, во всем, к чему он только прикасался, он не стеснялся воровать те суммы, которые отпускались на борьбу с холерой, на бесплатную раздачу чая, на приобретение телят для выработки оспенной прививки, на молоко для приютских детей. Действовал он при этом как заурядный мелкий мошенник,—представлял подложные счета, выдумал какого-то финна Киркяйнена, который, будто бы, поставлял молоко, и проч. На этих «мелочах» он успел наворовать не менее 100 тыс. рублей. Впрочем, еще далеко не все художества его обнаружены.

В нашем самоуправлении воровство общественных сумм свило себе прочное гнездо, и много их, героев хищения, уже отбывает наказания, а другие еще ждут своей очереди на получение бубнового туза. Воровали на постройке мостов, на всяких поставках и подрядах, на угле и проч. Но Губерт побил все рекорды.

Этот «столп общества», под маской учености и общественной деятельности, наживался на холере, на оспе, на несчастных детях городской бедноты.

Этот же Губерт в последнее время примазался к обществу охранения народного здравия, которое устраивало праздник «белого цветка», давший огромные суммы. И роль Губерта по отношению к этим деньгам пока еще не выяснена...

Он пользовался, говорят, особым доверием и благоволением городских заправил, и газеты, осведомленные в этих делах, намекают на какие-то важные разоблачения в связи с делом Губерта.

Дело Губерта является неизбежным последствием тех порядков, которые царят в городском самоуправлении. Оно показывает воочию, как опасно дальше оставлять все городское хозяйство в руках домовладельцев, купцов и трактирщиков. Рабочий класс кровно заинтересован в том, чтобы добиться нового городского избирательного закона о праве участия всего населения городов в городском самоуправлении.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 31, от 5 июня 1912 г.; подпись — «Петербуржец».

СНОВА — ЛЕНА! (1)

— «На ленских приисках расклеено объявление, приглашающее рабочих заключить новый договор, а незаключивших в 5-дневный срок — выехать» — так гласят лаконические телеграммы с Лены.

Сколько было наобещано оставшимся в живых ленским рабочим и с высоты думской трибуны, и в газетах, и в разных заявлениях сильных мира сего! Но вот улеглось первое возмущение, которым зажглась вся страна вслед за расправой ротмистра Трещенкова, и через 3 месяца ленские рабочие опять поставлены перед выбором: либо покорись, либо в пятидневный срок выезжай!

Заправилы ленского товарищества, конечно, ни к чему не принуждают рабочих. Отнюдь нет. Упаси боже!.. Они только предлагают рабочим заключить «свободный договор». Рабочие «свободны» принять этот договор или не принять. Ленская золотопромышленная компания и ленские рабочие находятся в совершенно одинаковом, равноправном положении двух «свободно» договаривающихся сторон...

Разница между этими двумя «равноправными» сторонами только—только, читатель!—в том, что одних расстреляли, а других... слегка пожурили в либеральных газетах. У одних, благодаря «вмешательству» неподкупного ротмистра Трещенкова, ранен и убит каждый десятый товарищ. Другим... другим пришлось «отписаться» на несколько неприятных бумагах горного департамента. Одни в течение двух месяцев после расстрела терпели голод и все другие лишения, с которыми связаны для рабочих забастовки. Другие, благодаря «шуму», поднятому таким пустяком, как расстрел 400 рабочих,—и из-за чего было шум поднимать? — должны были пережить понижение дивидендов на один-другой процент. Одни, в случае непринятия «свободного» договора, должны будут вернуться к голодным семьям в обнищалую, голодающую русскую деревню. Другие — возвратятся... в свои банки, поместья!

Вся буржуазия, да и видные представители «сфер» говорили самые жалостливые речи по поводу расстрела на Лене. Рабочим — тем, которые остались в живых после опытов Трещенкова, обещали и государственное страхование, и минимальную заработ-

ную плату, и участие в прибылях. Чего только не обещали, когда казалось нужным пролить масло на бушующий океан народного негодования?! А как дошло до дела, как коснулось кошелька— все обещания выкинуты за борт!

Опираясь на «завоевания» Трещенкова, рабочим ставят на выбор: либо подчинись «Белозеровскому» (2) режиму, мирись с тем, что порядки остаются старые, что тебя попрежнему будут обкрадывать, расплачиваясь не деньгами, а товаром, что останутся прежние скотские «жилища», что шпионство увеличится втрое, что сроки найма будут такие, чтобы рабочего опутать по рукам и по ногам, либо — иди на все четыре стороны. Ты — «вольный рабочий». Мы не принуждаем тебя ни к какому договору. Голод, нищета, голодная семья в далекой деревне принудят тебя и без того.

Сколько жадности, своекорыстия, холодного и подлого предательства выказала буржуазия во всем этом трагическом Ленском деле, — столько же мужества и стойкости проявили ленские рабочие. Груды трупов погибших товарищей. Сотни вдов и сирот, голодных, «бездомных», плачут вокруг. Передовые борцы «изъяты». А рабочие месяцами — при отсутствии серьезной помощи извне, без солидной, хотя бы профессиональной организации — сплоченно, выдержанно и стойко борются за лучшую жизнь!

Желая отнять всякий внешний повод для упрека в том, что они слишком несговорчивы, ленские рабочие стали на работу до того, как ревизия сенатора Манухина кончила свое дело.

Но ревизия, как и следовало ожидать, ничего не дала рабочим. Дело их и без ревизии было совершенно ясно. Нечего «ревизовать» там, где «надо власть употребить»... Заправилы Ленского товарищества только выиграли время.

Рабочие отнеслись к положению совершенно сознательно. Они на тысячных собраниях выносили резолюции, правильно оценивающие и поведение заправил Ленского товарищества, и результаты ревизии. Они категорически отказались работать и потребовали немедленной отправки на родину. Первая партия уже отправлена.

И вот едут теперь рабочие с Лены. Они, живые свидетели событий, разнесут рассказ о том, что сотворено было на Лене, в самые далекие уголки России. Это заронит не одну искру негодования в сердца самых политически-безразличных людей.

и даст рабочему классу не одну сотню новых союзников в его великом деле борьбы за освобождение.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 11, от 8 июня 1912 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Белозеров — управляющий ленскими приисками, своим неимоверным эксплоататорством рабочих вызвавший первые вспышки волнений.

СОВЕТЫ СТАРОСТ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ БЕСПАРТИЙНЫЕ КОМИТЕТЫ (1).

В рабочих кругах вновь поднят вопрос о советах заводских старост. Союз фабрикантов и заводчиков, при деятельной поддержке министерства торговли и промышленности, изо всех сил стремится лишить рабочих всякой возможности устраивать эти советы старост. Знакомая картина: существует жалкий антидемократический закон, трижды и четырежды урезанный и «разъясненный»; но как только рабочие хотят даже этот куцый и убогий закон использовать для того, чтобы усилить свою организованность и сплоченность,—закон на деле отменяется самими авторами и вдохновителями его!

В настоящую полосу высокого подъема рабочего движения советы старост могут сыграть значительную роль, если не как таковые, то в виде зачаточной формы организаций высшего типа. В 1904 и 1905, да и в 1906—1907 годах мы сплошь и рядом видели, как советы старост развивались в профессиональные союзы, в беспартийные фабрично-заводские комитеты и т. д.

В годы упадка рабочего движения, упадка общеполитического настроения, бывает чрезвычайно трудно выжить и остаться на высоте положения таким беспартийным коллективам, как советы старост или беспартийные фабричные комитеты. Беспартийный коллектив не руководится никакой обязательной для него программой, он не сдерживается внутренней дисциплиной, он легче поддается тем соблазнам и искушениям, которые расставляет на его пути фабрично-заводская администрация, да и не она одна.

Не то — во время подъема рабочего движения. Тогда сами массы проявляют большую активность. Они контролируют свой беспартийный коллектив (старост или заводский комитет). Массы заражают своим бодрым настроением эти коллективы, они толкают их вперед. Постепенно расширяется область работы данного коллектива. Силою вещей коллектив начинает интересоваться всеми сторонами рабочей жизни, рабочей борьбы. И он становится опорным пунктом для самых передовых слоев рабочих, сознательных марксистов, выставляющих на своем знамени великие исторические задачи...

В Петербурге, например, до самого 1907 года играли очень большую роль уже упомянутые нами беспартийные фабрично-

заводские комитеты. Рабочие выбирали такие, своего рода, советы старост всеобщим голосованием. За ними, как представительными заводскими органами, стояла вся рабочая масса. Работодатели и заводская администрация должны были считаться с комитетами и принуждены были обращаться с ними, как с общепризнанным представительством всех рабочих данного предприятия. Круг вопросов, подлежащих ведению этих рабочих органов, становился все шире и шире. Рабочие комитеты вмешивались во все злобы дня, как данного предприятия, так и вообще рабочей жизни. Они принимали деятельное участие в руководстве экономическими стачками, они помогали борьбе против дороговизны жизни, они же содействовали профессиональным союзам и рабочей партии,—например, при выборах и при всякого рода иных выступлениях рабочих.

В странах политической свободы является нормальным существование в каждом данном предприятии двух основных ячеек: профессионального союза и политической партии. Беспартийные фабрично-заводские комитеты явились (и могут еще явиться) у нас лишь продуктом переходного времени. Но этого рода коллективы требуют и у нас особых предпосылок. Они стояли на высоте задачи и сослужили большую службу рабочему делу в годы подъема, но хирели и вырождались в годы упадка. Достаточно вспомнить, во что выродился в 1908 году некогда славный беспартийный заводский комитет Семянниковского завода: дело кончилось полной потерей уважения в глазах рабочих того самого комитета, который раньше шел впереди масс, а в годину упадка дал себя соблазнить сладким голосам капиталистических сирен.

Несомненно, что нынешний грандиозный подъем рабочего движения вновь создаст условия для возникновения вышеочерченных рабочих коллективов. В атмосфере подъема эти рабочие органы опять станут развиваться и опять будут становиться опорными пунктами для великой работы тех передовых представителей рабочего класса, которые имеют вполне определенные политические взгляды и которые неустанно продолжают свое дело и в будни и в великие праздники...

В связи с апрельско-майским стачечным движением в капиталистической печати, например, в октябристском «Голосе Москвы», уже раздавались вопли о возрождении чуть ли не советов рабочих депутатов. Это, конечно, преувеличение. У страха глаза велики!

Но несомненно, что происходящее перед нашими глазами движение, с каждым днем втягивающее новые и новые тысячи рабочих, лихорадочно ищет новых, соответствующих духу времени организационных форм, организационной оболочки. Ничего не будет удивительного в том, что массовые беспартийные организации указанного типа вновь, быть может, сыграют большую роль. Недавно газеты сообщали, например, о создании так называемых «майских комитетов». Это — новообразование совершенно того же типа, который мы наблюдали в столь ярко выраженной форме 5 лет тому назад...

При таком положении вещей вполне понятно, что передовые рабочие протестуют против нарушения хотя бы куцого закона о старостах. Теперь самый скромный рабочий орган (даже комиссия старост) может развиться и может принести большую пользу рабочей борьбе. Отсюда—особая необходимость добиваться использования даже той скромной и узкой возможности, которую представляет пресловутый закон о старостах.

Никаким иллюзиям, никакому самообману, конечно, не должно быть места. Передовые рабочие хорошо знают, что правящие классы всегда кладут под сукно свою собственную законность — как только это покажется им нужным для борьбы с рабочим классом. Не нам восхищаться тем, с позволения сказать, «рабочим» законодательством, которое существует—на бумаге!—теперь. Мы знаем, что свободу организации рабочие получат лишь в результате всестороннего преобразования уклада нашей жизни... Но именно в интересах более успешной борьбы за общее, рабочие, памятуя историю недавних исторических годов, должны позаботиться о том, чтобы был использован и институт заводских старост и т. п. Все реакционные стороны закона о старостах отпадут в здоровой атмосфере подъема рабочего движения. Мы уже видели, как в упомянутые годы рабочие вносили поправки действием в закон о старостах и как они, начиная с маленького, приходили к созданию очень важных органов борьбы рабочего класса за всестороннее освобождение. Так было, так будет...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 44, от 20 июня 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

ОДЕРЖИМЫЕ [1].

Три основных лагеря вполне определенно наметились в связи с избирательной кампанией. Борются на выборах, как и вообще в стране, три главных силы: 1) реакция, вплоть до октябристов, 2) либерализм, во главе с кадетами, 3) демократия, во главе с рабочей демократией. Каждый день приносит подтверждение того, что мы имеем дело именно с таким делением, что оно жизненно, что оно неизбежно, что помирить второй лагерь с третьим (т.-е. либералов с демократами) так же, если не гораздо более, трудно, как первый лагерь со вторым (т.-е. крепостников с либералами). И все же время от времени мы видим новые, иногда совершенно комические, попытки «объединить» — конечно, на бумаге только — рабочую демократию с либералами и непременно установить дружбу хоть на время выборов между «прогрессистами» Рябушинским и К-о и эксплоатируемыми ими рабочими.

Вслед за г. Прокоповичем — г. Акимов-Махновец, «социал-демократ (?) и историк русской социал-демократии», как аттестует его кадетская «Речь». И тот и другой подвизаются в органе правых кадетов — в «Русских Ведомостях». Но г. Акимов откровеннее других. Он прямо выпаливает:

«Платформа прогрессивного блока вполне (!) приемлема (!) для социал-демократии».

Да ведь у «прогрессивного блока» никакой определенной платформы-то и нет. А поскольку есть, эта платформа глубоко а н т и д е м о к р а т и ч н а: она не идет дальше узко-цензового помещичьего либерализма, исходит из двухпалатной системы, как из чего-то само собой разумеющегося: к режиму 3 июня, к аграрной политике 3-й Думы хочет вносить лишь частичные поправки и т. д. Но для Акимовых и Прокоповичей этакий «прогрессизм» «вполне приемлем». Поистине, если бы этого «социал-демократа (?) и историка русской с.-д.» не было, кадетам надо было бы его выдумать.

И ведь посмотрите, как кадеты используют этих «политиков», старающихся «объединить» рабочую демократию с либералами! Конечно, кадеты во все колокола звонят об этих «социал-демократах» — отчего же не попытаться внести смуту в ряды рабочих? Но кадеты тут же говорят Акимовым-Махновцам: бросьте, господа, бессмысленные мечтания! Зачем же мы станем

вступать с вами в союз, проводить ваших кандидатов? Нет, вы поддержите нас и любезных нашему сердцу «прогрессистов» без всякого блока. Формальный блок мы заключили бы с октябристами, если бы те этого пожелали. Ибо октябристы при законе 3 июня — сила, да и близки нам по духу «левые» октябристы. А вы, вы ведь известны своим великодушием и, конечно, поддержите нас и без взаимности. Не так ли, уважаемые господа Акимовы? Вы ведь не какие-нибудь узкие сектанты, которые дорожат своим партийным катехизисом, и т. п. Вот смысл ответа «Речи» г. Акимову.

Такой ответ кадетов объединителям типа Прокоповича-Акимова равносилен, конечно, издевательству над последними. Но, подите же, объединители настолько одержимы жаждой объединения с кадетами и прогрессистами, что ничего этого не замечают.

Что поделаешь с людьми, которых неизменно и всегда тянет к либералам?

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 46, от 22 июня 1912 г.; подпись — «А. Б.».

РАСХРАБРИЛИСЬ! (1)

Октябристы расхрабрились... Лишь почти через год после смерти П. А. Столыпина они решаются выступить с критикой мероприятий этого деятеля. Теперь, когда распущена 3-я Дума, они осмеливаются на «независимую» критику власти.

«Когда власть уклоняется... с надлежащего пути, она встречает с их стороны (т.-е. со стороны октябристов) отпор»,—гордо возглашают октябристы в «Голосе Москвы».

В качестве примера своей независимости октябристы приводят следующее:

«Самый суровый отпор встретил именно П. А. Столыпин по случаю нарушения конституции «в порядке 87 статьи» (2).

Полноте, господа октябристы, сочиняйте, но знайте же меру. Вы сказали «отпор»?! Да ведь всякий политически-грамотный русский человек знает, что это—чистейшая ложь. Не вы ли как раз по случаю нарушения 87 статьи (т.-е. знаменитого закрытия Думы на три дня) не нашли ничего лучшего, как с пеной у рта нападать на рабочих депутатов, разоблачивших действительный смысл этого роспуска?

Не ваш ли г. Родзянко, председатель вашей Думы, помог автору роспуска, П. А. Столыпину, устроить начало думских каникул пораньше, дабы не было возможности вновь внести вопрос о земстве в северо-западных губерниях (из-за которого загорелся весь сыр-бор) в законодательном порядке?

Но октябристы теперь, годика этак через два, расхрабрились не на шутку. «Ни для кого не тайна,—пишут они,—что П. А. Столыпина ожидало уже почетное перемещение на пост кавказского наместника».

А почему бы, вы думали, читатель, П. А. Столыпину угрожала перспектива потери власти? Да единственно потому, что октябристы лишили его своей поддержки.

«Все его (Столыпина) громадные заслуги не могли примирить представителей общества (читай: октябристов) с его роковой ошибкой. П о д д е р ж к а о к т я б р и с т о в в Д у м е б ы л а д л я н е г о п о т е р я н а» («Голос Москвы», № 132).

Сколько забавнейшего хвастовства... то бишь, сколько сознания своего истинно-октябристского достоинства! «Поддержка октябристов в Думе была для него потеряна! Да не наоборот ли,

господа? Не была ли для октябристов потеряна поддержка их бывшего покровителя П. А. Столыпина? Ведь все же знают, что дело обстояло именно так, что октябристы, после того, как были надлежаще использованы, получили хорошего пинка, и роль любимцев открыто перешла к националистам и прочим Пуришкевичам?

Теперь, когда П. А. Столыпина нет,—вы расхрабрились. Неужели вы, господа, не понимаете, что самая подлая трусость и этакая октябристская храбрость—родные братья?..

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 46, от 22 июня 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) 87-я статья — была теснейшим образом связана с самыми беззастенчивыми приемами Столыпина вершить дела помимо даже послушной кадетско-октябристской Думы.

87-я статья «основных законов» царской империи буквально была формулирована так:

«Во время прекращений занятий Гос. Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может однако вносить изменения ни в основные государственные законы, ни в учреждения государственного совета или государственной думы, ни в постановления о выборах в совет или в думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут государственная дума или государственный совет».

Статья 87-я была крайне удобною лазейкою для «конституционного монарха» в тех случаях, когда он не находил почему-либо нужным входить в соприкосновение с «парламентом». Столыпин прекрасно использовал «статью», швыряясь ею направо и налево. А «дума» только «принимала к сведению» проявление «прерогатив монарха» и лишь по временам кадетские юристы из бывших лицеистов и правоведов вежливо ныли в своих профессорских журналах по поводу очень уже широкого применения статьи.

ДУХОВЕНСТВО ЗА РАБОТОЙ [1].

Почитать газеты, так прямо подумаешь, что у нашего духовенства никаких забот, кроме выборов в 4-ю Думу, и нет. Избирательные комитеты, предвыборные конференции, речи и платформы, ну—совсем, точно родились парламентариями. Профессиональные политики, да и только!

Екатеринославский епископ Агапит совершает предвыборную поездку по епархии и обращается с паперти с призывом к народу: «Братие, наступают выборы в 4-ю Думу. Мой совет: не выбирайте вы ни поляков, ни евреев, ни финляндцев (!)» и т. д.

Ректор калужской семинарии [2] в присутствии епархиального архиерея произносит обширную речь, обращенную к священникам, с призывом «выбирать лиц, заведомо известных своей преданностью церкви, престолу и отечеству».

Архиепископ Стефан прямо требует от своих подчиненных, чтобы они проводили в Думу крайних правых, угрожая непокорным, что он «сумеет с ними справиться».

Духовенство Витебской губернии собирает совещание и уже наметило кандидатами крайних правых—протоиерея Серебренникова и его единомышленников.

На Урале—в Вятке и Перми—епископы Палладий, Филарет и Павел совершают предвыборные поездки и рассылают архипастырские послания, агитируя за крайних правых.

Особенно ревностно идет предвыборная работа духовенства, как об этом свидетельствует октябристский «Голос Москвы» в епархиях: рязанской, вятской, кишиневской, калужской и др.

В Сибирь для предвыборной агитации поскакал «с оттопыренными карманами», как пишут газеты, отец Восторгов [3]...

Предвыборная организация наших отечественных клерикалов замыкается «наверху» центральным избирательным комитетом, во главе которого стоит сам обер-прокурор синода В. К. Саблер.

Денег на «подготовку» выборов не жалеют... На одну Сибирь, говорят, отпущено 100 тысяч рублей... Одним словом, проявляют такую бездну энергии, что, глядючи, прямо завидно становится.

Какова же цель наших клерикалов, чего добиваются они?

По словам старообрядческого епископа Михаила [4] в церковном ведомстве («а может быть и в министерстве внутренних дел») заветной мечтой является провести в 4-ю Думу «сотню попов». По сведениям октябристского «Голоса Москвы», в соответствую-

щих ведомствах мечтают даже о «120 попах». И надо сказать — мечты эти не так уж беспочвенны. Ведь и в 3-й Думе было 45 священников (на 11 рабочих и ремесленников), а если «поналечь» да «принажать», то при законе 3 июня не исключена возможность порядком увеличить число клерикалов.

Клерикалы «разошлись» настолько, что даже у октябристов, что называется, глаза на лоб полезли. «Ведь церковь, как таковая, — пишет «Голос Москвы» (№ 128), — преследует исключительно задачи духовные, а потому должна стоять вне политической агитации». А наше духовенство старается «захватить власть и влияние в чисто-светских политических и общественных делах и использовать правительственный аппарат».

Эка хватились, господа октябристы! Уж будто бы вы и не знаете, что россказни о «надпартийности» клерикализма и о том, что духовенство стоит «вне политической агитации», — только сказки для маленьких детей? «Захватить власть и влияние» — такова, действительно, их цель, это вы сказали совершенно правильно. Но ваша-то, октябристская, мораль вот в чем: если я, помещик или купец, захватываю власть и влияние, это — хорошо, а если кусок медвежьего ушка урвет мой конкурент, это — плохо. Демократия знает цену и вам и вашим конкурентам!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 48, от 24 июня 1912 г.; подпись — «Гр.».

Подробную и яркую картину тех приемов, при помощи которых обрабатывалось «голосующее орудие» синодской реакции, дал священник Сендерко (в «Подольских Ведомостях», 1912 г.), б. думец, не угодивший светскому и духовному начальству.

[2]) Ректор калужской семинарии — протоиерей А. Преображенский.

[3]) Восторгов — черносотенный протоиерей, один из вдохновителей «Союза русского народа».

[4]) Старообрядческий епископ Михаил — бывший православный архимандрит (Семенов), публицист на церковно-общественные темы. Семенов, после сильных трений с духовною властью, вынужден был снять рясу, но не сумел найти себе иного выхода, как перейти в старообрядческую иерархию, и был назван епископом.

РЕДАКЦИОННЫЕ РАБОТНИКИ «ПРАВДЫ»
1912—1913 г.г.

К. С. Еремеев.

М. С. Ольминский.

В. М. Молотов.

ЖЕЛТЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ЗАПАДЕ (1).

Всякий раз, как рабочее движение приобретает крупную силу, неизбежно наступает момент, когда буржуазия и ее политические приказчики говорят себе: ну, теперь с рабочим движением при помощи одних преследований не справишься, теперь нужно искать новых способов борьбы с ним.

Но эти способы тоже достаточно стары. Они заключаются в том, что враги рабочего класса стараются посеять измену внутри самого рабочего движения. Они стараются подкупить отдельные слои рабочих и двинуть их на борьбу против рабочего движения, борьбу, не останавливающуюся перед срывом стачек, провокацией, убийством из-за угла и прочей уголовщиной. Они стараются купить отдельных вождей рабочих и тем внести смуту и раскол в ряды рабочего движения и т. д.

Буржуазия самых «передовых» стран отличается в этом отношении наибольшей энергией. Республиканская буржуазия Франции является в указанном отношении прямо образцом. А республиканская буржуазия Америки не только не отстает от нее, но, пожалуй, в иных отношениях даже опередила французских буржуа.

Старательнейшим образом разрабатывается целая система и придумываются самые разнообразные формы борьбы против рабочего движения. В Америке, этой стране «желтого дьявола», и даже в «благочестивой» Германии мы видим совершенно открыто существующие конторы для поставки штрейкбрехеров. Всем памятно, какую гнусную роль сыграла такая контора полтора года тому назад в Берлине, когда в результате провокаторских приемов этой конторы дело дошло до столкновения рабочих с вооруженной силой полиции и войск в квартале Моабит.

Конторы поставки штрейкбрехеров почти всегда являются в то же время конторами поставки провокаторов. Чтобы успешнее сорвать назревающую экономическую стачку, чтобы подорвать в зародыше начинающую крепнуть экономическую или политическую организацию на данном заводе или фабрике—слугам капитала часто бывает выгоднее искусственно ускорить конфликт рабочих с предпринимателем, вызвать стачку или протест преждевременно, тогда, когда у рабочих нет шансов выиграть. А для таких дел нужны свои «специалисты», нужны субъекты, способ-

ные подбить рабочих на преждевременную забастовку, чтобы потом за 30 сребренников предать начавших борьбу рабочих и подвести их под разгром. Специалисты подобных провокаций ценятся господами «передовыми» буржуа на вес золота — хотя они и вербуются, главным образом, из самых грязных подонков общества.

Конторы поставки штрейкбрехеров зачастую имеют негласное разрешение вооружать почтенных членов своей корпорации. В «передовых» капиталистических странах эти желтые организации в нужную минуту могут выставить целые отряды вооруженных штрейкбрехеров. «Право на труд», т.-е. право на штрейкбрехерство, буржуазия самых «цивилизованных» стран считает одной из священнейших основ современного строя. Если бастующий рабочий попробует правдивым словом пристыдить продавшегося штрейкбрехера, — буржуазия объявляет это преступным посягательством на «право на труд» и карает стачечника тюрьмой. Зато штрейкбрехерам позволяется применять и огнестрельное оружие против бастующих.

Кроме организаций, открыто ставящих себе целью борьбу с рабочим движением, капиталисты прибегают к устройству всевозможных обществ, прикровенно преследующих ту же благородную цель. Организуются желтые профессиональные союзы, общества взаимопомощи, сберегательные кассы, общества развлечений, которые стараются втянуть даже и жен и детей рабочих, общества закупки по удешевленным ценам и т. д. Руководящим ядром во всех этих обществах являются те же банды головорезов, которые руководят и открыто-штрейкбрехерскими организациями. В эти сберегательные кассы, общества развлечений и т. д. путем грошовых выгод обыкновенно стараются вовлечь наиболее темных рабочих, из которых и формируют постепенно кадры предателей рабочего дела. Как бы ни назывались все эти общества, по существу дела их объединяет то, что все они — общества штрейкбрехеров, общества, служащие слепым орудием в борьбе капиталистов против рабочего класса...

Такова измена, таков разврат и разложение, которые господа буржуа стараются внести в рабочее движение, так сказать, снизу. Ту же смуту, раскол и разврат буржуазия стремится вдохнуть в рабочее движение и с другого конца — сверху — путем подкупа отдельных, выдвинувшихся руководителей рабочего движения.

Сколько вождей отняла уже у английского рабочего движения буржуазия Англии! Кого купят министерским портфелем, кого еще подешевле — просто доходным местечком. Купив одного, косвенно развращают других, а темным рабочим внушают: смотрите, ведь у нас, в Англии, простой каменщик может выйти в министры! Не бастуйте только, и благо вам будет, — на все лады твердят рабочим самые либеральные буржуа.

А во Франции?! Стоит здесь сколько-нибудь выдвинуться рабочему вождю, как вокруг него уже реют тучи соблазнов и сладкогласные капиталистические сирены начинают нашептывать ему на ухо: продайся капиталу, и ты изведаешь все блага мира — и славу, и богатство, и власть, и почет. Чем слабее сознание рабочих, чем менее сплочена и развита их классовая организация, тем больше шансов на то, что тот или иной из былых вождей свихнется и станет желтым, — что не помешает ему на словах, однако, называться «независимым социалистом» или еще какнибудь в этом роде. Отсюда — все эти французские Брианы, Мильераны, из социалистов ставшие министрами.

Этих перебежчиков более крупного размера, годных на посты министров, буржуазия ценит, конечно, несравненно выше, чем специалистов по части срыва забастовок и рядовых провокаторов из знаменитых контор по поставке штрейкбрехеров. Большому кораблю — большое и плавание. Нельзя же, скажем, «короля провокаторов» Азефа сравнивать с какой-нибудь мелкой сошкой. На желтых деятелей, вроде Бриана (2) и Мильерана (3), — большой спрос. Недаром бывший имперский канцлер (первый министр) Германии Бюлов не так давно мечтательно воскликнул: «ах, кабы Германия имела хоть одного своего Мильерана, вот тогда мы показали бы германской социал-демократии, где раки зимуют»...

Чем обостреннее становится классовая борьба, тем больше буржуазия готова на самые рискованные меры борьбы с рабочими, тем чаще прибегает она и к насаждению желтых организаций. Не минует чаша сия и русское рабочее движение... В русской Польше, где классовая борьба обострилась уже до крайности, мы видим теперь появление своеобразных «национально»-желтых организаций среди рабочих.

Лучшая гарантия против «желтой» проказы — сильные, сплоченные, выдержанные классовые организации рабочих, бичующие и разоблачающие все малейшие проявления буржуазного влияния на пролетариат.

II.

Таким образом, мы выяснили происхождение и общий характер желтых организаций. Посмотрим теперь, какова численность и сила этих желтых организаций в различных странах.

Необходимо, однако, оговориться, что желтые организации обыкновенно скрывают все, относящееся к их работе, и ведут главную свою деятельность большею частью тайно. Поэтому печать далеко не так полно осведомлена о положении дел в желтых организациях, как она знает, скажем, о состоянии социал-демократических рабочих организаций.

В Англии в 1892 году был организован первый крупный союз желтых. Он носил громкое название «Свободный (?) рабочий союз» и основан был на деньги фабрикантов и заводчиков. Главной целью этого союза была борьба против стачек путем штрейкбрехерства и понижение заработной платы путем срыва тех тарифов, которые завоеваны были английскими трэд-юнионами (рабочими профессиональными союзами). Во главе «свободного» союза стал некий «капитан» Коллисон, который собрал среди английского босячества около 2.000 человек членов союза. Союз этот посылал своих членов в качестве штрейкбрехеров всюду, где требовалось сорвать рабочую стачку и где за это щедро платили.

Впоследствии этот союз переменил «фирму». Он назвался: «Свободная национальная рабочая ассоциация (союз)». В 1898 году состоялся в Манчестере съезд этой малопочтенной «ассоциации». В съезде участвовало 100 делегатов. Делегаты все были из выдающихся штрейкбрехеров. Вожаки «ассоциации» хвастались в своих докладах, что они за один год поставили в разные места 13.000 штрейкбрехеров. Какая большая заслуга перед капиталистами и полицией!.. Под разными фирмами эти «желтые» Иуды продолжают и теперь вести свою предательскую деятельность.

В Северной Америке организации желтых чаще всего сливаются с конторами сыщиков и провокаторов, во главе которых стоят пресловутые Пинкертоны ([4]). Пинкертоновские «Национальные агентства», когда нужно, поставляют и штрейкбрехеров. А главное, находящийся в этих агентствах сброд — вооружен и при надобности совершенно безнаказанно расстреливает стачечников. Такие случаи — совсем нередки. Одним из самых известных случаев расстрела бастующих рабочих бандами сыщиков

является расстрел стачечников в предприятии известного американского «благотворителя» Карнеджи (5).

Во **Франции** желтые организации впервые получают распространение в 1899 году. В 1900 году желтые отличились работой по срыву стачки ткачей тюля в Кале. Желтая организация, занимавшаяся этим благородным делом, как водится, носила очень громкое название: «Освобождение». Особенно крупную — и особенно подлую — роль сыграли желтые в стачке горнорабочих Монсо. Основателем желтых организаций во Франции считается бывший железнодорожный чиновник Лануар, которого фабриканты купили за 100 тысяч франков и который образовал впоследствии штрейкбрехерскую организацию под фирмой «Свободной рабочей биржи». Лануар, однако, скоро проворовался. Его заменил другой, не менее продажный субъект, некий Биетри, который раньше называл себя социалистом, а потом пошел в шпионы.

Желтая организация, организованная этим Биетри, сначала пользовалась особым покровительством со стороны католической церкви. Один из патеров-иезуитов (Эдуард) прямо обратился к папе Льву XIII с просьбой о поддержке этого «благого дела». В январе 1904 года шпион Биетри и патер Эдуард стали издавать журнал, под названием «Желтый». Когда проделки Биетри стали слишком уж скандальны, католические круги начали от него отмежевываться. Но зато «христианские» союзы Германии принялись усиленно ухаживать за этим проходимцем. На своем съезде в Эссене, в 1904 году, германские «христианские» рабочие союзы решили основать, в противовес социалистическому Интернационалу, свой «христианский интернационал». И вот, в погоне за союзниками, они наткнулись на шпиона Биетри с его желтыми организациями. «Христианские» союзы обласкали Биетри, повезли его даже напоказ в Германию и, главное, — из чувства международной солидарности, конечно! — ссудили его деньжонками...

Интересна официальная программа желтых организаций во Франции. Рядом с «**отказом от всяких забастовок**, не вызванных доказанным упорством предпринимателей» (пункт 3-й программы), для приманки рабочих пишется требование «свободы коалиции и свободы совести» (пункт 9-й) и защищается «помощь на случай болезни, старости и т. п.» (пункт 6-й). Далее вожаки желтых усиленно втирают очки рабочим, будто они добьются участия рабочих в прибылях предприятия, — фокус,

к которому теперь и в Англии господа буржуа прибегают для отвлечения рабочих от стачечной борьбы.

Французская «передовая» буржуазия особенно усиленно старается развивать желтые союзы. Во Франции существует много союзов, в которые входят и предприниматели и рабочие. Все «учение» желтых построено на том, что интересы хозяина и рабочего «одинаковы» и что поэтому они должны-де иметь и общую организацию. На деле, конечно, в этих смешанных организациях рабочие являются только игрушкой в руках обманывающих их хозяев и их прихвостней.

Французские желтые любят хвастаться своей силой. Еще в 1907 году они объявили, что у них числится целых 832 организации (в том числе 439 «профессиональных союзов» и 87 хозяйских союзов). А число членов они считали в 600 тысяч! Тут много вранья. Цифры сильно преувеличены. Но нет сомненья, что во Франции желтые имеют силу. Франция — обетованная страна желтых. Недаром, когда наш знаменитый Зубатов решал рабочий вопрос в России, он выписал к себе для советов «специалиста», вожака французских желтых...

Ту роль, которую в Германии играют «христианские» союзы, во Франции — в более скромных размерах — выполняют желтых штрейкбрехеры.

Из Франции желтая зараза перенеслась и в Швейцарию, где она особенно сильна в одной отрасли — производстве часов. Программа швейцарских желтых — та же, что и во Франции. Австрия тоже не свободна от желтой чумы.

III.

Могучее рабочее движение Германии тоже не избавило совершенно рабочих от язвы желтых организаций. Но социал-демократическая партия и с.-д. профессиональные союзы здесь настолько сильны, что руководителям желтых организаций приходится очень круто. Им остается прибегать ко всяческим хитростям, извиваться ужом, чтобы только затянуть в свои желтые организации сколько-нибудь значительные слои рабочих.

Деятели желтых организаций и в Германии борются с социал-демократией, главным образом, при помощи полиции, посредством доносов, провокации, штрейкбрехеров. Но сверх того, желтые пытаются здесь вести еще и «идейную» борьбу с социализмом. Они издают 4 журнала, в которых ведут постоянную войну

с социал-демократией. Главные из этих журналов: «Союз» — орган «для защиты общих (!) интересов рабочих и хозяев» и желтая «Рабочая газета» — орган, преследующий те же интересы, что и орган желтой «рабочей партии во Франции» («Желтый»). Издают господа желтые и «научные» книги против социал-демократии. Так, еще на этих днях некий наемный доктор Гуго Натансон ([6]) выпустил «ученое» сочинение, в котором «разносит» социал-демократию и социализм совершенно в духе доктора Дубровина и отца Восторгова...

Крупные фабриканты и заводчики принимали и здесь самое деятельное участие в создании желтых организаций. Отдельные крупные предприниматели не жалели сотен тысяч рублей (переводя на наш счет), чтобы только сорганизовать «своих» рабочих в желтый союз и тем обеспечить себе «спокойствие» и «нормальный» ход производства. Так, известный «король фабрикантов» Штумм один из первых не пощадил своей мошны, и еще в 1893 году добился организации работающих у него рабочих в желтый союз. Примеру Штумма последовали и многие другие крупные заводчики. Так, согласно отчетам одной фабрики в Аугсбурге, хозяевам этого предприятия организация желтого союза и содержание его в течение нескольких лет обошлись по 900 рублей на каждого рабочего. На внесение желтой заразы в рабочее движение хозяева деньгами не скупятся.

Само германское правительство тоже считает для себя делом чести, чтобы служащие у государства рабочие были организованы в желтые союзы. Так, среди железнодорожных рабочих и служащих прусская администрация изо всех сил насаждает желтые организации. Еще в 1897 году был образован так называемый «Всеобщий союз железнодорожных служащих». Вступление в члены этой желтой организации вменено было в обязанность всякому желающему получить службу на железной дороге. В 1904 году 268 таких местных союзов объединились в один общий «Союз союзов», в котором, по словам администрации, теперь числится до 400 тысяч членов. Союзу этому правительство делает разные подачки — иногда довольно крупные. В кассы этих союзов было внесено несколько лет тому назад, по требованию министра путей сообщения, 3 миллиона марок (марка = 46 коп.). Но, тем не менее, рабочих приходится загонять в этот «желтый» рай дубиной. Притом дубиной весьма увесистой: не вступишь в желтый союз — не примут на службу, не получишь куска хлеба!

Подобные же желтые организации в 1900 и 1901 годах созданы для служащих берлинского трамвая и подземной железной дороги. Успех здесь был, однако, гораздо меньше. Такая же неудача постигла берлинских заводчиков-металлургистов. После стачки 1904 года они попытались создать желтый союз рабочих металлистов, для чего основали специальный «фонд для неорганизованных рабочих». Каждому неорганизованному была обещана премия: от 50 коп. до 1 руб. 20 коп. в день помощи в случаях локаутов. Однако, и эта хитрая приманка не помогла...

Сравнительно большее распространение имеют желтые кассы взаимопомощи на отдельных фабриках и заводах. Заводчикам в Аугсбурге удалось заманить в 1905 году в такие общества изрядное количество рабочих. Для приманки были учреждены кассы для вдов и сирот рабочих, введена была выдача беспроцентных ссуд, выдача премий (ежегодно к рождественским праздникам) рабочим, выслужившим наибольшее количество лет, и т. п. Часть наиболее темных рабочих за чечевичную похлебку продала свое пролетарское первородство. И желтые могли с торжеством сообщить, что в Аугсбурге и в окрестностях им удалось сорганизовать 16 желтых союзов, насчитывающих 6.500 членов.

В Берлине желтые сорганизовали свои «сберегательные кассы». В эти кассы они стараются привлечь рабочих тем, что обещают высокий процент на сбережения и выдачу особых «премий». Надувают, конечно, самым безбожным образом. В действительные члены этих желтых касс принимают только тех рабочих, которые не состоят одновременно членами профессиональных союзов, оказывающих помощь стачечникам.

В 1907 году желтые открыто организовали в Берлине «Союз желтых рабочих союзов». В своей программе этот желтый союз пишет требование «д е й с т в и т е л ь н о й с в о б о д ы к о а л и ц и и» (пункт 8). Далее, программа проповедует сберегательные кассы, «участие рабочих сбережений в отечественных промышленных предприятиях» и т. д. И тут же объявляется война «партийно-политической агитации в союзах» (кроме черносотенной, конечно! — (Г. З.) и «необоснованным» стачкам.

С течением времени союзы хозяев открыто и официально примкнули к желтым «рабочим» организациям, созданным совместными усилиями правительства и предпринимателей. В средине 1907 года организовались так называемые «Отечественные рабочие союзы». Их главным ядром стали, с одной стороны,

союз германских работодателей, а с другой стороны — знаменитый «союз борьбы с социал-демократией». Эти «истинно-германские» союзы в своей программе ставят себе целью «поднятие нравственного, общественного и хозяйственного уровня жизни рабочих». И программа тут же разъясняет, что под «нравственностью» желтые разумеют «активную борьбу против насилий социал-демократии». Как ни прячутся эти господа, а их ослиные уши все же торчат... Когда эти желтые союзы пишут в своей программе: «мы добиваемся доброго согласия между рабочими и хозяевами», то практика желтых скоро обучает рабочих тому, что под «добрым согласием» эти господа понимают покорность рабочих самой бесстыдной эксплоатации их хозяевами...

Жизнь учит. Ход классовой борьбы раскрывает глаза самым темным рабочим. Проходит короткое время, и самые отсталые рабочие наглядно убеждаются в том, что «рабочие», по названию, желтые союзы являются организациями, на деле глубоко враждебными самым насущным интересам рабочих.

И временно обманутые рабочие, посылая проклятия тем, кто раньше заманил их в ловушку, переходят в ряды своих борющихся братьев—в ряды своей рабочей социал-демократической партии и своих социал-демократических профессиональных союзов.

Сколько ни стараются германская администрация и фабриканты с заводчиками, а желтые союзы в Германии не могут внести большого разлада в германское рабочее движение. И это, конечно, потому, что поперек дороги всем этим поработителям и обманщикам рабочих стоит могучая классовая с.-д. организация германского пролетариата.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», №№ 49 и 60, от 26 июня и 8 июля 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Бриан, А., — французский политический деятель, образец своеобразного «адвокатского социализма», преуспевающего на западно-европейской почве. Бриан начал карьеру с шумных процессов, защищая на них «великие принципы революции». На Международном Амстердамском конгрессе социалистов он выступал за политические стачки и тем заявил себя сторонником «левого течения». В министерство Комба Бриану было выгодно поддерживать анти-клерикальную политику премьера. В 1906 г. Бриан—министр народного просвещения и удержался при Клемансо. Тут у «левого социалиста» началось отступничество столь явное, что французская социалистическая партия исключила его из своей среды, и Бриан стал гордо именоваться «независимым социалистом». В качестве мини-

стра юстиции (1908 г.) Бриан не постеснялся оформить ряд смертных казней и вследствие этого французская буржуазия нашла его пригодным для роли главы кабинета (1909 г.). Новый премьер в 1910 г. проявил себя грубыми репрессиями в отношении железнодорожных стачечников. В 1911 г. министерство Бриана пало, но Пуанкаре в самом же начале своей деятельности (1912 г.) доверил Бриану уже знакомый ему портфель министра юстиции. С тех пор Бриан не сходит совершенно с политической арены.

[3]) Мильеран, А., недавно вынужденный выйти в отставку бывший президент французской республики. Тоже из сословия адвокатов. В палату депутатов впервые был избран в 1885 г. В 1899 г. — министр торговли, ввел 10-часовой рабочий день. В 1904 г. стал «независимым социалистом», ибо из французской социалистической партии был исключен. В 1912 г. Пуанкаре пригласил Мильерана в качестве военного министра; при нем армия быстро заполнилась определенно клерикальными элементами, ряд постов был роздан офицерам, ведшим раньше анти-дрейфусовскую кампанию. Министром Мильеран пробыл недолго, но опять сделался членом кабинета в начале империалистической войны.

[4]) Пинкертон — американский сыщик, основавший частно-шантажную контору частного розыска; его агенты в то же время обслуживали капиталистические предприятия занимаясь шпионажем среди рабочих и поставляя штрейкбрехеров в случае стачек.

[5]) Карнеджи — один из крупнейших американских капиталистов, шумно рекламировавший себя по Америке и Западной Европе своими пожертвованиями на «просвещение».

[6]) Гуго Натансон — автор изданной (в 1912 г.) на немецком языке книги «Soziale Zukunftsträume» («Грезы будущего социального строя»).

В ВЕНГРИИ ([1]).

К недавним событиям в Венгрии приковано было внимание всего мира ([2]). Борьба против избирательного бесправия, против господства кучки реакционной знати привела к столкновениям совершенно революционного характера. В настоящий момент рабочие и примыкающие к ним слои населения прекратили непосредственные боевые действия. Но движение в другой форме продолжается и теперь. Оно не только не заглохло, но может принять еще большие размеры.

Картину недавних венгерских событий следующим образом описывает один из непосредственных наблюдателей движения (венгерский публицист Варга). «Это была, — говорит он, — типичная картина революции. Магазины закрыты, движение на улицах прекращено, на всех углах колонны пехоты, по улицам конные и пешие патрули, на тротуарах густые толпы рабочих. На улицах темно, освещение прекращено благодаря стачке. В нескольких местах — наскоро построенные баррикады. Там и сям слышатся выстрелы. Рабочие отвечают градом камней и выстрелами из револьверов. Сотни раненых, несколько человек убитых... Это была всеобщая стачка, начинавшая переходить в восстание».

Уже после окончания стачки, приостановленной на время самими венгерскими социалистами, вся венгерская оппозиция (т.-е. и мелкая буржуазия и, частью, либералы) выработала общий проект избирательной реформы. Проект признает необходимость тайного голосования, но вместе с тем в ряде пунктов урезывает всеобщность избирательного права. Избирательное право признается только за умеющими читать и писать и самостоятельно занимающими квартиру определенной стоимости. Но, при всей скромности этих требований оппозиции, венгерские правящие круги и не думают итти навстречу этим требованиям.

Парламентская оппозиция, как известно, вооруженной силой изгнана из стен парламента, что, конечно, только подлило масла в огонь народного негодования. Борьба за всеобщее избирательное право продолжается. Но рамки ее расширяются. Довольно многочисленные слои населения начинают уже ставить вопрос не только об одной реформе избирательного права, а обо всем режиме в целом. Поведение правящих кругов научило их тому, что поперек дороги всякой серьезной реформе — в том числе и введению

всеобщего избирательного права — стоит весь нынешний венгерский режим.

Один из непосредственных участников венгерского движения (Динер) свидетельствует в немецкой печати о том, что в Венгрии усиливается чисто республиканское настроение, что все чаще и чаще слышатся возгласы: да здравствует республика! И венгерский республиканец иронически благодарит представителей режима — прежде всего нашумевшего на весь мир реакционного графа Тиссу, председательствующего в парламенте, — за то, что они являются косвенными пособниками республиканцев... Никто, — пишет указанный республиканец, — не помогает так борьбе за республику, как заядлые реакционеры Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 49, от 26 июня 1912 г.; подпись — «Г.».

[2]) Недавние события в Венгрии — захватили собой весь май и часть июня 1912 г. Начались они в итоге почти двухлетней борьбы между двумя главнейшими составными частями бывшей габсбургской империи — Австрией и Венгрией. Придворно-австрийская партия настаивала на проведении нового обще-имперского закона о военной службе, который давал все преимущества австрийскому командованию и немецкому языку в общей армии. Против этого поднялись сперва чисто националистические элементы венгерской общественности, но затем события начали принимать форму революционного движения против всего режима вообще. Во главе поднявшихся масс стали венгерские с.-д. Разными мероприятиями правительство добилось избрания президентом венгерского парламента крупного богача и аристократа, графа Стефана Тиссы, который в самой скандальной обстановке и провел правительственный закон. Один из депутатов оппозиции, Ковач, произвел несколько револьверных выстрелов в Тиссу, а затем ранил себя. Австрия достигла нужного ей и в виде мести отложила реформу венгерского избирательного права, о чем до того было уже почти соглашение.

ПРИКАЗЧИКИ И ВЫБОРЫ [1].

До выборов в 4-ю Думу остается, видимо, только еще 2 месяца. Надо готовиться к ним, не покладая рук, не теряя ни минуты. Петербургским приказчикам надо обдумать крепкую думушку: кому же отдать свои голоса на выборах?

По иронии судьбы, исход выборов в «господскую» Думу — по крайней мере в Петербурге, во 2-й городской курии — зависит в очень большой степени от пролетариев прилавка — от приказчиков. Уже подсчитано, что около 20 тысяч петербургских приказчиков будут иметь право выбирать в 4-ю Думу. Если судить по прежним выборам, 20 тысяч голосов составят не меньше четверти всех избирателей, которые будут участвовать в выборах.

Какой же партии будут отданы эти 25% голосов? Кому доверят приказчики защиту своих интересов?

До сих пор кадетам удавалось всеми правдами и неправдами добиваться того, что приказчики в своем большинстве голосовали за кадетских кандидатов.

Так было... Но да не будет больше так!

В Петербурге всех приказчиков до 200 тысяч человек. Из них 20 тысяч «счастливцев» обладает крохами избирательных прав. Не обязаны ли они подумать о том, чтобы, подавая свой избирательный бюллетень, выразить чаяния, настроения и желания 180 тысяч ваших братьев, оставленных за бортом избирательного права? Неужели эта 200-тысячная масса обездоленных, живущих на краю нищеты, но рвущихся к лучшей жизни, к свету и свободе, приказчиков считает своей партией — партию барского либерализма, бросающую нам жалкие крохи полу-«свобод», а на самом деле стремящуюся к сделке с реакцией? Неужели приказчики считают своей партией партию х о з я е в — пусть «либеральных», но тем не менее х о з я е в? Неужели Маклаковы, Кутлеры, Милюковы и Родичевы, которые все стоят неизмеримо ближе к октябристам, чем к демократии, должны опять явиться избранниками приказчиков? Неужели нам мало эксплоатации экономической и мы позволим себя эксплоатировать хозяевам еще и в политической области? Неужели приказчики не понимают еще, что их интересы совпадают с интересами рабочих, что пролетарии прилавка и пролетарии фабрик и заводов должны подать друг другу руки?

Не только те 180 тысяч приказчиков, которые лишены избирательных прав, но и те сотни тысяч петербургских рабочих, которые обделены законом 3 июля, вправе обратиться к 20 тысячам пользующихся избирательным правом приказчикам с такими словами:

— Товарищи, случай захотел, чтобы от вас в значительной степени зависело—кто будут петербургские депутаты по 2-й курии: Кутлеры и Милюковы, всегда готовые за чечевичную похлебку продать интересы демократии, или кандидаты рабочих, кандидаты передовых приказчиков, кандидаты всей петербургской демократии? Делом чести для всех нас является вырвать представительство Петербурга из рук Кутлеров, из рук партии либеральных помещиков и буржуа и вручить это представительство в надежные руки последовательной демократии.

Победа демократии в Петербурге вполне возможна. При выборах во 2-ю Думу «левому блоку» не хватало только 1.573 голосов, чтобы разбить на-голову кадетов (и заодно, конечно, и черных). Во 2-й курии условия резко не изменились.

Победить можно. Победить нужно...

Всякий приказчик, который хочет вырваться из царства тьмы и эксплоатации, обязан долгом своей чести бороться за победу демократии. Пусть каждый передовой приказчик поставит себе целью убедить еще хоть 5 своих товарищей в том, что он понял сам... И тогда приказчики победят и проведут, вместо либеральных буржуа, вместо хозяйских ставленников, своих истинных представителей и передовых борцов...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 50, от 27 июня 1912 г. подпись — «Гр.».

СУДЬБА СВЯЩЕННИКОВ 3-й ДУМЫ ([1]).

Известно, какие большие надежды реакция возложила на духовенство в связи с выборами в 4-ю Думу. Однако, и среди духовенства отличают правых, «благонадежных», от левых и даже только умеренно-прогрессивных, каковые считаются уже явно «неблагонадежными». Это деление на «козлищ» и «овец» отразилось и на том, как отнеслись сильные мира сего к священникам-депутатам 3-й Думы после того, как Дума была распущена.

Вот что сообщает по этому поводу октябристский «Голос Москвы»—источник достаточно «благонадежный».

«Чтобы заинтересовать священников и заставить их быть активными на предстоящих выборах, святейший синод поощрил депутатов-священников в 3-й Думе, предоставив многим из них лучшие места, чем они имели до прихода в Гос. Думу. Несколько священников справа награждены крестами, скуфьями, камилавками, производством в протоиереи. Протоиерей Юрашкевич ([2]) получил место в одном богатом соборе» и т. д.

Зато «относительно пермских прогрессивных священников Титова ([3]) и Исполатова ([4]) уже теперь определенно говорят, что епископ Палладий... предложил им выбраться из своей епархии. Про о. Титова говорят, что его могут даже лишить сана. Вятский епископ Филарет недоволен священником-депутатом Поповым ([5])... Полна всяких неожиданностей участь Сендерко ([6]), которому грозит снятие сана. Ничего хорошего нельзя ожидать и священнику Климову» ([7]) («Голос Москвы», № 136).

Всякий священник, не пожелавший пойти в стан явных реакционеров, попадает в опалу.

Так подготовляется среди духовенства «избирательная кампания», в числе главных деятелей которой, по словам той же октябристской газеты, состоит архиепископ Антоний волынский...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 50, от 27 июня 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Юрашкевич, А. Д., — протоиерей, правый депутат от Минской губ.

[3]) Титов, И. В. — священник, «прогрессивный» депутат от Пермской губ.

[4]) **Исполатов**, П. И. — священник, «прогрессивный» депутат от Пермской губ.

[5]) **Попов**, А. А. — священник, «прогрессивный» депутат от Вятской губ.

[6]) **Сендерко**, М. И. — священник, «прогрессивный» депутат от Подольской губ.

[7]) **Климов**, В. В. — священник, «прогрессивный» депутат от Томской губ.

ВОКРУГ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ([1]).

Все газеты обошло известие, что, «по слухам из достоверных источников», вопрос о церковно-приходской школе будет решен утвердительно в порядке 87-й статьи, т.-е. на основании пресловутой статьи, дающей возможность правительству во время парламентских каникул проводить законы даже без официального одобрения Думы.

Пока подтверждения этого слуха не последовало. Но нет и никакого опровержения. Вся политическая обстановка говорит о том, что дело это вполне возможное.

Все возражающие против церковно-приходской школы попали в опалу. Орган октябристов сообщает, что за якобы недостаточно почтительное отношение к церковно-приходским школам даже «октябристы объявлены врагами церкви».

Интересно посмотреть, как испугались этого обвинения наши независимые и храбрые октябристы. Обозленные пинками оголтелых реакционеров, октябристы высказывают много горьких истин. Они распространяются о «махровых цветках», вроде «церковного самодержца К. П. Победоносцева», с которым заключил союз «другой самодержец—только финансовый, С. Ю. Витте»; они с чувством говорят о «чиновниках» из духовенства, которые «полицейскими крючками тащат в православие сектантов и старообрядцев». Все это сказано очень недурно... Но посмотрите, какие выводы делают из всего этого господа октябристы!

Вы думаете, октябристы требуют учреждения действительно народной школы? Глубоко ошибаетесь, если вы так полагаете.

Сами октябристы следующим образом излагают свой спор с синодом. Между синодальным ведомством и октябристами, по их собственным словам, происходит следующий разговор:

— Дайте деньги (на церковно-приходские школы) и убирайтесь прочь,—коротко и ясно заявило синодальное ведомство.

— Мы ни в одной копейке не отказали на церковные нужды, на нужды духовенства; мы дадим все, но дайте и вы то, что должны дать. Дайте приход, дайте собор, дайте церковный, а не чиновничий уклад и порядок.

— В школах мы оставляем все влияние и управление за вами (т.-е. за духовенством), но, если берете деньги, контроль должен остаться за теми, кто их дает.

В ответ на это:

— Снова вопли о врагах церкви и духовенства, обвинения в подрывании всех основ («Голос Москвы», № 136).

Бедные, бедные октябристы! Уж они ли не законопослушны? «Мы дадим в с е», — кричат они, бия себя в перси. — «Мы оставляем все влияние и управление за вами», — говорят они, чуть не всхлипывая от незаслуженной обиды. А их обвиняют в «подрывании всех основ»! Какая черная неблагодарность!..

Спор октябристов с «синодальным ведомством», конечно, только семейный спор добрых друзей. Милые бранятся—только тешатся. У октябристов издавна есть верный способ решать эти споры: если реакция не уступает «своим» октябристам, октябристы уступают «своей» реакции...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 51, от 28 июня 1912 г.; подпись — «Г. З.».

КАК ЖИВУТ РАБОЧИЕ ЗАГРАНИЦЕЙ (1).

В немецкой и английской печати только что опубликованы чрезвычайно интересные данные об условиях жизни рабочих пяти крупнейших промышленных государств: Англии, Германии, Бельгии, Северной Америки и Франции. Исследование произведено в течение 1905—1909 годов официальными учреждениями английского ведомства торговли. В Англии было обследовано 94 города, в Германии — 33 крупнейших центра, во Франции — 30 пунктов, в Бельгии — 15 и в Северной Америке — 28.

Результаты исследования таковы.

В Англии самый короткий рабочий день и самая высокая заработная плата из всех вышепоименованных государств Зап. Европы. Далее следуют Германия и Франция. Последнее место занимает Бельгия, где до сих пор хозяйничают клерикалы (защитники светской власти духовенства и его влияния в государстве).

Американский рабочий день гораздо более короткий, чем в Англии. Каменщики, например, работают в Англии $52^1/_2$ часа в неделю и зарабатывают средним числом 38—41 шиллинг (шиллинг — 47 коп.) в неделю. В Германии они работают 59 часов и зарабатывают 27—31 шиллинг. Во Франции работают $64^1/_2$—$67^1/_2$ часов и получают всего 21—24 шиллинга. А в Северной Америке работают 46 часов в неделю и получают 110—150 шиллингов. Приблизительно такова же пропорция и для других отраслей труда во всех этих государствах.

Если принять, что заработная плата и рабочий день выражаются в Англии цифрой 100, то для других стран можно будет составить следующую табличку:

	Бельгия.		Франция.		Германия.		Сев. Америка.	
	Зараб. плата.	Рабоч. время.	Зараб. плата.	Рабоч. время.	Зараб. плата.	Рабоч. время.	Зараб. плата.	Рабоч. время.
Рабочие строительной промышленности	59	128	69	120	75	110	243	89
Рабочие металлисты и машиностроители	66	114	81	114	85	112	213	106

Эта таблица дает сравнительную величину заработной платы и рабочего времени в упомянутых странах в то количество рабочих дней (около 2 недель), в которое в Англии строительный

рабочий должен проработать 100 часов, северо-американский рабочий в это же количество дней работает 89 часов, германский— 110 час., французский—120 час., бельгийский—128 часов.

За ту работу, за которую английский строительный рабочий получит 1 р. (на наши деньги), американец получает 2 р. 43 к., германец—75 к., француз—69 к., бельгиец—59 к.

В Бельгии, таким образом, больше всего работают и меньше всего получают. Особенно поразительна разница между Бельгией и Америкой. Там, где бельгийский рабочий отдает 128 часов, американский рабочий трудится лишь 89 часов—почти в $1^1/_2$ раза меньше. И при этом бельгийский рабочий получает 59 к., а американский рабочий—2 р. 43 к., т.-е. более чем в 4 раза. Первое место по краткости рабочего дня и величине заработной платы принадлежит Америке, второе—Англии, третье—Германии, четвертое—Франции и на пятом стоит Бельгия.

Мы видим, что, по мере сокращения рабочего времени увеличивается заработная плата. Это лишний раз показывает, как неосновательны опасения тех рабочих, которые боятся, что борьба за уменьшение рабочего дня повлечет понижение заработка.

Но по одной голой номинальной заработной плате нельзя еще судить о действительных условиях жизни рабочего. Надо еще посмотреть, что он может купить на этот заработок, то-есть, каково его жилище, чем он питается, каковы цены на предметы первой необходимости в данной стране. Опубликованные данные приводят на этот счет кое-какие сведения.

Если принять, что плата за квартиру выражается в Англии цифрой 100, то получится, что квартирная плата в Германии равна 123, во Франции — 98, в Бельгии — 74, в Северной Америке — 207. Это значит, что если английский рабочий платит за квартиру, положим, 100 р., то германский за такую же квартиру вносит 123 р., французский — 98 р., бельгийский — 74 р., американский — 207 р.

Еще более наглядна разница в условиях жизни рабочих указанных стран, если присмотреться к количеству и качеству потребляемой ими пищи. Вот табличка, дающая об этом некоторое представление. Если взять для Англии цифру 100, то получится:

	Германия.	Франция.	Бельгия.	Америка.
Хлеб, мука	89	89	131	60
Мясо, рыба	90	98	106	162

	Германия.	Франция.	Бельгия.	Америка.
Яйца	90	82	67	166
Сыр	78	86	70	58
Масло, жир	115	97	125	118
Картофель	148	91	212	136
Сахар	41	36	25	98
Молоко	130	77	88	121

Американский рабочий потребляет мяса и яиц в среднем почти вдвое больше, нежели германский рабочий. Он потребляет в $1^1/_2$ раза больше молока и в 4 раза больше сахара, чем бельгийский рабочий, и т. д.

Интересно, далее, посмотреть, в скольких комнатах живет английский рабочий и в скольких — германский рабочий. На этот счет имеются следующие сведения:

В Лондоне живет в:

1 комнате	6,7%	всего населения.
2 комнатах	15,5 »	» »
3 »	16,6 »	» »
4 »	15,2 »	» »
5 » и более	46,0 »	» »

В Берлине живет в:

1 неотапл. комнате	0,69%	всего населения.
1 отапл. комнате	41,00 »	» »
2 » »	33,77 »	» »
3 » »	12,50 »	» »
4 » » и более	12,05 »	» »

Другими словами, в Лондоне из каждой сотни рабочих 46 чел. имеют квартиру в 5 комнат, 15 чел. — в 4 комнаты, 16 чел. — в 3 комнаты и т. д. В Берлине же из каждой сотни рабочих только 12 чел. имеют квартиру в 4 комнаты, 12 чел. — в 3 комнаты, а большинство — в 2 и 1 комнату.

В итоге можно сказать: питаются рабочие в Англии, Америке и Бельгии значительно лучше, чем в Германии и Франции; заработок рабочего на континенте (в Германии, Франции и Бельгии) ниже заработка в Англии и Америке; расходы на предметы первой необходимости, наоборот, во всех этих странах (кроме Бельгии) выше расходов в Англии и Америке.

Как жаль, что обследование не распространилось и на нашу Россию! Сухая статистика показала бы наглядно, насколько тяжелы те условия, в которых живет и трудится рабочий класс — особенно в последнее пятилетие, которое капиталисты так усердно использовали, чтобы отнять у рабочих то, что они ранее завоевали, и в которое, вместе с тем, шло усиленное вздорожание жизни. Много еще нужно нам потрудиться, чтобы догнать рабочих передовых стран и добиться одинаковых с ними условий жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 51, 28 июня 1912 г.; подпись—«Н. Ск.».

НА ПОПЯТНЫЙ ([1]).

Читатель, вы помните, какую несокрушимую «независимость» и «оппозиционность» грозили проявить октябристы в вопросе о церковно-приходских школах?

«Уж тут-то мы ни за что не уступим!» — хвастались Гучков и его молодцы. «Мы много уступили Пуришкевичу и его друзьям, а здесь — хоть убейте! Ни за что! Ни в каком случае!» — божились октябристы.

И впрямь! У октябристов хватило «смелости» оттянуть некоторые ассигновки в Думе на церковно-приходскую школу. Но, выказавши такую невиданную храбрость, октябристы очень скоро пошли на попятный.

Кто-то пригрозил им пальцем, и они немедленно бросились в... кусты.

На этих днях центральный комитет октябристов опубликовал нарочито-торжественное заявление на этот счет. Делая вид, что они радеют исключительно о нуждах народных учителей, октябристы, умильно заглядывая в глаза Пуришкевичам, клянутся:

«Дума... не успела (!) рассмотреть... законопроектов... В 4-й Думе октябристы возвратятся к этим насущным вопросам школьной жизни и в близком будущем проведут ныне на время отсроченный законопроект» («Голос Москвы», № 140).

Итак, Пуришкевич, Марков II, гр. Витте (защищавший церковно-приходскую школу в Государственном Совете), В. К. Саблер, П. Н. Дурново и проч. могут быть спокойны. Октябристы «возвратятся» к этим вопросам и «проведут» то, что им прикажут.

Остается только избирателям позаботиться о том, чтобы сами октябристы не возвратились в стены 4-й Думы. Страна, наверное, позаботилась бы об этом, если бы... если бы не закон 3 июня, позаботившийся о господстве помещиков и купеческих толстосумов на выборах...

Ну, и стойкий же народ эти октябристы!.. Ну, и «независимая» партия!..

Во всяком случае, начальство может быть довольно октябристами. Теперь-то они уже вполне заслужили, чтобы в «предвыборном» циркуляре к земским начальникам и прочим выборных дел мастерам и октябристов помянули добрым словцом.

Они ли не достаточно благонадежны? Нет, сейчас вполне можно и их рекомендовать избирателям — они нисколько не хуже «националистов» с их господами Бобринскими и даже не хуже самого действительного статского советника Пуришкевича.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 54, от 1 июля 1912 г.; подпись — «А. Б.».

«ЧЕРНАЯ» И «СВЕТЛАЯ» РОССИЯ (1).

Либеральная буржуазия продолжает распространять басню о том, будто на выборах в 4-ю Думу вся страна разделится только на два лагеря: на добрых и просвещенных пай-мальчиков — либералов, борющихся за «конституцию», с одной стороны, и злых и отсталых реакционеров, борющихся против «конституции», —с другой.

Либералы забывают только сущую безделицу: что существует еще т р е т и й лагерь — рабочие, крестьяне, малоимущее городское население, одним словом, действительные народные массы — д е м о к р а т и я.

Кроме самих себя да своих «друзей - врагов» из правого лагеря, кадеты ничего не видят. «Черная кость» для них не существует.

Где-то там, говорят, живет и борется многомиллионный рабочий класс. Где-то в далеких Гореловках и Нееловках стонут миллионы русских крестьян. Откуда-то издалека доносятся голоса «маленьких людей», угнетенных, бесправных и обездоленных.

Но все это так далеко, так чуждо либеральному барину, либералу-помещику, профессору, крупному домовладельцу . . .

Мелкая грызня между Гучковым и Милюковым — вот это они близко принимают к сердцу. Закулисная борьба в«сферах» — для них мировой важности события.

Кадетская «Современка» (2) по долгу службы тоже распространяет ту же либеральную ложь, будто страна поделится только на либералов и не - либералов. Но «Современка» издается, как известно, «для народа». Поэтому, здесь эту либеральную неправду преподносят в очень «высоком штиле».

«Современное Слово» торжественно провозглашает: «по отношению к парламентским выборам (т.-е. выборам в 4-ю Думу. —Г. З.) стоит вопрос о борьбе только (т о л ь к о!) между двумя Россиями — ч е р н о й и с в е т л о й, реакционной и прогрессивной».

«Светлая» Россия, это — конечно, Кутлер с Маклаковым и Милюковым. Кто за «светлую» Россию, — валяй, голосуй за бывших и будущих министров из кадетской партии!

«Прогрессивная» Россия, это — конечно, те же Кутлер с Маклаковым. Кто за прогресс, кто за «прогрессивную» Россию, —

валяй, голосуй за всех этих мечтающих о министерских портфелях господ либералов, которых все труднее становится отличить от октябристов!

Кроме «реакционной и прогрессивной» России, т.-е. кроме торгующихся между собой либералов и черных, в нашей стране есть еще третий лагерь.

Это — рабочие, крестьянская беднота, городская «черная кость», демократия. Демократия — рабочая и сермяжная Россия — объявила войну черному лагерю не на живот, а на смерть. Но она знает цену и либеральному лагерю, отстаивающему такую «конституцию», какая нужна богачам, и готовому всегда перебежать к черным.

Три, а не два лагеря выступают на выборах в 4-ю Думу. И все, что есть в стране демократического, будет голосовать за демократию, за третий лагерь, руководимый рабочим классом...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 55, от 3 июля 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Современка — газета «Современное Слово», издававшаяся кадетскими руководителями газеты «Речь» и служившая для «популярного» изложения и распространения кадетских взглядов.

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ СТОЛИЦ ([1]).

Выборы в 4-ю Государственную Думу совсем уже близки. До решающего дня остается всего каких-нибудь два месяца. Столице нашей приходится уже сейчас обдумывать: кому же отдаст она свои симпатии, какой партии вверит она свое политическое представительство в 4-й Думе?

Будучи неравнодушными к судьбам нашей столицы, мы тоже обдумывали — какой бы совет преподать на этот счет столичным избирателям. К счастью, нам на помощь пришла одна столичная же газета — «Новое Время»... Нам вспомнилось, что эта газета, обсуждая шансы разных партий на выборах в Петербурге, однажды со вздохом заметила:

«Да, эти столицы!.. Такова уж печальная участь столиц, что они чуть не во всей Европе представлены депутатами социал-демократами»...

Поистине, печальная участь! В большей или меньшей степени эту горькую чашу пришлось испить и Берлину, и Вене, и Парижу, и даже Лондону. В большем или меньшем числе все эти столицы мира выбирают в парламенты социал-демократов.

И думается: а право, недурно бы и нашей столице добровольно подвергнуть себя той же самой «печальной участи»!..

У столицы есть возможность сделать это даже при нынешнем избирательном законе 3 июня. По крайней мере — во 2-й городской курии.

Так неужели же она упустит случай сделать это?!..

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 58, от 6 июля 1912 г.; подпись — «Г. З.».

КАК БЕЛЬГИЙСКИЕ РАБОЧИЕ ГОТОВЯТСЯ К ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ ([1]).

Бельгийский социалистический пролетариат, в лице недавно состоявшегося съезда бельгийской социалистической рабочей партии, решил подготовить в скором будущем всеобщую забастовку с требованием равного избирательного права для всех граждан. Благодаря неравному избирательному праву, реакционнейшая часть буржуазии (клерикалы) держат в своих руках всю политическую жизнь страны. Последние выборы дали даже перевес клерикалам. И теперь бельгийские рабочие сочли необходимым прибегнуть к решительному средству.

Съезд рабочей партии выбрал большой забастовочный комитет, в который входят делегаты от всех видов рабочих организаций. Этот комитет еще ни разу не успел собраться. Но сами рабочие в разных местах готовятся к всеобщей стачке самым энергичным образом.

В Бельгии широкое распространение имеют кооперативы, и в кооперативах занято много рабочих и служащих. И вот служащие и рабочие из кооперативов во многих местах постановляют отчислять половину заработка в стачечный фонд. Такое постановление принято в Шарлеруа и в других местах. Известный — самый большой в Бельгии — кооператив «Вперед» разрабатывает вопрос о поддержке стачечников деньгами и натурой (столовые, предметы первой необходимости и т. д.). К этому кооперативу примкнут и другие кооперативы. В Генте и Гентском округе учрежден специальный фонд, из которого 75% пойдет на поддержку стачечников, а 25% — на пропаганду в связи со стачкой. Центральный орган партии («Народ») помещает очень много писем с мест по вопросу о практическом проведении стачки. Партия открывает сборы на стачку по всей стране и среди международного пролетариата. Особое внимание обращено на подготовку стачки в самых важных отраслях промышленности, имеющих решающее значение. Таковы железные дороги и т. п.

Крупную роль в стачке должны сыграть рабочие «Народные дома», имеющие большое распространение в Бельгии. Рабочая партия надеется организовать в них бесплатную выдачу горячей пищи семьям (и особенно детям) бастующих на все время стачки. Сейчас постановка этого дела подробно изучается.

Воодушевление среди рабочих масс Бельгии — огромное. Все, как один человек, забастуют бельгийские пролетарии. И вопрос о равном избирательном праве станет ребром.

Пока что правящие круги Бельгии не решаются на насильственное вмешательство в дело подготовки стачки. Но долго смотреть спокойно на подготовку стачки бельгийские реакционеры не смогут. Бельгийская рабочая партия постановила, что стачка должна носить мирный характер. Но бельгийское правительство мирно вести себя не будет — за это можно ручаться. И руководители бельгийских рабочих очень хорошо понимают, что дело может дойти до столкновений...

Бельгия стоит накануне великих событий. Чем кончится бельгийская стачка — предсказать трудно. Но что бельгийский пролетариат выкажет огромную выдержку, организованность и мужество — это несомненно... Передовые рабочие всех стран с полным вниманием и с горячим сочувствием следят за тем, как бельгийские их братья готовятся к великой всеобщей забастовке.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 58, от 6 июля 1912 г.; подпись — «А. Б.».

ВТОРАЯ СТАДИЯ ВЫБОРОВ [1].

Существует ли с точки зрения марксизма какая-нибудь принципиальная разница между первой стадией выборов и ее дальнейшими стадиями? Возможны ли, например, для марксистов соглашения с либералами на последних стадиях выборов, раз марксисты отвергают подобные соглашения на первой стадии, т.-е. на первоначальных выборах? На этот вопрос должны дать себе самый точный ответ те из деятелей русского рабочего движения, которые хотят принимать участие в предстоящей избирательной кампании.

Что говорит нам на этот счет практика западно-европейских социал-демократов? Возьмем Германию и германских ортодоксальных марксистов. Выборы в германский рейхстаг — прямые, при чем, если ни один из кандидатов на первых выборах не получил абсолютного большинства, — происходит перебаллотировка между двумя получившими наибольшее число голосов кандидатами. Какова же тактика германских ортодоксальных марксистов, делают ли они различие между первыми выборами и перебаллотировкой? — Конечно, делают. Марксисты, в отличие от ревизионистов, не допускают никаких соглашений с либералами на первоначальных выборах, ведя на первой стадии борьбу на два фронта: и против черных и против либералов. На перебаллотировке же марксисты в принципе считают безусловно допустимыми соглашения с буржуазными партиями, руководясь правилом выбора наименьшего зла.

На этот счет среди германских марксистов левого крыла господствует полное единодушие. Часть марксистов, во главе с Мерингом, Розой Люксембург и др., недавно осудили соглашение, заключенное правлением на январских выборах этого года. Но эти марксисты тут же подчеркивали, что они отнюдь не отрицают принципиальной допустимости соглашений с либералами на перебаллотировке, а лишь осуждают данное конкретное соглашение с «прогрессистами», в виду тех излишних и недопустимых уступок, которые сделало прогрессистам правление с.-д. партии. (См. об этом подробнее в нашей статье «Важный спор в рядах германской с.-д.», «Звезда», № 30.)

Почему делают марксисты такое различие между первыми выборами и перебаллотировкой? Потому что главным сражением

являются выборы на первой стадии. Здесь происходит главная борьба и производится основной подсчет сил. При перебаллотировке речь идет только о том, чтобы, на основе определившегося уже в основных чертах соотношения сил, добиться такого политического состава парламента, который был бы меньшим злом с точки зрения рабочего класса.

И если германские марксисты левого крыла делают такое отличие между первыми выборами и перебаллотировкой, то тем паче обязаны русские марксисты левого крыла делать различие между первоначальными выборами и второй стадией. Ведь германские марксисты на перебаллотировке имеют дело с сотнями тысяч избирателей, с тем же самым составом избирателей. который вчера участвовал в первоначальных выборах. И все же марксисты, вчера приглашавшие эти массы избирателей (на первых выборах) голосовать против либерала, сегодня (на перебаллотировке) приглашают эти же самые массы голосовать за либерала против черного. И сотни тысяч с.-д. избирателей прекрасно отдают себе отчет в том, почему это происходит. Они отлично понимают, что после того, как социал-демократия все сделала для того, чтобы разбить и черных и либералов, она обязана теперь, когда борьба в основном кончена, предпочесть наименьшее зло.

При нашей избирательной системе дело еще куда проще и яснее. Закон 3 июня ввел перебаллотировку. Но он не отменил многостепенности выборов (кроме 5 крупных городов). По нашему закону сначала выбираются выборщики (в некоторых куриях есть еще одна ступень: выборы уполномоченных, которые в свою очередь выбирают выборщиков), а уже эти выборщики выбирают депутатов. Второй стадией выборов у нас в России называются именно выборы депутатов выборщиками, происходящие в губернских избирательных собраниях, в которых участвует обыкновенно несколько десятков, самое большее — сто с лишним человек выборщиков.

И вот, спрашивается, как вести себя рабочим демократам здесь, на собраниях из нескольких десятков человек?

Главная борьба уже кончена, борьбу пред лицом избирателя мы провели на два фронта (и против черных, и против либералов), мы сделали все, что могли, чтобы разбить весь буржуазный лагерь. Соотношение сил на избирательной арене определилось. Теперь речь идет уже только о разверстке депутатских

мест на основе, определенной результатом главного избирательного сражения. Изменить в главном и основном уже ничего нельзя. Так неужели же здесь, в этом собрании нескольких десятков человек выборщиков, мы не сделаем всего, что в наших силах, дабы окончательный состав депутатов Гос. Думы представлял собой меньшее зло с точки зрения рабочего класса?

Вопрос этот стоял перед марксистами левого крыла и в 1906 — 1907 г.г. при выборах во 2-ю Гос. Думу. Выборы и тогда были многостепенные — в этом отношении избирательный закон существенно не изменился. Марксисты левого крыла решительно разошлись тогда с теми, кто предлагал блоки с кадетами (2) на первой стадии выборов. И марксисты были и остаются глубоко правы в этом отношении. Но марксисты левого крыла совершенно определенно заявили тогда же, что они безусловно признают допустимость соглашений с демократами, а где нужно и с либералами, во 2-й стадии выборов.

Такой же тактики держались марксисты левого крыла и при выборах в 3-ю Гос. Думу, опять-таки не встретив по этому пункту ни малейших возражений. При выборах на основе закона 3 июня (т.-е., значит, при выборах в 4-ю Гос. Думу) соглашения с либералами на второй стадии, т.-е. в собраниях выборщиков, стали абсолютно неизбежными. Нет ни одной (или почти ни одной) губернии, где в общественном собрании выборщиков одни с.-д. или даже с.-д. вместе с трудовиками имели бы абсолютное большинство выборщиков. Избирательный закон таков, что даже при соглашении всех оппозиционных выборщиков, они только в немногих губерниях имеют слабый перевес над черной сотней.

Конечно, можно сказать: ну, тогда не надо участвовать в выборах, тогда надо бойкотировать 4-ю Думу. Таких чудаков осталось, однако, немного. С.-д. фракция 3-й Думы показала, что могут сделать представители рабочих даже в черной Думе. Но если нельзя быть теперь «бойкотистами», то нужно участвовать не только в выборах, но и в самой Гос. Думе. Бойкот (3) в свое время был исторически обоснован и сыграл очень важную роль. Но комический полу-бойкот марксисты всегда отвергали. А отказ от соглашений на второй стадии привел бы нас именно к полу-бойкоту: мы участвовали бы в выборах, но не смогли бы провести своих депутатов в Гос. Думу, т.-е. — на думскую трибуну.

Если бы нам для проведения своих депутатов в Гос. Думу пришлось сделать что-нибудь недопустимое для марксиста, если

бы нам нужно было опуститься до беспринципной погони за мандатами, конечно, такую сделку с дьяволом мы должны были бы отвергнуть. Но этого нет. Принципиальная разница между первыми выборами и второй стадией делается ортодоксальными марксистами всех стран (см. пример даже с германской перебаллотировкой), и разница эта вполне понятна, как с точки зрения марксистской теории, так и с точки зрения с.-д. практики.

Отказ от соглашений во 2-й стадии кажется очень «левым». Но защищать такой отказ можно только будучи «левее здравого смысла». Это уже не марксизм, а карикатура на марксизм. Русские марксисты левого крыла только применяют принципы международного марксизма к русской действительности, когда они борются против всяких блоков в 1-й стадии и допускают соглашения также с либералами во 2-й стадии. А ни на что другое русские марксисты левого крыла никогда и не претендовали.

Рабочая демократия наметила свою тактику на выборах в 4-ю Гос. Думу вполне определенно: борьба и против черной сотни и против контр-революционного либерализма; самостоятельные кандидатуры на первой стадии выборов; привлечение на сторону рабочих всей буржуазной демократии для борьбы и с черными и с либералами; допустимость соглашения во 2-й стадии с демократами, а также с либералами, для усиления представительства в Гос. Думе рабочей и крестьянской демократии. На этой позиции русские марксисты и остаются.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», №№ 16 и 17, от 8 и 15 июля 1912 г.; подпись — «Г. Зуев».

[2]) Блоки с кадетами — при выборах во 2-ю Думу протаскивали меньшевики. Последние решительно высказывались за поддержку либеральной буржуазии, особенно напирая на «объективную опасность выбора между ними и реакцией». Меньшевики предлагали «блокироваться» сразу же, в первой стадии выборов.

[3]) Бойкот «Булыгинской» Гос. Думы, проведенный российскою социал-демократиею по совету большевиков, был мотивирован в статье Н. Ленина «Партийные Известия», № 2. Судя по первым фазам революционного движения, в конце 1905 г. можно было ожидать весьма быстрого темпа ее развития, ибо уже в декабре революционный пролетариат обнаружил сильнейшее стремление к самой острой форме борьбы. И в 1905—1906 г.г. царское правительство пугалось бойкота, предпочитая, чтобы рабочие лучше шли в Думу, нежели на баррикады. Была пущена даже

угроза тюрьмою за агитацию в пользу бойкота. В. И. Ленин тогда же обосновал тактику бойкота, указывая, что бойкот 1-й Думы нужен для того, чтобы сильнее обозначить провал между подставным «народным представительством» и настоящими народными массами. Только таким путем удалось рабочему классу отделить либеральную буржуазию от подлинной демократии и последнюю объединить вокруг пролетариата.

КОМУ ПОМОГАЮТ (1)?

Одна за другой приходят вести о том, что административная практика давления на выборы достигла-таки своей цели. В Минске из 8000 избирателей, пользующихся избирательным правом по нанимаемым квартирам, представили нужные заявления лишь 10 человек. В Екатеринбурге поступило лишь одно заявление. В Барнауле — тоже. И, наконец, в самом Петербурге с 13 мая по 9 июля поступило лишь 12 заявлений от квартиронанимателей. Тысячи и тысячи демократических избирателей-квартиронанимателей, таким образом, теряют свои избирательные права — «что и требовалось доказать».

Вся волокита с заявлениями, конечно, придумана специально для того, чтобы отвадить демократического избирателя от использования своего избирательного права. Нигде в мире не видано, чтобы избиратель обязан был проходить через мытарства полиции, дворника, домовладельца, городской управы и т. д. только для того одного, чтобы засвидетельствовать, что он на основании закона имеет право голоса на выборах. Но мало того, что на пути нашего избирателя наставили все эти многочисленные рогатки. Мало того, что от рядового избирателя, труженика, дорожащего своим временем, потребовали, чтобы он потерял день или два только на установление своих «прав». Мало всего этого. Полиция, как об этом свидетельствуют десятки фактов, незаконно отказывала избирателям в выдаче соответствующих заявлений. Сами же требуют удостоверений и сами же их не выдают. Хороша «избирательная кампания»!..

Что до крестьянской курии, курии землевладельцев и первой курии городских богачей, то здесь правительство, как известно, помогает националистам, «союзникам» и духовенству — Восторгову, Пуришкевичу, Крупенскому, Бобринскому и их друзьям... Но во второй городской курии, очевидно, решено помочь кадетам против столь ненавистных социал-демократов.

В самом деле, во второй городской курии черносотенцы никаких шансов не имеют. Даже при выборах в 3-ю Думу 80% выборщиков по второй курии — во всей России — принадлежало к оппозиции. Вопрос лишь в том, *какая* оппозиционая партия здесь победит — рабочая демократия или кадеты. И вот

администрация, насильственно суживая состав избирателей, помогает кадетам.

Кадетские Изгоевы писали, что закон 3 июня нарочно скроен так, чтобы в 1-й курии (домовладельцы и купцы) доставить победу октябристам, а во 2-й курии — социал-демократам. Самый опасный враг для реакции, это-де кадеты. Теперь практика, живая действительность, показала, что 2-ю курию реакция считает «наименьшим злом».

Кадеты в 3-й Думе показали себя не борцами, а лакеями реакции, облеченными в ливрею «ответственной» оппозиции. Приказчики начинают понимать, что кадетская партия, это — партия хозяев. Кадетам угрожает опасность слева — спасай кадетов!

А чем можно спасти кадетов от левой опасности? — Только сокращением числа избирателей 2-й курии.

Спасшиеся от «усмотрения» избиратели, уцелевшие в списках приказчики, рабочие, демократы - квартиронаниматели должны сделать все, от них зависящее, чтобы помешать кадетам отпраздновать этакую малопочтенную победу.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 67, от 17 июля 1912 г.; подпись — «Гр.».

ГДЕ ПРАВДА (1)?

Вся печать полна сведений об энергичной подготовке правого духовенства к избирательной кампании. Вполне понятен интерес населения к тому, сколько же будет реакционных священников в 4-й Думе? Ведь, как-никак, жребий мечут о составе такого учреждения, которое близко затрагивает судьбы всей страны.

Казенная «Россия», однако, старается успокоить население. Страхи-де преувеличены. Это, видите ли, сама злокозненная оппозиция раздула слухи о грозящем наплыве — или нашествии — депутатов-священников в 4-ю Думу. Оппозиция, оказывается, просто-напросто поверила своим же собственным басням о «черно-голубом блоке», испугалась своих же криков о «клерикализме», растерялась в массе своих же выдумок («Россия», № 2042). А на самом деле не существует ни Восторгова, ни Скворцова (2), ни «клерикализма», и черно-голубого блока, и никакого наплыва духовенства в 4-ю Думу не ожидается...

А вот наудачу взятый номер «клерикального» «Колокола» (№ 1874). Что вещает он о подготовке духовенства в 4-ю Думу? Целых два столбца заняты у него одним перечислением священнических кандидатур и предвыборных собраний духовенства.

В Томске собрание духовенства решило войти в союз с правыми организациями; в Вязьме совещание благочинных столковалось о кандидатах с националистами и союзниками; в Ельце заключен блок духовенства с правыми и националистами; в Харькове духовная консистория издала циркуляр о составлении специального списка избирателей из духовенства; в Ярославской епархии епископ Сильвестр произносит предвыборные речи; в Ядрине духовенство устраивает предвыборные собрания и совещания; в Курской губернии состоялись предвыборные собрания благочинных.

И так далее, и тому подобное.

По «Колоколу» — предвыборная работа духовенства кипит. По «России» — все это голая выдумка оппозиции и «левых листков».

Кто же из этих двух малопочтенных газет лжет и кто говорит правду?

Рекомендуем столь близким по духу «России» и «Колоколу» спеться между собой и... петь уж что-нибудь одно.

Мобилизация реакционного духовенства для завоевания 4-й Думы есть факт.

Демократия может на него ответить только одним: ополчением своих сил для продолжения борьбы за освобождение страны...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 67, от 17 июля 1912 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Скворцов, В. М. — чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода, издатель черносотенной газеты «Колокол», редактор журнала «Миссионерское Обозрение», яростно скрежетавший зубами на старообрядцев и сектантов, тов. председателя «Союза правой русской печати».

ДЕВЯТЫЙ СЪЕЗД КООПЕРАТИВОВ ГЕРМАНИИ [1].

Недавно в Берлине закончился 9-й съезд германских кооперативов, на котором присутствовало 1100 делегатов и многочисленные гости. Речь идет о «Центральном Союзе германских кооперативов».

Организация эта имеет очень значительную историю.

Как в области профессионального движения Германии существуют различные лагери — социал-демократический, либеральный, реакционный (христианские союзы), — так и в области кооперативного движения.

До 1902 года в Германии существовал «Всеобщий германский союз кооперативов», который объединял в своих рядах и буржуазию и рабочих. Руководство находилось в руках буржуазных кооператоров, и те, конечно, направляли кооперативную ладью так, как этого требовали интересы господ буржуа. Но германским рабочим скоро надоело играть роль придатка и тащиться в хвосте за буржуазией. Классовые противоречия развивались все больше и больше. Самым темным рабочим становилось все более ясным, что у буржуазного кооператора — один интерес, а у пролетарского — совсем другой. И рабочие кооперативы подняли протест против буржуазной политики всеобщего союза.

Когда буржуазное большинство увидело, что рабочие стали обнаруживать непокорство, оно на съезде в Крейцнахе исключило из «Всеобщего союза» 99 рабочих кооперативов. Этот раскол в кооперативном движении принес рабочему классу великую пользу. Исключенные рабочие кооперативы образовали свой центральный союз. Правда, этот центральный союз еще и до сих пор не стал вполне социал-демократическим. До 20% его членов и сейчас принадлежат не к рабочим, а к буржуазным слоям населения (в 1909 г. рабочих в нем было 81%). Но с каждым годом растет его сила и численность, а внутри его все более и более укрепляются социалистические веяния.

Вот этот-то Центральный союз кооператоров и заседал недавно в Берлине.

Насколько вырос и окреп этот кооперативный союз, видно из следующих цифр. Союз насчитывал в 1911 году 1142 потре-

бительных общества с 1.313.422 членами. Число собственных служащих составило 19.073 человека. Денежный оборот достиг $355^1/_2$ миллионов марок (марка около 46 коп.). Собственный капитал составил более 41 миллиона. Далее, в союз входят 39 производительных товариществ, имеющих 90.590 членов, 1.187 служащих, около 9 миллионов марок оборота, почти $1^1/_2$ миллиона марок капитала. Наконец, в союз входит большое общество закупки, имеющее 109 миллионов оборота и 5 миллионов собственного капитала. Всего, таким образом, центральный союз имел к концу 1911 года 1.183 кооперативных общества, 1.324.012 членов, 21.556 служащих, 479 миллионов оборота, 48 миллинов собственного капитала.

С 1903 года, когда основан был Центральный союз, число его членов возросло на $130^0/_0$, а оборот — на $200^0/_0$.

Как видите, Центральный союз кооперативов Германии представляет собою большую силу.

Большое место на съезде уделено было вопросу об устройстве «профессионально-кооперативных акционерных обществ народного страхования». Доклад по этому вопросу читал известный деятель кооперативного движения и социал-демократ (правого крыла) фон-Эльм. Профессиональные союзы и кооперативы имеют в виду организовать собственное страхование своих членов. Миллион марок для начала обеспечен. Буржуазия заранее кричит против этого начинания и призывает правительство не разрешать этих обществ. Съезд отнесся к идее таких обществ вполне сочувственно. Присутствовавший на съезде представитель от германских профессиональных союзов высказался в этом же смысле.

Выслушан доклад о постановке взаимопомощи в кооперативах. В кооперативную кассу взаимопомощи входит 208 союзов, а имущество кассы составляет свыше 2-х миллионов марок.

Много внимания посвящено вопросу об условиях труда служащих в кооперативах. Тарифы (плата и прочее) устанавливаются кооперативами и профессиональными союзами, составляющими одно тарифное бюро. Съезд установил некоторые новые подробности в системе выработки тарифов.

Выслушан отчет просветительной комиссии и решено усилить пропагандистскую деятельность и т. д.

Германские кооперативы стоят еще пока слишком далеко от с.-д. партии и с.-д. профессиональных союзов. В германских кооперативах процветает еще нейтрализм, т.-е. ложный взгляд,

будто рабочим кооперативам нет дела до политической борьбы и будто они должны стоять в стороне от рабочей партии. Но жизнь с каждым днем все больше вырывает почву из-под ног нейтрализма. Теснейшее сближение партии, союзов и кооперативов в Германии диктуется всем ходом общественной жизни...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 67, от 17 июля 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

ЛИЦЕМЕРЫ ([1]).

Октябристы постоянно ведут мелкую перебранку с кадетами. Чем ближе они друг другу по духу, тем больше их споры вырождаются в мелкую свару конкурентов из-за того, кого ближе подпустят к «высоким» местам, и т. п.

Борьбу рабочей демократии против кадет господа октябристы тоже пытаются использовать для того, чтобы позубоскалить по адресу своих друзей-конкурентов.

«Голос Москвы», центральный орган октябристов, приводит призывы нашей «Правды» к демократическим избирателям и наши указания, что демократия (в частности — приказчики) должна вырвать представительство Петербурга из рук кадетов. Приведя выдержки из наших статей, орган октябристов ехидно замечает:

«Читая эти призывы и разъяснения (газеты «Правда») невольно становится жутко за петербургских либералов, г.г. Родичева, Милюкова и Кутлера».

Экие лицемеры! Ведь вы-то, господа октябристы,—партия правительственная (хотя и не правительствующая). Вы-то отлично знаете, что всей предвыборной практикой помогают кадетам во 2-й городской курии. Чем меньше избирателей в этой курии— тем вернее «победа» кадет. Зачем же, помогая кадетам на деле, вы как будто радуетесь возможному их поражению на словах?

Уж говорите прямо: чем стать свидетелями победы рабочей демократии в Петербурге, мы лучше поможем нашим «друговрагам» — и кадетам.

Родичеву, Милюкову и Кутлеру едва ли так уж «жутко». За спиной закона 3 июня они во 2-й курии чувствуют себя, как за каменной стеной.

Однако, «мы еще повоюем»!!!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 71, от 21 июля 1912 г.; подпись — «З.».

3-я ДУМА [1].

Изданные секретарем думской фракции октябристов г. Бахпревым (при участии г. Никанорова) картограммы дают возможность еще раз — и при том в очень наглядной форме — уяснить себе: чем же была 3-я Дума, из кого состояла эта Дума 3 июня?

Вот состав 3-й Думы по сословиям:

Потомственных дворян	192	чел.	(44 %)
Духовенства	47	»	(11 »)
Купцов и почетных граждан .	54	»	($12^1/_2$ »)
Крестьян	99	»	(23 »)
Прочих	45	»	($9^1/_2$ »)

«По сословиям — вынуждена констатировать даже казенная газета «Россия» — большинство 3-й Думы принадлежало к потомственным дворянам».

Дворяне вместе с духовенством — которое в своем огромном большинстве принадлежало к реакционному лагерю — уже одни составляют 55% всех депутатов Думы. А вместе с купцами (и почетными гражданами) они составляют даже целых 67%. Главным ядром в этом привилегированном думском большинстве является дворянство, которое одно составляет уже около половины всех депутатов. Характерно, что процент депутатов-дворян почти совпадает с процентом выборщиков от помещиков, отведенным им законом 3 июня. Закон 3 июня обеспечил помещикам в 53 губерниях Европейской России 49,39% всего числа выборщиков. В результате выборов на основе этого закона 3 июня — в самой Думе оказалось 44% дворян, 49 и 44 — цифры эти почти совпадают.

Или возьмите далее распределение членов 3-й Думы по роду занятий:

Помещиков	202	чел.	(46 %)
Земледельцев	65	»	(15 »)
Духовенства	47	»	(11 »)
Торгово-промышленников . . .	32	»	(8 »)
Чиновников	29	»	(7 »)
Адвокатов	30	»	($7^1/_2$ »)
Рабочих и ремесленников . . .	11	»	($2^1/_2$ »)
Прочих	37	»	(9 »)

«Чистых» помещиков, т.-е. не имеющих других занятий, было только 167. 35 помещиков нашлось еще среди иных профессий (отсюда — разница в итогах).

Картина опять совершенно ясна. Дворянский состав 3-й Думы есть вместе с тем и помещичий состав. Помещики вместе с промышленниками и духовенством (и даже без духовенства) имеют абсолютное большинство в Думе. Главным ядром в этом большинстве являются помещики. Процент помещичьих депутатов почти совпадает с процентом помещичьих выборщиков по закону 3-го июня:

Помещикам законом 3-го июня обеспечено выборщиков	49.39%
В 3-й Думе было депутатов-дворян	44 »
» » » » депутатов-помещиков	46 »

В широких народных массах 3-я Дума прослыла, как «господская», «барская», «помещичья» Дума. Приведенные цифры говорят нам, что такой именно она в самом деле и была.

Разумеется, по одному тому, к какому сословию (или профессии) принадлежат депутаты, еще нельзя судить о социально-политической физиономии данного представительного собрания. Буржуазная интеллигенция (адвокаты и пр.), например, во всех парламентах мира играет непомерно большую роль, далеко превосходящую численность данного слоя населения в стране. Но приведенные цифры о составе депутатов 3-й Думы дополняются следующей, чрезвычайно красноречивой таблицей:

По новому закону (3-го июня) 1 выборщик приходится на:

230	чел.	— в землевл. курии (помещики).
1.000	»	— в 1-й гор. » (крупн. собств.).
15.000	»	— во 2-й » » (средн. бурж., служ. и пр.).
60.000	»	— в крестьянской курии.
125.000	»	— в рабочей »

Сопоставляя эти данные с данными о составе 3-й Думы, мы получаем полное право сказать, что 3-я Дума была Думой помещиков, была «господской Думой». Работа 3-й Думы за 5 лет целиком подтвердила эту характеристику...

Крайне интересно еще взглянуть на распределение депутатов-дворян и духовенства по отдельным фракциям. Мы берем дворян (или помещиков, что в данном случае почти то же) и духовенство, так как эти две группы составляли большинство в 3-й Думе и именно они являлись оплотом проводившейся в ней реакционной политики.

Потомственные дворяне распределялись по фракциям следующим образом:

67 октябристов	из 118	или	57%
45 националистов	» 92	»	49 »
21 правый	» 51	»	41 »

Далее следует: 12 прогрессистов из 39 (31%), 9 из 11 польского «кола» (82%), 6 из 11 правых октябристов (54%) и т. д.

Депутаты из духовенства распределялись по фракциям следующим образом:

17 правых	из 51	или	33%
12 националистов	» 92	»	13 »
5 октябристов	» 118	»	4 »
4 прав. октябр.	» 11	»	36 »

Далее следуют 2 священника беспартийных, 1 — польско-литовской группы и т. д.

Что говорят нам эти цифры? Они несомненно указуют на то, что социальный состав всех трех реакционных групп 3-й Думы в основном одинаков. Дворяне (помещики) и среди октябристов, и среди националистов, и среди правых преобладают. Во всех этих трех группах помещики являются главной, командующей силой. 57% — 49% — 41% — цифры эти не так далеки друг от друга. То же относится и к духовенству, игравшему служебную роль по отношению к помещикам. 17 священников правых, 12 националистов, 9 октябристов — распределение тоже почти одинаковое. Между правыми, националистами и октябристами, разумеется, существуют черты отличия, которых не может упускать из виду ни один марксист. Но еще важнее для марксиста, это — иметь в виду тот факт, что в основном и главном националисты, октябристы и правые представляют один лагерь. В кардинальных вопросах русской жизни: аграрном, рабочем, в вопросе о политической демократии — октябристы, националисты и правые — едино суть. Это — единый реакционный лагерь, спорящий внутри себя о подчиненных и второстепенных вопросах. Вот почему только тупоумные либеральные профессора могут конструировать какую-то коренную принципиальную разницу между октябристами и, скажем, националистами. Вот почему только либеральные тупоумцы могут полагать, что перевес в тот или иной момент и в той или иной сфере октябристов над националистами означает какое-то «торжество умеренного прогрессизма» и якобы победу над реакцией.

Между Пуришкевичем, Гучковым и Бобринским существуют, несомненно, черты отличия. Но в основном они — едины, в главном они — родные братья. Когда «левый» октябрист Хомяков лобызался с Пуришкевичем, это было совершенно законным явлением.

Любопытно еще распределение крестьян по фракциям. Их было:

Националистов	21 из	92	(23%)
Октябристов	13 »	118	(11 »)
Прогрессистов	13 »	39	(33 »)
Беспартийных	11 »	18	(61 »)
Трудовиков	10 »	14	(71 »)
Социал-демократов	10 »	15	(67 »)
Кадетов	6 »	52	(11 »)

Больше $^1/_3$ крестьян принадлежало к реакции (октябристы и националисты). Но дело тут, конечно, не в реакционности крестьян. Ведь закон 3-го июня фактически дает возможность помещикам назначать тех крестьян, которые им нравятся. Однако, и эти правые крестьяне во многом обманули надежды реакционеров. Недаром «сам» Пуришкевич вынужден был объявить их «неблагонадежными» (²).

Такова была по своему составу 3-я Дума. Таковой же в основном, повидимому, будет и 4-я Дума. Ведь и она явится Думой 3-го июня, выборы в нее произойдут на основе того же закона 3 июня 1907 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 18, от 22 июля 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

²) Неблагонадежные крестьяне—опрокинули, как известно, уже расчеты Витте, когда он думал построить на крестьянской курии ядро перводумского послушания. Оказалось, что крестьянство мыслит отнюдь не верноподданнически. Столыпин уже побоялся вторично сыграть «на крестьян» и профильтровал их законом 3 июня 1907 г. Из этого тоже вышло мало проку.

РАССЕРЖЕННЫЙ ЮПИТЕР [1].

Наша статья («Кому помогают?») в № 67 «Правды» вызвала большой гнев кадетской «Речи».—Как?—восклицает разгневанная «Речь», — «марксисты будут утверждать, что администрация в тайном заговоре с кадетами?» Да это — «клеветническая демагогия», «абсурд», «большевистская истерика» и как там еще... Все это — по поводу высказанного «Правдой» убеждения, что, суживая состав избирателей во 2-й городской курии, администрация помогает кадетам против социал-демократов.

Установим прежде всего предмет спора.

Мы и не думали обвинять кадетов в том, что они в настоящий момент находятся в «тайном заговоре» с администрацией. Кадетская «Речь» здесь попала в положение той прославленной чиновницы у Глеба Успенского, которой вместо слова «подле» послышалось: подлая. Приняв слово «подле» за подлая, чиновница приходит в негодование, грозит, что она будет «жаловаться» и т. д. Так и кадетская «Речь».

Никто, господа кадеты, вас в данном случае «подлыми» не называл. И откуда у вас такая подозрительность? Никто в тайном заговоре с администрацией вас не обвинял. А говорилось вот что.

Во всех куриях, дающих большинство депутатов Думы, правительство помогает «националистам, союзникам и духовенству— Восторгову, Пуришкевичу, Крупенскому, Бобринскому и их друзьям (см. нашу ст. в «Правде», № 67). Но во второй городской курии, очевидно, решено помочь кадетам против столь ненавистных социал-демократов». Насильственно суживая состав избирателей, не выдавая им нужных заявлений из полиции, мешая им заносить свои имена в избирательные списки,—администрация, по существу дела, помогает кадетам против демократии.

Верно это или нет? Потрудитесь дать прямой ответ, господа кадеты. Бранью да истерикой вы тут не отделаетесь.

Мы утверждаем, что это безусловно верно. Худо ли это, хорошо ли,—но это факт. Вся предвыборная практика показывает, что администрация прекрасно изучила результаты прежних выборов. Она отлично знает, что по второй курии могут победить либо с.-д., либо кадеты. Она не может не понимать, что, суживая состав избирателей по второй курии, она уменьшает шансы социал-

демократов и увеличивает шансы кадетов. Ибо—у кого отнимают избирательные права? У мелкого квартиронанимателя, у труженика, у служащего, приказчика и т. д., т.-е. у тех, кто ближе всего к рабочей демократии. Домовладелец, адвокат, зажиточный «образованный» буржуа, профессор и т. д.—меньше всего страдают от нынешних «разъяснений». А ведь это и есть кадетский избиратель.

«Речь» хвастается тем, что уже трижды Петербург выбирал кадетов. Но сомневается ли даже кадетская газета хоть на одну минуту, что при всеобщем избирательном праве, т.-е., если бы все 300 тысяч петербургских рабочих имели право голоса, кадеты не увидели бы в Петербурге депутатских мандатов, как ушей своих? Значит... значит, ваши победы во 2-й курии, господа кадеты, суть победы закона 3 июня. Так почему же вы сердитесь, когда мы это самое открыто говорим избирателям?

Юпитер (²), ты сердишься, стало быть, ты не прав...

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 74, от 25 июля 1912 г.; подпись — «Гр.».

²) Юпитер — вымышленное лицо древне-римской и эллинской (греческой) мифологии, глава «богов».

РЕДАКЦИОННЫЕ РАБОТНИКИ «ПРАВДЫ» 1912—1913 г.г.

Вл. Н. Васильевский.

Демьян Бедный.

Г. Шидловский.

ХОЛЕРА (1).

Снова в пределах России появилась черная гостья. Снова в газетах запестрела рубрика: холера. С Волги были вести о холере. С юга России — тоже. Витебская губерния объявлена неблагополучной по холере. От Витебска до Петербурга немногим более 10 часов езды. Холера подкрадывается к Петербургу...

Обильную жатву пожала холера и в 1908 и в 1910 годах. За одно лето 1910 года число заболевших холерой достигло 200.000 человек. За весь 1910 г., по официальным данным, заболело 220 тысяч человек. Половина заболевших умерла... Затем на смену холере пришла чума...

Холера косила, главным образом, рабочих и городскую бедноту, мы не имеем точных данных о том, сколько за все эти годы умерло от холеры рабочих и сколько из других классов общества. Но вот, например, заболевшие в Петербурге за одну «среднюю» неделю по сословиям: дворян—7, купцов—4, мещан и ремесленников—118, крестьян—1.392, солдат—9, иностранных подданных—4 и т. д. «Крестьяне», это—главным образом рабочие. Это видно и по распределению заболевших по профессиям. Заболело: чернорабочих—464, ремесленных рабочих—247, прислуг—155, фабрично-заводских рабочих—60, торговых служащих—72, извозчиков—66, артельщиков, почтальонов, посыльных—12, неизвестной профессии—440. Да и распределение по участкам говорит за то же. За неделю заболело в Адмиралтейской части (богатейший квартал)—16 челов., в Литейной—86, а в одной Александро-Невской части—276 челов., в Рождественской части—292 человека. Это—типичная, обычная картина. Из 100 человек заболевших 95 принадлежат к рабочим, к трудящемуся и живущему в вечной нужде городскому люду.

Это и неудивительно. При той ужасающей жилищной нужде, которая наблюдается даже в Петербурге, где огромная масса рабочего населения ютится в «угловых» квартирах и ночлежках, и где в среднем (даже по признанию «Известий СПБ. Думы») приходится по 5—6 жильцов на комнату,—можно ли удивляться, что холера косит преимущественно рабочих? При тех отчаянных гигиенических условиях, которые царят у нас на фабриках и заводах, при ничтожной заработной плате и высоких ценах

на предметы потребления, заставляющих питаться всякой дрянью, удивительно ли, что холера так «любит» рабочие кварталы?

Вы помните, как сам П. А. Столыпин в 1911 году говорил с думской трибуны о том, что русский народ гниет в своих собственных нечистотах (²), о том, что столичная беднота находится в ужасных условиях? Что же изменилось с тех пор?

Когда в начале 90-х годов в Гамбурге (Германия) появилась холера, немецкие рабочие, под руководством своих организаций, взялись за устройство своих рабочих санитарных комитетов. Они взяли в свои руки борьбу с холерой. А ведь в Гамбурге не было и сотой части того бедствия, которое мы видим в Петербурге в 1910 году. И, тем не менее, рабочие взялись за экстренные меры. Начало таких «холерных комиссий» мы видели и в России.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 74, от 25 июня 1912 г., подпись — «А. Б.».

²) Русский народ гниет в своих собственных нечистотах—такое признание сделал глава царского правительства в Гос. Думе 11 января 1911 г. при обсуждении законопроекта о канализации Петербурга. «Я видел, — сознался Столыпин, — как столичная беднота умирает в городских больницах, отравленная тем, что каждому должно быть обеспечено в чистом виде — водой. Я чувствую боль и стыд, когда весь мир указывает на Россию, как на источник всевозможных болезней и заражений»... Разумеется, все это напускное сочувствие к чуждой бедноте нужно было Столыпину лишь для того, чтобы обрушиться эффектными фразами на тему о преимуществе правительственной системы подобных работ пред «общественными». А из последующих слов Столыпина выяснилось, что «для осуществления канализации потребуется около ста миллионов рублей и для реализации таких займов гораздо выгоднее вести все дело под фирмой правительства». Думцы разразились восторженными аплодисментами, «дело» было передано «правительству», но никакой канализации, конечно, не последовало и к концу царского хозяйничанья, при всем его выкачивании налогов из петербургской бедноты, город продолжал оставаться местом — то же констатировал сам Столыпин — в котором одна треть смертей происходит от заразных заболеваний.

КОНКУРЕНТЫ [1].

Октябристский «Голос Москвы» опять, захлебываясь от восторга, перепечатывает резкий отзыв нашей «Правды» о кадетах. У октябристов и нововременцев вошло в обычай: всякий раз, как рабочая печать даст резкую, вполне заслуженную, конечно, либералами, характеристику кадетов,—«Голос Москвы» и «Новое Время» немедленно «с сочувствием» и злорадным подхихикиванием перепечатывают эту характеристику. «Вот так обложили кадэков», — обычно восторгаются конкуренты кадетов из лагеря октябристов...

Как понять такой образ действий октябристов и нововременцев? Ведь совершенно несомненно, что октябристы гораздо ближе по духу кадетам, чем кадеты или октябристы—социал-демократам. Ведь всякому ясно, что во всех тех грехах, в которых повинны кадеты перед демократией, октябристы повинны еще вдесятеро больше. Ведь любой октябрист или нововременец, приводящий «с сочувствием» отзывы социал-демократов о кадетах, отлично знает, что он получит вдогонку от рабочих органов: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться»...

И все-таки... все-таки они дерзают. Почему?

Чем ближе кадеты к октябристам и чем ближе октябристы к кадетам, тем мелочнее, тем беспринципнее, но, вместе с тем, тем яростнее становится их борьба между собою. Политическая борьба низводится на степень мелочной, порою, чисто личной перебранки. Октябристы прекрасно знают, что кадеты совсем вплотную подошли к октябристской программе. Октябристы сознают, что кадеты являются для них уж непосредственными конкурентами—и в борьбе за влияние на первогильдейских цензовиков в первой курии и в борьбе за влияние в «сферах» и т. п. Отсюда — яростная вражда не столько двух враждебных политических лагерей, сколько двух конкурентов, двух претендентов на один и тот же лакомый кусок. И отсюда же попытки «кольнуть» своего друго-врага резкими отзывами о нем принципиального противника обоих — социал-демократии.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 75, от 26 июля 1912 г.; подпись — «А. Б.».

ЛИБЕРАЛЫ И РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ [1].

Издающийся в Петербурге группой либералов журнальчик «Запросы Жизни» считает признаком хорошего тона изображать себя изданием «беспартийным», «надклассовым» и «сочувствующим» рабочему движению. Но руководят этим изданием самые обыкновенные заштатные либералы, замечательные только тем, что иногда они стыдятся быть самими собой и рядятся в перья «демократов». Понятно, что раньше или позже наша «Правда» должна была навлечь на себя неудовольствие этих, не вполне сознавших себя кадетов.

Прегрешения нашей «Правды» господами из «Запросов Жизни» рисуются в следующем трагическом свете. Жила-была газета «Правда». Месяца два она вела себя вполне благонравно: «избегала вмешательства в междупартийную полемику» и проповедывала «мощные рабочие союзы по примеру рабочих всех культурных стран». Но затем «Правду» лукавый попутал, и «в последнее время она стала увлекаться политической полемикой». Нет, вы подумайте только! «Правда», во-первых, «призывает своих сторонников напрячь все свои силы, чтобы «отвоевать» Петербург у кадетов». «Правда», во-вторых, осмелилась не согласиться с мнениями Бланка, Прокоповича и Акимова о том, что рабочие на выборах должны объединиться с либеральными буржуа. И, наконец, в-третьих,—что хуже всего,—«Правда», развертывая свою полемику, вообще с места в карьер начала «с борьбы против буржуазного либерализма» («З. Ж.», №№ 26 и 27).

Как видите, великая грешница — наша «Правда». За такое короткое время совершить множество тягчайших преступлений! Распять ее, распять! Отдать на выучку г. Бланку из «Запросов Жизни»!...

В чем же, однако, дело? Из-за чего такая немилость?

А дело вот в чем.

Предвыборная эпоха приносит с собою массу мишуры, пустых обещаний, громозвучных посулов, широковещательных, для обмана избирателей написанных, «платформ». Но предвыборная борьба имеет и ту хорошую сторону, что заставляет все промежуточные группы занять определенную позицию, распределиться по классовым полочкам, сказать ясно, с кем они идут: с реакционерами, с либералами или — с демократами.

Это происшествие и случилось с «внепартийной» группой «Запросы Жизни». В решительный момент они вынуждены были сказать:

— Идем с кадетами против рабочей демократии.

Отсюда и все их гневные нападки на рабочую «Правду».

Господа Бланки выдают себя с головой, когда у них срываются с языка их размышления вслух: хорошо, дескать, когда рабочая газета мирно проповедует культурные рабочие союзы, но очень плохо, когда она начинает борьбу с буржуазным либерализмом. И это—по очень простой причине: потому, что вы сами, г. Бланк, — буржуазный либерал...

Когда рабочие демократы хотят провести в депутаты от демократического Петербурга не бывшего министра и чиновника душой г-на Кутлера, а истинного выразителя народных мнений, истинного поборника демократии, господа Бланки из «Запросов Жизни» кричат «караул!» Рабочие затевают «авантюру» (см. «З. Ж.», № 17, стр. 1586). Как смеют они мечтать об отвоевании Петербурга? Ведь это же наша либеральная вотчина. Куда же суются рабочие с суконным рылом...

И вы хотите, чтобы вас считали чем-нибудь иным, как кадетскими подголосками!...

По мнению господ из «Запросов Жизни», рабочие должны (о, конечно, только на время, только лет этак на 20) забыть, что они—рабочие, и что буржуа, хоть бы и либеральные, суть только буржуа. Пока что, все мы, начиная от рабочих демократов и кончая Кутлером, Маклаковым, Уваровым и Рябушинским, должны, видите ли, сойтись на общей платформе: «против черной сотни».

Господа либералы забывают только одно: рабочие, между прочим, потому и борются против наших кадетов, что именно кадеты не хотят низвержения черной сотни, а добиваются соглашения с ней, добиваются полюбовного раздела с Пуришкевичами.

Вот маленький пример: октябристы, надеемся и по мнению г. Бланка, тоже очень близко стоят к черносотенцам. А ведь кадетская конференция всего только несколько месяцев тому назад предложила союз на выборах этим господам. Так кто же, господа, заигрывает с черной сотней и кто с ней—на деле, а не на словах—борется?

Против нашей «Правды» шипят не только Пуришкевичи реакции, но и Милюковы и Бланки либерализма. Это значит, что

«Правда» хорошо выполняет свою задачу борьбы со всеми врагами демократии и рабочего движения. Вот, если бы господа Бланки стали нас хвалить, мы должны были бы, как говаривал Бебель, спросить себя: а не сделали ли мы какой-нибудь глупости?

Продолжайте в том же духе, господа либералы...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 75, от 26 июля 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

КАДЕТСКАЯ ВЕСТАЛКА ([1]).

Рабочая печать установила простой факт: те, кто содействуют сужению состава избирателей по 2-й городской курии, те на деле помогают кадетам против рабочей демократии. Либеральная «Речь» подняла по этому поводу смешной шум.

Кадетам уже объяснили в нашей газете, что на этот раз в прямой сделке с реакцией их не обвиняют и что просто классовый интерес подсказывает реакции, что ей выгодно поддерживать либералов против левых там, где нельзя доставить победы правым.

Однако, да позволено нам будет спросить кадетскую «Речь» — с каких это пор кадеты стали отрицать всякую сделку с правым лагерем, отрицать какие бы то ни было соглашения с реакцией?

Верно, что в данном случае между правым лагерем и кадетами не было прямого сговора. Но значит ли это, что кадеты всегда в принципе отрицали подобный сговор?

Если мы не ошибаемся, покойный Д. Ф. Трепов принадлежал несомненно к правому лагерю и был одним из самых ярких представителей этого лагеря. Однако, теперь-то ведь всем известно уже, что лидер кадетов П. Н. Милюков вел с ним тайные переговоры об образовании кадетского министерства. Милюков об этом рассказывал в 3-й Думе. Зачем же изображать беспорочную весталку, для которой оскорбительно одно предположение, что она может вступить в сделку с правыми.

Или возьмите недавние разоблачения Витте, Гучкова и Е. Трубецкого, которые, по существу дела, вынужден был подтвердить и Петрункевич. Эти разоблачения установили с несомненностью, что генеральный штаб кадетов, во главе с Петрункевичем, на квартире у известного кадета Петражицкого ([2]), неоднократно обсуждал вопрос о вступлении кадетов в министерство Витте и давал инструкции тогдашнему члену кадетской партии Трубецкому о том, как вести себя в переговорах с Витте. Ведь это теперь установленный факт. Зачем же прикидываться невинными, аки голубица? Зачем так «благородно» негодовать при одной мысли, что кадеты могут быть заподозрены в сделке с правым лагерем?

А еще совсем недавно разве кадетская конференция не предложила октябристам руку и сердце? Правда, октябристы отвергли это предложение союза на выборах в 4-ю Думу. Но ведь

это уже не по вине кадетов. Кадеты-то от всего сердца хотели блока с октябристами. А ведь октябристы до сих пор принадлежали, кажется, к **правому** лагерю. Зачем же лицемерить? Зачем изображать дело так, будто кадеты все время свято охраняли священный огонь независимой оппозиции и никогда и в мыслях не допускали сделки с дьяволом?

Кадетская «Речь» в роли незапятнанной весталки — это поистине зрелище для богов! Милюковы, Гессены и Маклаковы— в роли жрецов политической невинности и чистоты—это, во всяком случае, не лишено остроумия...

Нет, господа кадеты, бросьте притворяться. Все видят, что в стране борются три лагеря: реакция, либералы, демократия. Смешивать реакцию с либералами, валить их в одну кучу, конечно, не следует. Но признать тот факт, что либералы часто льнут к реакции, хотят соглашения с ней, боятся демократии больше, чем реакции,—это обязательно для всех тех, кому дорога истина.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда». № 76, от 27 июля 1912 г.; подпись — «А. Б.».

Весталка. — Весталками, т.-е. жрицами «богини» Весты, именовались в Риме девушки, наблюдавшие за неугасимостью «священного огня» в храме Весты и давшие обет целомудрия.

[2]) **Петражицкий, Л. И.**, — «доктор римского права», профессор петербургского университета, член 1-й Гос. Думы, пользовавшийся большим авторитетом у кадетов.

КОГО ОБМАНЫВАЮТ ([1]).

В борьбе со своими соседями—кадетами—октябристы иногда не прочь сослаться даже на социал-демократов.

Всякий, конечно, знает цену этакому «сочувствию» октябристов социал-демократии. Но кадеты, когда им приходится туго в борьбе с социал-демократами, стараются из этого мнимого «сочувствия» составить себе капиталец.

Кто не помнит следующего инцидента при частичных выборах в 1909 г. в СПБ.? Октябрист Громобой в «Голосе Москвы» написал статейку о том, что лучше-де пусть уж от Питера будет выбран эсдек, нежели кадет. Зачем сделал это Громобой? То ли из простого озорства, то ли он хотел помочь этим именно кадетам. Сказать точно—трудно.

Но что бы, вы думали, сделали из этого кадеты? Кадетские Изгоевы и Милюковы целый месяц носились с этой статейкой Громобоя, как известный «умник» с писаной торбой... Милюков доказывал на избирательных собраниях не больше, не меньше, как то, что реакция помогает социал-демократам против левых. И кое-кто из наивных людей поверил Милюкову. И вышло, конечно, на деле то, что Громобой помог Милюкову против с.-д.

Можно смело ручаться, что и во время предстоящих выборов Милюков и К°, когда им придется круто, опять будут восклицать: смотрите, черные помогают красным; октябристам и нововременцам милее социал-демократы, нежели кадеты. И хотя всякий политически сознательный человек знает, что на деле всегда октябрист поможет кадету против с.-д., а кадет поможет октябристу, но кое-кого опять обманут кадеты.

Передовые избиратели должны быть готовы к тому, чтобы ответить Милюковым:

Полноте, господа, очки втирать. На деле вы с октябристами больше друзья, чем враги. Вы бы завтра спелись с ними, если бы октябристы были сговорчивей. Ведь предложила же ваша кадетская конференция октябристам союз на выборах. Милые бранятся—только тешатся...

Статья была только что написана, как наши предположения блестяще оправдались. В № от 26 июля «Речь» завлекает избирателя своею мнимою опасностью для правительства.

Можно только сказать одно, что тогда, как и теперь, администрация предпочла бы поражение к.-д. по Петербургу, хотя бы и ценой победы с.-д. Тем, кто в этом сомневается, достаточно напомнить о сочувственном злорадстве, с каким газеты правого лагеря, «Новое Время», «Земщина» и т. д., цитируют выходки «Правды» и ее собратьев против партии народной свободы. Исключение составило недавно «Русское Знамя», которое прямо заподозрило в с.-д. агитации против нас повторение зубатовщины и даже упрекнуло нас в наивности по поводу наших возражений «Правде». Но так далеко мы итти не решаемся».

Страшно становится за героев-кадетов, как ненавидят их «правые»!

О своей опасности кадеты трубят уже не в первый раз, и мы надеемся, что этот избирательный фокус избирателем уже разгадан. Но нам очень хотелось бы знать, с каких пор и почему «Речь» стала интересоваться клеветническими намеками «Русского Знамени».

Пока еще «Речь» только украшает себя клеветами из «Русского Знамени», но вступать открыто на тот же путь не решается и оставляет себе лазейку. Почему такая нерешительность? Дерзайте, господа.

Уж решились полемизировать по-изгоевски,—так идите по этой дороге. Одной «либеральной» гнусностью больше, одной меньше—не все ли равно? Ведь если теперь «не решаетесь», то в близком будущем «решитесь».

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 76, от 27 июля 1912 г.; подпись — «А. Б.».

ОКТЯБРИСТЫ И НАЦИОНАЛИСТЫ ([1]).

Легкое облачко закрыло ясный небосклон. Между добрыми друзьями—октябристами и националистами—произошла маленькая ссора.

Из-за чего? Чего же они не поделили? Да дело ясное: не поделили депутатских мест в будущей Государственной Думе. Центральный орган октябристов («Голос Москвы», № 167) так прямо и выкладывает:

— Националисты «не поделили с октябристами мест».

Ну, при такой оказии, конечно, поссоришься...

Нелегко приходится бедным октябристам. С одной стороны, их теснят восторговцы. А с другой—свои же «националисты». Помилуйте!—«В Екатеринославе,—жалуется «Голос Москвы»,—националисты... забраковали кандидатуры г.г. Алексеенко ([2]) и Каменского ([3]) (видные октябристы), где-то еще не поделили с октябристами мест». Что же это такое будет? Прямо—светопреставление!

И октябристы начинают «усовещевать» националистов. Почему же мы вам не нравимся, господа националисты? Чем мы не пригожи! Ведь мы не обращаем внимания на то, что вы немножко правее нас, так отчего же вы смущаетесь тем, что мы, октябристы, как будто чуть-чуть «левее» вас. Право же это ничему не мешает.

«Крайние правые — за бортом», — продолжают увещевать националистов попавшие в затруднительное положение октябристы. Ну, что вам Пуришкевич? Идите-ка лучше с Гучковым и другими «левой окраски» октябристами. Право, лучше будет. А промеж себя «уже можно сосчитаться, пройдя в Думу (так и напечатано). Да ведь какая, в сущности говоря, разница между нами, октябристами, и вами, националистами? Ведь, между нами говоря, все мы из одного теста сделаны...

В этаком духе распинается «Голос Москвы». И хоть он святую истину говорит, что октябристы и националисты—одной породы люди, а, признаться, мы сомневаемся, чтобы его проповедь подействовала на националистов.

Вы там уверяйте, что «крайние правые—за бортом». А мы-то знаем, что Пуришкевич—сила!—говорят себе националисты.

И, учитывая это, националисты не склонны уступать октябристам.

Глядя на этот торг октябристов, националистов и правых, демократия скажет им всем вместе: одного вы поля ягоды, господа. Яблочко от яблони недалеко падает...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 77, от 28 июля 1912 г.; подпись — «Г.».

[2]) Алексеенко, М. М. — член 3-й Гос. Думы, октябрист, депутат от Екатеринославской губ., профессор финансового права. Был почитаем среди октябристов за большого знатока по финансовым вопросам, почему и состоял председателем бюджетной комиссии.

[3]) Каменский, П. В. — член 3-й Гос. Думы от октябристов Екатеринославской губ. Этот помещик с большим земельным цензом почему-то прослыл специалистом по вероисповедным делам и председательствовал в соответствующей думской комиссии.

ЕВРЕИ И ВЫБОРЫ (1).

До сих пор большинство еврейских избирателей, — не говорим здесь, конечно, о еврейских рабочих, — отдавало свои голоса на выборах кадетам. В нынешней избирательной кампании намечается среди некоторых еврейских кругов здоровое недоверие к кадетам.

Мы не говорим здесь о еврейской группе г. Винавера (2). Те, конечно, вполне довольны Кутлером и Маклаковым. Мы не говорим также о тех забитых и запуганных евреях, которые нашли себе яркого выразителя в лице павлоградского раввина, заявившего на-днях: евреи, голосуйте одни за правых, другие — за левых, чтобы не могли вас обвинить в пристрастии... Но среди некоторых кругов, политически сознательных еврейских граждан, несомненно, наметилось сознательно-недоверчивое отношение к кадетам. Достаточно указать на киевскую оппозицию кадетам, нашедшую себе выразителей в «Киевской Мысли», и одесскую оппозицию, которой теперь так обеспокоены кадеты и по поводу которой «Речь» и «Современное Слово» («куда конь с копытом, туда и рак с клешней»...) подняли настоящий вой. А Киев и Одесса — очень крупные центры еврейской интеллигенции.

В недоверии евреев к кадетам есть, конечно, здоровое демократическое зерно. Но практические выводы недовольных кадетами еврейских групп далеко не во всем правильны. Так, многие выдвигают на первый план национальный элемент и настаивают на том, что их кандидатами должны быть непременно евреи. В Вильне, Ковне, Киеве и Одессе — то же самое требование: непременно еврей. Даже еврейские рабочие демократы настаивают на том, что «было бы в высшей степени важно провести в 4-ю Думу хоть одного еврейского рабочего демократа»...

Мы полагаем, что дело не в том, к какой национальности будет принадлежать тот или иной депутат. Пусть он будет русский, еврей, поляк, грузин, но — пусть он будет рабочим демократом, а не либералом. В этом—гвоздь, и только в этом...

Ведь вот теперь евреи сами видят, что хотя кадетский депутат 3-й Думы г. Нисселович (3) и еврей, а все же, как выражается «Киевская Мысль», — «хлопотливая думская деятельность

г. Нисселовича ему особенных лавров не принесла, а его анекдотическая «молитва ко всевышнему» о смягчении сердец власть имущих и образумлении Пуришкевичей и Марковых довершила его популярность».

Так, значит, дело не в том, еврей или не еврей данный депутат...

Гонения против евреев велики. Но это отнюдь не значит, что еврейская демократия должна непременно отдать дань национализму...

Интересы еврейской демократии во всем и вполне совпадают с интересами демократии русской, польской и т. д. Еврейский вопрос есть лишь часть общего вопроса, стоящего перед демократической Россией. И поэтому все убедившиеся в бесплодности кадетской тактики, все искренние еврейские демократы должны на выборах подать свои голоса за кандидатов рабочей демократии, **независимо** от того, к какой национальности будут принадлежать эти кандидаты...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 78, от 29 июля 1912 г. подпись — «Г. З.».

[2]) **Винавер**, М. М. — член 1-й Думы кандидат Петербурга, крупный присяжный поверенный с большой практикой, стоял на правом «крыле» Милюкова, сплачивая вокруг себя ту часть столичной еврейской буржуазии, которая, в целях осуществления буржуазных «свобод», отмежевывалась и от еврейской бедноты и от всего, что могло вносить расстройство в привычный уклад зажиточного мещанства.

[3]) **Нисселович**, Л. Н., — член 3-й Гос. Думы, курляндский кадет, присяжный поверенный и литератор. Носил довольно замысловатое для еврея при царском режиме звание «личного дворянина». В думе больше выступал по двум категориям вопросов, — вероисповедным и финансовым...

КАДЕТЫ И МЫ (1).

Кадеты не выдержали характера. Пробовали систематически замалчивать марксистскую печать, появление которой с их точки зрения будто бы «можно только приветствовать». А теперь бросили тактику великолепного отмалчивания и сразу перешли на самые визгливые ноты, обвиняя марксистов в «большевистской истерике», «грубой демагогии» и прочих смертных грехах. В кадетской «Русской Мысли» уже давно воет г. Изгоев, в «Запросах Жизни» шипят господа Бланки, теперь же к этому малопочтенному концерту присоединилась и «сама» кадетская «Речь».

Воюя против русского марксизма, все эти господа, естественно, воюют против большевиков. Ликвидаторов — «более благоразумных» марксистов, как аттестует их «Речь» — кадеты систематически стараются лишь политически использовать для своей борьбы против марксистов. Большевик — вот враг! Ибо... он говорит правду о либералах.

Из-за чего же теперь сыр-бор загорелся? Да, конечно, из-за того, что марксисты-большевики, по свойственной им злокозненной привычке, призвали демократию провести как в Петербурге, так и в других городах, борьбу с кадетами во 2-й городской курии. Наиболее... словоохотливые либералы, господа Бланки и К°, неосторожно выболтали свою тайну. Они без обиняков объявляют «авантюрой» уже одну мысль марксистов об отвоевании Петербурга у кадетов. Помилуйте! Ведь это же преступление против духа святого — пытаться вместо действительного статского советника Кутлера провести в 4 Думу действительного поборника демократии! Ну, как же «беспартийному» демократу (??) г. Бланку стерпеть такую обиду?

«Речь» избрала другой, обходный путь. Собираясь вновь при помощи закона 3 июня одержать «победу» над демократией во 2-й курии Петербурга и других городов, Милюковы и Гессены прикидываются обиженными нами. Они, видите ли, «привыкли думать, что марксисты признают за кадетами значение партии демократической» (хотя на деле они, конечно, прекрасно знают, что марксисты признают кадетов всего-навсего партией контр-революционного либерализма), и вдруг — такой пассаж! Марксисты не только заявляют, что будут бороться на выборах с кадетами, но еще имеют дерзость подчеркнуть тот

факт, что реакционеры в тех случаях, когда победа правых безнадежна (например, во 2-й курии), косвенно поддерживают кадетов против с.-д.

Чем же отвечает кадетская «Речь»? Подымает перчатку и принимает спор с марксистами на принципиальной почве? Как бы не так! Кадеты избирают совсем иное. Они становятся в позу и, стараясь сохранить «оттенок благородства», патетически восклицают:

— Как? «Г. Громобой будет... доказывать, что кадеты подкуплены финляндскими деньгами, и г.г. последовательные марксисты будут утверждать, что администрация в тайном заговоре с кадетами, — и это будет не Бедлам! Чтобы попасть в тот же тон, кадетам останется доказывать, что марксисты в заговоре с Крыжановским и Пуришкевичем и что их органы подкуплены»... («Речь», № 195).

По поводу этой тирады позволим себе заметить вот что:

Во-первых: зачем вы, господа кадеты, изображаете, как нечто невозможное, как «Бедлам» (2), перспективу, когда кадеты стали бы обвинять марксистские органы в заговоре с Крыжановским? Вспомните-ка, г. Милюков, частичные выборы 1909 года в Петербурге! Не ваш ли г. Изгоев и не в вашей ли «Речи» с усердием, достойным лучшей доли, твердил именно о том, что издававшаяся тогда газета «Новый День» находится в заговоре с Крыжановским и помогает Крыжановскому одолеть кадетов — этих самых опасных «врагов реакции»? (Надеемся, вы избавите нас от необходимости приводить цитаты из... мало-привлекательных писаний г. Изгоева, но если понадобится, мы их приведем).

Во-вторых, зачем, господа, вы так некстати напомнили о г. Громобое? Припомните-ка, г. Милюков, не вы ли на всех избирательных собраниях 1909 года носились с шальной статейкой Громобоя о том, что октябристам предпочтительнее с.-д. кандидат, чем кадетский? Не вы ли уверяли, что статейка Громобоя — лучшее доказательство того, что истинными борцами против реакции являются кадетские Кутлеры?

И, наконец, в-третьих — ваша главная «обида». Смеем вас уверить, г. Милюков, что о тайном вашем заговоре с реакцией мы теперь не говорили. И это — по очень простой причине. Мы очень хорошо знаем, что реакция входит с вами в тайные сделки лишь при определенных условиях, каковые были, например, налицо в 1906 году. В данный момент вы, г. Милюков, конечно,

не вхожи ни в какие передние, ни в отдельные кабинеты известных ресторанов, например, того, в котором вы в свое время вели свои тайные переговоры с покойным генералом Треповым. И это — опять по очень простой причине: в некие места вы теперь не ходите, потому что вас туда не зовут (позовут, когда будет непосредственная опасность слева). Да, в таком «тайном заговоре» вы сейчас повинны — это так. Но это все-таки не мешает реакции, правильно учитывающей свои классовые интересы, поддерживать вас против нас в тех случаях, когда она не может провести вполне «своих» Пуришкевичей.

Мы констатировали простой факт: насильственно суживая (при помощи «разъяснений», невыдачи удостоверений и т. д.) состав избирателей по 2-й курии, администрация помогает кадетам против рабочих демократов. Ибо — «разъясняют», главным образом, демократического — без кавычек — избирателя. Попробуйте, господа из «Речи», опровергнуть это указание фактами. Истеричными выкриками вы едва ли кого убедите...

Попытки кадетов и кадетствующих отыграться на мелочной полемике, не касающейся принципиальной основы дела, им не удадутся. Мы обвиняем кадетскую партию в том, что в тяжелое пятилетие контр-революции она не только не исполнила долга элементарной оппозиции, но в десятках случаев прямо помогла реакции. И на выборах мы — поскольку нам не помешают независящие обстоятельства — потребуем кадетскую партию к ответу. Довольно, господа кадеты, вы играли в «левение» за 3 месяца до выборов! Довольно притворяться «демократами» перед широким кругом демократических избирателей и конкурировать с Гучковым в умеренности и «патриотизме» перед первогильдейским цензовиком в 1-й курии! Довольно двоедушия! Надо, чтобы кадеты предстали перед страной такими, каковы они на деле. Никакие завывания кадетствующей братии, никакие колебания «благоразумных» якобы марксистов не помешают нам выполнить свой долг. Лишь тот пусть идет с кадетской партией, кто сознательно хочет поддержать оппозицию в ливрее...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 19, от 19 июля 1912 г.; подпись — «Г. Зарин».

2) Бедлам — дом для умалишенных в Лондоне, существует с XVI века. Потом название это стало нарицательным и ныне указывает вообще на скопище безумных.

КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ [1].

Когда кадетская конференция зимою 1911 года, обсуждая основы избирательной кампании, высказалась за желательность на выборах союза с октябристами («левыми» октябристами), — вся последовательная демократия оценила это решение кадет, как новое колебание кадетской партии в сторону сделки с реакцией.

После всех подвигов октябристов в 3-й Думе, кадеты накануне выборов в 4-ю Думу предложили этим господам заключить союз.

Мы много раз указывали в печати на то, что упомянутое решение кадетской конференции — позорно.

Кадетская «Речь» все время отмалчивалась на этот счет и на все вопросы не издала ни звука.

Но вот, милостью предвыборного оживления, «глухонемая» тактика сдана в архив. «Речь» вступила в объяснения с рабочей демократией.

В № 201 кадетская «Речь» касается этого нашего обвинения по адресу кадетской партии. Она замечает: «далее (у рабочей демократии) идет обвинение в сближении с левыми октябристами».

Это обвинение,—говорит «Речь»,—«тоже более похоже на политический прием, чем на действительность».

Однако, этой трусливой отпиской дело не ограничилось. В дальнейшей своей полемике с нами кадетская «Речь», кроме вышеприведенной трусливой фразы, на-днях, набравшись храбрости, сделала следующее односложное, но категорическое заявление:

«Никакая кадетская конференция не предлагала октябристам блока с кадетами» («Речь», № 204).

Так вот оно как! Оказывается, вы никогда никакого блока октябристам не предлагали, и все это — выдумка... Бедные кадеты, до каких бес...помощных приемов приходится им опускаться для того, чтобы замазать то, что есть и что всем известно!

В начале декабря 1911 года все газеты сообщили о решениях кадетской конференции. Печать, вполне дружественная кадетам, передавала эти решения в следующем виде:

1) Кадеты проводят своих кандитатов там, где выбор их обеспечен.

2) Там, где нельзя рассчитывать на абсолютное большинство голосов в пользу к.-д. кандидата,—к.-д. поддерживают того прогрессивного кандидата, без различия партий, который может собрать максимум голосов.

3) В том случае, если кандидат оппозиции не имеет никаких шансов, и существует черносотенная опасность, поддержка октябристского кандидата допустима лишь тогда, если он является настоящим конституционалистом, что иногда, к удивлению, случается.

4) Ни с правыми октябристами, ни с националистами и монархистами ни в какие избирательные соглашения к.-д. не входят. Вообще же, не забывая интересов партии, они не приносят в жертву высших интересов оппозиции, в широком смысле слова.

Таковы решения кадетской конференции. Все понимали, что фразы о «высших интересах» оппозиции и торжественное обещание не итти в союз с кучкой правых октябристов (гололобовцев) — одна пустая словесность. Все словесные оговорки кадетской конференции, это—признание блока с октябристами, выраженное в осторожных словах: поддержка октябристского кандидата допустима. Все прибавления о том, что речь идет о тех октябристах, которые являются «настоящими (!) конституционалистами» (где они, эти «настоящие», г. Милюков?), были простым словесным украшением.

Октябристы, к которым было адресовано предложение кадетской конференции, недели 2 — 3 молчали, повидимому, обсуждая, как им отнестись к этому предложению руки и сердца. А затем центральный орган октябристов «Голос Москвы» напечатал прямо, что предложение кадетов повисло «в атмосфере равнодушного молчания» («Голос Москвы», № 292). Иными словами, Гучков и К-о отклонили предложение кадетской конференции.

Газеты всех направлений обсуждали эту неудачу кадетов. Все политические направления так или иначе отозвались на это происшествие. Одна кадетская «Речь» хранила гробовое молчание...

А теперь она, повидимому, решила, что прошла уже достаточная давность, что дело забыто, и теперь она не рискует быть пойманной с поличным. И с ясным челом «Речь» заявляет: «никакая кадетская конференция не предлагала октябристам блока с кадетами»...

Никакая?? Ну, что стоило вам, господа кадеты, тогда же, месяцев 8 назад, когда вся печать говорила о вашем решении, сделать это короткое и простое заявление: господа, это неверно, никакая конференция этого не решала... Или тогда все было слишком свежо?

Молчали чуть ни целый год. Расписались в получении плевка от октябристов. А теперь, по образцу «Осведомительного Бюро» [2]), делают запоздалое «опровержение».. Не удивляйтесь же, господа, если вашему «опровержению» верят столько же, сколько «Осведомительному Бюро»... ([2])

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 83, от 1 августа 1912 г. подпись — «Гр.».

[2]) Осведомительное Бюро — орган министерства внутренних дел, ведавший казенною информациею печати в тоне, нужном для правительства. Лживость «Осв. Бюро», подтасовывавшего факты, вошла в поговорку.

ВЫБОРЫ ПО 4-Й КУРИИ [1].

Из 5252-х выборщиков по 53 губерниям Европейской России рабочему классу существующим избирательным законом уделено всего-навсего 112 выборщиков, иначе — 2 процента рабочим и 49 процентов помещикам. В Бельгии, при существующем там не-равном избирательном праве, один представитель духовного сословия имеет столько же избирательных прав, сколько 3 рабочих. И уже это неравенство вызывает не мало неудовольствия... А у нас, по сделанным подсчетам, один представитель помещичьего класса имеет столько же прав, сколько 544 рабочих... 230 избирателей землевладельческой курии имеют столько же прав, сколько 125.000 избирателей рабочей курии...

9 губерний вовсе лишены рабочей курии. Это — губернии: Бессарабская, Вологодская, Витебская, Ковенская, Олонецкая, Псковская, Ставропольская, Тобольская и Томская. Рабочие этих губерний не пользуются вовсе избирательным правом, поскольку они не являются указанными в законе квартиронанимателями.

Далее, имеют выборщиков от рабочей курии:

11	губерний	по 1-му	выборщику	— 11
20	»	» 2	»	— 40
3	»	» 3	»	— 9
4	»	» 4	»	— 16
3	»	» 5	»	— 15
2	»	» 6	»	— 12
1	»	» 9	»	— 9
		Всего		112

В каждой из губерний число рабочих выборщиков, разумеется, представляет собою в количественном отношении самое незначительное меньшинство. Сколько-нибудь выделяются губернии: Вятская, Екатеринославская, Харьковская и Костромская, дающие по 5 выборщиков от рабочих, Петербургская и Владимирская, имеющие по 6 рабочих выборщиков, и Московская, которая имеет 9 выборщиков. Из этих губерний шести губерниям — Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской — обеспечено избрание 6 депутатов от рабочих (по одному от каждой).

Рабочая курия почти ничего не может изменить в окончательном составе 4-й Думы, который определяется, главным образом, помещиками. Но участие в выборах все же дает возмож-

ность рабочему классу, во-первых, провести в думу несколько достойных его представителей, а во-вторых, более или менее полно выразить свое отношение к различным, борющимся в России, политическим течениям. А последнее, во всяком случае, не менее важно, чем первое.

Из групп, так или иначе не причисляющих себя к социалистическому лагерю, ни одна сколько-нибудь всерьез не развернет своей платформы в рабочей курии.

Кадеты, например, и думать забыли о тех временах, когда они мечтали привлечь к себе часть рабочих. Не до того теперь: им бы как-нибудь удержать хоть более демократические слои городской буржуазии. В этом отношении положение в России отличается пока от западно-европейского. Из Германии, например, телеграф только что принес известие об образовании либеральной рабочей партии германскими кадетами и ликвидаторами из так называемых Гирш-Дункеровских союзов. Правда, по сравнению с могучей германской социал-демократией эта либеральная партия объединяет лишь горсточку рабочих и служащих, но все же эта горсть открыто оспаривает влияние на рабочих у германских социалистов... Что в Англии влияние буржуазии на пролетариат весьма сильно — это общеизвестно. То же отчасти и во Франции... У нас в России мы перед этой опасностью непосредственно не стоим.

Что касается влияния на рабочих из скрыто-реакционного лагеря, — то тут опасность еще меньше. Многочисленные рабочие отделы союза русского народа Пуришкевич, должно быть, видел только во сне. Теперь, говорят, Ушаков возобновляет свою просвещенную деятельность. Но чтобы он имел большой успех перед рабочими на выборах — в этом, вероятно, сомневаются даже те, кто послал его.

Это, однако, вовсе не значит, что рабочие демократы могут обходить в рабочей курии вопрос о политическом значении этих двух лагерей — реакционного и либерального. В общеполитической жизни России и тот и другой лагери играют слишком большую роль, чтобы марксисты в ходе выборов не постарались обрисовать ее во всей полноте перед самыми широкими кругами рабочих.

Но у марксистов имеются в рабочей курии и другие, очень важные задачи. Им придется здесь столкнуться с группами, причисляющими себя к социалистическому лагерю, но на деле чуждыми ему.

Левые народники будут предлагать бойкотировать выборы в 4-ю Думу и станут уверять, что этакий бойкот теперь явится самой пролетарской тактикой. Марксистам придется разъяснить всю пустопорожность и реакционность лозунга бойкота, который лишь при определенных условиях имел крупное историческое значение и был правилен.

Затем, в рабочей курии предстоит борьба с ликвидаторами, причисляющими себя — увы, без оснований! — даже к марксистскому лагерю. Местами ликвидаторы собираются выставить свои двойные кандидатуры в рабочей курии — против марксистов. Если в 1907 году, при выборах в 3-ю Думу, местами даже в Петербурге, доходило до выставления двойных кандидатур (пример — Семянниковский завод), то при нынешней позиции ликвидаторов этого тем более можно от них ждать.

Разумеется, марксисты всех течений должны добиваться — и добьются — того, чтобы все уполномоченные и все выборщики были последовательными марксистами, а не ликвидаторами. В губернских собраниях решают помещики — кого именно выбрать в депутаты из числа рабочих выборщиков. Не надо вводить во искушение ни помещиков, ни выборщиков-ликвидаторов... Прохождение в 4-ю Думу 2 — 3 «боевых» ликвидаторов при нынешнем положении вещей означало бы, что в Думе образовались бы две рабочих фракции. Ликвидаторы теперь, наверное, попытались бы устроить свою фракцию. Понятно, что ни один рабочий, дорожащий единством рабочего представительства в Думе, не станет помогать ликвидаторам добиться раскола.

Но дело не только в исходе выборов от рабочих. Еще гораздо важнее та просветительная работа, которую марксисты смогут выполнить. И один из важнейших тезисов этой работы будет: либеральная рабочая политика ничего общего не имеет с марксизмом; так называемая «борьба за частные права» есть либеральный лозунг; те, кто хоронят («ликвидируют») старое славное прошлое, те — отступники и ничего более...

При выборах в 3-ю Думу свыше 90 проц. выборщиков от рабочей курии были рабочие демократы. Поживем — увидим, каков будет результат выборов в 1912 году. Подводных камней много. Малейшим промахом, малейшей слабостью, беспечностью, недостаточной подготовленностью попытаются воспользоваться многочисленные враги рабочих. К Петербургу это относится в самой большой степени...

То, что обеспечено законом, то пусть наше — таков должен стать пароль последовательных марксистов.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 20, от 5 августа 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

К СЪЕЗДУ НАРОДНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ (1).

Газеты сообщают, что в самом ближайшем будущем состоится съезд деятелей народных университетов, созываемый организационным комитетом, во главе которого стоят проф. М. М. Ковалевский и Бехтерев (2).

Примут ли рабочие и их представители участие в этом съезде?

За последние два года господа либералы и либеральствующие, главные устроители так называемых «общественных съездов», перестали усиленно зазывать рабочих на эти съезды. Политика усиленного зазывания сменилась политикой «тащить и не пущать». А «дружественные враги» либералов — справа, те уж прямо разработали целую систему «препон», чтобы только не дать рабочим на открытых съездах заявлять о своих требованиях.

Причина такого изменения настроения буржуазных кругов довольно ясна: буржуазия надеялась, что на своих съездах она приручит рабочих, использует их и устроит комедию «примирения» труда с капиталом. А вышло наоборот: рабочие-марксисты оказались настолько сплоченными и сознательными, что они использовали буржуазные съезды в своих рабочих интересах — для провозглашения своих пролетарских требований и с чужой трибуны. Понятно, что буржуазия переменила «милость» на гнев.

Но то обстоятельство, что господам либералам теперь не очень уж хочется «допускать» рабочих на «общественные» съезды, вовсе, конечно, не значит, что рабочие склонятся перед волей господ буржуа и перестанут «лезть» туда, где их появление может не понравиться хорошим господам. Нисколько! Во-первых, если господа либералы окончательно решили не пускать рабочих на свои съезды, надо принудить их сказать это открыто, надо сделать так, чтобы вся рабочая Россия увидела, что либералы закрывают двери перед рабочими. А во-вторых... во-вторых, препоны и препятствия, быть может, все-таки окажутся не определимыми.

Передовые рабочие должны сделать и, надо надеяться, сделают попытку принять участие в съезде народных университетов. Попытаются проникнуть на этот съезд и изложить там требования рабочих, во всяком случае, — необходимо...

На съезде будут разбираться вопросы о вечерних курсах, о рабочих школах, о постановке лекций и т. д. Все эти вопросы ведь касаются самым непосредственным образом рабочих. Ведь общепризнано, что именно рабочие являются главной аудиторией народных университетов. Неужели же господа либералы могут воспротивиться тому, чтобы были хотя бы только выслушаны мнения рабочих по этим насущным вопросам? Неужели они захотят «просвещать» рабочих, ни в малой мере не считаясь с пожеланиями «просвещаемых»? Ведь это значило бы загонять в рай дубиной.

Уже на 1-м съезде народных университетов, в 1907 году (3), рабочие, в лице представителей, главным образом, петербургских профессиональных союзов, приняли самое деятельное участие. Либералы и «левые» октябристы подавили тогда своей численностью рабочих представителей, когда последние потребовали, чтобы рабочие союзы имели право влиять на выбор лекторов и тем. Это было вполне по-либеральному: мы, дескать, хозяева, нам разрешают университеты, а вам, рабочим, все равно не разрешат. Поэтому — покоряйтесь и не рассуждайте.

Это было в достаточной степени грубо и цинично. Но во всяком случае рабочим дали хоть возможность высказаться и заявить свои требования. Неужели даже этого минимума приличия не соблюдут теперь?

Рабочие представители пойдут на съезд народных университетов—как и на всякий чужой съезд—не для того, чтобы там, как учат господа диктаторы, искать побольше «точек соприкосновения» с либеральной буржуазией. Наоборот. Больше всего на этих съездах приходится подчеркивать то, в чем мы расходимся с буржуазией, хотя бы и самой либеральной... Пока у рабочих нет возможности устраивать свои народные университеты, они, работая изо всех сил над развитием своих рабочих просветительных обществ, вынуждены пользоваться не «народными» университетами, которыми руководят кадеты и октябристы. Пока у рабочих нет возможности открыто устраивать свои рабочие съезды, они вынуждены пользоваться и трибуной чужих съездов. Но — только для критики буржуазной половинчатости, только для заявления полностью своих рабочих требований. Как только у русских рабочих будет возможность устраивать свои съезды, они, подобно своим западно-европейским товарищам, откажутся от участия в буржуазных съездах. Но до тех пор—

надо использовать всякую пядь... На съезде народных университетов надо прежде всего поставить вопрос о народном образовании в тесную связь с общеполитическим положением, надо показать, что рабочие не только знают, чего они хотят, но также знают, при каких условиях осуществимы их требования, будь то действительно демократическая постановка народного образования, или свобода коалиции, или всеобщее избирательное право и т. д.

В связи с прежними съездами были случаи «разъяснения», что профессиональные союзы, как таковые, т.-е. как данная организация, не имеют права посылать своих представителей на общественные съезды. Но отдельным деятелям, которые фактически были бы выразителями мнений рабочих организаций, не запрещено и не может быть запрещено такое участие... Ведь и съезд-то созывается из деятелей народных университетов.

Рабочие должны во что бы то ни стало точно и определенно сформулировать свои требования в области постановки народных университетов. И — на самом съезде, или, на худой конец, только в рабочей печати, высказать громко свои пожелания...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 20, от 5 августа 1912 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Бехтерев, В. М., — профессор-невропатолог, ныне директор Ленинградского Психо-Неврологического института.

[3]) Первый съезд народных университетов — состоялся в январе 1908 г. Официально он именовался «Первым всероссийским съездом деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы». Как известно, народные университеты того времени представляли собою очаги «частной инициативы» типично кадетского «просвещения», с частичным уклоном в сторону легкого «народничества», при чем допускался и некоторый блок с меньшевиками. Съезд остался верен своему назначению, и нуждами рабочего просвещения ин ересовался лишь чисто внешне, как бы «для приличия».

970.112 (1)!

Германская социал-демократия подводит итоги за отчетный год. 15 сентября (нов. стиля) предстоит в Хемнице очередной съезд германской социал-демократической партии. Центральный Комитет партии на-днях приступает к печатанию отчета за год. Пока что из этого отчета известны лишь главные и основные цифры.

Число членов социал-демократической партии в Германии достигло 970.112 человек.

В 1911 году число членов партии равнялось 836.562. К 30-му июня 1912 года оно возросло на 133.550 и достигло цифры указанной в заглавии статьи. В процентах — рост партии выразился за последний год цифрой 15,9%. Прирост членов партии — женщин идет быстрее, чем прирост мужчин. Соответствующие цифры: 21,0% и 15,2%. Из всего числа 970.112 членов партии — женщин 130.371.

На последнем съезде германской с.-д. в Иене славный вождь германских рабочих Август Бебель высказал уверенность, что за этот год число членов возрастет до миллиона. Надежды Бебеля почти целиком оправдались. До миллиона не хватает лишь около 30.000 членов. Миллион членов с.-д. рабочей партии — какая могучая армия, какой огромный исторический фактор в судьбах всего человечества!..

Но присмотритесь еще к другим цифрам. Число постоянных подписчиков германской с.-д. печати достигает теперь около $1^{1}/_{2}$ миллиона — 1.478.043. Подписная плата поднялась за год с 7.840.718 марок (марка — 47 коп.) до 8.888.834. Доход с объявлений — с 5.853.312 марок до 6.830.496 марок. Легко представить себе, какую огромную просветительную работу выполняет эта поистине могучая рабочая печать Германии.

Число с.-д. депутатов ландтагов поднялось за год с 36 до 224. В органах местного самоуправления с.-д. партия имеет: в 470 городах 2.531 представителя, в 2.680 деревенских округах — 7.593 представителей, да еще сверх того 308 членов магистратуры и т. п.

Ц. К. партии выпустил к выборам массу брошюр и 68 одних только листков и листовок.

Германские свободные союзы (примыкающие к с.-д. партии) тоже на-днях подвели итоги за год. Главный итог — тот, что число членов в 1911 году достигло 2.320.986!

Миллион членов партии, два с половиной миллиона членов профессиональных союзов! Есть чему позавидовать у германских рабочих...

Особенно, если принять во внимание, что марксизм в германской партии пустил более сильные корни, чем где бы то ни было в Западной Европе и что либеральная рабочая политика (ликвидаторство) встречает здесь, чем дальше, тем все более сильный отпор...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 20, от 5 августа 1912 г.: подпись — «Г.».

3-я ДУМА И ПРИКАЗЧИКИ ([1]).

I.

Что положение двухмиллионного торгового пролетариата в России исключительно тяжелое—этого даже в 3-й Думе никто не посмел отрицать. Да и как можно было бы это отрицать перед лицом тех ужасающих цифр, которые с такою наглядностью свидетельствуют о чудовищно-тяжелом экономическом положении приказчиков и служащих в России?

— «Тяжелое положение торговых служащих, общеизвестно»,— говорил в 3-й Думе при обсуждении законопроекта о нормальном отдыхе сам министр торговли и промышленности г. Тимашев.

— «Служащие действительно находятся в довольно (!) тягостных условиях»,—признавал докладчик думской комиссии, октябрист барон Крюденер-Струве.

Еще бы!

Ведь, «продолжительность торговли в бакалейных и мануфактурных лавках,—признавал тот же октябрист Крюденер-Струве—доходила до 16 часов, в гастрономических магазинах,— до 17 час. Средняя продолжительность торговли, если включить сюда и мелкую торговлю, особенно съестными припасами, доходила до $17^1/_2$ часов!

По сведениям, собранным московским отделением Русского Технического Общества, установлено:

В 42	случаях	— 18-часовой	рабочий	день.	
» 20	»	— 19	»	»	»
» 50	»	— 16	»	»	»
» 34	»	— 17	»	»	»
» 2	»	— 20—21-часовой	рабочий	день.	

Мудрено ли, что даже Петербургская Городская Дума, сравнивая положение торговых служащих в России с положением... каторжников, соглашалась с тем, что служащим живется хуже?

«Известия Спб. Городской Думы» писали:

«Суровый устав о содержащихся под стражей и тот знает праздничный отдых и даже нормировку рабочего дня для всех наказуемых без исключения, даже для отбывающих наказание за самые тяжкие преступления. Согласно ст. 382 этого устава, каторжники отряда испытуемых имеют полный отдых в течение 68 дней в году, а каторжники отряда исправляющихся — в тече-

ние 73 дней, при чем рабочее время в будни для всех ограничивается 11 часами летом и 10 часами зимой... Труд приказчиков совсем не так легок, как думают некоторые» *).

По данным г. Гудвана (²), охватывающим условия труда 30.000 одесских приказчиков:

12%	получ.	от 5	до 10	руб.	в	мес.
21 »	»	» 10	» 15	»	»	»
10 »	»	» 15	» 30	»	»	»
14 »	»	» 30	» 40	»	»	»
8 »	»	» 40	» 75	»	»	»
5 »	»	» 75	» 125	»	»	»
3 »	»	более	125	»	»	»

В Петербурге не больше 3% приказчиков получают 150 руб. в месяц. Средний же заработок «хорошо устроившегося» приказчика — 35 руб. в месяц.

Относительно заработной платы приказчиков по всей России в 3-й Думе, при обсуждении уже упоминавшегося законопроекта, приводились следующие данные:

Совершенно бесплатно работают	4,32%
От 3 — 30 руб. в месяц получает	66,43 »
» 30 — 50 » » » »	23,03 »
Свыше 50 » » » »	6,22 »

Согласно анкетам, насчитывается болезней у приказчиков:

Мануфактурн.	магаз.	212	болезней	на	100	человек.
Бакалейных	»	233	»	»	»	»
Галантерейных	»	294	»	»	»	»
Железных	»	157	»	»	»	»
Обувных	»	112	»	»	»	»
Готов. платья	»	370	»	»	»	»

Из 6.620 приказчиков мануфактурных магазинов в Одессе:

4.752	больны	нервным расстройством.
3.696	»	ревматизмом.
3.234	»	катарром желудка.
1.122	»	венерич. болезнями.
1.254	»	катарром горла.

Из 5.480 приказчиков галантерейных магазинов страдают соответственными болезнями: 2.828, 5.284, 5,122, 1.132 и 1.728.

---

*) «Изв. Спб. Гор. Думы», № 31 (ноябрь, 1905 г.), стр. 1291, цитируем по кн. М. Розена.

По данным специалистов, приводившихся в Думе, констатировано, что из общего числа приказчиков по всей России страдает:

73,7% ревматизмом.
70,4% болезнями пищеварения.
25% » дыхательн. органов.
35,56% нервным расстройством.

Кажется, эти красноречивые цифры достаточно ясно говорят о том положении, в котором находятся приказчики и из которого выход один: борьба рука об руку со всем пролетариатом России...

II.

Существующее законодательство о приказчиках до сих пор знает чисто крепостнические пережитки. «Хозяин имеет право наказывать своих служащих-приказчиков розгами», 37-я статья тома XI Свода законов прямо говорит, что «малолетние сидельцы за шалости наказываются розгами при хозяине». А малолетними, согласно тома X, I-я ч., ст. 213, считаются дети до 17-летнего возраста. Значит, как верно замечают исследователи быта приказчиков, г.г. Гудван и Розен (3), — купцы до сих пор могут «на законном основании» подвергать порке 17-летних юношей. 13-я ст. XI т., касающаяся уже прямо взрослых приказчиков, гласит, что «приказчика, ведущего беспорядочную и развратную жизнь, дозволяется унимать домашней строгостью».

И перед лицом этого крепостнического законодательства 3-я Дума удосужилась заняться лишь законом о «нормальном отдыхе» приказчиков. А законопроект о договоре о найме она все откладывает и откладывает!

Законопроект о «нормальном отдыхе» имеет свою весьма поучительную историю. Первоначально он был проведен после разгона 1-й Думы, на основании знаменитой 87-й статьи основных законов. Правительство считалось еще тогда с приказчиками, оно ставило еще на них ставку и считало нужным помазать их по губам «реформой». Приказчики «не оправдали доверия». Так, во время второго междудумья (т.-е. после разгона 2-й Думы) правительство поспешило «разъяснить» изданный 15 ноября 1906 года, на основании 87-й ст., закон. Конечно, и закон 15 ноября ничего общего с действительным нормальным отдыхом не имел. Но 13 сентября 1907 года правительство,

в порядке той же 87-й статьи, внесло ряд «поправок и дополнений» «в целях устранения обнаруженных некоторых стеснений торговли». Этим был сделан решительный шаг к лишению приказчиков нормального отдыха. Остальное доделала черная Дума в 1910 г. и доделывает теперь Государственный Совет в 1912 г.

Какова сущность закона о «нормальном отдыхе», принятого 3-й Думой? В кратких чертах суть этого детища октябристского барона Тизенгаузена сводится к следующему:

1) Вводится 12-часовой рабочий день, и тут же рабочий день доводится при помощи целого ряда исключений до 15 часов или вовсе устраняется всякая норма; 2) полный отдых обеспечен только на 5 — 6 дней в году: Рождество, Пасха и т. п. (ну, не правы ли те, кто указывает, что каторжникам обеспечен гораздо больший отдых?); 3) вместо обязательного еженедельного отдыха местному самоуправлению и местной администрации (т.-е. полиции и купцам) предоставляется право издавать «обязательные постановления» о воскресной работе, т.-е. еженедельный отдых фактически не гарантирован и сводится на-нет; 4) сверхурочные работы, безграничная эксплоатация детского труда—узаконяются; 5) «инородцев» принуждают праздновать праздники православных, отнимая у них возможность праздновать свои праздники; 6) контроль за проведением в жизнь всей этой «охраны труда» (читай: охраны кошельков у купцов) возлагается, главным образом, на . . . полицию.

Таков этот закон о «нормальном отдыхе» приказчиков. Не правы ли будем мы, если назовем его законом о лишении отдыха приказчиков?

Но Государственному Совету и этого закона против приказчиков показалось недостаточно.

III.

Как же вели себя различные партии в Думе при обсуждении законопроекта о лишении отдыха торговых служащих?

Об открытых черносотенцах и октябристах нечего и говорить. Они, конечно, только старались еще ухудшить этот, и без того достаточно анти-приказчичий, закон.

Но как вели себя кадеты, которые в течение нескольких лет систематически обманывают приказчиков и их голосами проводят в Думу своих Кутлеров и Маклаковых?

*

Кадеты голосовали за переход к постатейному чтению этого закона о лишении отдыха торговых служащих, т.-е. приняли за основу закон Тизенгаузена. Всю свою атаку кадеты сосредоточили против с.-д. депутатов, отстаивавших 8-часовой рабочий день для приказчиков и защищавших вообще все главные требования III съезда приказчиков. С октябристами кадеты, по обыкновению, не боролись, а торговались. Например, ст. 2-я закона Тизенгаузена устанавливала 40 дней сезонных работ, когда хозяин может заставить работать 15 и более часов. Кадеты отважились только на то, чтобы ходатайствовать перед октябристами о сведении 40 дней до 20. К.-д. оратор г. Степанов говорил по этому поводу буквально следующее:

— «Незыблемых аргументов в пользу 20 я, конечно, не имею. Я просто прошу вас, защищающих интересы сезонной торговли (торговцев, г. Степанов!), сделать маленькую уступку в пользу торговых служащих и сократить эти 40 дней до 20-ти» *). Клянчить перед октябристами о «маленькой уступке», набрасываться с пеной у рта на «слишком прямолинейных» (еще бы не прямолинейны: защищают 8-часовой рабочий день!) социал-демократов — такова была позиция кадетской фракции.

— «Эти вопросы (т.-е. вопросы об отдыхе приказчиков) должны решиться не путем стачек, а государственным законодательством», — увещал приказчиков кадетский депутат Щепкин. Это перед лицом «государственного законодательства» Пуришкевича и Тизенгаузена г. Щепкин нашел уместным убеждать приказчиков во вреде стачек!

Г-н Маклаков прямо изрекал, что государство обязано защищать торговых служащих «поскольку (оно) из каких бы то ни было соображений может обезоружить рабочий торговый люд». Этот же г. Маклаков (он же защитник Тагиева) (4) впоследствии, рассказывая своим избирателям о приказчичьем вопросе в Думе, обманывал своих слушателей, будто «и правительство противодействия к проведению хорошего закона о приказчиках не обнаруживало». Что г. Маклаков считает «хорошим» законом — видно из того, что о требовании 8-часового рабочего дня он в том же своем докладе (напечатанном в «Русской Мысли») пренебрежительно отзывался, как о требовании «пресловутой восьмерки».

*) Стеногр. отчет, «Россия», стр. 893.

А кадет г. Кутлер, которому один с.-д. депутат очень кстати напомнил в Думе, что он избран преимущественно голосами обманываемых кадетами приказчиков, откровенно заявил, что ему голосовать за «поправки трудовой группы и социал-демократической партии представляется довольно затруднительным». Особенно потому, что в этих поправках «церковные праздники поставлены наравне с праздниками гражданскими, в том числе с такими условными и мало кем признаваемыми (особенно из господ буржуа?) праздниками, как (о, ужас!) праздник труда, 1 мая» *).

На с.-д. ораторов (Предкальна, Покровского, Полетаева, Егорова, Кузнецова) неистово набрасывались октябристы.

— «На узкой, чисто-классовой точке зрения стоят ораторы, сидящие на левых скамьях. Не угодно ли, господа, вам вникнуть в то, что предлагает социал-демократическая фракция? Устанавливая 8-часовой торговый день»..... и т. д. — негодующе восклицал «знаменитый» барон Тизенгаузен.

Кадетский оратор Щепкин на это нашелся ответить только следующей пошлостью:

— «Госуд. Дума должна к законопроекту относиться именно как учреждение внеклассовое (!) и разбирать интересы промышленности... с некоторыми крайностями (это 8-часовой день — «крайность»), которые иногда проводят представители левых фракций».

Только социал-демократическая фракция, при поддержке трудовой группы, до конца защищала интересы приказчиков. Все поправки с.-д. фракции были отвергнуты, за исключением одной. Каким-то чудом после 2-х голосований прошла большинством 129 против 92-х с.-д. поправка о том, что в торговых предприятиях должно быть достаточное количество сидений, чтобы служащим в свободное время не приходилось стоять.

IV.

На отношении кадетской партии к приказчичьему вопросу стоит остановиться несколько подробнее.

Отношение это было столь же двоедушным, как отношение правительственных кругов. Сегодня кадетам нужны голоса приказчиков — они «левеют». Завтра выборы прошли, надобность

---

*) Офиц. стеногр. отчет, стр. 60, 61, 62, 96, 416.

в голосах миновала — кадеты вновь придвигаются к хозяевам и отодвигаются от приказчиков. Четыре раза меняли — как перчатки — кадеты свои законопроекты о приказчиках. Каждый раз, по мере роста реакционных настроений, они циничнейшим образом ухудшали эти законопроекты.

Первый кадетский законопроект воспринял — хотя и с рядом ухудшений — требования, выраженные в решениях III съезда приказчиков, заседавшего в Москве в 1906 году. Но уже весною 1907 года во 2-ую Думу кадеты внесли другой, чрезвычайно ухудшенный законопроект, предлагавший ввести *12-и 14-часовой* рабочий день, с $^1/_2$*-часовым* отпуском на обед и т. п. Законопроект этот подписан был такими вождями кадетской партии, как И. и В. Гессены, Кизеветтер, Шингарев, Струве, Маклаков, Аджемов и др.

Но когда кадетам понадобилось открыть новую охоту за голосами приказчиков, они не постыдились спрятать в карман этот слишком бивший в нос антиприказчичий законопроект и объявили его «частным делом» внесших его 33 к.-д. депутатов. Почти весь центральный комитет кадетской партии подписал этот пресловутый законопроект! Но чего не сделаешь для уловления голосов неопытных демократических избирателей...

Или, посмотрите на другой «приказчичий» законопроект партии «народной (?) свободы (??)»! Мы разумеем законопроект «о найме торговых служащих». Он выработан был еще для 1-й Думы, а затем кадетами был много раз ухудшен. 5 пунктов из этого законопроекта мы выпишем полностью, дабы приказчики могли судить о степени «демократизма» кадет и их склонности защищать интересы служащих. Параграф 17-й кадетского законопроекта толкует об «уважительных причинах, дающих право хозяину отказаться от услуг торгового служащего». И вот оказывается, что, по кадетскому законопроекту, хозяин имеет право «отказаться от услуг», проще выражаясь, — выбросить служащего на улицу в следующих случаях:

1) **«Если торговый служащий обнаружил в течение 2-х недель службы явное незнакомство с делом, к которому он нанялся»** (судить о «незнакомстве» будут, конечно, сами хозяева).

2) **«Если торговый служащий обнаружит недобросовестность или злоупотребит оказанным ему доверием».** (А как полагаете, господа кадеты, не признает ли хозяин «недобросовестным», ну, например, вступление приказчика в профессиональный союз? Не считает ли

он «злоупотреблением доверием», если приказчик потребует сокращения рабочего дня и т. п.?).

3) «**Если торговый служащий без согласия хозяина заведет самостоятельное торговое дело по той отрасли торговли, какую ведет хозяин**».

4) «**Если торговый служащий не явится на службу без достаточных оснований в течение (!) трех дней**».

5) «**Если торговый служащий обнаружит грубое поведение в отношении хозяев или других служащих**».

Можно ли итти дальше в бесстыдной защите кошельков господ Тит Титычей? Удивительно ли после этого, что сам бывший министр торговли и промышленности господин Тимирязев (прославившийся афоризмом о стене и лбах) признал, что в кадетском законопроекте о найме «много ценного материала»? Еще бы! Более подлого предательства интересов приказчиков едва ли могли бы требовать самые жадные толстосумы.

Товарищи приказчики! Когда на нынешних выборах кадетские ораторы — все эти Родичевы, Шингаревы, Милюковы и чином пониже — станут вновь сладким голосом убеждать вас, что они ваши друзья и защитники, — поставьте этим звонкогласым лицемерам и обманщикам в упор вопрос: а как же совместить ваши слова с вашими делами? Не вы ли, господа кадеты, своими законопроектами готовитесь туго затянуть петлю на шее приказчиков — в угоду хозяевам?

V.

Приказчики на своей спине теперь в полной мере испытали всю прелесть нынешней политической системы. Они наглядно убедились, что Государственный Совет существует для того, чтобы окончательно душить все то, что не успевала задушить Дума 3 июня. Приказчики видят теперь, что только такая же борьба, какую они вели в 1905 — 06 годах, может дать им серьезные улучшения. Они должны убедиться, что, только идя рука об руку со всем рабочим классом России, только борясь вместе с ним за всестороннюю политическую демократию, за 8-часовой рабочий день, за переход помещичьих земель без выкупа к крестьянам, они добьются действительной свободы.

Не верьте буржуазным партиям, готовым перед выборами лицемерно обещать вам все, что угодно, только бы заполучить ваш избирательный бюллетень. Ведь даже октябристы иногда

делают теперь вид, будто и они недовольны тем вызовом, который бросил приказчикам Государственный Совет, декретировавший 15-часовой рабочий день и упразднение всякого отдыха. А ведь те же октябристы рукоплескали в своем центральном органе Государственному Совету за то, что он «освобождает думский законопроект от тех увлечений (!), которыми законопроект этот изобилует», и за то, что Гос. Совет упраздняет «привилегированные (!) категории труда».

Со всех концов России несутся протесты приказчиков против насилия со стороны Государственного Совета. Но одних резолюций протеста недостаточно. Нужно во что бы то ни стало организоваться. Нужно восстановить на местах свои профессиональные союзы. Не разрешат их — нужно все-таки так или иначе организоваться. Нужно повести планомерную и систематическую агитацию за восьмичасовой рабочий день. Нужно попытаться созвать свой съезд, нужно готовить борьбу во всероссийском масштабе.

И — нужно воспользоваться предстоящими выборами в 4-ю Думу, чтобы усилить в ней представительство социал-демократии, единственной партии, способной до конца защищать интересы всего пролетариата, и, в том числе, — торговых служащих. Приказчики должны доказать, что они сознают себя частью целого, частью всей демократии, что не на частичные уступки при режиме 3 июня возлагают они свои надежды, а — на радикальные изменения, которые сметут весь старый порядок. Приказчики должны показать, что их нельзя ни подкупить, ни запугать, ни обмануть.

Голосуйте за своих кандидатов рабочего класса, социал-демократов!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», №№ 20, 25, 26 и 27, от 5 августа, 9 сентября, 16 сентября и 5 октября 1912 г.; подпись — «Г. Зуев».

[2]) Гудван, А., — автор исследования «В царстве тьмы и эксплоатации. — К вопросу о нормировке труда приказчиков». (СПБ. 1909 г.). Кроме этого общего труда Гудвана несколько других его работ освещают быт одесских приказчиков.

[3]) Розен, М., — написал «Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России». (СПБ. 1907 г.)

[1]) Тагиев, Х. З., — бакинский богач, мусульманин, владелец нефтяных приисков, был под судом за истязание одного из своих служащих, проявленное в самой варварской форме. Все дело носило крайне тягостный отпечаток. Защитником Тагиева был член Гос. Думы присяжный поверенный В. А. Маклаков; его участие в этом процессе вызвало в свое время полнейшее недоумение.

ИЗ ЖИЗНИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ [1].

Германская социал-демократическая рабочая партия является теперь самой крупной политической партией не только в Германии, но и во всем мире. В течение нескольких десятилетий своего существования германская социал-демократия пережила различные времена. Ей пришлось в свое время более десяти лет просуществовать «на нелегальном положении». Она вынесла очень и очень серьезные гонения против всяких проблесков рабочего движения. Ей довелось пережить долгую полосу борьбы с буржуазными группами, старавшимися политически завладеть рабочим движением Германии. Одним словом, она видала виды. И все время оставаясь верной учению марксизма, она вывела рабочее движение Германии на широкую историческую дорогу.

Как раз на этих днях германские рабочие подсчитали свои силы на двух главных поприщах движения: политическая партия и профессиональные союзы.

Политическая партия германских рабочих — социал-демократия — насчитывает теперь, к предстоящему съезду в Хемнице, около **миллиона** членов. Точная цифра — 970.112.

И посмотрите, как быстро развивается эта рабочая партия, как неудержимо растет она из года в год. Она насчитывала членов:

В 1906 г.	— 384.327 —			
» 1907 »	— 530.466 —	Рост в	38	%
» 1908 »	— 587.336 —	» »	10,7	»
» 1909 »	— 633.309 —	» »	7,8	»
» 1910 »	— 720.038 —	» »	13,6	»
» 1911 »	— 836.562 —	» »	16,1	»
» 1912 »	— 970.112 —	» »	15,9	»

За 6 лет число членов партии возросло на 152 процента. Там, где в 1906 г. было 100 организованных с.-д. рабочих, там теперь, в 1912 г., 252 организованных с.-д. В одном Берлине теперь 120 тысяч организованных с.-д. (точная цифра—119.769). В Лейпциге — 37.011 членов с.-д. партии, в Гамбурге — 78.598 и т. д.

Интересно сопоставить число членов партии с числом голосов, получаемых социал-демократией на выборах. На последних выборах в рейхстаг (германский парламент) за германскую

социал-демократию подано 4.250.329 голосов. Это значит, что из каждых 100 с.-д. избирателей около 23-х состоят членами с.-д. организации, или — что каждый член с.-д. партии имеет за собой, по меньшей мере, около 4-х избирателей, т.-е. людей, сочувствующих германской социал-демократии, но в партийную организацию по той или иной причине не входящих.

Теперь взгляните, какую великую просветительную работу выполняет рабочая германская социал-демократия и какой грандиозный аппарат она создала для этого.

У партии 86 ежедневных газет и 3 журнала. Только 8 из них печатаются в частных типографиях, а остальные — в 59 типографиях, принадлежащих партии. Центральный орган партии («Вперед») (2) расходится в 165.000 экземплярах. Всех подписчиков партийной печати — $1^1/_2$ миллиона.

Среди женщин и среди рабочей молодежи — очень сильное движение. «Равенство» — орган для женщин — расходится в 107 тыс. экземпляров.

Газета «Der Wahre Jakob» («Орган Сатиры») распространяется в 380 тыс. экземпляров.

Пропагандистская работа ведется очень широко. Кроме партийной школы, существуют передвижные курсы пропаганды. Пропагандистские курсы и лекции посещены за год более, чем полумиллионом рабочих и работниц.

Избирательных публичных с.-д. собраний состоялось около 30.000. Предвыборных воззваний распространено 80 миллионов. Членских взносов в центральную кассу поступило 955 тысяч марок. На избирательную кампанию из центральной кассы издержано 910 тысяч марок...

Таковы некоторые цифры, дающие представление о мощи партийной с.-д. организации в Германии...

А вот — профессиональные союзы.

В Германии существует 3 группы профессиональных союзов подобно главному партийному делению в политической жизни: социал-демократические союзы (называются «свободными» союзами), либеральные («Гирш-Дункеровские», по имени их основателей г.г. Гирша и Дункера), «христианские» союзы (сюда входят разные рабочие союзы, находящиеся под влиянием партии — «центра» и других реакционеров).

В с.-д. профессиональные союзы входит теперь $2^1/_3$ миллиона членов. За те же 6 последних лет они развивались следую-

щим образом: 1906 г. — 1.689.709 членов, 1907 г. — 1.865.506, 1908 г. — 1.831.731, 1909 г. — 1.832.667, 1910 г. — 2.017.298, 1911 г. — 2.320.986.

Либеральные союзы насчитывают 107.743 члена, «христианские» — 370.957. С 1900 г. по 1911 г. с.-д. союзы выросли с 680.427 членов до 2.320.986, т.-е. увеличились почти вчетверо. А либералы за это же время увеличили число своих членов лишь с 91 тысячи до 107 тысяч...

Доход с.-д. союзов за последний год — 72 миллиона марок, расход — 60 миллионов...

Все члены с.-д. партии состоят, конечно, членами свободных профессиональных союзов. Но, как видит читатель, не все еще члены свободных союзов состоят членами с.-д. партийной организации. Членов с.-д. партии — около миллиона, членов с.-д. союзов — $2^1/_3$ миллиона... Германские марксисты ставят себе целью добиться того, чтобы все члены профессиональных союзов были в то же время членами с.-д. партии. «Нейтрализм», т.-е. взгляд, что союзы должны стоять в стороне от партии и от политики, окончательно подорван жизнью и явно теряет всякую почву под ногами.

А ведь еще сравнительно недавно было время (1878—1889 годы), когда движение германских рабочих было загнано в подполье. В годы «исключительного закона против социалистов» германским рабочим пришлось с о е д и н и т ь тайную с.-д. организацию с открытой, неразрешенную с.-д. партийную организацию с более или менее разрешенной работой в союзах, клубах, обществах развлечения, в рабочей печати, профессиональных органах и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 89, от 12 августа 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) «В п е р е д» («Форвертс») — руководящий орган германской социал-демократии.

«ПЬЯНЫЕ» СЪЕЗДЫ (1).

Удивительно серьезно «борются» с пьянством у нас в России. Кто придумывает этикетку для водочных бутылок с надписью: «вино есть яд» и с изображением черепа, кто морит депутатов Думы пятичасовыми речами о том, что все «от водки» (2), а кто созывает и противоалкогольные (в просторечии: «пьяные») съезды.

Закончившийся на-днях в Москве противоалкогольный съезд не первый из таких съездов. В начале января 1910 года в Петербурге заседал уже один, так называемый, «всероссийский съезд по борьбе с пьянством».

Этот первый съезд был весьма замечателен. Еще накануне открытия съезда г. А. Столыпин из «Нового Времени» называл его «почтенным съездом». На этот съезд послало своих чиновников само министерство финансов. В нем приняло участие правое духовенство, с епископом Митрофаном во главе. Но... но съезд не оправдал надежд. Через день—другой работы духовенство покинуло съезд. Правая печать стала кричать, что это был «не съезд борьбы с пьянством, а съезд борьбы с правительством». Да и либералы после «пьяного» съезда пережили порядочное похмелье.

Испортили все дело, как водится, вечно недовольные рабочие. Либералы и октябристы уверяли, что борьба с пьянством—дело «нейтральное» и что на нем должны сойтись все партии. А злокозненные рабочие — и зачем только пустили их на съезд? — взяли да расстроили весь праздник примирения. Сколько ни призывали их председатели съезда (кадет г. Бородин (3) и другие) «не выдвигать на первый план точки зрения рабочей партии» и «не касаться рабочего движения», а рабочие все же сказали с трибуны съезда то, что есть на самом деле, т.-е. — что вопрос о пьянстве связан с вопросом обо всем укладе нашей жизни, что пьянство тесно связано с положением рабочего, как такового, что для борьбы с пьянством надо не проповеди читать, а—повысить заработную плату, улучшить все условия жизни, поставить все классы в условия политического равноправия, дать возможность свободно устраивать разумные развлечения и т. д.

И это было единственно ценное, что было сказано на первом съезде...

На нынешнем московском съезде не было не только рабочих (рабочих делегатов первого съезда в свое время арестовали), не было даже либералов. Съезд устроен, главным образом, правой группой духовенства, проповедующей, что с пьянством можно бороться только путем «насаждения религиозно-нравственных начал». Председателем московского съезда был высокопреосвященный «Арсений» ([4]), товарищем председателя епископ Митрофан. Присутствовал и знаменитый «чемпион трезвости» г. Челышев.

Московский съезд выслушал целый ряд докладов. Священник Г. Михайлов читал доклад под мудреным заглавием: «Религиозно-нравственный кризис современной жизни, как скрытое следствие алкоголизма и как немолчный порыв к борьбе с этим злом через общества трезвости при церквах». Отец П. Сергеев читал доклад на тему: «Общество и церковь в борьбе с алкоголизмом» и т. д.

Говорили много. Однако, хотя кадетская «Речь» и думает, что «в борьбе с пьянством духовенству бесспорно (!) должна принадлежать одна из первых ролей» («Речь», № 216), мы, грешные, полагаем, что московский съезд едва ли сдвинул с мертвой точки дело борьбы с пьянством. Говорили много, но — «воз и ныне там»...

Наш государственный бюджет в своей доходной части попрежнему на 25% составляется из доходов от казенной винной монополии. Чистый питейный доход равен 600 милл. рублей. Продано за год из казенных лавок 91 миллион с лишним ведер водки. Вот на что прежде всего надо обратить внимание тем, кто хочет всерьез бороться с пьянством.

Корни пьянства — в экономическом и политическом положении масс. Кто закрывает на это глаза, тот не может и не хочет бороться с пьянством.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 92, от 16 августа 1912 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Морил депутатов Думы речами—октябрист М. Д. Челышев, самарский городской голова из разбогатевших ремесленников. Его «теории» по борьбе с пьянством были крайне сумбурны и сводились главным образом к слащавой пропаганде трезвенности, над которой лишь посмеивалось «питейное ведомство» царских финансов.

[3]) Бородин, Д. Н. — присяжный поверенный и «присяжный стряпчий», сочетавший «оппозиционность» кадетского лагеря с чином «дей-

ствительного статского советника»; председательствовал в «Собрании экономистов» и в «пожарном обществе». Кадетский «деятель» второго ранга.

[4]) Арсений — архиепископ новгородский и старорусский; в 1906 г. председательствовал на черносотенных митингах, собиравшихся в Петербурге, в помещении б. Михайловского манежа, где бросались лозунги избиения интеллигенции, а особенно — еврейства.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ (1).

Новое закрытие (2) петербургского союза рабочих металлистов опять ставит на очередь старый, но вечно новый вопрос о положении наших рабочих профессиональных союзов.

Московские фабриканты с нескрываемым злорадством указывают в печати на то, как слабо профессиональное движение в Москве и огромной центрально-промышленной области.

И приходится сознаться: профессиональное движение в России сейчас действительно очень слабо.

Посмотрите, что происходит! Экономическое оживление в некоторых отраслях промышленности — общепризнанный факт. Рабочее движение необычайно усилило свой размах. В течение 1911 и первой половины 1912 года страна наблюдала могучий подъем экономических стачек (3) (не говорим здесь о других стачках) (4). Всюду и везде, во всех без различия странах политической свободы при таких условиях безусловно был бы обеспечен расцвет профессионального движения, рост рабочих профессиональных союзов.

А у нас? Где он, этот расцвет профессионального движения, где рост наших профессиональных рабочих организаций?..

Такова уж особенность нашей русской жизни. Налицо — почти все главные предпосылки, необходимые для расцвета профессионального движения. А расцвета профессионального движения не получается, несмотря на расцвет экономической борьбы.

В самом деле, что составляет живую душу всякого современного профессионального союза на Западе? Конечно, руководство экономической борьбой, в первую голову руководство экономической стачкой. А между тем у нас именно этой главной обязанности профессиональные союзы, *как таковые*, выполнять открыто не могут.

Даже правила 4 марта (5) разрешают в известных рамках руководство экономической борьбой. Но мы все отлично знаем, что на *деле* профессиональным союзам не дают возможности руководить экономическими стачками.

Как-то раз, когда рабочие депутаты в 3-й Думе внесли один из своих запросов о преследовании рабочих союзов, казенная

газета «Россия» следующим образом выразила взгляды правого лагеря на профессиональные союзы. «Россия» писала:

«Резчики — режьте по дереву, по камню, по металлу; портные — шейте, маляры — красьте, сколько вашей душе угодно, оберегайте свои профессиональные интересы без нарушения государственных, и никто решительно против этого не пожелает возразить».

Тут важно, конечно, не сомнительное остроумие казенной «России», а важны взгляды правого лагеря по существу. Этот лагерь готов «терпеть» только такие союзы, из которых выпотрошена душа жива... Портные — шейте, резчики — режьте, но не вздумайте создавать своих классовых организаций, не вздумайте защищать своих классовых интересов...

Вот несколько бесспорных цифр, которые мы заимствуем из материалов объединенных фабрикантов и заводчиков и которые показывают, в каких условиях приходится работать нашим профессиональным союзам. За 5 лет, по самым скромным подсчетам, закрыто профессиональных союзов 497 и отказано в разрешении 604. За один 1910 год закрыто 120 союзов. Сколько отдельных лиц подверглось преследованиям за деятельность в союзах — подсчитать трудно. Но оно, конечно, очень велико.

Судьба петербургского союза металлистов очень знаменательна. К концу июля 1912 г. он имел всего 2.150 человек. А между тем до нынешнего подъема он насчитывал гораздо больше членов (в 1908 г. имел 8.758 членов). В металлургической промышленности—подъем, экономическое движение рабочих металлистов растет, а союз рабочих металлистов не только не растет в числе членов, а падает! Таково «противоречие» современного русского рабочего движения.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 93, от 17 августа 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Новое закрытие петербургского союза металлистов — два крупнейших петерб. союза—металлистов и печатников—закрывались неоднократно. Особенно преследовала полиция именно металлистов. Весною 1912 г. петербургский градоначальник потребовал, чтобы на заседаниях правления «профессионального общества рабочих по металлу» обязательно присутствовал представитель полиции. Но градоначальство так грубо обставило свои притязания, что даже сенат не смог, при всем своем желании, поддержать участок и отклонил домо-

гательства Драчевского. Однако полиция обошлась без всякого «закона» и попросту придралась к тому, что союз металлистов выдавал пособия безработным, руководил забастовками и не допустил полицию к производству ревизии дел союза.

[3]) Экономические стачки — дали в 1912 г. одну треть всего числа рабочих, предъявивших требования к власти и к фабриканту. 1912 г. в отношении стачек опередил предшествовавший 1911 год в восемь раз. За год бастовало свыше полутора миллионов рабочих, из них на долю экономических стачечников приходилась одна треть. А политическая забастовка 1912 года, по сравнению с 1911 г. — поднялась в семьдесят раз. На первом месте среди забастовщиков стояли металлисты.

[4]) Правила 4 марта — были одним из поворотных пунктов в политике царского правительства, которыми оно ознаменовало уже в начале 1906 г. свое возвращение на старые позиции реакции, несколько сданные под влиянием всероссийской забастовки октябрьских дней 1905 г. «Временные правила 4 марта 1906 г. об обществах, союзах, политических партиях и собраниях» состояли из 64 основных пунктов. Эти «правила» всячески зажимают общества, союзы и т. д. ограничениями. Статья 124 уголовного уложения видоизменяется применительно к большей гибкости захвата ею условий существования любой организации. Строго говоря, все 64 параграфа «временных правил» можно было бы вовсе опустить, сохранив лишь пункт 6-й, гласивший суконным чиновничьим языком, что: «воспрещаются общества, преследующие цели, угрожающие общественным спокойствию или безопасности».

ЖИЗНЬ ТКАЧА ([1]).

Жизнь невеселая...
Жизнь бесприютная...

Недавно вышло в свет статистическое исследование М. Давидовича: «Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах». Путем опроса целого ряда рабочих и работниц, одиноких и живущих в семье, и путем тщательной проверки и сводки полученных сведений, Русское Техническое общество попыталось установить, как живется среднему рабочему и работнице текстильного производства в городе Петербурге. В результате этой чрезвычайно старательно и добросовестно выполненной работы получился ряд сухих цифр, рисующих ужасное положение ткачей так красноречиво и так убедительно, как это не могли бы сделать самые пламенные статьи.

Каков, прежде всего, заработок ткачей? По материалам Давидовича, за 1900—1902 г.г., заработная плата петербургского текстильного рабочего была: мужчины — 95 коп. в день, женщины — 73 коп., или в год — 287 руб. мужчина и 216 руб. женщина (в тексте у Давидовича опечатка: ошибочно показано 286 вместо 216). По материалам (за 1908 год), средний заработок мужчины равен 383 руб. в год, женщины — 260 руб.

Надо заметить, что при исчислении вошли в счет также рабочие слесарно-механических мастерских на фабриках. Слесари и механики на фабриках получают несколько более, чем ткачи. Значит, заработная плата собственно ткача, прядильщика, продевальщицы и т. д. на самом деле еще ниже вышеуказанной.

Первый крупный итог: петербургский рабочий-текстильщик зарабатывает в среднем немногим более 25 руб. в месяц, а фабричная работница — немногим более 20 руб. И это — в Петербурге, при столичной дороговизне жизни.

Таков доходный бюджет петербургских ткачей.

В тесной зависимости от дохода находится, конечно, и расход. Ибо — сторонних заработков у ткача, конечно, нет. Наоборот, сам он сплошь и рядом должен посылать денежную помощь в деревню голодной, заброшенной семье. Рабочий, у которого есть семья в деревне, по подсчету Давидовича, отсылает в год 84 рубля. Легко представить себе, как живет после этого петербургский ткач... Больше половины одиноких рабочих — прибли-

зительно шестеро из каждых десяти — занимают лишь полкойки, т.-е. не имеют собственного угла и спят вдвоем на одной койке. Из каждых 10 семейств рабочих-текстильщиков больше половины (5—6) ютится либо на одной койке, либо снимает угол, и лишь меньшинство семейств имеет одну комнату. По самым минимальным требованиям гигиены, на каждого взрослого человека в его жилье должно быть полторы кубической сажени. А петербургский ткач в своем жилье не имеет даже половины этой нормы. Зато платит он за свою конуру втридорога. За полкойки в год платится в среднем 21 руб. 78 коп., за койку — 45 руб. 30 коп., за отдельную комнату — 71 руб. 17 коп.

Одеваться приходится, конечно, совсем убого. По одежке протягивай ножки. А стоит опять-таки вдвое. Наш русский ткач тратит на одежду в год 27 руб. 37 коп. на семью, что составляет 13½% его дохода, а средняя берлинская рабочая семья того же достатка, одеваясь во много раз лучше, тратит в год только 13 руб. 88 коп., что составляет лишь 6½% ее дохода. Вот и живи тут...

При таком доходе ясно, что и питание рабочих не может быть сколько-нибудь сносным. На каждого взрослого в рабочей семье наш ткач тратит в среднем 104 руб. 53 коп. в год, или 51½% всего заработка среднего ткача.

Очень поучительны данные о расходах на алкоголь. Чем выше достаток рабочего, тем меньше он тратит на водку, пиво и т. д. Хороший ответ нашим ханжам: чем проповеди читать о вреде пьянства, добейтесь-ка лучше повышения заработной платы, господа!

Из 20—25-рублевого месячного заработка изволь покрыть расходы на пищу, жилье, одежду, отсылку в деревню, уплату налогов, угощение фабричного начальства, похороны, крестины, болезнь, духовные потребности и т. д.! Понятно, что петербургский ткач живет на краю нищенства. Понятно, что при особенно длинном рабочем дне (Давидович не дает данных о рабочем дне) ткач в среднем не живет долее 40 лет. И это — в столице! А что делается в глухих углах центрально-промышленной России? Как мучается и страдает рабочий-ткач в этих местах?..

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 94, от 18 августа 1912 г.: подпись — «Гр.».

ПРОГРЕСС НАИЗНАНКУ ([1]).

Газеты публикуют предварительные данные относительно числа избирателей по 2-й городской курии Петербурга.

Сопоставляя эти данные с числом внесенных в списки избирателей при выборах в 3-ю Думу, получаем следующую картину:

	Было избирателей при выборах в 3 Думу в 1907 году:	Избирателей в 1912 году:	Плюс (+) или минус (—)
1. Адмиралтейская часть . . .	2.679	1.695	—36 проц.
2. Алекс.-Невская часть	6.033	4.965	—17 »
3. Васильевский Остров	7.898	7.680	$-2^1/_2$ »
4. Выборгский участок	2.700	2.548	$-5^1/_2$ »
5. Казанский »	4.781	3.610	—24 »
6. Коломенский »	4.783	4.275	—10 »
7. Литейный »	8.518	8.197	—4 »
8. Московский »	11.928	9.745	—19 »
9. Нарвский »	6.984	5.962	—14 »
10. Петербургский »	10.719	11.297	$+4^1/_2$ »
11. Рождественский »	7.072	6.269	—11 »
12. Спасский »	10.012	5.994	—40 »
Всего	84.107	72.237	—40 проц.

Странное положение! Во всем мире число избирателей, при сохранении старого избирательного закона, от одних генеральных выборов к другим растет. В Германии, например, в течение последних четырех пятилетий число избирателей регулярно увеличивается каждый раз приблизительно на 2 миллиона. А мы... мы пятимся назад.

В нашей столице, которая, конечно, за пять лет выросла минимум на 7 — 8 процентов, число избирателей уменьшилось на целых 12 тысяч человек!

Едва ли кто-нибудь из добросовестных наблюдателей нашей общественной жизни может усомниться в том, что этот прогресс наизнанку достигнут искусственными мерами: «разъяснениями», неимоверными препятствиями при подаче соответствующих заявлений и т. д. Но факт остается фактом. И если бы дело пошло

таким же темпом, если каждые 5 лет стали бы исключать новых 14 проц. избирателей, то мы довольно скоро дошли бы до того, что и в Государственную Думу, подобно петербургской городской думе, выбирали бы одни богатые трактирщики и первоклассные миллионеры...

И заметьте,—ведь сколько бы ни было избирателей, выбрать они по закону могли бы только 3-х депутатов. Значит, насчет окончательного состава 4-й Думы сомневаться нечего было. И все-таки... все-таки уменьшают число избирателей на целых 12 тысяч, даже по сравнению с выборами в 3-ю Думу, т.-е. на основе уже закона 3 июня 1907 года.

Больше всего пострадали, конечно, демократические участки.

На один Спасский—наиболее «приказчичий»—участок число избирателей уменьшилось более чем на 4.000 человек. То же—и в Александро-Невском, в Нарвском, Коломенском и других участках. Только в районе Петербургской стороны мы видим слабое увеличение ($4^1/_2$ проц.) числа избирателей.

70 ли тысяч или 80 тысяч избирателей на $1^1/_2$-миллионное население Петербурга это, конечно,—в обоих случаях не демократические выборы. И только при самом энергичном сплочении демократических элементов можно, вопреки всему, добиться выражения воли демократического Петербурга.

Но 70 все же лучше 80-ти,—так, очевидно, сказали себе те, кому сие ведать надлежит...

Сделано все возможное, чтобы обеспечить «победу» кадетов над демократией, ибо победа правых по 2-й курии Петербурга исключена даже при нынешних нравах и обычаях.

Но тем не менее демократические элементы Петербурга должны сказать себе: мы еще повоюем! Есть же и среди 72-х тысяч немало избирателей, отнюдь не считающих Кутлеров защитниками народной свободы. Им, этим демократическим элементам, необходимо сплотиться, необходимо последние дни использовать для подачи заявлений об избирательных правах и громко на всю Россию заявить: мы, демократы, хотим видеть в Думе от Петербурга своих депутатов, депутатов рабочей демократии, а не людей, мятущихся между правым лагерем и демократией...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 22, от 19 августа 1912 г.; подпись— «Гр.».

А. С. СУВОРИН [1].

Умер Суворин. Вполне естественно, что его память чтит и ему воздает должное весь реакционный лагерь России.

Казалось бы только, что хвалить-то Суворина этот лагерь должен был бы именно за то, чем он действительно был дорог реакционерам, чем он действительно заслужил благодарности черного лагеря. И прямою неблагодарностью по отношению к памяти сошедшего в могилу крупного представителя реакционной России являются попытки некоторых его почитателей приписать ему такие политические качества, которых А. С. Суворин на деле не имел.

Вот, например, г. С. Н. Сыромятников, сподвижник Суворина и официальный выразитель мнений казенной газеты «Россия», восхваляет А. С. Суворина за то «его свободолюбие, его демократический либерализм», за его «демократизм с легкой примесью деревенского социализма» и т. п.

К чему это лицемерие? А. С. Суворин стал крупной общественной фигурой не в качестве демократа и не в качестве либерала, а в качестве реакционера, более умелого, более умного, чем другие, но все же только реакционера.

Представителям третье-июньской России дорог Суворин «нововременский», дорог человек, отрекшийся от всего, что хотя бы только в отдаленной степени напоминало демократизм. Суворин, тот Суворин, которого чтит теперь «нововременская» Россия, не был ни «демократическим либералом», ни либералом, ни деревенским социалистом, ни просто социалистом. Если на его убеждениях и был какой-либо «налет», то, во всяком случае,— не социалистический, а — совершенно иной...

А. С. Суворин начал свою деятельность бедным школьным учителем.

Правда, даже он заплатил «дань молодости». Был знаком с Н. Г. Чернышевским. Подвергался «воздействию» школьного начальства за то, что в классных сочинениях предерзостно цитировал В. Г. Белинского. Печатался короткое время в «Современнике» и «Отечественных Записках». Сидел на гауптвахте за сожженную цензурой «неблагонадежную» книгу [2] и т. д.

Но все это было «не настоящее». Суворин стал Сувориным с конца 70-х и начала 80-х годов, когда на шовинистической

волне, поднятой Балканской войной, он вздумал построить свою карьеру. Началось дело с утонченного, рафинированного ренегатства, и только через некоторое время ренегат докатился до последних логических пределов своего отречения. И, разумеется, только этой своей стороной, только в качестве человека, отрекшегося от демократии и либерализма, Суворин нововременский стал дорог тем, кто теперь вполне справедливо чтит его память...

Либеральные противники А. С. Суворина ставят ему в вину то, что одной из главных заповедей его было угождение вкусам толпы, т.-е. изображают его своего рода реакционным демагогом. Это обвинение не вполне справедливо. На самом деле Суворин нововременский и его единомышленники угождали не толпе, а численно очень незначительной кучке...

А. С. Суворин не был такой, в известном смысле, монолитной фигурой, какой являлся крупнейший представитель старой реакционной России К. П. Победоносцев. В истории, конечно, бывали примеры и того, как люди победоносцевского калибра, под влиянием изменившегося соотношения сил, умели приспособляться к новым условиям и к господству новых слоев... Но А. С. Суворин оказался особенно «гибким», особенно приспособляющимся человеком. Нет ничего легче, как представить себе А. С. Суворина дельцом-«конституционалистом», умеющим ценить и «европейского» масштаба «парламентские» интриги и парламентские игры и комбинации. Таковым и стал бы—и уже становился в свое время — Суворин нововременский, если бы, например, упрочился граф Витте с его старым курсом. И вместе с тем нет ничего легче, как представить себе Суворина таким, каким он был или каким он всегда готов был стать, если бы победили еще более оголтелые...

Совершенно ведь несомненно, что щедринская кличка «чего изволите» и пароль «нос по ветру» совершенно исчерпывающе определяют идейную физиономию настоящих, исконных, коренных нововременцев. А скончавшийся А. С. Суворин безусловно был нововременцем до конца ногтей.

А. С. Суворин работал много и энергично. Он сумел сплотить вокруг себя несколько писателей, с растленными перьями и душой истинных нововременцев. Буренин (3), Розанов (4), Меньшиков — таково созвездие, которое много лет уже сопутствовало суворинской планете... Теперь Суворин нововременский сошел со сцены. Но осталось еще «нововременство». Проповедь погромов, защита

розги, издевка над голодающими, разжигание самых темных инстинктов, пропаганда дипломатических авантюр, травля «кухаркиных сыновей», презрение к тому, чему вчера поклонялся, защита тьмы и насилия — все это не изжито Россией...

У Нововременской России все основания оплакивать своего Суворина.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 22, от 19 августа 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Неблагонадежная книга — была издана А. Сувориным (под псевдонимом «А. Бобровского») в 1866 г., ее заглавие — «Всякие». — «Очерки современной жизни». Петербургский окружный суд, а за ним и судебная палата, нашли в книге «всякие», довольно прозрачные уколы по адресу современной жизни и социальных взаимоотношений. Действительно, очерки были схвачены сочно, безусловно талантливым пером и производили сильное впечатление. Прокуратура особенно обиделась за российское «благородное дворянство», в ряде мест охарактеризованное весьма правдоподобно и метко. Обвинительный акт негодовал, что в книге были исторически верные штрихи, в роде: «Феодалы! Неумытые хари, которых кнутом пороли, которым пощечины давали!». Тип титулованной знати времен Александра II обрисован крайне непривлекательной фигурой «барона Скотендорфа». И наоборот, вызывал сильные симпатии облик «литератора Самарского», в котором все сразу же узнали писателя Н. Г. Чернышевского, за несколько лет до того загнанного в сибирскую ссылку.

Книга была сожжена по судебному приговору.

[3]) Буренин, В. П. — литературный критик, нововременец.

[4]) Розанов, В. В. — литератор, много писавший по вопросам церкви, семьи и брака. Насыщенный идеалистической философией со всеми ее болезненными надрывами, Розанов на каждом шагу ударялся в доведенную до крайности мистику.

ВЫБОРЫ В ГОРОДАХ [1].

Мы говорим о выборах в 4-ю Думу по 2-й городской курии.

Либералы из «беспартийных» «Запросов Жизни» пытаются убедить рабочую демократию в том, что ей не следует вести самостоятельной кампании и против черных и против кадетов во 2-й курии. И хотя «советы эти продиктованы, конечно, своекорыстными политическими интересами — желанием помочь кадетам — нам кажется все же полезным разобрать их по существу.

Коробка [2] пробует привести два довода: во-первых, шансы с.-д. во 2-й курии ничтожны, во-вторых, в этой курии есть черносотенная опасность.

Разберем эти доводы.

Коробка так перечисляет кадетские «шансы»: в Петербурге «допустить возможность победы с.-д.» трудно, ибо кадеты сильнее. Вывод: надо без борьбы сдать Питер кадетам. Далее: «в Москве, где кандидаты к.-д. получили 80%, вряд ли может быть речь о шансах какой-нибудь другой партии». Заключение: Москва принадлежит кадетам. В Одессе «имеют шансы на успех только к.-д. и представители еврейской национальной группы». Значит — отдать Одессу кадетам.

Оригинальная точка зрения! «Что мое — то мое, а что твое — тоже мое».. Относительно каждого города придуман особый повод, по которому его следует отдать кадетам...

Беспартийный Коробка забыл лишь одно. Во-первых, с.-д. заботятся не только о мандатах; им важнее просвещение масс, они выступают не только там, где победа у них в кармане. А во-вторых, — так ли уж безнадежны шансы рабочей демократии в больших городах? Отчего же тогда так беснуются кадеты по поводу самостоятельной линии марксистов? Вероятно, они-то все-таки не забыли, что, например, в той же Москве их кандидат собрал 80% голосов лишь после того, как его самый опасный соперник, с.-д. кандидат И. И. Скворцов, был «изъят». Такие победы к.-д. возможны и впредь. Но... это не ослабит стремления марксистов провести свою кампанию.

Возьмем далее вопрос о черносотенной опасности во 2-й курии. Коробка сам пишет: «как совершенно правильно отмечают публицисты «Правды», среди выборщиков по 2-й городской курии оппозиция составляла подавляющее большинство и, вероятно, среди них было довольно значительное число лиц,

примыкающих к с.-д.». Но, — возражает он, — стоит подойти одному черному от 2-й курии, и помещичье большинство в губернии выберет в Думу именно этого черного.

Последнее верно. Но что из этого вытекает? Что марксисты должны отложить в сторону борьбу против кадетов? Да ничуть, г. Коробка!

Прежде всего, всюду теперь существует перебаллотировка. На первых выборах выясняется, есть ли на деле черная опасность. Если есть, на вторых выборах (перебаллотировка) — марксисты не отказываются от соглашений. Значит, черный пройдет лишь там, где у него абсолютное большинство и где с ним ничего не поделаешь никакими блоками с к.-д. И, следовательно, ваше «пужание» черной опасностью есть только прием отвлечения избирателей от с.-д. к кадетам.

Затем, некоторое количество черных выборщиков от 2-й курии неизбежно пройдет. Например, там, где администрация делит избирателей по нациям (закон дает на это право), часто ничего не поделаешь. Правые, хотя и в меньшинстве в городе, а своего они проведут. И хотя бы с.-д. и отказались от самостоятельной линии, выбора черных они здесь не предотвратят.

И, наконец, если где и можно союзу всей оппозиции провалить черных, то откуда следует, что с.-д. должны помогать кадетам, а не наоборот?..

Ведь у к.-д. только то сомнительное преимущество, что сами они частенько заигрывают с черным лагерем...

Подумайте обо всем этом на досуге, господа «беспартийные» кадеты из «Запросов Жизни», а рабочая демократия тем временем будет попрежнему вести во 2-й курии борьбу против черного лагеря, неуклонно разоблачая при этом шаткость либералов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 98, от 23 августа 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Коробка, Н. И. — преподаватель учительского института и Психо-Неврологического института, сотрудник кадетских «Запросов Жизни», где он полемизировал с «Правдой» и «Звездой». По поводу выборов в городах он поместил две статьи: «Демагогия» (№ 31, от 3 августа 1912 г.) и «Общество и партии» (№ 33, от 17 августа 1912 г.). Сколько смыслил этот «коллежский ассесор» в политических перспективах, видно из его уверенности, что «в программы этих партий (революционной социал-демократии) сейчас вряд ли серьезно верят даже их творцы».

ИЗ ЖИЗНИ ГЕРМАНСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ (1).

Было время, когда сторонники английского трэд-юнионизма, т.-е. узкого, цехового профессионализма, либеральной рабочей политики, могли в защиту своей неверной тактики приводить хоть тот факт, что зато количественно английские профессиональные союзы (трэд-юнионы) являются самыми многочисленными во всем мире. Теперь это время прошло. Германские социал-демократы позаботились о том, чтобы отнять у английских трэд-юнионистов этот довод. Германские рабочие показали всему миру, что если профессиональные союзы привержены к социал-демократической точке зрения, то это не только не задерживает их развития, а наоборот, сообщает им новую силу. Несомненно, что теперь, по своей силе, выдержке и значению, германские «свободные» (соц.-дем.) профессиональные союзы являются образцами для всего профессионального интернационала.

Если сравнить данные о росте германского профессионального движения с данными о развитии германской социал-демократии, то становится совершенно ясно, как тесно связаны между собою судьбы обоих основных видов рабочей организации. В годы «исключительного закона» (1878—1889) профессиональное движение было разгромлено так же, как и партийное. Значительную часть своей работы, как, например, созыв профессиональных съездов, добрая часть руководства стачками, союзы на первых порах должны были выполнять тайно, нелегально. С падением исключительного закона союзы начинают развиваться таким же и еще более быстрым темпом, как и партия.

Как быстро развивались германские с.-д. профессиональные союзы со времени падения исключительного закона, — видно из следующих данных. Свободные союзы насчитывали членов:

В 1891 г.	277.659
» 1892 »	277.049
» 1893 »	223.530
» 1894 »	246.494
» 1895 »	259.175
» 1896 »	329.230
» 1897 »	412.359

В 1898 г.	493.742
» 1899 »	580.473
» 1900 »	680.427
» 1901 »	677.510
» 1902 »	733.606
» 1903 »	887.698
» 1904 »	1.052.108
» 1905 »	1.343.803
» 1906 »	1.689.709
» 1907 »	1.865.506
» 1908 »	1.831.731
» 1909 »	1.832.667
» 1910 »	2.017.298
» 1911 »	2.320.986

Итак, за 20 лет, с 1891 по 1911 г., число членов с.-д. профессиональных союзов поднялось с 277 тысяч до $2^1/_3$ миллионов, т.-е. выросло почти в д е с я т е р о.

И это — несмотря на то, что германское профессиональное движение расколото. Раскол в союзы внесла буржуазия. И удержать единство можно было только ценой уступок буржуазным влияниям. Но германские передовые рабочие предпочли открытую борьбу с либералами и реакционерами. И они добились теперь того, что и либеральные профессиональные союзы (Гирш-Дункеровские) и «христианские» союзы, вместе взятые, составляют ничтожное меньшинство. Либеральные союзы имели в 1900 г. 91.661 члена, в 1905 г. — 117.097. а в 1911 г. — 107.743 члена (в этом году либералов покинул 20-тысячный союз приказчиков). «Христианские» союзы имели в 1900 г. 159.770 членов, а в 1905—265.032, в 1911—340.957.

Интересно присмотреться к бюджету, к финансовой политике с.-д. профессиональных союзов. По ней наглядно виден характер деятельности союзов. Начнем с дохода. Высота членских взносов была в 1891 году в с р е д н е м 6,68 марок в год (3 р. 10 коп.), в 1905 г.—20,68 марок (9 р. 75 коп.), в 1911 г.—31,06 марок (14 р. 75 коп.). Среди членов союзов существует даже группа в 84.172 чел., платящая по 52 марки (24 р. 40 коп.) в год. В среднем членские взносы возросли за 20 лет в 5 раз. Если более чем 2-миллионная масса идет на такие денежные жертвы, значит она на каждом шагу чувствует всю важность крепких союзов, с сильной организацией и полной кассой. Это — лучший

ответ, якобы, «революционным» французским синдикалистам, которые с такой охотой зубоскалят над значением полных союзных касс и у которых нет серьезной организации.

А вот какова расходная политика свободных с.-д. профессиональных союзов. На стачечную борьбу, т.-е. на главную отрасль деятельности профессиональных союзов—издержано: в 1907 г. — 13.196.363 марки (марка — 47 коп.), в 1908 г. — 4.819.399, в 1909 — 6.904.431, в 1910 — 19.603.605, в 1911 — 17.303.328 марок. Последний год был годом промышленного оживления, упорство капиталистов было не так велико. И все-таки на стачки тратится почти 10 миллионов рублей.

Высчитано, что в среднем на стачечную борьбу на каждого члена союза с.-д. союзы тратят 7,84 марки, либеральные союзы — 3,09, а «христианские» — 3,52. С.-д. союзы тратят в $2^1/_2$ раза больше.

За 21 год (с 1891 г.) с.-д. союзы истратили на одни стачки 108,7 миллиона марок—около 52 миллионов рублей (на наши деньги). За это же время на различные виды помощи с.-д. союзы издержали 142,7 милл. марок—около 66 милл. рублей. Но из всех видов помощи у с.-д. союзов преобладают «боевые» виды помощи, тесно связанные со стачечной борьбой. Так, на помощь безработным издержано за это время 46.528.951 марка (около 22 миллионов рублей), выдано на путевые расходы при поисках работы — 12.437.856 марок (около $5^3/_4$ милл. руб.), на подвергшихся репрессиям рабочих — 8.343.369 (около 4 милл. руб.). Помощь больным составила 55 миллионов марок (26 милл. руб.), юридическая помощь — $1^1/_2$ милл. рублей, инвалидам около 2 милл. рублей, помощь на случай смерти и проч.—$5^1/_2$ милл. рублей.

В этом отношении с.-д. союзы опять-таки выгодно отличаются от либеральных и реакционных союзов. На помощь безработным, например, с.-д. союзы тратят в год 3,30 марок, либеральные—2,16, а «христианские» союзы—лишь 0,76 марок на человека, т.-е. в $1^1/_2$ и в 4 раза меньше с.-д. союзов.

По бюджету германские с.-д. союзы выгодно отличаются и от английских трэд-юнионов, где благотворительная взаимопомощь играет еще поныне очень большую роль. Сила $2^1/_3$ миллионов членов германских с.-д. союзов в том и состоит, что здесь все подчинено интересам боевой тактики, интересам экономической борьбы.

Было время, когда и среди германских с.-д. союзов преобладали цеховые настроения. О всеобщей стачке руководители союзов и слышать не хотели. И они превозносили «нейтрализм», т.-е. безразличное отношение союзов к с.-д. партии и к политике. Все эти явления теперь все больше становятся достоянием прошлого. В профессиональном движении Германии и сейчас еще слишком большую роль играют ревизионисты, т.-е. люди, сбивающиеся на буржуазный либерализм. Но ход классовой борьбы — лучший учитель.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 101, от 26 августа 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

ВОКРУГ НАШЕЙ КУРИИ (1).

Вновь возникают проекты и предположения о выставлении рабочими так называемой «профессиональной» платформы.

Не надо, дескать, чтобы вмешивались марксисты, как определенное целое. Пусть рабочие выдвинут такую платформу, которую открыто могут защищать нынешние профессиональные союзы. Союзы, видите ли, не займут вовсе позиции открытой поддержки марксистов. Союзы будут говорить так: рабочие, нужна вам свобода союзов? Конечно, да! Ну, так поддерживайте имя-река, который в своей платформе и выставляет исключительно это требование. Подобным манером будет поставлен вопрос еще об одном-двух «чисто-рабочих» требованиях — страхование рабочих, фабричное законодательствование и т. д. Для «левизны» припишут еще требование всеобщего избирательного права, разбавят все это либеральной водицей, объяснив, что бороться надо только за «частичные права», и, оставив в стороне главный вопрос об общем, о системе, — всю эту мешанину назовут «чисто-рабочей» или «профессиональной» платформой.

При выборах во 2-ю и в 3-ю Думы уже намечалось среди тогдашних оппортунистов подобное «течение». Тогда мотивировали тем, что необходимо захватить массу пошире, а это-де может сделать не «узко»-марксистская платформа, а именно такая «понятная» и «доступная» всякому рабочему «профессиональная» платформа.

Передовые рабочие отвергли эту оппортунистическую идею тогда и отвергнут ее и сейчас.

На выборах в Думу выступают не рабочие отдельных профессий и цехов, а все рабочие, как класс. Естественно, что рабочие выдвигают не цеховую, не профессиональную, а классовую платформу, платформу, объединяющую всех рабочих всей России, независимо от цеха и профессии. Передовые рабочие хорошо знают свою платформу, которая дает прямой ответ на главные вопросы нашей жизни: рабочий вопрос, крестьянский (земельный) вопрос и вопрос общеполитический, об условиях русской жизни вообще. Рабочие-марксисты хорошо знают, что вопросы о всеобщем избирательном праве, о свободе коалиции или о рабочем законодательстве — являются сейчас лишь частью одного общего вопроса. Нетрудно перечислить несколько хороших конститу-

Егоров,

первый редактор - рабочий, посаженный царским правительством за рабочую газету «Правду» в тюрьму.

ционных реформ, назвать несколько—иные стараются «перечислить» побольше. Но наша задача — сказать себе и другим прежде всего: при каких условиях в современной России вообще мыслимо какое-нибудь коренное улучшение в положении рабочего класса и всей демократии? Марксисты, вопреки ликвидаторам, думают, что рабочий класс попрежнему остается и должен остаться вождем всего освободительного движения. Замыкаться в скорлупу профессиональных «чисто-рабочих» требований могут только либеральные рабочие политики.

Это отнюдь не значит, что профессиональные союзы, с точки зрения марксистов, должны остаться теперь в стороне. «Выборы в Думу нас не касаются». Наше дело — сторона. «Наша хата с краю» — такой тактике союзов меньше всего могли бы сочувствовать марксисты. Самые «нейтральные» союзы на Западе ко времени выборов в парламент покидают свой нейтрализм (посмотрите хоть на Германию!). Да и как иначе? Ведь, в союзах — те же рабочие. Да и союзу, как таковому, отнюдь не безразлично, каков будет состав парламента. Какой возможен «нейтрализм», когда борются, с одной стороны, — марксист, а с другой стороны, скажем, либерал или либеральный подголосок, хотя бы и называющий себя «социал-демократом».

Меньше всего мы являемся сторонниками «нейтрализма», выгодного только противникам марксизма. В наших русских профессиональных союзах много чрезвычайно ценных и преданных рабочему делу элементов. Им мы можем советовать только одно: остаться не «нейтральными» (т.-е. ни холодными, ни горячими), а тщательно разобраться во всех предлагаемых рабочим платформах и особенно ясно провести грань между марксистами и бывшими марксистами (ликвидаторами).

Выступая против «профессиональной» платформы, разумеется, мы не вступаем ни в малейший конфликт с профессиональными союзами. Инициатива «профессиональной» платформы исходит не от них, а от ликвидаторов. Прямо бороться против марксистской платформы—дело безнадежное. И, повидимому, поэтому ликвидаторы избирают обходные пути. — Кричат об единстве, сами отколовшись от марксистов. Выдумывают «планы», подобные вышеуказанному, и т. д.

Рабочие, однако, достаточно выросли, чтобы не дать провести себя на мякине. Назовете ли вы свою платформу «профессиональной» или объявите, что эту ликвидаторскую платформу

*

признало какое нибудь «всероссийское» объединенное» совещание (газеты, вплоть до черносотенного «Света» — № 211, трубят о какой-то конференции, повидимому, ликвидаторской), — ликвидаторство останется ликвидаторством, а ликвидаторская платформа— ликвидаторской платформой.

Мартов, Батурский и другие писатели-ликвидаторы из «Невского Голоса» чрезвычайно ласково, учтиво, мягко и вкрадчиво убеждают рабочих не разбирать — где ликвидатор, где марксист. Ну, что за счеты? Все мы, дескать, марксисты. Мягко стелят...

Однако мы никогда не перестанем звать кошку кошкой, а ликвидаторство — ликвидаторством. В какие перья ни рядитесь— все в депутаты от рабочих не годитесь.

Рабочие Петербурга проведут в Думу по рабочей курии **не** ликвидатора, **а** марксиста.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 23, от 26 августа 1912 г.; подпись — «А. Б.».

ПРИБЫЛЬ ТЕКСТИЛЬНЫХ ФАБРИКАНТОВ (¹).

Согласно произведенному в 1908 г. обследованию, которому подверглось 19.983 русских фабрики и завода, оказалось, во-первых, что общая сумма прибыли фабрикантов и заводчиков равна была почти 15%; и, во-вторых,—что рабочий в среднем зарабатывает в год 246 рублей, а капиталисту приносит прибыли 252 рубля в год (см. «Правда», № 85). Посмотреть на прибыли текстильных фабрикантов интересно — текстильная промышленность играет у нас огромную роль. Совет съездов представителей промышленности и торговли в своем «Статистическом Ежегоднике» на 1912 г. дал нам некоторые данные, позволяющие в общем подсчитать барыши текстильных фабрикантов.

В 1900 году общая сумма производства и выручки по заказам в 730 текстильных предприятиях России равнялась 531 миллиону рублей (точная цифра 531.213.000 рублей). А стоимость производства была: 374 миллиона (374.187.000) на сырые материалы и 65 миллионов (65.829.300) на заработную плату, всего 440 миллионов (440.017.100). Вычитывая расход из дохода, получаем прибыль в 91 миллион рублей (91.195.900). Это составляет 22 процента на сумму, пущенную в оборот.

В 1908 году общая сумма производства и выручки по 762 текстильным предприятиям равнялась 891 милл. руб. (891.465.000). Стоимость производства: сырые материалы 599 милл. (599.173.800) и заработная плата 108 милл. (108.328.600), всего—707 миллионов (707.502.400). Вычтя расход из дохода, получаем прибыль в 184 миллиона рублей (183.962.600). Это дает фабрикантам 26 процентов прибыли.

Быть может, в сумму расходов здесь не вошли некоторые статьи издержек по производству, но они только второстепенны, мелки. В общем вывод, что текстильные фабриканты получали в 1900 году 22% прибыли, а в 1908 году—26%, едва ли сильно преувеличен.

Граф Витте только констатировал факт, когда в недавней размолвке с фабрикантами и заводчиками указал им с трибуны Госуд. Совета, что западным фабрикантам и не снятся такие барыши, какие получают наши отечественные Тит Титычи. Недаром западно-европейские капиталисты так стремятся «пристроить» свои капиталы в России...

Текстильный рабочий, по тем же данным, получал в 1900 г. заработную плату в 162 рубля в год и 214 руб. в 1908 г. А прибыли каждый рабочий приносил фабриканту в 1900 г. — по 226 руб., а в 1908 г. — по 363 рубля. Это значит, что из каждого вырабатываемого трудом рабочего рубля рабочий получает лишь от 40 до 44 коп. А фабрикант получает от 56 до 60 коп. Или — что из каждых 12-ти часов труда текстильный рабочий трудится для себя около 5 час., а в течение остальных 7 часов производит прибавочную стоимость для фабриканта . . .

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 102, от 28 августа 1912 г. подпись — «Гр.».

КАДЕТЫ И РАБОЧИЙ ВОПРОС [1].

В рабочем вопросе, как и в вопросе аграрном, кадеты заняли совершенно определенную анти-демократическую хозяйскую позицию. Земельный вопрос и вопрос рабочий, это — главные, основные вопросы всей нашей современной политической жизни. И вот в первом случае кадеты явно охраняют интересы «культурных» помещиков против крестьян, а во втором — интересы «передовых» фабрикантов и заводчиков против рабочих.

Вопрос о законодательной нормировке рабочего дня — один из коренных вопросов, выдвинутых рабочим движением. Повышение заработной платы — очень важное требование. Но это повышение часто целиком поглощается повышением цен на предметы первой необходимости, и улучшение жизни рабочего получается тогда лишь на бумаге. Понятно поэтому, что особенно важное значение рабочие придают сокращению рабочего дня, при прочих равных условиях действительно улучшающему их положение.

Рабочие требуют законодательного введения 8-часового рабочего дня. Это является одним из основных требований рабочей демократии и в ее избирательной платформе к выборам в 4-ю Думу.

Каково же мнение кадетской партии по этому основному вопросу? Мы уже указывали («Правда», № 81), что кадеты вместо 8-ми часов предлагают... 12 часов. Но кадетская «Речь» сердито объявила это наше указание «ложью», «бесцеремонным извращением» и т. п. Однако, не взирая на сердитые окрики, обратимся к документам.

В кадетском сборнике «Законодательные проекты партии народной свободы», на стр. 349, напечатан кадетский проект закона о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях». В нем (ст. 3-я) мы читаем буквально:

«Рабочий день при работе одним дневным комплектом рабочих, включая перерывы на отдых и принятие пищи, не должен продолжаться дольше 12 часов».

Кажется, ясно?

Через пять лет по введении в действие сего закона кадеты обещают сократить рабочий день, а «через десять лет нормы

рабочего времени должны быть подвергнуты новому пересмотру в законодательном порядке» (ст. 351). Через 100 лет, может быть, кадеты согласятся и на 8-часовой день. Но пока что они говорят коротко и ясно: при одной смене — 12 часов. Да еще разрешают (ст. 22-я кадетского закона) два часа в день сверхурочных работ. Итого получается максимальный рабочий день — 14 часов! Зато, согласно ст. 6-й, «рабочему должна быть предоставлена возможность принятия пищи не реже, как через каждые 6 часов»). Неправда ли, как либерально! И это кадеты предлагали в 1906 году, когда они были большинством в 1-й Думе и хотели казаться особенно «левыми».

Мы не говорим сейчас про кадетские законопроекты о рабочем договоре, о страховании и т. д. Эти законопроекты проникнуты таким же анти-рабочим духом. Но о них — в другой раз. А сейчас мы спрашиваем кадетов: правда ли, что в их законопроекте есть приведенный нами выше пункт, и кто же позволил себе «ложь»?

За последнее время кадеты опять притаились, как рыбы. Они вернулись к тактике «глухонемых» и делают вид, что не слышат вопросов, которые ставит им рабочая демократия. Разумеется, это свидетельствует только о том, что по существу кадетам ответить нечего, а на голой брани далеко не уедешь — замолчишь поневоле...

Но рабочим, всей демократии, надо хорошенько уяснить себе, что такое кадеты. Отбросим крики либеральных защитников о вреде «кадетоедства», и на предстоящих выборах потребуем кадетскую партию к ответу. Пусть на проклятые вопросы даст ответы нам прямые: как смотрит она на рабочий вопрос, на земельный вопрос и на вопрос общеполитического нашего устроения?

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 102, от 28 августа 1912 г.; подпись — «А. Б.».

ТАКТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ (¹).

Между марксистами и ревизионистами идет постоянная борьба. Ревизионисты почти во всех важных политических вопросах сбиваются на либеральную точку зрения. А решительный отпор либеральным влияниям — дело, конечно, совершенно необходимое.

Теперь между германскими марксистами и ревизионистами возник новый спор. Речь идет о тактике при выборах в прусский ландтаг (местный парламент).

Как известно, избирательное право в прусский ландтаг крайне ограничено. Так называемое трехклассное избирательное право во многом напоминает наши выборы в Думу (по закону 3 июня). Недаром и в прусской Думе (ландтаге) безраздельно хозяйничают духовные братья Пуришкевича, а самая сильная в стране с.-д. партия в состоянии проводить туда только шестерых своих представителей.

Рабочий класс Германии давно уже борется против этого реакционного избирательного права в ландтаг, отдающего судьбы Пруссии в руки черной сотни. В этой борьбе германские рабочие прибегали уже к 300-тысячным уличным демонстрациям и т. п. Но непосредственного успеха эта борьба рабочих пока не имела. И вот в то время, как марксисты думают об усилении борьбы, о применении, быть может, всеобщей стачки, — ревизионисты выдвигают новый «план»: сдаться на милость либералам.

Курт Эйснер (²) и Эдуард Бернштейн — оба известные ревизионисты — выступили со следующим проектом: пусть соц.-демократы уже на основных выборах (т.-е. не на перебаллотировке, а в самом начале выборов) отдадут свои голоса национал-либералам. А если национал-либералы пройдут в большинстве при прямой поддержке социал-демократов, они почувствуют себя морально обязанными сделать известные уступки рабочим. И хотя национал-либералы всегда были врагами всеобщего равного избирательного права в ландтаг, но все же они, дескать, улучшат существующее ныне избирательное право... Отдельные ревизионисты делают некоторые ограничительные оговорки к этому «плану», но в основном он именно таков.

Либералы, конечно, подхватили этот план ревизионистов.

Прусский национал-либерал, это — типичный крупный хищник-эксплоататор с либеральными фразами на устах; это — нечто среднее между самым черносотенным из наших октябристов и самым правым из кадетов, примерно, — среднее между Тизенгаузеном и Маклаковым. Если от национал-либералов будет зависеть — дать ли социал-демократам возможность удесятерить их представительство в ландтаге или вовсе свести его на-нет, — они, конечно, изберут последнее. В этом указании совершенно прав центральный орган германских марксистов. Конечно, прусские октябристы и правые кадеты охотно воспользовались бы голосами с.-д., чтобы выторговать себе лучший кусок в дележе с прусскими Пуришкевичами. Но после этого они, разумеется, немедленно же объединяются именно с Пуришкевичами против рабочего класса. Зная это, германская с.-д. рабочая партия и отвергает самым решительным образом либерально-социалистический блок, который так усердно проповедуют «социалисты», еще не совлекшие с себя ветхого Адама буржуазных идей...

Такая непримиримая позиция германских марксистов не мешает им на перебаллотировке — когда уже дано главное сражение и черным и либералам — поддерживать, где нужно, либералов против черных. Но на первой стадии выборов германские марксисты ни на какие соглашения не идут.

Русские марксисты на выборах в Думу в основном придерживаются такой же тактики. Борьба и против черносотенцев и против либералов неизбежно вытекает из всего марксистского мировоззрения.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда» № 103, от 29 августа 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Эйснер, Курт — талантливый публицист, социал-демократ, принадлежал к ревизионистам. Впоследствии примкнул к «независимой с.-демократии». В ноябрьскую революцию 1918 г. первый провозгласил в Баварии республику. Был главой правительства. 26 февраля 1919 г. убит немецкими белогвардейцами.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА РАБОЧИХ (1).

Избирательная статистика у нас настолько плохо поставлена, что до сих пор в России не удалось подвести самых простых и самых необходимых итогов: сколько голосов получила на выборах та или иная партия, как велико число голосов, поданных по той или иной курии, и т. д. Одно из необходимых дел — добиться того, чтобы на предстоящих выборах эти итоги были подведены.

И особенно необходимо рабочим добиться того, чтобы были установлены точные цифры по выборам в рабочей курии. Каждая фабрика, каждый завод обязательно должны собрать весь материал о выборах (сколько народа участвовало в выборах, какие кандидаты боролись, кто сколько голосов получил, каково число всех рабочих в данном предприятии и т. д.) и переслать его в «Правду».

Некоторые предварительные данные о рабочей курии уже появились в газетах. И эти данные не лишены интереса.

Вот, например, Московская губерния. В списке внесено 330 предприятий с 212.594 рабочими. Из этого числа пользуются избирательным правом 126.390 человек, которые выбирают 351 уполномоченного. Исключены все женщины-работницы, исключена вся рабочая молодежь ниже 21 года, исключены «кочевые народы», — рабочие, работающие на данном месте менее 6-ти месяцев. И все же осталось 125 тысяч рабочих-избирателей по рабочей курии.

Но выборы в рабочей курии — трехстепенные. Рабочие выбирают уполномоченных, уполномоченные — выборщиков, а уж из числа выборщиков выбираются депутаты. И вот 125 тысяч рабочих Московской губернии выбирают 351 уполномоченного, а эти уполномоченные выбирают всего-навсего 9 выборщиков.

А между тем, в той же Московской губернии небольшой слой землевладельцев выбирает целых 42 выборщика. А вместе с первой курией (крупными капиталистами) помещики получают 57 выборщиков из 94!..

Или вот данные об Екатеринославской губернии. Из 300 тысяч фабрично-заводских и рудничных рабочих внесено в списки 30 тысяч рабочих. Они выберут 139 уполномоченных,

а эти 139 уполномоченных выберут всего-навсего 6 выборщиков. А между тем, несколько сот землевладельцев имеют право выбрать целых 62 выборщика из 108 по всей губернии, т.-е. абсолютное большинство!..

Сколько раз бывали при выборах в 3-ю Думу такие случаи. На выборы является всего 4 помещика, а выбрать они по закону имеют право... 8 выборщиков (например, Слободский уезд, Вятской губ., или Каргопольский уезд, Олонецкой губ., где явилось 2 помещика, а выбрать могли 4-х выборщиков). По два выборщика на одного землевладельца и по одному выборщику на 50.000 рабочих.

По подсчетам кадетских газет, при выборах в 3-ю Думу, за каждого черносотенного выборщика подано в среднем 6 голосов, а за каждого прогрессивного выборщика — 150 голосов, — раз во сто больше. Милюков был совершенно прав, когда сказал в 3-й Думе, что за ним одним больше голосов (20 тысяч), чем за всеми правыми, вместе взятыми. Но кольми паче был бы прав любой из рабочих депутатов, если бы указал, что за каждым с.-д., выбранным по рабочей курии, по существу дела стоит больше голосов, чем за всеми — и кадетами, и правыми, — взятыми вместе...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 104, от 30 августа 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ И РАБОТНИЦ В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ [1].

Рабочая статистика вообще до сих пор была не в авантаже в России. Буржуазия и обслуживающая ее идеологическая челядь боятся и прикоснуться к «язве» рабочего вопроса. На горьком опыте Запада они научились тому, что всякое статистическое исследование — конечно, честно и добросовестно выполненное — о социальном и экономическом положении рабочих, невольно превращается в обвинительный акт против буржуазии и буржуазного общества. А открытые рабочие организации еще чересчур слабы и неустойчивы, слишком еще зависят от внешних воздействий, чтобы взять в собственные руки и самим прочно поставить рабочую статистику. Русский рабочий класс еще ждет такого исследователя, который сделал бы для него то, что сделал для английских рабочих Фридрих Энгельс своей известной книгой «Положение рабочего класса в Англии».

Но наши фабриканты и заводчики для своих собственных коммерческих нужд имеют потребность в промышленной статистике. В ней они не могут обойтись без того, чтобы так или иначе не вести учета высоте заработной платы, продолжительности рабочего дня, числу стачек и т. д. И худо ли, хорошо ли, — из этой промышленной статистики мы косвенным образом получаем некоторые данные о положении рабочего класса. Данные эти требуют тщательной проверки, ибо зачастую более или менее подправлены и «округлены» так, как это выгодно изобразить капиталистам. Но все же крупное значение этих данных неоспоримо.

Однако, относительно текстильной промышленности, мы, к сожалению, не находимся даже в таком положении. Из крупных и основных отраслей промышленности текстильная промышленность как раз является той единственной отраслью, которая не имеет постоянной текущей статистики. Тем более ценна недавно вышедшая — и вполне справедливо обратившая на себя внимание — статистическая работа, пытающаяся осветить положение текстильных рабочих. Мы говорим об исследовании М. Давидовича — «Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах», вышедшем оттиском из «Записок И. Р. Техн. О-ва», январь — март 1912 года.

Работа М. Давидовича основана на анкете, произведенной среди петербургских ткачей. Состав опрошенных — необходимо это оговорить с самого начала — довольно узок. Анкетой обследовано всего только 41 бюджет: 14 бюджетов одиноких рабочих и 27 семейных бюджетов. На многие важные вопросы, как, например, на вопрос о продолжительности рабочего дня, о применении женского и детского труда в текстильной промышленности и т. п., работа г. Давидовича ответа не дает (да и не ставит себе целью дать такие ответы). Но, тем не менее, в сопоставлении с другими имеющимися в печати данными о текстильной промышленности, получается довольно наглядная картина положения рабочих и работниц в текстильной промышленности России.

I.

Каково число рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности? По данным Совета съездов представителей промышленности и торговли, хлопчатобумажная промышленность насчитывала в 1900 году 730 заведений, в которых занято было 399.903 рабочих, а в 1908 году — 762 заведения, в которых работало 505.557 человек *). Текстильная промышленность стоит в первом ряду по числу занятых рабочих **). Крупное производство в ней всецело преобладает. Концентрация идет очень быстро. В 1900 году на каждое заведение приходилось в среднем 548 рабочих, в 1908 году — 663: прирост оказался более, чем на 20 процентов.

Как велико число женщин-работниц, детей и подростков, занятых в текстильном производстве, — мы с точностью определить не можем. Но несомненно, что женский труд именно в этой отрасли промышленности нашел себе широкое применение. В Петербурге, например, по данным переписи 1897 года, обработкою волокнистых веществ занято было 22.551 рабочий. При этом, число женщин, занятых в текстильном производстве по Петербургской губ., равнялось 49,5 проц. А по данным министерства финансов за 1900 год, в более крупных предприятиях женщин-текстильщиц в Петербургской губ., было целых 54,6 проц. (См.

*) См. «Статистический Ежегодник» на 1912 г., под редакцией Шараго. Стр. 167.

**) По данным переписи 1897 г., принадлежит первое место. Число текстильных рабочих равнялось тогда 19,9 проц. всего числа рабочих Российской Империи. (См. Коган-Бернштейн—«Численность, состав и положение спб. рабочих», стр. 29.)

Коган-Бернштейна, стр. 35.) Или возьмите Московскую губернию. В 1908 году число всех фабрично-заводских рабочих там считалось 307.773. В своем труде о продолжительности рабочего дня инженер г. Козьминых-Ланин подверг исследованию только $^2/_3$ всего состава рабочих — 219.669 человек. Из них на первом плане стоят, разумеется, текстильщики, которые в Московской губ. составляют абсолютное большинство. В исследование г. Козьминых-Ланина вошли 158.471 текстильный рабочий. И из них — мужчин 84.753, а женщин — 79.750 *), т.-е. почти поровну. Учитывая эти данные по Петербургской и Московской губерниям, не будет особенно рискованным предположить, что в текстильной промышленности работает не многим менее половины женщин. И на это необходимо обратить особое внимание, потому что плата работницы в текстильной промышленности особенно значительно отличается от платы мужчин.

Что до применения труда детей и подростков в текстильной промышленности, то в рассматриваемых материалах данных на этот счет мало. Г. Козьминых-Ланин подсчитывает подростков вместе со взрослыми. По данным, приводимым г. Коган-Бернштейном, видно только то, что по переписи 1897 года в Петербургской губернии занято было в возрасте моложе 15 лет — 2,1 проц. рабочих, а по материалам 1900 года — 1,5 проц.

II.

Перейдем к заработной плате.

Из данных «Статистического Ежегодника» (стр. 167) видно, что заработная плата 399.903 рабочих и работниц в 1900 году составила в целом сумму в 65.829.300 руб., а заработная плата 505.557 рабочих и работниц в 1908 г. — 108.328.600 руб. Произведя соответствующее деление, получаем, что средняя заработная плата в текстильном производстве равнялась в 1900 году — 162 руб., в 1908 г. — 214 руб. или в месяц — $13^1/_2$ руб. и 18 руб.!

Такова нищенская, в полном смысле слова голодная, заработная плата текстильных рабочих по данным самих объединенных фабрикантов и заводчиков!

На первом месте по высоте заработной платы стоит Петербургская губерния (302 руб. в 1901 г., 355 руб. в 1910 г).

*) «Продолжительность рабочего дня и рабочего года». Москва. 1912 г., стр. 14.

На последнем месте стоит Костромская губерния (140 руб. 1901 г., 177 руб. в 1910 г.). На втором месте — Эстляндская, на третьем — Петроковская, на четвертом — Московская, на пятом — Тверская, на шестом — Владимирская, на седьмом — Костромская.

Согласно данным, разработанным под редакцией г. В. Е. Варзара, частью опубликованным, частью лишь в основных чертах переданным в сборнике, вышедшем под редакцией г. Шараго, — составляется следующая, глубоко-поучительная таблица о движении заработной платы в 7-ми «текстильных» губерниях:

Название губернии.	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
	Годы. рублей в год.									
Московская	203	191	199	204	202	221	229	238	228	244
Владимрская	161	161	160	163	162	191	203	192	188	186
Костромская	190	142	143	148	145	163	175	182	172	177
Петроковская . . .	230	243	243	241	254	273	301	319	311	323
С.-Петербургская .	302	336	335	366	295	375	381	374	342	355
Тверская	191	197	193	196	197	189	218	221	204	220
Эстляндская	271	267	260	255	254	267	268	298	304	289
Средн. по Империи.	203	202	209	214	206	232	232	254	239	244

Итак, по самым оптимистическим данным, выходит, что текстильный рабочий в среднем зарабатывал в 1901 г. — 203 руб., а в 1910 г. — 244 руб. в год! (Вышеприведенные цифры Шараго — 162 и 214 руб. кажутся нам гораздо правдоподобнее.) Итог достаточно красноречивый! Кризис сменяется оживлением, оживление — кризисом, фабриканты кладут в карманы грандиозные барыши, а нищенская заработная плата рабочих попрежнему остается на точке замерзания!

По данным г. Когана-Бернштейна (и Леонтьева) картина получается не менее назидательная. Средний дневной заработок в 1901—02 г.г. был следующий:

	мужчин:	женщин:
прядильные фабрики	97,7 коп.	63,4 коп.
прядильно-ткацкие фабрики . .	96,9 »	86,0 »
ткацкие фабрики	99,0 »	76,9 »
ситце-печатные фабрики . . .	92,1 »	55,7 »

И интересно отметить, что данные новейшего исследования г. Давидовича относительно Петербурга, охватившие только 41 бюджет, в основном вполне совпадают с вышеприведенными данными г.г. Варзара, Шараго и др. По материалам г. Давидовича (касаются 1908 г.), — средний заработок текстильного рабочего в Петер-

бурге — 383 руб. 46 коп. в год, работницы — 260 руб. 74 коп. При этом детальная картина такова:

Годичный заработок мужчин:

одиноких	335	руб. 24	коп.
рабочих с семьей	314	» 30	»
отцов семей с матерью на фабрике	380	» 04	»
отцов семьи с матерью дома	454	» 32	»

А — годичный заработок женщин таков:

девиц в семьях	153	руб. 67	коп.
одиноких девиц	286	» 50	»
вдов семейных	214	» 33	»
замужних женщин	292	» 20	»

Вывод совершенно ясен: Петербург идет во главе. Петербург — «счастливое» исключение. И все-таки здесь текстильный рабочий зарабатывает немногим более 25 руб., а работницы — немногим более 20 руб. в месяц! А по всей остальной России положение вещей гораздо худшее. Средний заработок текстильщика—менее 20 руб. в месяц, а кое-где (Владимирская, Костромская губ.) дело доходит до 15 руб. в месяц и меньше. Дальше некуда итти...*)

III.

Какова же продолжительность рабочего дня текстильных рабочих?

«Статистический Ежегодник» Совета съездов фабрикантов и заводчиков стыдливо умалчивают об этом. Приходится искать этих данных в других местах.

По материалам г. Коган-Бернштейна видно, что в Петербургской губ. продолжительность рабочего дня такова:

	Средняя продолжительность работ рабочего 1902 г.	Реальная продолжительность рабочего дня 1907 г.
Бумагопрядильное произв. / Бумаготкацкое »	11,21 ч.	$10^1/_2$ ч.
Шерстопрядильное » / Шерстоткацкое »	11,02 »	$10^1/_2$ »
Льнопрядильное » / Льноткацкое »	11,38 »	—

*) М. Давидович — «Спб. текстильн. рабоч.», стр. 5 и 6.

Из этой таблицы ясно, как правильно замечает г. Коган-Бернштейн, что после издания закона 1907 года продолжительность работы установилась на максимуме, допускаемом законом. И лишь в результате могучего рабочего движения 1905 г., в котором теснейшим образом переплелись политические и экономические требования, мы видим в 1907 году некоторое сокращение рабочего дня.

В среднем в 1907 году в Петербурге на текстильных фабриках стоял $10^1/_2$-часовой рабочий день. По расчетным книжкам рабочих установлено с точностью, что на главнейших текстильных предприятиях Петербурга — Новосампсониевская мануфактура, Невская бумагопрядильня Бека, у Чешера, Паля, Гергарди и Торнтона—число часов эффективной работы было $10^1/_2$, с $1^1/_2$-часовым перерывом.

Обратимся теперь к Московской губ. Из материалов упомянутого автора труда о продолжительности рабочего дня в Московской губернии видно, что рабочий день в текстильной промышленности в 1908 году был таков:

Из рабочих по производству работ при одной смене 20.345 человек — 9,79 часов (почти 10 часов), 9.178 человек — 10,51 часов (почти 11 часов), 2.035 человек—11,25 часов и лишь 447 человек работало 9,00 часов и 13 человек — 8 часов.

При двух сменах работало 61.946 человек 8,80 часов (почти 9 часов), 1.102 человека — 9,65 часов, 677 человек — 7,88 час. и 34 чел. — 10,75 часов.

У рабочих, занятых ремонтными и вспомогательными работами, еще несколько более длинный рабочий день.

Это — все рабочие по обработке хлопка. А по всему текстильному производству существенные данные таковы:

40.120 человек при одной смене работает 9,81 (почти 10 часов), 15.370 — 10,48 часов, 8,484 — 11,23 час.

При двух сменах 68.130 человек—8,81 (9 часов), 5.324 чел.— 9,72 час. и т. д.

Средняя продолжительность для взрослых и подростков в текстильном производстве, по подсчету г. Лапина,—9,47 часов, а для малолетних — 7,52 часа. И это, не считая сверхурочных работ!

Все эти данные относятся к 1907 и 1908 г.г. Но с тех пор положение текстильных рабочих не изменилось к лучшему. В экономическом движении 1911—12 г.г. текстильные рабочие

принимали лишь слабое участие. Их экономическая борьба — еще впереди.

10 — 10½-часовой рабочий день мы видим, таким образом, и в стоящей на первом месте Петербургской и в Московской губерниях. И это по самым розовым подсчетам статистиков, которые вынуждены были брать в основу данные фабрикантов и заводчиков! На деле рабочий день текстильных рабочих несомненно выше.

В других губерниях, в которых заработная плата ниже, рабочий день, наверное, значительно длиннее. Ведь, совершенно несомненно, что более низкой заработной плате почти всегда сопутствует более высокий рабочий день...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», №№ 23 и 24, от 26 августа и 2 сентября 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

В ЧЕРНОМ СТАНЕ ([1]).

Реакционный лагерь совершенно уверен в исходе выборов в 4-ю Думу. «Победа» у них, как в кармане. И им остается только еще решить: кто же именно придет первым к столбу — восторговцы или гучковцы, какой именно из этих двух реакционных групп достанется пальма первенства?

Для демократии этот вопрос имеет лишь второстепенное значение. В стоящих на очереди основных вопросах политической и экономической жизни нашей страны русские политические партии разделились на три главных лагеря: реакционеры, либералы, демократы. Борьба различных слоев, групп, кружков и клик внутри реакционного лагеря не может быть для нас безразличной, но вместе с тем нам совершенно ясно, что эта свалка часто лишена всякого серьезного принципиального значения, что это просто «семейный» спор людей, которые в основном — в борьбе против рабочих и крестьян — едины.

В лагере реакции борьба, если судить по внешности, сейчас идет между многими кружками и «партиями»: дубровинцы, марковцы, восторговцы, националисты, октябристы, «независимые» националисты, правые октябристы и пр., и т. п. Дубровинцы объявляют марковцев (сторонников «Земщины») «злейшими» врагами России. «В сущности программа Маркова (а значит, и Пуришкевича. — Г. З.) — точная копия с программы кадетов» — пишет, не обинуясь, «Русское Знамя» (№ 185). Отца Восторгова то же «Русское Знамя» непочтительно называет «Митрофорным растлителем и мазуриком» (№ 181). Не остаются в долгу и другие группы и подгруппы черного лагеря. Но главное состязание сейчас идет между двумя группами: гучковцами и примыкающим к господам октябристам — с одной стороны, и восторговцами (группа правого духовенства) и примыкающими к ним — с другой стороны.

Октябристы находятся в большом волнении чувств. Они прекрасно понимают, что восторговцы могут усилиться в 4-й Думе, главным образом, за их счет, за счет гучковцев. Вытеснить левых или либералов с тех позиций, которые завоеваны ими, несмотря на все поблажки, правым едва ли удастся, даже пользующимся могущественной поддержкой восторговцам. Закон 3 июня 1907 года. Гурлянд и Крыжановский ([2]) все, что могли,

уже совершили. Исправить, дополнить и «разъяснить» осталось немногое... А с «националистами» и со сторонниками Пуришкевича восторговцы находятся в таких тесных, зачастую интимных, отношениях, что их они сами не захотят вытеснять. Остаются только октябристы, да еще не оправдавшие доверия «правые» крестьяне, вместо которых кой-где, быть может, удастся провести правых священников-восторговцев... Понятна тревога октябристов...

И гучковцы пускают в ход все доступные им средства и «средствия».

Пробовали октябристы еще месяца 3 назад «ходатайствовать» о выделении духовенства в особую курию, дабы оно не подавляло представителей «землевладения» (в просторечии: помещиков). Увы — не помогло! Пробовали повторять это ходатайство. Результат — тот же. Пыталось совещание уездных представителей дворянства Саратовской губернии выступить с таким же ходатайством. Увы — тоже безрезультатно! Пробовали землевладельческие круги Волыни пожаловаться на арх. Виталия и его «приемы агитации». Жалоба оказалась гласом вопиющего в пустыне. Пробовали октябристы указать, что, с точки зрения самих восторговцев, этим последним невыгодно иметь слишком много думских мандатов, ибо кто же останется-де на местах. Но «Колокол» хладнокровно заметил на это:

«О каком же оскудении можно говорить, если в самом большем случае из епархии могут попасть 2 — 3 человека, ведь епископ всегда в состоянии заменить выбывших другими пастырями» (№ 1905).

Наконец, теперь октябристы прибегли к последнему средству. Они стали прямо запугивать кого следует.

«Смотрите,—грозит октябристский «Голос Москвы»,—как бы известные круги духовенства еще не оказались неблагодарными»...

«Поручится ли правительство и, в частности, обер-прокурор св. синода, что для избирательных опытов элементы взяты хорошо известные и не горючие? — ехидно вопрошает «Голос Москвы». И прибавляет:

«Ведь и крестьянские депутаты в 3-й Думе являлись лойяльными, что не помешало им, однако, внести законопроект о даровой экспроприации земли. Этот законопроект отброшен Думой. Но чьими голосами — вот вопрос, над которым следует задуматься»... («Г. М.», № 191.)

Октябристский помещик хвастается, как великой заслугой, тем, что его голосами отброшен неблагонадежный законопроект «правых» крестьян о безвозмездном переходе земель к крестьянам-земледельцам. И в награду за благонадежность и добронравие октябрист требует, чтобы его предпочли восторговцам... Посмотрим, какой результат будет иметь это сильно действующее средство. Боимся, однако, что октябристы и на этот раз не внемлют. Рекомендация Пуришкевича значит по нынешним временам гораздо больше, нежели рекомендация Гучкова. А Пуришкевич давно уже выдал восторговцам свидетельство о благонадежности.

Положение при выборах в 3-ю Думу было таково, что на избирательный «съезд» от помещиков часто являлось человек 6 избирателей, которым по закону полагалось выбирать 14 выборщиков. При таком положении вещей, конечно, и маленькая группа священников является опасным соперником для помещиков-гучковцев. Свалка между гучковцами и восторговцами будет жаркая. Но в самой 4-й Думе они помирятся живо. Гучковцы «сосчитаются» с ними по своему обычному методу: не уступают октябристам, так уступают октябристы... Милые бранятся — только тешатся.

Пусть грызутся... Дело рабочей демократии — прежде всего озаботиться о том, чтобы и в 4-й Думе была группа последовательных и стойких марксистов, которые разоблачили бы перед всей страной анти-народную сущность всего реакционного лагеря, во всех его оттенках и разветвлениях.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 24, от 2 сентября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Гурлянд — был профессором административного права в Демидовском музее в Ярославле; с 1907 года — редактор правительственной газеты «Россия» (официоз Столыпина).

Крыжановский — в 1888 году был приговорен по политическому делу Водовозова к 2 неделям тюрьмы; затем служил в Мин. Вн. Дел и в 1906 г. был назначен тов. министра внутренних дел. Автор сенатских разъяснений избирательного закона 1905 г. и закона 3 июня 1907 г.

ПЕРЕД ПАРТЕЙТАГОМ [1].

Открывается в Хемнице партейтаг (съезд) германской социал-демократической партии. Миллионная партия германского сознательного пролетариата будет подводить итоги за год и намечать новые перспективы.

Прежде всего партейтаг, несомненно, остановится на итогах избирательной кампании в рейхстаг. Выборы в январе 1912 года, как известно, принесли великую победу германской социал-демократии. Германская с.-д. партия собрала под свои славные знамена $4^1/_4$ миллиона избирателей и провела в рейхстаг 110 представителей рабочего класса. Но вместе с тем вопрос о тактике с.-д. на перебаллотировках вызвал серьезные разногласия в рядах самих марксистов. Коротко говоря, разногласия эти сводятся к следующему. Часть марксистов, а вместе с ними и большинство всей партии решительно запротестовали против тех чрезмерных уступок, которые сочло возможным сделать либералам партийное с.-д. правление. И, особенно, бурю негодования вызвало согласие с.-д. правления на то, чтобы в нескольких округах с.-д. кампания была урезана («притушена»), дабы дать возможность победить либералам. Можно сказать с уверенностью, что, если на партейтаге дело дойдет до голосования по этому отдельному пункту, то партейтаг, несомненно, в той или иной форме скажет, что эта чрезмерная уступчивость по отношению к либералам была чрезвычайно вредной и ошибочной.

Так или иначе, вероятно, выплывет перед партейтагом ведущийся сейчас в печати спор о тактике с.-д. на выборах в прусский ландтаг. Ревизионисты верны себе и предлагают новую «ревизию»: для преодоления «черносотенной опасности» социал-демократы должны-де на время отодвинуть свои собственные классовые задачи и при выборе в ландтаг прямо на первой стадии (т.-е. еще до перебаллотировок) отдавать свои голоса национал-либералам. Тогда либералы — видите ли — почувствуют себя «морально обязанными» перед социал-демократами и проведут реформу избирательного права в ландтаг. Этот план Бернштейна и К° очень пришелся по душе кадетской «Речи» (не-даром ей так нравятся и наши ликвидаторы), но очень не понравился германским марксистам. Во всяком случае Бернштейну и К°

дадут понять, что и эта их «ревизия» не ко двору для социал-демократов.

Большее внимание отдано на съезде вопросу о реорганизации партийного центра и о некоторых изменениях в общем строе партии.

Немалый интерес вызовет наболевший вопрос о дороговизне предметов первой необходимости. Это — чрезвычайно важно для самых широких масс германского пролетариата. Всюду в стране кипит возбуждение. Рабочие рвутся к активному выражению протеста. Борьба против дороговизны становится злобой дня. И, разумеется, этот вопрос не стоит особняком. Теснейшим образом переплетается он с рядом других и упирается в общее политическое положение Германии, с ее диктатурой юнкеров и жгучей ненавистью рабочего класса к власти аграриев... Партейтагу, вероятно, придется так или иначе наметить конкретные формы борьбы против дороговизны.

Еще два вопроса — хотя и не поставленные в официальный порядок дня — вызовут, как можно ожидать, оживленные прения.

Это, во-первых — вопрос об анти-религиозной агитации. Вопрос этот поднимается с «низов». Из многих мест рабочие настаивают на том, что эту агитацию следует усилить, что надо вести ее систематически, а отнюдь не толковать расширительно формулу Religion ist Privatsache (религия — частное дело).

Другой вопрос, это — об особых фракционных собраниях единомышленников внутри партии. Ортодоксальные марксисты, не во всем солидарные с с.-д. правлением, недавно имели свое особое фракционное совещание для выработки мнения по вопросу о реорганизации и другим вопросам порядка дня съезда. По этому поводу лицемерные «сторонники единства» из рядов ревизионистов (да и некоторые марксисты) подняли большой шум. Фракционные собрания внесут-де раскол и т. д. Тов. Ледебур, однако, был совершенно прав, когда указал на берлинском партийном собрании, что раз ревизионисты давным-давно уже устраивают свои фракционные совещания (а это — факт!), раз эти господа никогда ни в чем серьезном марксистским решениям партийных съездов не подчинялись (а это тоже факт), — то известное сплочение левых элементов совершенно неотложно и необходимо. Раньше, чем протестовать против организационных собраний левых, надо найти средства принудить к подчинению партии правых...

Германская социал-демократия находится на перевале. Как далеко зайдут начавшиеся споры, к каким новым делениям приведут они — покажет будущее. Но и в этот переходный период — и, быть может, даже особенно в этот период — марксистам всех стран есть чему поучиться у германских социал-демократов.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 24, от 2 сентября 1912 г.; подпись — «Марнус».

СЕКРЕТ ИХ МИРОЛЮБИЯ ([1]).

Странное впечатление производит ликвидаторская пресса в ее современной формации. Трудно найти более бранчливую печать. Про своих противников, т.-е. про нас грешных, марксистов, рассказывают такие «ужасы», что посторонние люди, естественно спрашивают: как же вы, ликвидаторы, можете хоть на минуту думать об единстве с такими монстрами... Тащут в печать всевозможную небылицу. Приводят различные «факты» и фактики из области столкновений того времени, когда ликвидаторы принадлежали еще к марксистскому лагерю. Заполняют столбцы своей газеты («Невский Голос») мелочными личными нападками, перебранками, даже клеветами.

И вместе с тем трудно в целом свете найти людей, так миролюбиво настроенных, как писатели из ликвидаторских газет. Слово «единство» у них постоянно на устах. Ничего они так не желают, как «примирения» всех марксистов и «объединения» всех «течений», направлений, фракций, оттенков и т. п. Существуют-де маленькие разногласия среди марксистов, — ну, где этого не бывает? Ведь и в самых лучших домах... то бишь — и в западно-европейских партиях существуют и марксисты и ревизионисты (забыли *только*, что эти последние там не строят особой партии). Ну, стоит ли из-за этого ссориться, стоит ли — скажем, на выборах по рабочей курии — отчетливо отделять марксистскую платформу от ликвидаторской? Лучше забудем все прошлое, возлюбим друг друга и да будет на земле мир и в человецех благоволение...

Откуда эта двойственность? Чем объясняется такая странная позиция ликвидаторов? В чем секрет их внезапного миролюбия?

Объяснять все это дело каким-нибудь простым расчетом или личными соображениями — едва ли было бы верно. Вернее всего, что *политическое положение* навязывает ликвидаторам такую двойственную позицию.

Конечно, дело не обходится и без простой спекуляции на «единство». Все знают, что лозунг единства, вообще говоря, очень популярен среди рабочих, что рабочие не любят раздоров и т. п. Почему же не попробовать прикинуться людьми одного с марксистами лагеря? Но главное все-таки не в этом.

Всякий, объективно наблюдавший спор марксистов с ликвидаторами, теперь может подвести уже некоторый итог. Он таков.

Ликвидаторы объявили марксистам войну не на живот, а на смерть, — и в области теории, и области практики. Они считали своей особо крепкой позицией, своей твердыней открытое рабочее движение, легальную арену. Здесь они особенно жаждали дать бой марксистам. Бой был принят. Он длился не менее двух лет. И в результате — ликвидаторы разбиты на-голову именно на этой, выбранной ими самими, арене.

Социал-демократическая фракция 3-й Думы первая жестоко разочаровала ликвидаторов. Построить «открытую рабочую партию» — для этого, конечно, нужно было прежде всего иметь на своей стороне (и против старой, «вредной» по терминологии ликвидаторов «иерархии») открытое парламентское представительство, думскую фракцию. А фракция — увы! — отвернулась от ликвидаторов самым решительным образом.

Газеты «Звезда» и «Правда» довершили удар. Вокруг этих газет собралось огромное, подавляющее большинство марксистов, действующих в открытом рабочем движении. «Правду» поставили на ноги 600 рабочих групп, разбросанных по всему лицу России. Все попытки ликвидаторов помешать этому оказались тщетными. Ликвидаторство оказалось пуфом. Ликвидаторы, гордо мечтавшие воздвигнуть Вавилонскую башню (2) ликвидаторства, оказались нулем и на арене открытого рабочего движения.

И вот, проигравши кампанию, невзыскательные фельдмаршалы ликвидаторства теперь готовы каждому встречному плакать в жилет относительно «единства» и «примирения» с теми, кто ими же вызван был в открытый бой на поле брани.

Давно умолкли воинственные призывы: всеми силами стараться убить (анти-ликвидаторство), «убить его в зародыше», — как призывал один из «генералов» ликвидаторства — Ф. Дан в 1911 году (см. «Наша Заря», № 6, 1911 г., стр. 36). Где уж теперь мечтать «убить в зародыше»! Тут бы как-нибудь самим выжить...

Остались, правда, гордые и непреклонные, которые, как П. Б. Аксельрод (3), и теперь говорят, что единство невозможно и что ликвидаторам следует открыто создать свою фракцию *).

---

*) См. «Невский Голос», № 6. Кстати, статьи Аксельрода безусловно заслуживают того, чтобы марксисты их переиздали.

но большинство, повидимому, предпочитает «объединительный» маскарад и фиктивные «общероссийские» объединения. Большинство, повидимому, предпочитает пробавляться восторженными статьями по поводу того, что в Питере с ними «совещался» тот или иной марксист, а в Москве, как уверяет само... «Русское Слово», марксисты чуть-чуть не вполне согласились «объединиться» с ликвидаторами.

Секрет их миролюбия ясен. Для них уже стало невозможным открыто защищать ликвидаторские идеи. Но они еще не окончательно распались, как ликвидаторская фракция. Облетели цветы, догорели огни... Остался только малоблагоухающий чад беспринципной, бранчливой, «склочной» полемики да приставания с приглашениями — «объединись со мной» к тем, кого год тому назад печатно объявляли подлежащим «убийству в зародыше». При том политическом положении, в которое попали теперь ликвидаторы, быть может, ничего другого и не придумаешь.

Позиция марксистов ясна. Они задают ликвидаторам простой вопрос: вы перестали быть ликвидаторами? Вы отказались от так называемой «борьбы за частные права» и противопоставления ее старой «утопической» тактике? Вы отказались от войны против якобы отжившего старого целого? Вы отказались от той идеи, что это старое надо «ликвидировать»? Вы отказались от той идеи, что единственная серьезная политическая перспектива, это — «конституционный кризис» и ничего более? Одним словом, вы отказались от либеральной рабочей политики?

— Нет? Не прогневайтесь, — нам с вами не по пути.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 24, от 2 сентября 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

[2]) Вавилонская башня — библейская легенда. В основу этого вымысла о построении башни до небес лег археологический факт существования в очень древние времена очень высокой башни, действительно сооруженной одним из царей Вавилонии — Нимродом; ее остатки существуют поныне.

[3]) Аксельрод, П. Б., — один из старейших социал-демократов России, ставший революционером еще во времена партии «Земли и Воли», которая на Воронежском Съезде в 1879 г. разделилась на две партии: «Народная Воля» и «Черный Передел». Аксельрод с Плехановым примкнули к «чернопередельцам», а затем основали вместе с Дейчем, Засулич и Игнатовым группу «Освобождение труда». С 1903 г., т.-е. со времени II Съезда Р.С.-Д.Р.П., П. Б. Аксельрод — один из вождей меньшевизма и впоследствии вдохновителей ликвидаторского течения.

СВОБОДНЫЙ ДОГОВОР [1].

I.

Перед нами—книжка: «Схема правил внутреннего распорядка, приема рабочих и условий найма».

Книжка издана стяжавшим себе печальную известность Обществом заводчиков и фабрикантов московского промышленного района. Хозяйский союз, в форме проекта правил, дает менее опытным фабрикантам и заводчикам ряд указаний, как бы получше связать по рукам и ногам рабочего.

Тут и правила приема рабочих на завод или фабрику, тут и «условия найма», и «правила внутреннего распорядка», и «правила о соблюдении порядка и благопристойности», и «табель о штрафах» и т. д.

Все взвешено, все обдумано: от первого шага, когда рабочий приходит на работу, до последнего гудка — все предусмотрено.

Взять хоть условия найма.

Договорная плата. — Хозяину важно себя обеспечить, чтобы он мог, когда захочет, платить рабочему цеховую (поденную, почасную) плату, а когда заблагорассудится — то платить задельную (попудную и т. д.) плату. Фабриканту и заводчику очень выгодна тут гибкость. Несколько недель он заставит проработать сдельно. Рабочий будет вытягивать из себя все жилы, чтобы выработать побольше, чтобы заработок был хоть сколько-нибудь сносный. Производительность труда будет достигнута наиболее высокая. А тогда хозяин перейдет на уменьшенную поденную плату, но заставит рабочего вырабатывать столько же продукта, сколько вырабатывал он при сдельной плате.

Московский союз фабрикантов и заводчиков учитывает это. Ему нужно связать руки «вольным» рабочим и развязать руки хозяевам. И вот он пишет (§ 1): «Рабочие нанимаются с назначением им цеховой платы. Но заведывающими мастерскими может быть предоставлена рабочим во всякое время (!) задельная или попудная работа, от которой рабочие не в праве отказываться, при чем фабрично-заводское управление не обязано доставлять рабочему таковую постоянно».

Несколько раз московские фабриканты стараются подчеркнуть, что сверхурочные работы обязательны и что рабочий не может от них отказываться, а в заключение прямо пишут

(§ 9): «расчет за эти сверхурочные работы, исполняемые сдельно, производится по существующей цене, без всякой надбавки».

Особым пунктом хозяйский союз хочет раз навсегда запретить фабрикантам выплачивать рабочим за дни стачки. «В случае приостановки работ самими рабочими, от чего бы приостановка ни произошла, — гласит § 14, — плата за время, в течение которого работа не исполнялась, не производится». Хозяйский союз как бы дает себе зарок: ни за что не платить за дни стачки.

Далее, многоопытные фабриканты пытаются ввести некую круговую поруку. Если бастует лишь часть рабочих, но из-за этого должно остановиться производство и в других мастерских, не бастующих, то, согласно § 15, хозяин освобождается от платы и тем рабочим, которые в стачке не участвуют.

Насчет рабочего времени союз старается оставить побольше «свободы действий». Где можно, — жми побольше, где нельзя — довольствуйся малым! А для увенчания отдела о найме вводится особый пункт (§ 16), которым при входе (и выходе) рабочего на завод или фабрику узаконяется «по усмотрению заводоуправления», так называемый, «осмотр» рабочих. Выражаясь не столь деликатно, — узаконяется обыск...

Но это еще только цветочки. Ягодки — впереди.

II.

Итак, московский союз фабрикантов и заводчиков старательно разработал «правила» для закабаления рабочих при договоре о найме. Не лучше обстоит дело и с правилами о так называемом внутреннем распорядке...

Прежде всего бросается в глаза (§ 24) указание, что вообще же рабочие не в праве отказываться от данных им нарядов, «откуда бы таковые заводу ни поступали». Что сей сон значит? Какой смысл имеют слова «откуда бы таковые заводу ни поступали»? Дело ясное: союз хозяев хочет заставить рабочих быть штрейкбрехерами. Если с бастующего завода передадут заказ на другой завод, то рабочие этого предприятия должны беспрекословно выполнять его и тем сорвать стачку своих товарищей. У господ московских фабрикантов и заводчиков «губа не дура». Они хотят, чтобы один фабрикант мог поддерживать другого, беря к себе его спешные заказы, а рабо-

чие одного завода, чтобы не могли поддерживать рабочих с другого завода.

Всюду и везде так и пестрят «пункты», вроде:

«Рабочие находятся в полном подчинении лиц, распоряжающихся работами...» (§ 24).

«Никакой особой добавочной платы рабочие за чистку (машин и т. д.) не получают» (§ 27).

«Рабочие обязаны вести себя... благопристойно (позаботились бы лучше, чтобы мастер и прочее начальство вело себя «благопристойно»!), не собираться толпою и не отходить от своей работы»... (§ 30).

При поранениях, — пробует уверять союз хозяев, — каждый рабочий «в приемном покое своего завода встретит самое внимательное к себе отношение». Но тут же, как бы устыдившись своего лицемерия, господа фабриканты сами прибавляют: «последняя фраза может быть при желании выпущена» (стр. 27). Да, уж лучше, господа, выбросить эту фразу из ваших правил.

Но верхом хозяйского искусства является их табель о штрафах. Этот отдел разработан хозяевами с особенной любовью и заботливостью. Штрафуют за все, штрафуют всех и вся, штрафуют оптом и в розницу. Разработали даже целую систему своего рода прогрессивно-подоходных штрафов. Рабочий, зарабатывающий 1 р. 20 коп., платит другой штраф, повыше, и т. д. Штрафуют за опоздание на 5 минут на работу, штрафуют за «непредъявление паспорта», штрафуют за «непослушание», за «курение в недозволенных местах», за «потерю очков», «потерю номера», «хождение по другим мастерским» и т. д.

Выработали целый прейс-курант штрафов. Мы насчитали в перечне московских фабрикантов целых 34 рода штрафов. Но московскому союзу хозяев и этого мало, и он замечает от себя:

«Указанный перечень штрафов является примерным и н е и м е е т и с ч е р п ы в а ю щ е г о значения».

Гладко писано на бумаге!.. Однако, лишь в том случае этим господам удастся провести полностью свою блестящую программу, если рабочие будут разъединены, если каждый будет думать только о себе...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», №№ 109 и 110, от 5 и 6 сентября 1912 г.; подпись — «Гр.».

САШКА КОСОЙ И ПАВЕЛ МИЛЮКОВ (1).

Кадетам, видимо, опять пришлось туго, и они опять прибегли к своему испытанному средству: к изгоевщине...

Кадетская «Речь» сочла благовременным вступить в полемику с рабочей демократией и попытаться дать ответ на те обвинения, которые предъявляются рабочими демократами к кадетской партии. «Что же, в добрый час. Давно пора»! — только там можно было встретить это хотя и весьма запоздавшее, но все же похвальное намерение кадетов.

Однако, уже через пару дней кадетская газета не выдержала характера и стала апеллировать... к кому бы вы думали?.. к Сашке Косому (2). — Ну, что там с вами, большевиками, разговаривать! Ведь вот недавно «Русское Знамя»... прямо заподозрило в социал-демократической агитации против нас (т.-е. против кадетов) повторение зубатовщины и даже упрекнуло нас (т.-е. «Речь») в наивности по поводу наших возражений «Правде» («Речь», № 202)...

Сашка Косой, который, как известно, является одним из самых видных идейных руководителей «Русского Знамени», таким образом поставляет профессору Павлу Милюкову «материал» для полемики с нами, марксистами... Конечно, г. Милюков оговаривается, что «так далеко», как его почтенные коллеги из «Русского Знамени», он «итти не решается». На то он и кадет, чтобы не во всем соглашаться с партией Сашки Косого. Но все же просвещенное мнение Сашки Косого для чего-нибудь да приведено же на страницах «Речи». Читателю дается понять, что коллега Сашка Косой, по свойственной ему экспансивности, может быть, кой-что и преувеличивает. Но зерно-то истины, дескать, имеется в утверждениях «Русского Знамени». Борьба слева против кадетов есть-де зубатовщина или нечто очень похожее на зубатовщину. Ну, в самом деле, кто, кроме зубатовцев, станет бороться против такой передовой, истинно-демократической, высоко-культурной и т. д., и т. д. партии, как кадетская...

Можно было бы спокойно пройти мимо хулиганской выходки наших «европейски»-воспитанных кадетов. До таких ли еще низостей опускается буржуазная печать в борьбе с рабочей демократией! Но тут целая система, по поводу которой нельзя не сказать несколько слов.

Заметьте, читатель, что кадеты не впервые применяют эту систему. В 1909 году, при частных выборах в Петербурге, кадет Изгоев в течение месяца вел в «Речи» прямую кампанию в том смысле, что издававшаяся тогда марксистская газета «Новый День» является-де не иначе как орудием Крыжановского. Вполне в духе «Русского Знамени», Изгоев и «Речь» намекали и тогда на «зубатовщину».

Этот предвыборный прием кадетов не случаен. Раньше запугивали избирателя «черносотенной опасностью», внушая ему, что если он поддержит с.-д., то разобьются голоса и пройдет не левый и не кадет, а черносотенец. Теперь восстановляют старую погудку на новый лад. Опять запугивают «черносотенной опасностью», внушая неискушенному избирателю, что для правого лагеря милее социал-демократ, нежели кадет, и что, проводя левого, избиратель якобы доставляет удовольствие реакционерам. Кадеты хорошо знают, что даже среднего обывателя не запугаешь тем, что данный кандидат левее к.-д. — Это-то и хорошо, что левее, — скажет даже такой обыватель. А вот запугать тем, что выбор левого косвенно поможет правым — этот кунстштюк, быть может, кое-где еще и удается.

Ну, а раз признать правильной этакую предвыборную «тактику», тогда, конечно, Сашка Косой — сущий клад для Милюкова, тогда слова «Русского Знамени» — золотые слова для «Речи».

Демократические избиратели хорошо сделают, если, отшвырнув прочь невзыскательную мудрость Сашки Косого, повторяемую Павлом Милюковым, потребуют от кадетов прямого ответа на принципиальные вопросы: с кем идете вы, господа, — с демократией или с октябристами? Какое решение отстаиваете вы в области вопроса о политической демократии, в рабочем вопросе, в крестьянском вопросе?

Довольно презренных изгоевских приемов! Дайте прямые ответы на основные вопросы русской политической жизни!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 20, от 5 августа 1912 г.; подпись — «Гр.».

[2]) «Сашка Косой» — А. Половнев, рабочий Путиловского завода, ближайший помощник руководителей черносотенной организации «Общ. активной борьбы с революцией» — Дезобри и Степановой. Половнев, Ларичкин, Александров были в ближайшей степени прикосновенны к убийству члена 1-й Гос. Думы М. Я. Герценштейна.

РАБОЧИЕ СОЮЗЫ И «ПРАВАЯ» ПЕЧАТЬ [1].

Вся правая печать с бесстыдным злорадством подхватила указанный в нашей статье («Правда», № 93) факт, что местами, под влиянием репрессий, число членов профессиональных союзов падает.

— «Ага! — торжествуют правые газеты. — Великая армия пролетариата тает»! «Правда» откровенно жалуется, что число участников профессионального движения систематически падает» («Земщина», № 1079) и т. д. В этаком духе поместили статьи и «Новое Время», и «Россия», и «Земщина» — для полноты картины не хватало только Мартына Жидобоева из «Русского Знамени»... Положение совершенно такое же, как в 3-й Думе, когда справа, из глоток Замысловских [2], Тимошкиных [3] и Марковых 2-х неслись крики «мало!», «мало!», в то время как рабочий депутат перечислял репрессии по отношению к рабочим союзам.

Не знаешь, чему больше удивляться в рассуждениях этих людей — их бесстыдству или их полнейшему бессилию предложить хоть что бы то ни было для решения так остро стоящего в России рабочего вопроса.

В самом деле, чему так обрадовались правые газеты? Разве впервые рабочие демократы указывают на то, что постоянные преследования союзов и лишение их возможности руководить экономической борьбой мешают развиваться открытым профессиональным союзам?

Да, господа из правого лагеря, вы в состоянии добиться того, чтобы помешать развитию той или другой ф о р м ы рабочего движения. Но в состоянии ли вы помешать развитию самого рабочего движения? Разве теперь не ясно пятилетнему ребенку, что все ваши усилия в этом направлении повели к полному вашему поражению? Разве рабочее движение в России не возродилось, вопреки всему? Разве мало крови испортил вам, господа, ну, хоть последний бюллетень московского Общества фабрикантов и заводчиков, подсчитавший, что за первые 5 месяцев текущего года число стачечников определилось в 613.000 человек и что из них 515 тысяч — участники политических стачек?..

Открытые профессиональные союзы местами падали в числе членов, а рабочее движение всюду в России гигантски росло и выросло. В этом ли заключалась ваша конечная цель, господа из правого лагеря?

Гони природу в дверь — она влетит в окно. Так и рабочее движение. Та или иная форма не имеет решающего значения, и свет не клином сошелся на той или иной форме... Если вашей целью, господа, было своей политикой подтвердить наглядно эти истины, то вы своей цели вполне достигли...

Вы радуетесь, что число членов рабочих союзов часто падает? Но не вы ли, не ваши ли Меньшиковы и Сыромятниковы, еще совсем недавно, весною этого года, вопили о неожиданной для них стройности и планомерности рабочего движения, которого мы все были недавно свидетелями?

В области решения рабочего вопроса вы можете предложить только желтые союзы, Ушакова, «рабочую» трибуну «Земщины» да малограмотные статьи «России». Есть чем похвастаться — нечего сказать!

Продолжайте вашу травлю, господа! Рабочие будут бороться с вами и на вашей же почве — на почве тех же правил 4 марта, — но массовое рабочее движение в России будет существовать во всяком случае...

Гони природу в дверь, она влетит в окно...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 112, от 8 сентября 1912 г.: подпись — «Г. З.».

[2]) Замысловский, Г. Г. — товарищ секретаря 3 Гос. Думы, депутат от «виленского русского населения», иначе говоря — от черносотенных элементов местного чиновничества; был в составе виленской прокуратуры, почему в 1911 г., во время процесса Бейлиса, счел нужным ввязаться в дело.

[3]) Тимошкин, Ф. Ф. — Был в 3 Гос. Думе, как «представитель русского населения Закавказья», ибо занимался там «торговою промышленностью и земледелием», проще говоря — торгашествовал и скупал хлеб у крестьян. Брался рассуждать о чем угодно, но особенно любил разглагольствовать в качестве «мужичка» о «рабочем вопросе».

«ЛЕВЫЙ» КАДЕТ [1].

В предвыборные времена выплывают и этакие кадеты. Если «просто кадет» (нечто вроде дамы «просто приятной») уж не так притягателен для публики, — выдвигается кадет «левый» (нечто вроде дамы «приятной во всех отношениях»). Эту роль взял на себя г. Мандельштам [2] в Екатеринбурге.

Екатеринбургские рабочие имели дерзость выдвинуть своего самостоятельного кандидата по 2-й городской курии. Эти дерзкие люди нашли, что кадет, хотя бы и «левый» (?), для них не подойдет, и выдвинули кандидатуру своего рабочего депутата Егорова. Ну, а г. Мандельштам уверен, что лучше его, Мандельштама, Екатеринбургу кандидата не найти. И вот он, совершенно позабыв нравоучительные наставления некоторых петербургских редакций о том, что «вся оппозиция» должна быть «единой», занялся самым бесшабашным «социалистоедством». А газета «Голос Урала» с готовностью предоставила свои страницы для клеветнической травли рабочего кандидата. В последнее же время г. Мандельштам усиленно старается втереть очки приказчикам.

Кадету толковать о приказчичьем вопросе, как о «приманке для выборов», это — все равно, что в доме повешенного говорить о веревке. Ведь всем известно, что именно кадеты вспоминают о приказчиках только накануне выборов, а во времена непредвыборные сочиняют такие анти-приказчичьи законопроекты, которым позавидуют октябристы и черносотенцы (см. их законопроект 1906 г.).

А по не дающему вам спать вопросу о том, пролетариат ли приказчики, да будет вам ведомо, г. Мандельштам: социал-демократы считают, что торговые служащие — один из слоев пролетариата, имеющий свои особенности, но живущий продажей своей рабочей силы так же, как и рабочие. Некоторые особенности в положении приказчиков ведут к тому, что кадеты (и буржуазия вообще) сравнительно долго имеют возможность обманывать приказчиков. Но в конце концов приказчики сознают свои интересы и подают руку рабочим.

Екатеринбургские приказчики хорошо сделают, ежели последуют примеру петербургских приказчиков и вежливенько попросят г. Мандельштама... прекратить свои неусыпные заботы о них. Екатеринбургская демократия сумеет провести рабочего

депутата, если... если только не поможет господину «левому» кадету екатеринбургская полиция, которая, как сообщают газеты, усердно «разъясняет» избирательные права Егорова.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 112, от 8 сентября 1912 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Мандельштам, Г. Л. — московский присяжный поверенный, член кадетского центрального комитета, с 1907 г. жил в Екатеринбурге, где, в период предвыборной кампании в 4-ю Думу, заполнял целые страницы местной «прогрессивной» газеты «Голос Урала» выпадами против с.-д. кандидата Н. М. Егорова, бывшего члена 3-й Думы от Пермской губ., который коротко, но веско изобличал Мандельштама в «Уральской Жизни».

ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ ПРИКАЗЧИКАМ (¹).

Группа приказчиков в Таганроге выступила с приглашением ко всем служащим образовать «самостоятельную беспартийную группу избирателей» и наметила в кратких чертах свою платформу. Платформа эта во многом сбивается на кадетскую программу и даже, отчасти, на октябристскую. Авторы даже не говорят прямо, что им нужно всеобщее, прямое, равное и т. д. избирательное право, а ограничиваются требованием, чтобы нынешний закон 3 июня получил «дальнейшее свое развитие в обычном законодательном порядке». «Дальнейшее развитие»— это примет и Пуришкевич, который тоже хочет «развивать» назад закон 3 июня... О 8-часовом рабочем дне таганрогские любители «беспартийности» не говорят ни звука. Вся программа реформ формулирована «под кадета».

Приемлема ли такая позиция для приказчиков? Нет, и тысячу раз нет! Беспартийность — всегда на руку буржуазии. Оттого-то буржуазия так охотно проповедует «меньшому брату» эту беспартийность, а сама организуется в сильные хозяйские союзы и в определенные буржуазные политические партии.

Очень может быть, что в таганрогском примере мы имеем дело только с промахами незрелой мысли, а не с предвыборным маневром кадет. Но, во всяком случае, таганрогская группа дала один пример приказчикам: чего им не следует делать.

Приказчикам, желающим блюсти свои собственные политические и экономические интересы, не следует подаваться ни на открыто-кадетскую удочку, ни на так называемую «беспартийность». Наобещает кандидат с три короба, — только проведи его в Думу. А потом, с кого взыщешь, если этот «беспартийный» господин никакой программы не имеет, никакой партийной дисциплине не подчиняется, если ответственности за него никакая известная всей стране партия не берет?.. Довольно уж и у нас, и на Западе примеров того, как пекутся об интересах приказчиков и либералы, и их «беспартийные» друзья! Пора нам сделать практический вывод: приказчики всюду и везде должны итти рука об руку со всем рабочим классом и поддерживать кандидатов рабочей демократии, в своей платформе дающих ясный и единственно правильный ответ на вопросы рабочий (в том числе приказчичий), крестьянский и общеполитический.

ПРИМЕЧАНИЕ.

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 113, от 9 сентября 1912 г. подпись — «А. Б.».

КЛАССИФИКАЦИЯ ПЛАТФОРМ [1].

Все сколько-нибудь заметные политические группы и партии, начиная от крайних правых и кончая крайними левыми, уже опубликовали свои избирательные платформы.

На первый взгляд—пестрота необычайная. Платформы разных фракций черносотенцев, платформа торгово-промышленной группы, платформы октябристов, националистов, прогрессистов, поляков, мусульман, кадетов, трудовиков, социал-демократов — бесконечная вереница платформ!.. Есть ли в этом бесконечном количестве платформ какая-нибудь система, поддаются ли они какой-нибудь классификации, какому-нибудь разумному подразделению на главные и основные группы платформ?

Несомненно имеется. И несомненно, что такая классификация представляет большой интерес для всякого человека, желающего сознательно участвовать в выборах в 4-ю Думу.

Если мы обратимся к платформам правых, мы убедимся, что все они в основном выражают интересы и настроения 130 тысяч дворян-помещиков.

Союз Русского Народа [2], союз Михаила Архангела [3], союз националистов [4], союз 17 октября — все одинаково стоят на почве 3 июня. Одни находят, что «на 3-м июня надо поставить точку», что от него дальше «ни шагу», другие не прочь сделать еще шаг назад.

Но в основном все эти правые группы едины: избирательный закон должен остаться таким, чтобы большинство механически было обеспечено за помещиками и кучкой городских первостатейных богачей; все острие режима должно быть направлено против рабочих и крестьян; ни пяди уступок в области земельного вопроса, хотя бы этого нельзя было добиться иначе, как отдачей деревни на поток и разграбление кулакам.

В каждой из этих правых групп в различной пропорции представлены привходящие элементы бюрократии, купечества, отчасти деклассированных авантюристов и прямо подонков общества. Отсюда — различный «тон» в предвыборной музыке этих групп, отсюда — их беспринципная грызня между собою, отсюда — их нападки на «конституционных министров» и даже на 3-ю Думу. Но фундамент у всех их — один, их социальная база — крупное землевладение. И это сквозит, несмотря на замазывания, из каждой строчки любой из платформ любой правой группы.

Такова первая группа платформ — платформ реакционных.

Столь же явственно выделяется и вторая группа платформ. Если мы обратимся к платформам кадетов, прогрессистов, «беспартийных» либералов, мусульман и других национальных конституционных групп, мы сразу увидим, что все эти платформы выражают интересы либеральной буржуазии. Здесь тоже в различной пропорции представлена зажиточная буржуазная интеллигенция, средние слои буржуазии, отчасти «культурные» помещики. И отсюда — тоже различные нюансы (оттенки) в платформах. Но в основном и главном — единство полное.

Либеральный лагерь недоволен тем, что он обделен режимом 3-го июня. Ему нужно известное перераспределение благ, ему хочется получить такую же долю, какую имеют Пуришкевичи. О таком порядке, который был бы радикально отличен от третьеиюньского, либералы не мечтают. Во-первых, это грозило бы господством «улицы» (читай: демократии), которая им ненавистна и которой они боятся больше, нежели примелькавшегося господства Пуришкевичей. А во-вторых, они верят (или, по крайней мере, последние годы верили), что с Пуришкевичами «ничего не поделаешь».

Либералы исходят из 3-го июня и стремятся лишь к постепенному «развитию» этой даты, к постепенным улучшениям и частичным реформам на почве данного.

Молчаливой предпосылкой всех либеральных платформ является надежда на мирное, более или менее безболезненное конституционное развитие, на «органическую» работу. Под давлением «общественного мнения» и в силу внутренней логики буржуазного общества, «сверху» будут-де проходить небольшие реформы за реформой. Постепенно Милюковы будут «уравнены» в правах и влиянии с Пуришкевичами.

Отсюда у либералов их платформы превращаются в какие-то прейс-куранты отдельных конституционных реформ.

Они просто перечисляют: хорошо было бы получить то-то и то-то, да еще вот это-то. При этом заранее урезывают себя тем, что хоть часть власть имущих сама должна считать не столь уже «чрезмерным» и несбыточным.

Вот, например, опубликованная на-днях платформа мусульманской группы, которая в 3-й Думе шла с кадетами. Это — типичная либеральная платформа. Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что официальная платформа к.-д. в основном с ней

совпадает. Что же читаем мы в мусульманской платформе? — «Расширение полномочий Думы. Расширение избирательного права. Закон о неприкосновенности личности. Законы о свободе слова, о печати. Законы о свободе союзов и собраний. Законы о свободе совести и религии», реформа самоуправления и т. д. (См. «Речь», № 236.)

Другие либералы, может быть, окажутся решительнее. Они, быть может, потребуют не просто «расширения» избирательных прав, а отважутся запросить всеобщего избирательного права. Они, быть может, украсят свой прейс-курант требований еще некоторыми реформами. Но в принципиальном отношении дело от этого не изменится. Речь попрежнему будет итти только о конституционных реформах, а не «реформе»; не о том, чтобы Пуришкевичи ушли, а о том, чтобы они уступили, поделились с либералами, не о самодеятельности народных масс, а о парламентских торгах и т. п.

Такова вторая группа платформ — платформ либеральных.

Не надо, конечно, думать, что между первой и второй группами — как ножом отрезано. Нет, у реакции и либерализма есть много точек соприкосновения (хотя бы их общая боязнь победы демократии). И отсюда — много переходных ступеней между платформами этих двух разрядов. Прогрессисты, напр., — живой мостик между этими двумя группами. То же можно сказать о части «левых» октябристов и правых кадетов...

Перейдем теперь к третьей группе платформ. Во главе их стоит платформа рабочей демократии, преследующей свои самостоятельные классовые задачи и вместе с тем защищающей интересы всей демократии всей страны. Платформа рабочей демократии, формулированная в начале этого года, достаточно известна. Она была в основных чертах воспроизведена и в «Новом Времени», и в «Земщине», и в «Голосе Москвы». Она дает свои определенные ответы на важнейшие вопросы русской жизни: рабочий, крестьянский, вопрос общеполитического устроения. И все эти ответы в основном — те же, что давались передовой демократией в героическую эпоху нашей жизни, 7 лет тому назад. Учтен весь новый опыт. Учтены все новые попытки реакции «решить» по-своему аграрный вопрос, сделать шаг по пути «обновления» сверху и привлечения к себе новых союзников.

Рабочая демократия гонится не за прейс-курантом всевозможных хороших конституционных реформ. Она выдвигает то

общее, которое единственно злободневно... Противники ее делают иногда вид, что они не понимают, о чем собственно идет речь в ее платформе. Так, например, ликвидаторский «Невский Голос» пишет, будто ему «неясно» (!!) требование полной и всесторонней демократии (см. № 8 этой газеты). Недобросовестность (чтобы не сказать определеннее) этакого приема оценит всякий, кто не забыл еще прекрасных слов А. И. Герцена, когда-то писавшего: «в образованных государствах каждый... старается раскрыть свою мысль ... а у нас весь талант должен быть употреблен на то, чтобы закрыть свою мысль под рабски вымышленными условными словами и оборотами»... Однако, вся передовая Россия **знает** платформу марксистов.

Только эта платформа кардинально отлична от либеральных платформ. И платформа, напр., трудовиков, стремящихся выразить интересы крестьянства, лишь постольку будет становиться действительно демократической, поскольку она будет приближаться к этой платформе...

В самом деле, ликвидаторы пробовали утверждать, будто главным отличительным признаком пролетарской платформы от других платформ будет требование свободы коалиции. Разве теперь не ясно, что это абсолютно неверно? Разве мусульмане (либералы) не поставили в каталог своих «требований» свободу коалиции? Разве кадеты не сделали того же? (А, быть может, сделают даже и октябристы.) И это вполне понятно. Отчего либералам, в числе других конституционных реформ, не потребовать от Пуришкевичей известной свободы коалиций? О том, чтобы рабочие не «распустились», озаботятся ведь те, кому сие ведать надлежит. А во всех хороших домах... то бишь, во всех конституционных странах, некоторую свободу союзов рабочим дают.

Попробуйте классифицировать платформы по признаку: кто выставляет требование свободы коалиции?—Никакой классификации, никакого серьезного подразделения вы не получите. Чтобы заставить ту или иную партию или группу Farbe bekennen (обнаружить свое настоящее лицо), надо ей ставить не вопрос о свободе коалиции, а те самые вопросы, которые выдвинуты в программе марксистов...

Третья группа платформ тоже не ножом отрезана от второй. Существуют и здесь межеумочные группки и межеумочные переходные платформы. Ликвидаторская платформа и принадлежит к числу этих межеумочных платформ.

Типография на Социалистической (б. Ивановской) ул., д. 14, в Ленинграде. где печатались «Звезда» и «Правда» в 1910 — 1914 г. г.

Теперь всплывают еще «примирительные» платформы. Любители «синтеза» (5) (по Карееву) думают спасти положение тем, что ставят рядом общее требование марксистов (доселе «неясное» «Невскому Голосу») и целый прейс-курант конституционных реформ — в том числе свободу коалиции, полновластную Думу и т. п. Честь этого изобретения принадлежит, конечно, патентованному «примирителю» Троцкому и другим защитникам ликвидаторства. Эта попытка решить трудный вопрос по образцу гоголевской невесты (нос одного жениха приставить к усам другого), конечно, обречена на осмеяние. Но именно эту попытку сделала ликвидаторская «конференция». Поживем—увидим, как-то будет теперь защищать «Невский Голос» доселе «неясное» ему требование...

А передовые рабочие будут попрежнему защищать свою марксистскую платформу, единственно отвечающую духу времени, единственно свободную от маниловских мечтаний, единственно чуждую либеральных иллюзий.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 25, от 9 сентября 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

2) «Союз Русского Народа» — сообщество активных черносотенцев. «Союз русского народа» вылился из первичных монархических объединений, создавшихся под знаменем различных «обществ хоругвеносцев», «православных братств» и т. п. Его первыми энергичнейшими соучастниками были такие лица, как протоиерей Восторгов, иеромонах Иллиодор, епископ Евлогий, епископ Гермоген, архиепископ Антоний Храповицкий и др. Сюда же входили и «интеллигенты» — доктор Дубровин, присяжный поверенный Булацель, другой адвокат — Шмаков, литератор Крушеван. Сам же «народ» представлен был в этом «союзе» либо наиболее отсталыми в умственном отношении слоями мелкого мещанства, купечества, чиновничества, либо босяками и золоторотцами. При всем вырожденчестве союзной физиономии «союз» считался если не оплотом монархии, то во всяком случае — кадром ее испытаннейших приверженцев, ее «белою гвардиею», готовою всегда к выступлениям кроваво-погромного задания. Фактически вся деятельность «союза» именно в таковых областях и протекала.

3) «Союз Михаила архангела» — разновидность «Союза Русского Народа», созданная В. Пуришкевичем лишь в пику доктору Дубровину, председателю «союза», когда оба союзника повздорили между собой и Пуришкевич был выжит из «русского народа».

4) Союз националистов — дворянско-землевладельческая организация, появившаяся на началах избирательного закона 3 июня 1907 г., когда Столыпину нужно было располагать в Думе своею правительственною партиею, ему послушною и его защищающею. Около этого времени

часть думцев выделилась из октябристов и крайне-правых (Крупенский, В. Бобринский, Шульгин и др.). Эта группа и стала сосредоточием будущих «националистов».

[5]) «Синтез» по Карееву — попытка буржуазного профессора истории Н. И. Кареева (члена 1-й Гос. Думы) противопоставить материалистическому учению К. Маркса старое, идеалистическое (труд «История с философской точки зрения», вошедший в 1-й том «Собрания сочинений»). Хотя сам Кареев признается, что часто он был вынуждаем при своих исторических исследованиях следовать методу Маркса, тем не менее старается убедить своего читателя, что «общий историк на то и существует, чтобы производить синтез между специальными взглядами политиков, юристов и экономистов». В результате Кареев и рекомендует пестрейший подбор материала для «синтеза»: сюда входит использование религии, философии, литературы, художества, и т. д.

РЕВИЗИОНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ [1].

Перед Хемницким съездом германской социал-демократии германские ревизионисты произвели свою обычную ежегодную демонстрацию—против социал-демократической партии.

Существует в Германии двухнедельный журнал, называющий себя «Socialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). Германские марксисты шутят, что этот журнал называется социалистическим собственно только по тому случаю, что он ничего общего не имеет с социализмом. И, в самом деле, это — журнал чистейших ревизионистов, а его хозяевами являются совершеннейшие либералы в «социалистической шкуре». Плеханов был совершенно прав, когда назвал этот журнал германских ликвидаторов «немецкой Нашей Зарей». Сходство, идейное родство, действительно, бросается в глаза.

И вот этот-то журнал усвоил себе обыкновение каждый год перед съездом с.-д. партии выпускать — на потеху всем буржуазным газетам — «съездовский» номер [2], всегда переполненный бранью по адресу партии и всегда выдвигающий целый ряд более или менее новых ликвидаторских «планов».

В этом году немецкая «Наша Заря» тоже выпустила свой съездовский номер. И, разумеется, буржуазные газеты, вплоть до нашей кадетской «Речи», полны радости и обсмаковывают каждую выходку ревизионистов против ненавистной им германской социал-демократии.

В юбилейном номере «Socialistische Monatshefte» помещены статьи Бернштейна [3], Кольба [4], Квесселя [5], Аронса [6] и других. Вся ревизионистская «гвардия» на-лицо. И вся наперерыв бряцает своим тупым оружием против с.-д. Один защищает г-на Гильденбрандта, исключенного из с.-д. партии после того, как он выпустил книгу, в которой заявил себя явным противником социализма. Другой потирает руки по поводу начавшихся споров между самими марксистами и похлопывает по плечу «подающего ему надежды» Каутского. Третий недоволен тем, что социал-демократическая фракция рейхстага не всегда отменно любезна с имперским канцлером.

Но всех больше отличился известный баденский ревизионист Кольб. Это — enfant terrible германских ревизионистов, нечто вроде Ларина (или Левицкого) у наших ликвидаторов. Всегда

уж у него на языке все то, что у более осторожных ревизионистов лишь на уме... Так и теперь. Кольб написал в «съездовском» номере истеричную статью против германских марксистов, под кричащим заглавием «Vom toten Geleise» («С мертвой точки»). Социал-демократия обвиняется здесь во всех смертных грехах. Недаром такая, злостно ненавидящая социал-демократию, буржуазная газета, как «Frankfurter Zeitung», перепечатала статью Кольба полностью, в качестве передовой, и от себя ехидно добавила лишь одну строчку: вот что говорит социал-демократ о социал-демократии... Постоянный удел ревизионистов и ликвидаторов — служить в руках буржуазии простым орудием борьбы против социал-демократии.

На чисто-инсинуаторских выходках Кольба (так живо напоминающих некоторые писания литераторов из «Невского Голоса») останавливаться не стоит, но на его «теоретических» возражениях против марксистов стоит несколько остановиться.

Тактика германской социал-демократии, видите ли, помогает реакции. Реакция не будет сломлена, пока социал-демократия не откажется от своей старой тактики. Социал-демократии необходимо отказаться от ее «принципиального отрицания нынешнего государства». Так называемая «принципиальная» непримиримость должна смениться «положительной работой» социал-демократии. Социал-демократия всегда пускает в оборот ходячие агитационные «словечки». Последним таким «словечком» является «империализм». Социал-демократия бессильна, несмотря на своих 110 депутатов. Это потому, что она «качается между так называемой социально-революционной теорией и лишь наполовину реформистской тактикой». Во всем виноват «принципиальный бойкотизм» (Abstinenz — воздержание) марксистов. Участие в выборах для марксистов ценно лишь постольку, поскольку оно дает случай «революционизировать умы» (о, ужас!). Революционная теория марксистов и все эти их резолюции являются гирями на ногах у практических работников. Все эти запрещения голосовать за бюджет губят влияние с.-д. Без «широкой коалиции» с либералами социал-демократия шагу не сделает вперед. Ее чисто агитационная («митинговая») точка зрения и ее сектантская узость «политически изолирует» пролетариат и «способствует тому, что консерватизм остается решающей силой». Такова тактическая мудрость г. Кольба!

Чем не законченный ликвидатор этот господин? И что, скажите, у него общего с марксизмом?

Как ни отлична наша нынешняя политическая обстановка от общественно-политического положения в Германии, а интеллигентско - оппортунистические группки имеют там возразить против марксизма только то же самое, что у нас в России. Nur mit ein bischen anderen Worten (только чуть-чуть другими словами)...

Выступление ревизионистов встретило должную оценку во всей марксистской печати Германии. Жаль только, что не все марксисты отдают себе ясный отчет в том, чем грозит германскому рабочему движению ревизионистская опасность. Иные слишком недооценивают ее. Так, одна марксистская газета (к удивлению, «Leipziger Volkszeitung») писала, что за журналом «Socialistische Monatshefte» «стоят лишь чернильницы, из которых пишут его публицисты». Это, к сожалению, не верно. И незачем преуменьшать силы своих противников.

В этом журнале работают фон-Эльм, Легин, Зюдекум, Кольб, Франк, Давид. Все эти ревизионисты — не нуль. Они имеют пока за собой широкие круги рабочих (в этом их отличие от русских ликвидаторов). Ревизионизм причинит еще немало хлопот германской социал-демократии. Чтобы поскорее изжить ревизионистскую болезнь, надо не закрывать на нее глаз и не тешить себя иллюзиями...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 25, от 9 сентября 1912 г.; подпись — «Мариус».

2) Съездовский номер «Социалистического Ежемесячника — см. «Sozialistische Monatshefte», 1912 г., т. 3.

3) Бернштейн, Э. — его статья «Darf Hildebrand ausgeschlossen werden?» «Можно ли исключить из партии Гильдебранда?», стр. 1147.

4) Кольб, В. — его статья: «Heraus aus dem toten Geleise» — «С мертвой точки», стр. 1096.

5) Квессель, Л. — его статья: «Der Wert unserer Kolonien» «Ценность наших колоний», стр. 1124.

6) Аронс, Л. — его статья: «Gibt es eine preussische Sozialdemokratie?» «Существует ли прусская социал-демократия?», стр. 1090.

РАБОЧАЯ КУРИЯ ([1]).

Очередной вопрос рабочей жизни — выборы в 4-ю Государственную Думу по рабочей курии ([2]). Выборы эти начались. Происходят уже выборы по рабочей курии в Петербургской и Московской губерниях. Выборы от рабочих других губерний — уже только вопрос дней. Время не ждет. Все должны быть на посту...

Избирательным законом рабочему классу отведено 6 депутатских мест в будущей Думе. Рабочим-марксистам надо позаботиться о том, чтобы эти 6 мест попали в надежные руки, а еще более — о том, чтобы рабочий класс на выборах правильно выразил свое настроение, во всеуслышание сформулировал свои требования и свои взгляды на современное положение в нашей стране.

На представительство рабочих кой-где претендуют либералы, захудалые «беспартийные», а местами — даже черносотенцы. Однако, все понимают, что шансы этих групп среди рабочих ничтожны. Лишь совершенно исключительное внешнее давление может кой-где помочь этим бессильным среди рабочих группам навязать своих кандидатов в уполномоченные.

Но передовым рабочим мало того, чтобы рабочий класс демонстрировал свое отрицательное отношение к реакции и контрреволюционному либерализму. Им нужно добиться еще того, чтобы рабочий класс вновь продемонстрировал свою верность старым идеалам, старому идейному знамени марксистов, старым, не укороченным, лозунгам... В положительной форме передовые рабочие будут это делать всюду. Но местами у них будет еще другая задача: отрицательным отношением своим к либеральной рабочей политике (ликвидаторству) подтверждать свое положительное отношение к последовательному марксизму.

В некоторых городах борьба с ликвидаторами на выборах по рабочей курии неминуема. В Харькове, например, ликвидаторы выставляют в рабочей курии своего кандидата против кандидата объединенных марксистов — большевиков и меньшевиков (см. «Правду», № 102). То же, возможно, будет и в Петербурге. Буржуазные газеты — особенно «Русское Слово», а отчасти и «Речь» — уже захлебываются от восторга по поводу того, что дорогие их сердцу ликвидаторы выставляют в Петербурге свою

особую кандидатуру по рабочей курии. «Русское Слово» даже уверяет весь честной народ, будто у ликвидатора «больше шансов» пройти по Петербургу. Господа буржуа, видимо, забыли, что выбирать-то уполномоченных от рабочих как-никак будут тысячи петербургских пролетариев. А на петербургских фабриках и заводах ликвидаторы все же пользуются меньшими симпатиями, нежели в либеральных гостиных.

Для всякого передового рабочего, конечно, важна личность уполномоченного и кандидата в Думу. Надо, чтобы это был человек, зарекомендовавший себя преданностью рабочему делу. Но еще более важна политическая платформа, политический символ веры этого кандидата. Присмотримся же к самоновейшей платформе ликвидаторов.

Говорим — самоновейшей, потому что отдельные группки, входящие в ликвидаторский блок, выдвигали в свое время различные проекты. Одни совершенно смазывали старые требования марксистов в аграрном вопросе и в вопросе политического устроения, другие «забывали» требование 8 часового рабочего дня и т. д.

Однако, теперь мы, наконец, получили избирательную платформу, объединяющую, кажется, всех ликвидаторов. Что же видим мы в ней?

Пресловутая ликвидаторская «конференция» сознавала прекрасно, что откровенное ликвидаторство бесповоротно провалилось в глазах рабочих. Перед ней была головоломная задача: и ликвидаторскую невинность соблюсти и капитал рабочих симпатий приобрести. Но как ни старались Троцкий и К°, а ликвидаторские уши торчат и из самоновейшей, подчищенной и лаком покрытой, ликвидаторской платформы.

В будущем «объединенные» ликвидаторы обещают бороться за что угодно. Но для «настоящей избирательной кампании» у них в кармане имеются про запас совсем другие требования.

Вопрос о будущем — несомненно интересный вопрос, кто станет спорить? Но мы полагаем, что избирательной платформой называется именно та платформа и те требования, которые выдвигаются именно для данной, именно для «настоящей избирательной кампании». Ну, а для данного момента ликвидаторы всецело остались ликвидаторами.

Возьмите земельный вопрос. Всякий рабочий понимает всю его важность и значение. Марксисты настаивают на радикальном

решении аграрного вопроса в духе старых требований рабочей демократии. А ликвидаторы? В будущем они согласны и на переход земли без выкупа. А вот для данной избирательной кампании не угодно ли вам будет удовольствоваться «пересмотром аграрного законодательства 3-й Думы»?

«Пересмотр»! — под этим можно понимать, что угодно. Кадеты тоже не прочь «пересмотреть» и кое в чем подправить аграрное законодательство 3-й Думы. Но этого ли хотят рабочие?..

Или возьмите другой, еще более важный вопрос — общеполитический. Для будущего ликвидаторы опять-таки готовы отстаивать, что угодно. А для данной избирательной кампании они, конечно, ничего, кроме отдельных конституционных реформ, не выдвигают, и в этом они опять в основном совпадают с либералами. Всеобщее избирательное право, свобода коалиции и т. д. — все это, конечно, крайне важные для рабочего класса реформы. Но уверять, что эти реформы могут быть завоеваны в результате борьбы за частичные права, уступаемые мало-по-малу Пуришкевичами, значит всецело стоять на точке зрения либерализма. А иную борьбу ликвидаторы «признают» лишь, как музыку отдаленного будущего, никакого отношения к избирательной кампании 1912 года не имеющую.

Или присмотритесь к оценке апрельско-майского движения рабочих, в связи с ленскими событиями. Для ликвидаторов это движение было простым экономическим движением. Здесь — просто результат экономического подъема, здесь — только борьба за право коалиции, и ничего более. Совпадение с либералами опять трогательное. Ведь и «Речь» объявила апрельско-майское движение «трэд-юнионистским».

Или взгляните на оценку ликвидаторами кадетской партии и трудовиков. С точки зрения ликвидаторов, и кадеты и трудовики — одинаково «оппозиция», одни немножко правее, другие немножко левее. Какое дело ликвидаторам до того, что крестьянская масса есть **демократия** (хотя и буржуазная), а буржуазия, представляемая кадетами, является только знаменосцем контрреволюционного **либерализма**?

И так во всем... Подчищенная и подправленная, «улучшенная» и исправленная платформа ликвидаторов осталась ликвидаторской. Она показала только, насколько неуверены ликвидаторы в самих себе, насколько эти люди идейно неустойчивы. «Ненавистны те люди, которые не умеют резко стоять на своей системе,

которые хитро отступают, боятся высказаться, стыдятся своего убеждения и остаются при нем». Эти слова А. И. Герцена вполне приложимы к людям калибра ликвидаторов. Именно так: хитро отступают, боятся высказаться, стыдятся своего убеждения и остаются при нем... И эти люди хотят рассчитывать на поддержку со стороны передовых рабочих!..

Рабочие России скажут на выборах, что они попрежнему решительные враги реакционного и либерального лагерей. И они столь же недвусмысленно выскажут свое отношение к либеральной рабочей политике. За прежний, старый, неурезанный и непримиримый марксизм! — таков пароль рабочих.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде», № 26, от 16 сентября 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

[2]) Выборы в Петербурге — производились дважды; на первых выборах избраны были выборщиками: по списку газеты «Правда» — А. Г. Бадаев, рабочий мастерских Николаевской жел. дороги, П. А. Игнатьев, рабочий Охтенского порохового завода, М. И. Зайцев, рабочий мануфактуры Паля и Л. Ф. Егоров, рабочий Сестрорецкого оружейного завода: ликвидаторы провели двоих — П. И. Судакова и Н. П. Петрова. Но немедленно же эти выборы были отменены губернской избирательной комиссией и вторично они имели место 17 октября. За это время ликвидаторы напрягли все свои силы и протащили уже троих — Гудкова, Петрова и Судакова, а по «правдистскому» списку наибольшее число голосов получили Бадаев и Костюков. Шестого выборщика пришлось добирать на следующий день. Им оказался «правдист» Игнатьев.

Ликвидаторам пришлось принять, скрепя сердце, одобренный подавляющим большинством рабочих выработанный «правдистами» наказ будущему члену 4-й Думы, каковым в конце концов, по воле рабочих, оказался А. Г. Бадаев.

КАДЕТЫ И БЮДЖЕТ (1).

На петербургских избирательных собраниях во 2-й городской курии кадеты сразу взяли курс «налево». Мы — тоже демократы, мы тоже готовы бороться, мы только действуем осторожнее и благороднее (и потому вернее), чем социал-демократы. Такой основной мотив всех предвыборных речей Милюкова и К°.

Как именно и за что именно намерены бороться кадеты — это остается их тайной. Дальше общих фраз кадеты не идут. Но вот какой вопрос напрашивается сам собой.

Вы, господа кадеты, придаете особенно большое значение чисто парламентской, конституционной борьбе. Хорошо! Как же поступали вы на деле в этой области? Вопрос о бюджете — один из самых важных вопросов парламентской (думской) жизни. Голосование против бюджета есть одно из самых легальных и конституционных средств борьбы против реакционного режима. Какова же ваша, кадетов, позиция в этом вопросе чисто парламентской борьбы?

Не будем уж говорить об эпохе 1-й и 2-й Государственных Дум. В то время голос кадетской партии действительно имел крупное значение для западно-европейского капитала, от которого зависело столь многое (например, займы). А кадеты, как известно, вели себя тогда так, чтобы ни одного волоска не упало с головы реакции... Но посмотрите, как поступают кадеты теперь, при реакционной 3-й Думе, когда полными хозяевами являются Пуришкевичи, когда сами кадеты — превратились в незначительное меньшинство Думы?

В первые сессии 3-й Думы кадеты голосовали совершенно так же, как октябристы. За миллионы на милитаризм в эти сессии кадеты голосовали так же покорно, как октябристы. А кадетские ораторы Челноков (2), Бабянский (3) и др. произносили еще при этом соответствующие «патриотические» речи.

За бюджет в целом, за бюджет министерства внутренних дел кадеты в эти сессии голосовали систематически. Кадеты даже выработали «теоретическое» оправдание этому своему поведению.

«В освещении вопроса о финансовом положении России, о руководстве ее государственным хозяйством почти стирается грань между оппозицией и центром» («Речь», № 46, от 1909 г.).

Впоследствии кадеты перестали голосовать за смету министерства внутренних дел. Но всегда и регулярно голосовали за расписание доходов и расходов на весь год в целом, а также за отдельные ассигновки на тюрьмы и т. д.

Когда реакционное большинство 3-й Думы проводило закон о специальных наградах (пенсиях) для чинов тюремного ведомства (4), от имени к.-д. фракции встал депутат Караулов и заявил: кадеты голосуют з а, ибо «государство должно исполнить свой долг перед служащими»... А в числе награждаемых пенсией были, как известно, и служащие Кутомарской, Зерентуйской (5) и других тюрем...

И ту же самую «философию» кадеты применяли для объяснения своих голосований за весь антинародный бюджет в целом.

Вот перед нами книжка к.-д. партии: «Что делала и что сделала 3-я Гос. Дума». Кадеты объясняют свои голосования за бюджет:

> «Крайние левые члены оппозиции — социал-демократы и трудовики даже (!), голосовали всякий раз против всей государственной росписи доходов и расходов. По их мнению, все так плохо поставлено, что никаких денег нельзя отпускать правительству. Однако, другие члены оппозиции, прогрессисты, члены партии народной свободы все же голосовали за отпуск денег по росписи. Нельзя же не содержать войска, не платить процентов по займам, не давать жалования чиновникам»... (ст. 39 указ. книжки).

Это — ценнейшее признание к.-д. партии! По понятным причинам мы не можем сказать здесь об этих кадетских заявлениях всего того, что хотели бы и что нужно бы сказать... Вовсе не «все» так плохо в режиме 3 июня, — говорят кадеты. И что будет с чиновниками, если оппозиция будет голосовать в 3-й Думе против бюджета?..

Своим голосованием за бюджет кадеты, конечно, санкционируют (освящают) не один десяток безобразий. И все это во имя чего? Во имя того, что без кадетского голосования будто бы не могли бы платить «процентов по займам». Это значит,—бороться с противником, но не хотеть его победить. Это значит,—«бороться», но не хотеть поставить противника в затруднительное положение. На деле это означает: не бороться, а искать соглашения с Пуришкевичами...

Так борются кадеты на излюбленной ими парламентской арене.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 126, от 25 сентября 1912 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Челноков, М. В. — член 2-й, 3-й и 4-й Думы, московский купец; кадеты прямо-таки потеряли голову от восторга в результате московских выборов в 4-ю Думу по 1-й курии, когда кадетский капитал принес Челнокову 2.281 голос, а Гучков получил всего 1.281 бюллетень.

[3]) Бабянский, А. Ф. — член 3-й Думы от Пермской губ., присяжный поверенный из отставных генерал-лейтенантов (б. профессор военно-юридической академии).

[4]) Закон о пенсиях для чинов тюремного ведомства — был заслушан в Гос. Думе 3 декабря 1908 г. Законопроект защищался начальником тюремного ведомства Курловым, небезызвестным затем командиром жандармов, который мотивировал закон необходимостью «дать нравственную поддержку плохо оплачиваемым» тюремщикам. Тогда с.-д. Кузнецов дал справку о «плохо оплачиваемой» деятельности политической охраны, которая при всей «плохой оплате» все же пустила в ход новых 87 сыскных отделений. Свою пространную речь рабочий депутат закончил предупреждением думцев о грозящей им тяжкой моральной ответственности, которую Дума взяла бы на свою совесть, проявив солидарность с мерами, принимавшимися тюремщиками в отношении политических заключенных, подвергавшихся порке и всякого рода истязаниям. Эти соображения нисколько не остановили кадетской фракции, которая устами депутата М. А. Караулова, заявила, что «все это не может быть причиною к отказу государства пред служащими». Справа, со скамей Пуришкевича, Замысловского, Маркова II и других, понеслись по адресу вдохновителя фракции — Милюкова, самые искренние и бурные приветствия: «браво, кадеты!».

[5]) Кутомарская и Зерентуйская тюрьмы — были местами наиболее зверского обращения со ссыльными. В Зерентуе, например, существовал такой невыносимый режим, что находившийся там Е. Сазонов (казнивший министра вн. дел Плеве) покончил с собою, чтобы своим самоубийством обратить внимание на ужасающую систему издевательства.

МОСКОВСКИЕ ФАБРИКАНТЫ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС (1).

Московское Общество фабрикантов и заводчиков — то самое, которое так успешно устраивает локауты и которое прославилось своим «образцовым» полукрепостническим договором о найме, — неожиданно воспылало любовью к евреям. Московские Тит Титычи поставили себе целью — раз навсегда «разрешить» еврейский вопрос. Ну, а решить какой бы то ни было вопрос для московского купца значит, конечно, подать докладную записку министру.

Сказано — сделано. Через своего председателя, известного промышленника Ю. Гужона (2), Общество фабрикантов и заводчиков московского промышленного района на-днях послало пространную докладную записку председателю совета министров г. Коковцову.

Больше всего господа фабриканты боятся, как бы их не заподозрили в том, что они протестуют против гонений на евреев из чувства справедливости и человеколюбия.

Десятки раз подчеркивают московские фабриканты и заводчики в своей записке, что они «не входят в юридическую оценку» еврейских преследований, что они — упаси боже — «не входят в обсуждение общей политики правительства по еврейскому вопросу» и т. п.

Е д и н с т в е н н а я причина, по которой московским фабрикантам не нравятся преследования евреев, это та, что от этого отчасти «страдают интересы торговли и промышленности» (читай: копелек торговцев и промышленников).

В классе торговцев евреи по переписи 1897 года составляли 35 процентов. Еврейские торговцы — по отзыву московского Общества фабрикантов и заводчиков — являются наиболее опытными, подвижными и энергичными посредниками между промышленниками и потребителями. А тут, вдруг, даже на Нижегородскую ярмарку не пускают нужных господам фабрикантам евреев! Ведь это явный урон для кармана!..

Или возьмите другое соображение. При последних массовых выселениях евреев из деревень и торговых городов администрация, как отмечают московские фабриканты, часто конфисковала (попросту отбирала) у евреев их имущество и товар. В результате опять-таки урон для кармана...

Понятно, что фабриканты разлиберальничались и «ходатайствуют», чтобы тех евреев, которые нужны им, не преследовали и не выселяли, чтобы, во имя интересов промышленности и торговли, им дана была свобода посещать все ярмарки... Ну, чем не борцы за равноправие евреев?

Русские Тит Титычи готовы защищать нужных им еврейских купцов и торговцев. Русские либералы готовы защищать родственную им еврейскую буржуазию. Но и те и другие забывают об еврейской бедноте, задыхающейся в нищете и бесправии, о еврейских рабочих, стонущих под двойным игом—и как пролетарии и как евреи...

Буржуазия любит упрекать нас, рабочих, в недостатке идеализма, в том, будто мы думаем только о шкурных интересах и руководствуемся только грубым материализмом. Но на деле лишь один рабочий класс протестует против гонений на евреев во имя идеала свободы и демократии. Только пролетариат подымает свой голос протеста против каких бы то ни было гонений, руководясь не просто интересами кошелька, а интересами братства и равенства в лучшем смысле слова.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 126, от 25 сентября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Гужон, Ю. П. — директор правления металл. завода и товарищества шелковой мануфактуры, член московского совета торговли и промышленности.

ОДИН ИЗ ИТОГОВ (1).

Как ни скудны еще сведения о выборах в 4-ю Думу от рабочих всей России, а картина в общих чертах начинает вырисовываться довольно явственно.

Авангард рабочего класса,—наиболее передовая и политически деятельная часть рабочих, — принял самое деятельное участие в выборах.

Передовые ряды рабочих отвергли бойкот. Они выбрали в подавляющем большинстве социал-демократов, и притом—последовательных и стойких социал-демократов, врагов либеральной рабочей политики. Тем самым цвет русского рабочего класса сказал определенно, как относится он к черной сотне, к либералам, к 3-й Думе, ко всему нынешнему положению вещей...

Но вместе с тем было бы преступным самообманом закрывать глаза на то, что широкая масса рабочих приняла недостаточно активное участие в выборах... Разумеется, тут играл большую роль град репрессий, запретов, «разъяснений», внезапное назначение выборов, отсутствие свободы рабочей печати, узость закона 3 июня и т. п. Этим объясняется, несомненно, многое, но — не все.

Так в чем же причина этой недостаточной активности широких масс? Коротко говоря, в том, что широкие массы рабочих уже поняли, что Дума 3 июня не может не быть антинародной и антирабочей, и в то же время они еще недостаточно прониклись сознанием того значения, которое имеет думская трибуна для рабочего класса. Каждый шаг помещичьей 3-й Думы подсказывал рабочей массе вывод: этакая Дума ничего, кроме камня вместо хлеба, народу не даст. Дума помещиков — наш враг. Долой Думу! — таков первый непосредственный крик души, вырывающийся у среднего «массового» рабочего. Передовые ряды рабочих не ограничиваются этим первым выводом. Они говорят: да, верно, что помещичья Дума враждебна рабочему классу, но у противника есть слабое место, которое мы должны использовать: наших рабочих-депутатов враги вынуждены «пускать» в свою собственную крепость. Думскую трибуну надо использовать для того, чтобы на всю Россию проповедывать наши взгляды, защищать наши идеалы...

Для того, чтобы самые широкие слои рабочих, миллионы рабочих от первого вывода подошли ко второму, с одной сту-

пеньки поднялись на вторую, — нужно время, нужен опыт, нужна громадная просветительная работа.

Выборы от рабочих в 4-ю Думу показали, какое огромное невспаханное поле мы имеем еще в российском рабочем классе, как много работы просвещения, политического воспитания, организации стоит на очереди. К массам! — таков главный итог выборов...

Влияние рабочей демократии на пролетариат России—огромно. Ни реакция, ни либералы сколько-нибудь значительного влияния в его среде не имеют. И о том, что русские рабочие с самого начала отшвырнули от себя либерализм, меньше всего, конечно, будут горевать марксисты. Что политический подъем захватил не только верхушку рабочего класса — убедительно показали апрельско-майские дни этого года. И все-таки... все-таки передовые ряды рабочих главным уроком, главным выводом из выборов для себя сделают: глубже в рабочую массу, в самую гущу рабочей жизни, к массам... Десятки тысяч вполне сформировавшихся должны прийти на помощь миллионам своих братьев, еще ищущих пути к свету и свободе.

К массам! Чтобы приучить их к всесторонней политической активности, к организованному действию, к поддержке своей классовой печати и своих классовых организаций — остается сделать еще многое, очень многое...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 128, от 27 сентября 1912 г.; подпись — «Н. Скопин».

КАДЕТЫ И П. А. СТОЛЫПИН (1).

Кто не помнит шумнейшей эпопеи с кадетским министерством в 1906 году?!

Еще до 1-й Думы кадеты неоднократно вели тайные переговоры с представителями реакции о создании «для спасения России» кадетского министерства. Переговоры к.-д. партии с графом С. Ю. Витте и генералом Д. Ф. Треповым теперь в основных чертах уже известны публике (см. «Правда», № 86), как ни старались кадеты покрыть все это мраком непроницаемой тайны.

Но особенно тщательно скрывали кадеты их переговоры с П. А. Столыпиным. Когда они были уличены в этом социал-демократами, то объявили это измышлением, демагогией и клеветой социал-демократов и, бия себя в грудь, клятвенно уверяли, что никаких переговоров нет.

Но — все тайное в конце концов становится явным.

На этих днях бывший член центрального комитета к.-д. партии, профессор Е. Н. Щепкин (одесский), выступил с разоблачениями к.-д. вождей (2). Щепкин рассказывает, что «петербургские лидеры (к.-д. партии) идут навстречу министерству с П. А. Столыпиным во главе», как «официальная тактика лидеров» была «рассчитана на образование министерства из их партии (к.-д.) или смешанного, хотя бы с П. А. Столыпиным во главе»; как у кадетского генерального штаба «уже тогда была задняя мысль»... начать после роспуска новую игру с П. А. Столыпиным на меньшую ставку и т. д.

Теперь г. Милюков пытается отговориться от разоблачений бывшего его коллеги по Ц. К., г. Щепкина, тем, что возражает: да, П. А. Столыпин нас звал. Да, мы вели переговоры, но мы не сошлись именно из-за министерства внутренних дел («Речь», № 263).

Однако, тот же Милюков в другое время сам дал совершенно иное, гораздо более верное, объяснение тому, что к.-д. министерство не осуществилось.

«Нас, — говорил в 3-й Думе г. Милюков, — звали в министры тогда, когда считали, что мы — сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, — на черную силу. Вот почему нас уважали, пока нас считали «революционерами». (Стеногр. отчет по запросу об Азефе.)

И совершенно так же объяснила провал к.-д. министерства и «Речь» после смерти П. А. Столыпина, когда она призналась, что «центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях», а во внедумском соотношении сил реакции и рабоче-крестьянской демократии. («Речь», № 244.)

Но допустим, г. Милюков верно передает факт. Допустим, что действительно кадетское министерство не состоялось потому, что кадеты не согласились иметь П. А. Столыпина во главе его. И в этом случае разве каждый демократ не имеет права спросить кадетов:

1) Почему же именно с вами торговались? Почему именно вас покупали? Не потому ли, что вы продавались?

2) Почему вы годами молчали о секретных переговорах с реакцией, почему вы не рассказываете о них всей правды и сейчас? Не потому ли, что вам все-таки чего-то стыдно? Не потому ли, что переговоры эти действительно темные?

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 134, от 4 октября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Щепкин, Е. Н., — член 1-й Гос. Думы, бывший кадет, брат московского кадета, Н. Н. Щепкина, профессор истории новороссийского университета. Впоследствии он резко порвал с кадетами, явился сильным их изобличителем, знакомым до тонкости со всем механизмом «конституционно-демократической» партии. В 1912 г. Е. Н. целым рядом статей на страницах одесской газеты «Южная Жизнь» вскрыл подоплеку былой кадетской игры с министерскими портфелями. Особенно ценны в этом отношении статьи «Кадетская тактика» (№№ 308 и 310) на тему, «как цыган думал спрятаться в вершу».

«СЛУЧАИ» ГИЛЬДЕБРАНДА (1).

Читатели «Невской Звезды» знают, в чем заключается этот «случай». Один из видных германских ревизионистов, г. Гильдебранд (2), выступил с «ученой» книгой, в которой доказывал, что социал-демократы должны перестать быть социал-демократами и в вопросе о колониальной политике должны перейти на точку зрения либералов.

Золингенская с.-д. организация, к которой принадлежал этот почтенный ликвидатор, конечно, вежливенько попросила его... оставить партию. Кажется, чего бы проще: взять да и уйти из партии, раз человек идейно с партией порвал. Но ревизионисты рассудили иначе. Они чрезвычайно любят «единство» и нашли, что Гильдебранд и ему подобные вполне могут составить «законный оттенок» в с.-д. партии, в которой-де должны быть одинаково «равноправны» все, считающие себя социал-демократами, «без различия течений и направлений».

На беду эти глубокие идеи «псевдо-примиренчества (троцкизм — тож) недостаточно проникли в сознание «узкой и сектантской» германской социал-демократии. Хемницкий конгресс на апелляцию г. Гильдебранда ответил тем, что утвердил его исключение из партии.

Однако, германские ревизионисты не успокоились. На-днях они выступили с гласным протестом против постановления Хемницкого конгресса. Под ревизионистским манифестом подписан весь цвет германского ликвидаторства (более ста подписей ревизионистских «теоретиков», депутатов, редакторов и т. д.).

Прямо оправдывать Гильдебранда ревизионисты не решаются. Но в интересах «свободы мнений» Гильдебранд, видите ли, должен остаться в партии. Поэтому ревизионисты протестуют против «нетерпимости» партии и расшаркиваются перед ликвидатором Гильдебрандом.

С прекрасной статьей против защищающих Гильдебранда ревизионистов выступил К. Каутский (3). — Я понимаю, — говорит он, — когда либералы находят законными взгляды Гильдебранда. Но может ли социалист защищать взгляды, коренным образом расходящиеся со взглядами с.-д. партии? Мы требуем свободы слова, полнейшей свободы мнения от государства. Всякий гражданин должен иметь полную свободу высказывать в печати

все, что он найдет нужным. Но партия есть добровольный союз людей, придерживающихся в основном одной программы. Может ли партия терпеть в своей среде людей, проповедующих взгляды, прямо противоположные социал-демократическим? При чем тут крики о свободе мнений? Партия ни капельки не мешает Гильдебранду высказывать какие ему угодно мнения. Но не под флагом партии. Потому она и исключила его из своей среды...

Манифест ревизионистов имел успех скандала. Вся буржуазная печать, конечно, расхваливает его во-всю. А из с.-д. газет даже самые «примирительно»-настроенные характеризуют это выступление ревизионистов, как пронунциаменто (заговор) против партии.

«Случай» Гильдебранда вовсе не единичное явление. Гильдебранд только довел до конца то, что говорят все ревизионисты. Он лишь — наиболее последовательный и наиболее «бесстрашный» из них.

«Случаи» с отдельными ревизионистами все более перестают быть случайными. То всплывает «случай» Биссолати, когда сей итальянский ликвидатор «в интересах рабочего класса» считает нужным войти в буржуазное министерство. То — «случай» «товарища» Мильерана, уже не только считающего нужным войти в министерство, но прямо продающегося французской буржуазии. То теперь «случай» Гильдебранда.

Слишком много «случаев», господа. Нет ли тут системы?

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде, № 27, от 5 октября 1912 г.; подпись — «Мар.».

[2]) Гильдебранд, Г. — автор изданной в 1912 г. книги «Sozialistische Auslandspolitik. Betrachtungen über die weltpolitische Lage Anlässlich des Marokko-Streites». — «Внешняя политика с точки зрения социалистов. Соображения о международном положении по поводу «марокского вопроса».

[3]) Прекрасная статья Каутского — «Ein Ketzergericht» («Суд над еретиком») была напечатана в журнале «Neue Zeit», 12—13, т. 1, стр. 1.

УГРОЗА ЕДИНСТВУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1).

(Посвящается редакции «Металлиста».)

Наша профессиональная печать имеет крупнейшие заслуги перед русским рабочим движением. И в годы оживления, и в тяжелые годы безвременья она, несмотря на самые тяжелые удары извне, старалась поддержать среди рабочих хотя бы слабый огонек. Она выполняла незаменимую роль в деле воссоздания союзов, когда этим последним случалось потерпеть аварию. Она посильно помогала рабочим разбираться во всех очередных вопросах общественной жизни.

За это — честь и слава профессиональной печати...

В профессиональной печати, как и в профессиональном движении вообще, работали и работают деятели, принадлежащие к обоим главным течениям, борющимся в русском рабочем движении. Единство профессионального движения стоит на первом плане. Рабочие, члены профессиональных союзов, категорически и недвусмысленно «сокращали» тех, кто вносил раскол в профессиональное движение. И до сих пор даже со стороны ликвидаторов мы видели лишь отдельные попытки (Москва, Киев) перенести раскол в профессиональные союзы.

К глубочайшему сожалению, теперь редакция одного из самых крупных профессиональных союзов настойчиво пытается внести этот раскол в профессиональное движение. И на это надо указать без обиняков, от этого надо предостеречь, пока еще не поздно.

Мы говорим о редакции органа петербургских металлистов... Все мы этому органу помогали и готовы помогать — независимо от принадлежности к тому или иному течению. Все мы радуемся его успехам и печалуемся его горем. И именно поэтому мы не можем молчать, когда видим, как этот орган пытаются превратить в орудие борьбы ликвидаторов против марксистов.

Ясно ликвидаторские нотки уже давно стали проскальзывать в писаниях этой редакции.

Мы знаем, например, какую большую роль в последние годы играли среди русских марксистов споры о формах организации. Ликвидаторы, как известно, объявили во всеуслышание, что все старое отмерло, что восстановить его нельзя (это-де «реакционная

утопия»), что старой партии нет и что, собственно, туда ей и дорога. Против этих идей резко восстало огромное большинство марксистов обоих течений. Г. В. Плеханов — из числа меньшевиков — повел против этих ликвидаторских идей самую решительную войну.

И вот, в это самое время в «Металлисте» и «Нашем Пути» допускались самые непозволительные выходки против старого, в защиту которого так энергично выступил и Плеханов.

— «О действительно плодотворной работе в рамках подполья говорить не приходится. Тем более (!), что приближается избирательная кампания», — писал какой-то ликвидатор в «Нашем Пути» (№ 20, стр. 2).

— «Рабочие заявляют, что там внизу, в подполье, им невмоготу. Что там еще хватает воздуха для детской груди, но уж душно взрослому мужу. Что не там, в подполье, а здесь, на ярком свете, в случае классовой борьбы хотят рабочие ковать свое будущее», — вторил другой ликвидатор («Металлист», № 3, стр. 1).

Пишут статью на тему, скажем, о дороговизне жизни или о фабричных старостах, а мимоходом роняют ряд пренебрежительных замечаний против «подполья» (словечка, как правильно указал Г. В. Плеханов, взятого напрокат у Каткова) и т. п. Это стало целой системой.

И чем дальше, тем больше. Аппетит, видимо, и впрямь приходит во время еды. Против рабочей газеты «Правда» редакция «Металлиста» повела войну еще до ее появления в свет, — разумеется, исключительно потому, что «Правда» не жалует ликвидаторства. В № 11 «Металлиста» один товарищ попытался выразить свою радость по поводу предстоявшего тогда скорого появления первой ежедневной рабочей газеты «Правда». Но ему тут же пространно объяснили, что не радоваться надо, а готовиться к борьбе с «Правдой». А теперь дошли уже до того, что по поводу «Правды» и «Звезды» печатают самые злостные... небылицы (см. «Металлист», № 20). Картина такая: в хронике рабочие хвалят «Правду» и «Звезду» в самых лестных выражениях, а в тексте редакция «Металлиста» всячески натравливает рабочих на эти органы.

А между тем до сих пор ни «Правда», ни «Звезда» не только не выступили ни одним словом против «Металлиста», но, наоборот, всем, чем могли, помогали ему. И мы хотели бы видеть: кто

признает, что борьбу «Металлиста» против «Правды» можно объяснить интересами профессионального движения?

В последнем (№ 20) номере редакция «Металлиста» поставила вопрос уже ребром. Выступив с платформой, в которой нет ни одного звука, например, о земельных требованиях рабочего класса, редакция вполне откровенно выступает в защиту ликвидаторства.

«Лозунг борьбы с ликвидаторством» бросает «палки в колеса» профессиональному движению—так думает редакция «Металлиста».

Получается довольно странная картина. Когда ликвидаторы борются против марксистского целого, когда они осыпают «старую» рабочую демократию бранью, когда они разрушают и деморализуют ее, — это нисколько не мешает процветанию профессионального движения. Редакция «Металлиста» не только не протестует против этого, но, как мы видели, по мере сил еще помогает этим господам. А когда марксисты пытаются защитить старое от «ликвидации», тогда оказывается, что от этого профессиональному движению грозят невесть какие опасности.

Все это слишком шито белыми нитками. И не помогут тут и искусственно вызываемые духи «двойных кандидатур» и раскола в избирательной кампании. Никаких двойных кандидатур и никакого раскола нет и не будет — поскольку ликвидаторы не пойдут на двойные кандидатуры. Все, чего требуют последовательные рабочие демократы, это — подчинение меньшинства большинству. А редакция «Металлиста», повторяя заезженные словечки ликвидаторов, показывает только, что суть вопроса только и исключительно — в ее сочувствии ликвидаторству. Дело доходило уже даже до того, что (в № 19) редакция «Металлиста» пыталась повторять избитые упреки ликвидаторов против думской с.-д. фракции. В статье Ю. Ч. «Металлист» уверял рабочих, будто «в вопросе о петиции и коалиционной кампании» с.-д. думская фракция обнаружила «оторванность» от рабочих (№ 19, стр. 3). Повидимому — лиха беда начало... И можно ждать, что редакция «Металлиста» еще дальше пойдет по тому же пути...

Не для полемики подняли мы весь этот вопрос. Мы являемся самыми горячими сторонниками теснейшего сотрудничества политической и профессиональной печати. Мы самые убежденные сторонники энергичнейшей работы в профессиональных союзах. Мы — последние, которые не признавали бы всей важности нашей

профессиональной печати. И не новые недоразумения хотели бы мы плодить, не новые разногласия.

Но мы не можем не сказать, что поддержка ликвидаторов и борьба против марксистов в «Металлисте» есть вызов всем членам союза металлистов, не имеющим чести принадлежать к ликвидаторам.

Нам неизвестно ни одно решение ни одного общего собрания членов союза металлистов, которое выразило бы пожелание, чтобы их профессиональный орган велся в духе ликвидаторства и против «Звезды» и «Правды».

Мы имеем смелость думать, что большинство членов союза рабочих по металлу, наоборот, являются противниками ликвидаторства. Выборы в 4-ю Думу от рабочей курии Петербурга еще раз это подтвердили. Так зачем же вносите вы раскол в профессиональное движение?

Подумайте! Вы сами защищаете «нейтральность» союзов. Вы говорите, что союз, как целое, остается нейтральным даже между с.-д. и с.-р. И тут же вы пытаетесь навязать фракционную линию ликвидаторов всему союзу!..

Неужели так трудно понять, что такой образ действия является серьезной угрозой единству профессионального движения?.. Неужели вы думаете, что члены союза, противники ликвидаторства, могут и будут молчать?..

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в «Невской Звезде, № 17, от 5 октября 1912 г.; подпись — «Петербуржец».

КРЕСТЬЯНЕ НА ВЫБОРАХ (1).

Первичные выборы от крестьян закончены почти по всей России. Крестьянских уполномоченных по всей России избрано посейчас 5.592 человека. Кого же выбирали крестьяне — левых, правых, умеренных? За какие партии высказалось наше многомиллионное крестьянство на выборах?

Ответить на этот вопрос с полной точностью не легко.

Русское крестьянство неорганизованно, раздроблено больше, чем какой бы то ни было класс населения. Сильной крестьянской организованной партии у нас нет. И во многих отношениях положение крестьянской массы тяжелее, чем даже положение рабочих.

Один из итогов известен уже сейчас — это тот, что «число избранных от крестьян уполномоченных из группы сельской администрации доходит до 40—50 процентов. Даже октябристы признают, что такое изобилие старшин и прочего сельского начальства среди крестьянских уполномоченных объясняется «вмешательством непредусмотренного законом фактора», т.-е., попросту говоря, давлением земских начальников и т. д.

Вот несомненные факты на этот счет:

В одном месте (Илатьевская волость, Томской губ.) помещение, где производились выборы, охранялось от «постороннего» влияния специально присланными урядниками и стражниками, а попытки до начала баллотировки обсудить деятельность 3-й Думы были в самом начале прекращены начальством.

В другом месте (Нижегородская губ.) сельской администрации прямо было объявлено, что если она «пропустит» левых крестьянских выборщиков — пусть подает в отставку.

В третьем месте сельский писарь просто объявляет «незаконными» выборы левого уполномоченного и заставляет крестьян выбрать черносотенца.

И вот, в результате 40 — 50 процентов уполномоченных — из числа сельской администрации, а прочие значатся в газетах под рубриками: «беспартийные», «умеренные», «правые», «неопределенные».

Однако, черносотенцы что-то не очень радуются по поводу крестьянских выборов. О, они достаточно научены горьким опытом! И они, не без основания, опасаются, как бы из всех этих «умерен-

ных», «правых» и «неопределенных» не вылупились в конце концов... хорошие крестьянские демократы.

Времена, когда реакция ставила ставку на крестьянина, когда Витте весь старый избирательный закон построил на вере в то, что «мужик не выдаст», прошли безвозвратно.

Еще бы! При выборах в 1-ю Думу русский крестьянин прислал в Петербург больше сотни трудовиков, требовавших без обиняков земли и воли. При выборах во 2-ю Думу крестьяне дали 60 процентов ярко оппозиционных выборщиков, да и остальные 40 процентов оказались далеко не вполне удовлетворительными.

Но, может быть, всего убедительнее опыт с 3-й Думой. Определенно оппозиционных выборщиков крестьяне дали лишь 47 процентов, остальные — или «правые», или «умеренные», или «неизвестные». Кажется, чего же лучше? И в результате «правые» крестьяне вносят в помещичью 3-ю Думу законопроект о... принудительном отчуждении помещичьих земель. И в конце концов бедный Пуришкевич выбалтывает секрет черносотенцев, что, по их мнению, «3-я Дума распропагандировала крестьян, и они вернутся в народную массу, как вредный элемент».

Мы очень боимся, что крестьяне и в 4-й Думе не во всем доставят удовольствие помещикам. Они неизбежно будут огорчать Пуришкевичей. В стране, где 20 миллионов крестьян только что пережили острый голод, не помогут предвыборные ухищрения...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 135, от 5 октября 1912 г.; подпись — «Гр.».

КАДЕТЫ И «ДЕЛО» ВТОРОДУМСКОЙ С.-Д. ФРАКЦИИ [1].

Представитель к.-д. партии г. Милюков, прижатый социал-демократами к стене на избирательных собраниях, настолько потерял равновесие, что пробует отыграться на полицейских выходках против втородумской с.-д. фракции.

Г. Милюков отлично знает, что социал-демократы лишены возможности как на страницах печати, так и в избирательных собраниях сказать все то, что они должны были бы сказать по поводу кошмарного «дела», сплетенного вокруг этой фракции... Казалось бы, можно быть либералом, можно быть даже либеральным Милюковым — и все-таки понимать, все-таки чувствовать, что это дело не для мелкого полемического «использования»... Рана зияет... Кровь еще сочится... Сотни тысяч рабочих чувствуют эту боль. А г. Милюков посылает вдогонку отправляющемуся в Сибирь Церетели повторение полицейских измышлений по адресу тех, кто оставил самые светлые воспоминания в самых широких слоях народа...

Придет пора, и те, на кого так плоско и так цинично клевещут либеральные политики, сведут счеты с господами Милюковыми гласно, перед судом всего народа. А пока — пока мы можем воздать Милюковым только тем, что восстановим следующую нелицеприятную историю отношения кадетской партии к «делу» втородумской с.-д. фракции.

Накануне роспуска 2-й Думы, когда было уже известно, что П. А. Столыпин требует выдачи всей с.-д. думской фракции, — эмиссары кадетской партии г. П. Струве и другие отправляются на Елагин остров, где ведут торг: не удовольствуется ли реакция выдачей нескольких «главарей» с.-д. фракции... И на этом сии господа готовы были «помириться».

В последнее заседание 2-й Думы, когда с.-д. депутаты делают попытку дать с трибуны объяснения по поводу сочиненного против них «дела», — господа В. Гессен, П. Струве и В. Пуришкевич произносят горячие речи о том, что с.-д. депутатам не следует позволить объясниться. И нынешний железнодорожный строитель, а тогда светило кадетской партии, г. Головин, в качестве председателя 2-й Думы, опираясь на Пуришкевичей и Гессенов, зажимает рот рабочим депутатам, относительно которых Милю-

ков теперь говорит, что «не все» в их деле создано провокацией...

4 года кадеты позорно и подло молчали о деле с.-д. депутатов для того, чтобы лишь 15 октября 1911 года устами Тесленко (2) признать, что с.-д. депутаты невиновны и что это был не заговор рабочей фракции, а заговор против рабочей фракции (см. стеногр. отчет засед. 3-й Думы от 15 окт.). 4 года знали о невиновности и — молчали... А тем временем умирали Джапаридзе и Джугели (3), тем временем томились в тюрьмах и наживали чахотку остальные...

К концу 3-й Думы кадеты, как бы желая загладить свою вину перед рабочими депутатами, поддерживают запрос с.-д. фракции 3-й Думы, в котором, конечно, утверждалась полная невиновность рабочей фракции 2-й Думы, т.-е. говорилось обратное тому, что теперь утверждает г. Милюков.

А теперь, попав в политической полемике в затруднительное положение, г. Милюков, вопреки своему собственному голосованию в 3-й Думе, выкапывает грязные обвинения черной сотни и за это заслуживает дружеских похлопываний по плечу со стороны Пуришкевичей всех рангов...

Достаточно восстановить и сопоставить эти факты, чтобы всякий демократ и всякий просто честный человек сказал себе: как лицемерна, как низка, как гнила та партия и те политики, которые дошли до жизни такой!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Статья напечатана в газете «Правда», № 137, от 7 октября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

2) Устами Тесленко, — кадетская фракция не могла не признать всей обоснованности внесенного в 3-ю Гос. Думу запроса от имени с.-д. о том, «известно ли министру внутренних дел, что чинами спб. охранного отделения было организовано «временное бюро боевых и военных организаций при петерб. комитете Р. С.-Д. Р. П.» с целью установления связи его с думской фракцией и посылки туда депутации и революционного наказа, что послужило главным основанием привлечения их к судебной ответственности и применения к ним высшей меры наказания». 15 октября 1911 г. Тесленко, от лица фракции, признал наличность грубейшей жандармской провокации, а 30 сентября следующего года Милюков уже «переменил подметки» и на предвыборном собрании в помещении Калашниковской биржи, не будучи в состоянии возразить с.-д ораторам, прибегнул к безответственным выкликам против загнанных

на каторгу рабочих, чем вызвал возмущение присутствовавших и сильную отповедь даже со стороны совершенно беспартийного избирателя А. И. Венцковского.

[3]) Джапаридзе, А. Л., — умер по дороге из Петербурга на каторгу, Джугели, С. М., — скончался уже в Сибири.

ПРОСЧИТАЛСЯ (1)!

Газеты сообщили на-днях следующий характерный факт, на который рабочим следует обратить внимание.

В Царицыне, на заводе бр. Нобель, прошел в уполномоченные рабочий В. Мазин. Его выбрали, как левого трудовика. Но на завтра после выборов сей господин объявил себя правым («союзником») и на все протесты рабочих отвечал:

— Я так хочу. Я уже прошел. А вы на чорта мне теперь нужны!

Расчет был совершенно ясен. Пролезши в уполномоченные, объявить себя правым, чтобы таким образом с помощью черных пролезть и в Думу «от рабочих».

Указанный субъект просчитался. Он слишком рано раскрыл свои карты. Как только рабочие узнали о его проделке, они на губернском собрании прокатили его на вороных и, конечно, не пропустили его в выборщики.

Но данный случай характерен. Если проделка не удалась одному, то лишь при бдительном контроле рабочих она не удастся и в других местах.

Избирательная система и вся обстановка таковы, что они должны порождать Мазиных. Стоит пройти одному черному или просто карьеристу в рабочие выборщики, и помещики выберут в Думу именно его. «Земщина» и другие черносотенные газеты прямо бредят тем, чтобы как-нибудь раздобыть хоть одного рабочего депутата, свободного от «социалистической заразы». Если нельзя сделать ничего другого, — черносотенцы прибегают хоть к мелкой мести: стараются соблазнить к нарушению дисциплины и выбрать не того из с.-д. выборщиков, который намечен рабочей демократией...

Все это показывает, насколько правы рабочие, постановившие отвечать бойкотом всем тем рабочим, которые поддадутся соблазну и нарушат пролетарскую солидарность и дисциплину.

ПРИМЕЧАНИЕ.

1) Статья напечатана в газете «Правда», № 139, от 10 октября 1912 г.; подпись — «А. Б.».

«ИГРА НАЛЕВО» [1].

(Кадеты на предвыборных собраниях.)

Это повторяется с правильностью закона природы. Как только подходят выборы в Думу, кадеты начинают «леветь» не по дням, а по часам. И это «левение» не только не мешает кадетам сейчас же после выборов вернуться в первобытное состояние, но и в то же самое время кадеты перед другой аудиторией правеют с такой же головокружительной быстротой.

Что может быть поучительнее сопоставления тех речей, которые кадетские вожди произносят перед более или менее демократическим избирателем во 2-й курии, с кадетскими же речами, произносимыми перед крупными цензовиками в первогильдейской 1-й курии. В одном месте: «да ведь мы нисколько не хуже социал-демократов!». В другом: «да ведь мы совсем немногим уж левее октябристов»...

Эта двоедушная тактика к.-д. партии говорит не только о мизерной «двойной бухгалтерии»: в факте «левения» перед избирателем 2-й курии содержится важный политический признак. Чуткий либерал—обоняние у кадета тонкое—сознает, что сколько-нибудь демократически настроенного русского обывателя привлечь можно не «государственной» точкой зрения либерального чиновника и «прогрессивного» помещика, а исключительно демократизмом, хотя бы только показным.

Кадетское показное «левение», это — косвенная дань демократическому настроению среднего избирателя. Кадет ненавидит последовательную и решительную демократию, и — о, ирония судьбы! — вынужден сам подделываться под демократию, если хочет иметь какой-либо успех.

Вторая городская курия по закону 3 июня включает в свой состав отнюдь не самые демократические элементы. Рабочий класс исключен из нее почти совершенно. И если, тем не менее, кадет перед этим избирателем вынужден притворяться демократом, это значит, что силен еще дух демократизма на Руси; это значит, что широкие слои городского населения не хотят сделки с реакцией и, хотя и недостаточно активно, но выражают протест против современного положения вещей.

Посмотрите, в самом деле, на предвыборные выступления Милюкова и К° перед 2-й городской курией Петербурга. О чем говорит Милюков?

О том, что кадеты представляют оппозицию «родительного падежа»? О том, что у нас «слава богу, есть конституция»? О том, что надо голосовать за антинародный бюджет в целом? О том, что протест студентов на улицах Петербурга и Москвы против смертной казни есть «омрачение памяти Толстого»?

Как бы не так! Кадеты все это говорили и все это делали в свое время в 3-й Думе, в городе Лондоне, куда кадеты отправились под руководством октябристов уничтожать пропасть между официальной и неофициальной Россией, и т. д.

А теперь — теперь совсем не то. Разговаривать с городским избирателем 2-й курии — даже при законе 3 июня — все же далеко не то, что разговаривать с покойным генералом Треповым в отдельном кабинете Донона (2).

Прислушайтесь к речам г. Милюкова. Он чуть-чуть не социал-демократ...

Такое различие (различие между с.-д. и к.-д.), конечно, есть, но нас сближают обстоятельства, и не мы (кадеты) отгораживаемся от них (социал-демократов), а они от нас».

Так говорит Милюков (цитируем по «Речи»), тот самый Милюков, которому принадлежат известные «ослиные» изречения и изречения о «красной тряпке». На деле годами искали — и частью осуществляли — блок с октябристами, а теперь:

«Мы (кадеты), как и они (соц.-демократы), думаем, что надо бороться... Мы тоже протестовали против события на Лене.... Мы тоже демократы, мы считаем себя партией демократической и стремимся защищать интересы широких слоев населения... в данный момент у нас и у рабочих общие (??) требования».

Так расписается г. Милюков.

И сей вождь не замечает, что, пряча свое настоящее кадетское знамя, что, скрывая истинный характер кадетизма и подлаживаясь под демократию, кадеты в сущности морально сдают свою позицию без боя.

Г. Милюков заходит настолько далеко в своем желании выдать себя за демократа, что готов (на словах!) даже на активную борьбу, на столь ненавистные ему обычно «непосредственные выступления».

Милюков, видите ли, за «непосредственные выступления», но — «Дума для этого не годится... в Думе надо работать в рамках законности» (см. «Речь», № 253).

Выходит, что весь вопрос в том, будто с.-д. не понимают, что в Думе существуют «рамки законности». «Бороться, дескать, готовы и кадеты», — подмигивает демократическому избирателю кадет. — Но «есть разные способы борьбы», — говорит г. Милюков.

Все различие между к.-д. и с.-д., таким образом, сводится по Милюкову к различию способов борьбы... Это даст нам, надеемся, право поставить г. Милюкову прямой вопрос:

— **Каков же ваш способ борьбы, господа кадеты?** Откройте нам (а заодно и избирателям), **какие же средства борьбы кажутся вам пригодными**, какие средства борьбы рекомендует населению ваша кадетская партия?

До сих вы **делами** своими показали, во-первых, что бороться вы намерены не столько против Пуришкевичей, сколько против «безумия стихии» и против последовательной рабочей и крестьянской демократии. До сих пор вы **делами** своими обнаружили, что под «борьбой» вы понимаете недовольное ворчание против «чрезмерных» аппетитов Пуришкевичей. Теперь вы **на словах** «полевели» (на 3—4 недели и только во 2-й курии). Так дайте ж ответ избирателям:

С кем и с чем намерены вы бороться?

За что именно — за какой политический строй — намерены вы бороться?

Как именно — т.-е. какими именно средствами — намерены вы бороться?

И кстати: как смотрите вы на рабочий и крестьянский вопросы?

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 139, от 10 октября 1912 г.; подпись — «Гр.».

[2]) **Донон** — «фешенебельный» — «светский» ресторан в Петербурге, где кадеты за бокалом шампанского обсуждали проекты «спасения России от революции» щитом из министерских портфелей в руках Милюкова и его помощников.

РАБОЧИЕ ВЫБОРЩИКИ ([1]).

Кассирование выборов по рабочей курии Петербурга снова ставит перед рабочими вопрос: кого выбирать? Правда, петербургский пролетариат отчасти уже ответил на этот вопрос избранием в выборщики четырех последовательных рабочих демократов из шести. Но, благодаря административному разъяснительному набегу, воля петербургских рабочих выразилась, быть может, недостаточно выпукло и отчетливо. При каких же условиях воля эта получит полное выражение? Какие препятствия придется преодолеть?

Из шести выборщиков, избираемых петербургскими рабочими, один — будущий депутат Думы. Но кто из них именно попадает в Думу, не в малой степени может зависеть (при некотором разногласии среди самих выборщиков) от наших врагов: помещиков и купцов, которые будут в большинстве в губернском избирательном собрании.

Надо добиться того, чтобы у помещиков и буржуазии не было выбора. Надо, чтобы все шестеро выборщиков были для них «одинаково хуже», т.-е., чтобы все шестеро были одинаково стойкими и надежными рабочими демократами. Если в составе 100 уполномоченных один или несколько беспартийных или либералов особенного вреда принести не могли, то хотя бы один только такой выборщик из 6-ти нанесет великий ущерб рабочему делу. Ибо — можно ручаться, что антирабочее большинство губернского съезда выберет именно его в Думу.

В этом смысле вторая стадия выборов по рабочей курии гораздо важнее первой. И, разумеется, рабочие не могут рассуждать так: выбрал уполномоченных и — с плеч долой. Нет, все передовые рабочие обязаны контролировать своих уполномоченных, должны помочь им правильно выразить настроение петербургского пролетариата, т.-е. потребовать от них выборов всех шестерых выборщиков из числа последовательных марксистов, врагов всяких уступок буржуазии, противников ликвидаторов.

Один из шести будет депутатом. Лишь тогда рабочие будут уверены, что их депутат будет выдержанный рабочий демократ, если все шесть выборщиков будут таковыми.

В Петербурге (да и в других местах) всегда бывали, да и теперь будут, предложения выбрать смешанный список беспартийных

и с.-д. Передовые рабочие всегда высказывались против этого и так же поступят и теперь. Беспартийных демократов мы обязаны всячески привлекать, всячески помогать им разбираться в политических программах. Но до тех пор, пока человек не разобрался, невозможно его ставить на такой ответственный пост...

Решающим должен быть вопрос о направлении, о политической платформе.

В рабочей курии была и будет борьба между рабочими демократами и ликвидаторами. Со стороны ликвидаторов будут фальшивые крики о единстве, «нефракционности» и т. д. Этого не миновать, и к этому надо отнестись, опять-таки, с точки зрения принципиальной.

Выбрать можно только одного депутата по рабочей курии. Никакое «соглашение» здесь невозможно, даже если бы «оно» было желательно.

Искать «нейтральных» выборщиков и «нейтрального» депутата («ни рыба, ни мясо») было бы смешно и недостойно петербургского пролетариата. Речь идет не просто о маленьких оттенках, не о незначительных разногласиях. Речь идет о двух разных платформах, о двух, коренным образом различных направлениях.

Ликвидаторы в тяжелую для рабочего движения годину открыто заявили, что, по их мнению, старую рабочую партию надо ликвидировать, уничтожить. Старые требования рабочего класса, выдвинутые особенно ярко 7 лет тому назад, ликвидаторы считают несбыточными и отжившими.

Тактику рабочего класса в недавние памятные годы—например, тактику Петербургского совета рабочих депутатов — ликвидаторы считают ошибочной и губительной. Той линией, которую проводила с.-д. фракция 3-й Думы, ликвидаторы были недовольны и критиковали ее в своих газетах и журналах как раз за то, что составляло сильные стороны фракции, — за непримиримость по отношению к буржуазии, за чрезмерную (будто бы чрезмерную!) приверженность к старым требованиям... Ликвидаторы проповедуют постоянные соглашения рабочих с либералами и забывают о том, что главным союзником рабочих в борьбе за политическую свободу может быть только демократическое крестьянство. Ликвидаторы сдают в архив общие, дорогие всякому передовому рабочему лозунги и заменяют их исключительно пожеланиями об отдельных конституционных реформах — в духе либералов.

Все это вопросы, от которых не может отмахнуться ни один рабочий. Он должен в них разобраться и сказать прямо: желает ли он, чтобы от рабочих в Думе говорил близорукий политик, так во многом похожий на либерала, или — последовательный рабочий демократ, ничему не изменивший, ничего не «ликвидировавший». Или-или. Третьего не дано.

Тут нет никакого раскола. Меньшинство должно подчиниться большинству, как бывает всюду и везде. А борьба двух направлений — самая законная вещь, она не только не причиняет вреда, а наоборот, приносит огромную пользу. Такая борьба была и при выборах во 2-ю и в 3-ю Думы.

Рабочим нужен не просто говорун и краснобай. Для рабочего депутата найдется много полезного дела не только на думской трибуне. Рабочим нужен стойкий, испытанный рабочий демократ, признающий дисциплину.

Ликвидаторы готовы на всех перекрестках кричать, что они будто бы теперь за «единство», против раскола и т. д. Единство — великая вещь. И рабочие осуществляют его на деле: апрельско-майские дни этого года, создание их дружными усилиями своей рабочей ежедневной газеты «Правда» — лучшие показатели этого. Но рабочим не надо дешевых слов об «единстве», прикрывающих тайное стремление ликвидаторов навязать свои желания большинству.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 140, от 11 октября 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЫ [1].

В Западной Европе национал-либерал есть совершенно определенный, совершенно законченный политический тип. Это — типичный хищник-буржуа, который «для народа» говорит либеральные фразы и который на деле служит верой и правдой денежному мешку, заботится больше всего о захвате новых рынков для «отечественного» капитала, о «великодержавности» и прочих «патриотических» вещах.

Национал-либерализм начинает складываться и у нас в России. И кадеты в этой области идут в первых рядах.

Если в области внутренней политики кадеты позволяют себе проявлять «оппозиционность», то в области внешней политики — никогда или почти никогда.

Вспомним деятельность к.-д. во время всей 3-й Думы. Во время пресловутого приезда «славянских гостей» в 1908 г. [2] Милюков и Родичев прислуживали всем этим Крамаржам (и другим буржуазным шовинистам) так же усердно, как Бобринский и Гучков. На «всеславянский съезд» кадеты Маклаков и Стахович отправляются в одной компании с откровенными черносотенными националистами А. Столыпиным, Р. Дмовским, графом Бобринским и другими. И, защищая там интересы русских фабрикантов, кадеты вместе с черными уверяют, будто они говорят от имени «всей страны».

Выступления г. Извольского (когда он был министром иностранных дел) в Думе кадеты объявляют «национальным праздником». С Извольским кокетничают!.. Извольскому рукоплещут... Извольского носят на руках...

— Мы желаем быть не помехой, а поддержкой и опорой правительству в его дальнейшей деятельности, — заявляет кадет Маклаков в Думе в связи с толками об аннексии Боснии и Герцеговины (стеногр. отчет Думы, от 15 окт. 1908 г.).

В октябре 1908 г. кадеты беспокоились только о том, не окажется ли г. Извольский «чрезмерно уступчив» по отношению к Турции («Речь», 1/14 октября).

Тогда же один «из знаменитых на всю Россию членов оппозиции» в некоем совещании, по свидетельству А. Столыпина, схватился за виски и говорил: «ведь вот в чем ужас, — у нас нет войска... ужас, ужас!».

На милитаризм кадеты беспрекословно вотируют миллиарды. Члена с.-д. фракции Войлошникова Милюков, вместе с Пуришкевичем, согласен исключить на 5 заседаний именно в связи с этими вопросами...

Знаменитый кадет Струве уже несколько лет проповедует так называемую «Великую Россию» и политику захватов огнем и мечом новых рынков. Об этих же материалах столпы к.-д. партии совещаются с московскими миллионерами на пресловутых «собеседованиях» у Рябушинского, Коновалова и К-о.

А известный кадет Изгоев писал еще совсем недавно:

«Армия, если она существует, должна существовать только для войны. Все воспитание, снаряжение и обучение армии должно руководиться единой целью — ее подготовкой к войне. Бессмысленно воспитывать армию в отвращении к войне... Либералы... восстают против всего того, что делает нашу армию менее способной к войне, к убийству наших врагов».

Такова позиция всей кадетской партии. Они и по вопросу о нынешних балканских событиях придерживаются той же национал-либеральной позиции. Они держатся по существу дела политики «великодержавной». Они с такой же ложной слезой, как наемные газетные писаки московских купцов, декламируют о «братьях-славянах», отлично зная, что речь идет вовсе не о выражении братских чувств, а о захвате новых рынков для русских промышленников.

Визит Милюкова к министру иностранных дел Сазонову не случаен. Это не эпизод, а нечто закономерное. Милюкова «пустили» и даже, быть может, пригласили потому, что Милюков и его партия служат верную службу реакционерам в вопросах внешней политики...

Свободного буржуазного строя у нас еще нет. Зато ядовитых цветков буржуазного шовинизма сколько угодно. Из октябристов, из кадетов вырабатываются совершенно определенные национал-либералы — злейшие враги народа, не жалеющие миллионов солдатских жизней и миллиардов народных денег ради захвата того или другого куска у соседей...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 141, от 12 октября 1912 г.; подпись — «Н. С-к.».

[2]) Во время пресловутого приезда «славянских гостей» в 1908 г. — крайне правый князь В. П. Мещерский ехидно писал, что «после опереточной дуэли Милюкова — Гучкова и чрезмерно-

реального рукоприкладства сотрудников «Руси» к руководителю «Речи» (Милюков понес «оскорбление действием» от некоего Попова — прим. редакции) славянские гости явились к нам как замороженный пунш. Все губы потянулись к нему с одинаковой жадностью и любовью» («Гражданин», № 35 — 36, от 18 мая 1908 г.).

БОРЬБА ЗА 2-Ю КУРИЮ (1).

Картина выборов по 2-й городской курии в основных чертах определилась. Общее полевение страны сказалось в городах явственнее, чем где бы то ни было. От кадетов к социал-демократии — таков главный итог по 2-й городской курии. Через все заграждения, через все препятствия городской избиратель сумел заявить, что в лучшей своей части он считает своей партией социал-демократию. Если при избирательном законе 3 июня, если при всеобщей «хвостовщине» социал-демократия могла победить в таких городах, как Харьков, Нижний-Новгород, Екатеринослав, Вологда, Царицын и т. д., — значит, что города полевели в очень значительной степени.

Теперь на очереди выборы в крупных городах с прямыми выборами: Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса. Лозунгом всех передовых избирателей должно стать: вторая курия социал-демократам!

Неужели то полевение, которое так явственно сказалось в Харькове, Нижнем и т. п., не скажется в Петербурге, Одессе и т. д.?

Во всех тех городах, где победили с.-д., их соперниками были кадеты. Неужели и в пяти крупных городах избиратели не воспользуются случаем, чтобы из рук шатких либералов передать свои интересы в руки настоящих, последовательных демократов?

Заметьте, что число выбранных до сих пор выборщиков к.-д. и левых почти одинаково. Кадетов выбрано 412, левых (среди них большинство с.-д.)— 402. А кто же сомневается, что в самой 4-й Думе кадетских депутатов будет не меньше 50, а с.-д. депутатов — самое большее 20 человек? Ведь то же было и при 3-й Думе: кадетских выборщиков было 579, а левых — 466; разница не столь велика. Между тем кадетов было в Думе более 50, а с.-д. вместе с трудовиками всего около 30.

Откуда это неравенство?

Дело объясняется тем, что при окончательных выборах октябристы и правые помогают кадетам против левых. Из обязательных депутатов от 2-й курии правое большинство всюду и всегда выбирает кадета там, где нет более правого, и проваливает социал-демократов и трудовиков.

Это естественно и законно: для правых, с точки зрения их классовых интересов, кадет—**меньшее зло** по сравнению с демократом.

Но всякий демократ обязан учесть эту тактику правых. Его дело — добиваться того, чтобы представительство демократии в 4-й Думе было возможно сильнее, ярче, многочисленнее.

А посему в предстоящих выборах по 5 крупнейшим городам пусть все демократические избиратели борются под паролем: **2-я курия — социал-демократам!**

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 143, от 15 октября 1912 г.; подпись — «Гр.».

ИСПЫТАНИЕ ОКТЯБРИСТАМ [1].

Октябристы уверяют, что они «тоже» полевели. Некоторые политические младенцы (хотя и почтенного возраста) верят октябристам на слово. Мы хотели бы обратить внимание всех верующих в «оппозиционность» октябристов на следующее обстоятельство.

Из хода выборов уже выяснилось, что в нескольких губерниях окончательный исход выборов будет зависеть от октябристов. Силы крайних правых, с одной стороны, и левых и оппозиции — с другой, будут приблизительно равны. Октябристы играют роль маятника. Присоединятся к оппозиции — пройдут более или менее прогрессивные депутаты.

Таково положение вещей в Екатеринославской, Лифляндской, Смоленской и некоторых других губерниях.

Как нарочно, во главе октябристов данных губерний стоят так называемые «левые» октябристы: Мейендорф (Лифляндская губ.), Хомяков (Смоленская губ.), Алексеенко (Екатеринославская губ.). Но решатся ли даже эти «левые» октябристы изменить черносотенцам? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы ответ был ясен. конечно, не решатся, конечно, пойдут под ручку с черной сотней...

Если те, кто еще верит в октябристов, сделают испытание октябристам, то создастся только большая ясность.

— Вы кричите о подделке выборов, господа октябристы? Вы гремите против фальсификации Думы? Вот вам случай ослабить эту фальсификацию. Присоединитесь в губернских собраниях к оппозиции и проваливайте Пуришкевичей! Не хотите? К чему же болтать об оппозиционности, к чему рядиться в тогу оппозиции, если вы только лакеи Пуришкевича?..

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 144, от 16 октября 1912 г.; подпись — «Г.».

ОППОЗИЦИОННЫЕ ГУБЕРНИИ [1].

Мы говорим о тех губерниях, которые даже при нынешнем избирательном законе и даже при нынешней «разъяснительной» практике дали большинство выборщиков оппозиции. Если последние дни не будут использованы для нового, беспардонного «округления» губернских избирательных собраний, то таких губерний будет несколько. Демократия вообще и рабочая демократия в особенности имеют в этих губерниях особую задачу: добиться того, чтобы эти оппозиционные губернии послали не только либералов, а возможно большее число выдержанных демократов.

С точки зрения интересов демократии, эти оппозиционные губернии можно подразделить на 3 категории.

Во-первых, губернии, подобно Уфимской и Самарской. О первой мы говорили уже подробно («Правда», № 140). В Самарской губ. избрано 68 оппозиционных выборщиков, 58 правых и 5 октябристов. Из 68-ми 10 — левые. У оппозиции абсолютное большинство. Самарская губерния дает 13 депутатов. Без 10 левых либералы большинства не имеют. А эти 10 левых, по существу дела, имеют за собой огромное большинство населения — рабочих, крестьян и т. д. И эти 10 левых имеют все формальные и моральные права требовать, чтобы из 13 депутатов было по крайней мере 4 социал-демократа и трудовика. Иначе — пусть кадеты соединяются с правыми для провала демократов... 10 левых будут проваливать вместе с правыми либералов — до тех пор, пока кадеты раньше не проведут демократов.

Приблизительно такое же положение будет в Тобольской губ., быть может, кое-где еще.

Во-вторых, губернии, подобно Пермской. Здесь дело зависит от крестьян и других, числящихся беспартийными, выборщиков. Их несколько десятков человек, и нет никаких оснований предполагать, что они все или большинство их — правые. Демократы должны их сорганизовать и попытаться войти с ними в соглашение.

Так же обстоит дело, повидимому, в Тверской губ.

В-третьих, губернии, вроде Костромской и Владимирской. Здесь положение дел очень близко к тому, что оппозиция (включая левых) будет иметь перевес (очень маленький) над правым блоком. По одному социал-демократу здесь проведут рабочие от рабочей курии. Но если от поддержки рабочих будет зависеть

победа либералов, рабочие потребуют избрания еще нескольких с.-д. За рабочими выборщиками стоят сотни тысяч рабочих. Где только можно, они непременно должны вносить «поправку» к избирательному закону 3 июня.

И в губернских избирательных собраниях мы продолжаем ту же борьбу: против реакционеров и, где нужно, против либералов за демократию.

Если либералы откажутся там, где от них зависит, дать места демократам, — мы должны разоблачить на всю страну это их поведение.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 145, от 17 октября 1912 г.; подпись — «А. Б.».

МИЛЮКОВ И «ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА» (1).

Г. Милюков продолжает думать, что неоспоримым преимуществом к.-д. перед с.-д. является то, что кадеты, в отличие от социал-демократов, центр своей работы видят в «деловой» и «серьезной» «законодательной работе». Уж если посылать депутатов в законодательное собрание, так надо посылать таких, которые хотят законодательствовать, — ехидничает по адресу социал-демократов г. Милюков. И вид у него при этом такой, точно он от рождения или, по крайней мере, сызмальства был «серьезным» законодателем и никогда не отрицал так называемой органической работы в Думе.

По этому поводу, быть может, нелишним будет напомнить следующие факты из недавнего прошлого кадетской партии и самого г. Милюкова.

Не припомнит ли г. Милюков решений 2-го съезда кадетской партии накануне 1-й Думы (2)? Кадеты тогда еще не настолько «поумнели», чтобы всю задачу свести к «законодательной работе», если для этой работы на деле нет серьезной почвы. Кадетский съезд, платя дань демократическому настроению масс, постановил: отвергнуть так называемую органическую работу (или — что то же — «серьезное законодательство») в Думе и ограничиться внесением демонстративных законопроектов о всеобщем избирательном праве и свободе.

А г. Милюков, защищая эти решения в печати, писал:

«Съезд отверг «органическую работу» в Думе в смысле текущей законодательной деятельности (разрядка наша) и признал необходимым в ней же, кроме основных учредительных мер, лишь принятие мер «неотложных и безусловно необходимых для успокоения страны» и для осуществления тех же учредительных задач Думы. Если эти задачи будут действительно осуществлены, то затем должно стать на ближайшую очередь распущение Думы и созыв нового, более правильного представительства» («Год борьбы», стр. 130, 131).

Как видите, было время, когда даже г. Милюков понимал, что можно итти в Думу не только для так называемого «серьезного законодательствования».

Милюков, вероятно, возразит на это, что теперь времена не те, что теперь многое изменилось.

Конечно, г. Милюков, изменилось многое. В первой Думе в большинстве были кадеты, там хозяйничали Набоковы и Гессены.

В 3-й же Думе господами положения были Гучков и Пуришкевич, а в 4-й Думе, с божьей помощью, управлять будут Пуришкевич и Толмачев (прошел в выборщики). Это есть серьезное изменение. Не говорит ли оно о том, что теперь демократия должна особенно усилить свое решение по части «законодательствования» совместно с Пуришкевичами?

Перед 1-й Думой даже кадеты верили (или, по крайней мере, говорили, что верят), что не за горами «созыв нового, более правильного представительства». Теперь в столь скорый созыв верить нельзя. Это—тоже серьезное изменение. Но созыв «более правильного» народного представительства все-таки состоится. Но на очереди все-таки «реформа», а не реформы. Но задачи, вызвавшие освободительное движение, все-таки не решены. Но все же положение вещей таково, что мы опять идем к кризису...

Так отчего же то, что тогда—худо ли, хорошо ли—защищал сам Милюков, теперь превращается в смертный грех социал-демократии?

Не потому ли, г. Милюков, что тогда даже вы писали: «тактика партии (кадетской) остается оппозиционной и эвентуально-революционной» (там же, стр. 125), а теперь кадеты превратились в заведомых контр-революционеров?

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 147, от 19 октября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) 2-й съезд кадетской партии—состоялся 11—15 января 1906 г. На нем и программно и тактически кадеты постарались резче отмежеваться от подлинной демократии. Во-первых, кадеты усиленно налегли на «справедливую оценку» отчуждаемой земли. Во-вторых, кадеты осудили ряд «совершенно недопустимых методов» воздействия на власть. Сюда относились «вооруженное восстание» и даже «финансовый бойкот». Допускалась лишь «организация общественного сознания».

«ХРИСТИАНСКИЕ СОЮЗЫ» (1).

«Христианские» рабочие союзы Германии являются недосягаемым «идеалом» для реакционеров всех стран. «Вот кабы и у нас были такие союзы!» — мечтательно вздыхают в России Пуришкевичи всех рангов...

Знакомство с этими союзами необходимо и русским рабочим. Надо знать, где и каков наш враг...

Недавно закончившийся 8-й съезд этих союзов представлял поучительную картину.

Начать с участников съезда. Делегатов от самых союзов было 200 человек, представлявших, по их данным, 300 тысяч организованных в «христианские» союзы рабочих. По сравнению с $2^1/_2$ миллионами членов свободных—социал-демократических—союзов, это — маленькая кучка.

Но зато, посмотрите, какая блестящая плеяда «гостей» присутствовала на дрезденском съезде «христианских» союзов.

Осчастливили съезд своим присутствием: статский советник Зиффарт — представитель министерства внутренних дел и имперского канцлера г. Бетмана-Гольвега; тайный советник Шнипше — представитель саксонского министерства внутренних дел; действительный статский советник Гюбнер — от саксонского объединенного правительства; католический епископ Шеффер—из Дрездена; представитель евангелической консистории—фон-Велль; представители парламентской фракции центра—Бекер, Шиффер и Гисберт; представители консервативной партии, Союза сельских хозяев (дворянских зубров), военных союзов, национал-либеральной партии и т. д. Настоящая коллекция золоченых бюрократов, помещиков-феодалов, магнатов промышленности и клерикальной братии!..

И все это сборище реакционеров изображает «друзей рабочих» и наперерыв дает советы «христианским» союзам, как бороться с «язвой» социализма!.. И тысячи рабочих еще настолько темны и отсталы, что слушают «советы» этих разномастных черносотенцев вместо того, чтобы взять хорошую хворостину и выгнать этих господ...

Говорили на этом съезде обо всем: о кооперативах, о дороговизне жизни, о свободе коалиции. Но вожаки каждый раз неизменно сворачивали на борьбу с социал-демократией.

«Свобода коалиции нужна и нам»,—говорят «христианские» рабочие. — «Да, — отвечают вожаки, — но этой свободой «злоупотребляют» с.-д., а потому надо требовать новых параграфов в защиту штрейкбрехеров».

«Дороговизна жизни давит и нас»,—жалуются «христианские» рабочие.—«Да,—отвечают вожаки,—но эс-деки «раздувают» эту дороговизну; нельзя вторить им, это будет вода на мельницу с.-д.».

Много места уделено было внутренним спорам, вызванным попыткой папы римского еще усилить религиозный элемент в союзах. Это отклонено. И опять и здесь над всем преобладало: а как использует это социал-демократия?

Одна из резолюций съезда так и гласит: как социал-демократия имеет на все свои взгляды и дает ответ на все вопросы, так и христианские союзы должны создать свое целостное миросозерцание.

Должны! Легко сказать... Что могут дать рабочим нынешние клерикалы, эти слуги денежного мешка?.. Пока рабочий темен, его иногда еще можно сбить с толку. Но жизнь учит. И чем дальше, тем больше рабочие поворачиваются спиной к клерикалам и идут к своей партии: к социал-демократии...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 149, от 21 октября 1912 г.; подпись — «Г.».

СЕКРЕТЫ «ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ» (1).

Г. Милюков охотнее всего оставил бы в полной тайне самый факт своего визита к министру Сазонову. Увы, это оказалось невозможным. Об этом визите рассказали в газетах, а с.-д. оратор Крестинский (2) призвал г. Милюкова к ответу на избирательном собрании.

Г. Милюков ответил буквально следующее:

— Слова не разглашать содержания нашей беседы министр у меня не потребовал по той простой причине, что считал меня порядочным человеком и отлично понимал, что я сам сознаю, что можно и чего нельзя разгласить. Всякий парламентский деятель, всякий редактор газеты, всякий руководитель дела не может обойтись без материалов, не подлежащих непосредственной огласке.

И это все! Этими жалкими словами г. Милюков пытался отделаться от всего вопроса о тайных его переговорах с министром г. Сазоновым.

И, говорят, у части избирателей г. Милюков даже преуспел...

Среди цензовых избирателей, допущенных законом 3 июня, конечно, должны быть и такие, которым льстят и импонируют подмигивания г. Милюкова: дескать, мы сами чуть не министры, мы с министром на дружеской ноге, мы оба «порядочные» люди и умеем хранить секреты друг друга. Но что должны подумать демократические избиратели об увиливании Милюкова от ответа на вопрос?

«У всякого редактора, у всякого деятеля, — говорите вы, — должны быть свои секреты?» Конечно. Вопрос только в том, кто и какие секреты им доверяет.

Вам, господа кадеты, доверяют секреты господа министры. Они знают, что вы, как «порядочные люди», их министерских секретов не разгласите. Это—так. Вы, конечно, оправдаете лестное доверие министров — в этом мы не сомневаемся. Но вот вопрос. почему это только нововременцам, октябристам и кадетам доверяют министры свои секреты?

Почему, например, г. министр не поручил хранить свои секреты, скажем, с.-д. депутату Покровскому 2-му или Гегечкори?.. Милюков ответит: потому, что мы, кадеты, — серьезная общественная сила и т. д. В таком же духе объяснял свои тайные переговоры с Милюковым вождь октябристов г. Гучков.

Но это — пустая отговорка. Г. Сазонов да г. Гучков знают, что рабочие и рабочая партия—если бы их можно было «заполучить»—представляли бы для реакции гораздо большее значение, чем кадеты. Но демократии не подкупишь, поэтому демократам хранить министерские секреты не поручишь. Вот только и всего.

Станет ли г. Милюков отрицать, что Виктор Адлер (3), представитель громадной австрийской партии, насчитывающей 80 депутатов парламента, имеет в Австрии не меньший вес, нежели Милюков в России? Однако, можно ли себе представить, чтобы граф Берхтольд [4]) повел с Адлером тайные переговоры и поручил бы ему хранить правительственные секреты?

Конечно же — нет!

А с либералами и австрийский министр, разумеется, заключит всегда любую тайную сделку — стоит только правительству захотеть.

Вывод: вы, г. Милюков, несомненно порядочный человек с точки зрения министров. Вам бесспорно можно спокойно поручить хранить секреты наших министров. Но может ли демократия поручить вам защиту своих интересов? Вот в чем вопрос...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 150, от 23 октября 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Крестинский—ныне наш представитель в Германии.

[3]) Адлер, В.—руководитель австр. с.-д., во время войны был оборонцем, после ноябрьской революции 1918 г. вошел во врем. правительство Австрии.

[4]) Берхтольд, граф,—австро-венгерский министр иностранных дел.

ПРИКАЗЧИКИ И ВЫБОРЫ (¹).

Во всех тех городах, где социал-демократы победили на выборах господ кадетов, почетная роль принадлежала приказчикам. И в Харькове, и в Екатеринославе, и в Нижнем, и в Иркутске, и в Екатеринбурге передовые приказчики голосовали за социал-демократов и облегчили этим победу защитникам трудящегося люда над либералами.

Неужели питерские приказчики отстанут от своих провинциальных товарищей?

Или петербургским приказчикам живется легче и лучше? Или они тоже не работают при ужасающих, каторжных условиях труда? Или они довольны своей участью? Или кадеты кажутся им защитниками приказчиков?

Не вы ли, товарищи петербургские приказчики, лучше других видели, что кадеты не борцы, а ходатаи, не защитники приказчичьих интересов, а защитники хозяев?

Не вы ли яснее других видели, что если кто боролся в мрачные годы реакции за интересы свободы, за интересы демократии, — так это только рабочий класс и его партия?

Не вы ли с радостью и горячей симпатией следили за тем, как десятки и сотни тысяч рабочих в последние годы вновь выступали застрельщиками и вождями возрождающегося демократического движения? Не ваше ли сердце переполнялось гордостью по поводу ответа рабочих на Лену, на «дело» с.-д. депутатов 2-й Думы, на «разъяснения» петербургских фабрик, на выступление Гос. Совета против приказчиков?

А где были тогда кадеты?

Так неужели вы своим собственным глазам верите менее, чем словам кадетских кандидатов в министры? Неужели и теперь, после печального опыта трех избирательных кампаний, вы опять своими голосами проведете в Думу ваших врагов, врагов всего рабочего класса — всех этих Милюковых и Шингаревых? Неужели вы и теперь пропустите случай послать в Думу вашего депутата, депутата соц.-демократии?

Для кадетской партии вы, приказчики, существуете только во время выборов. В магазине хозяин командует вам: поставь, положи, подай. На выборах либеральные хозяева тоже командуют: подай (голос). Как ни ласково говорят теперь с вами

кадеты, они добиваются только вашего бюллетеня, и завтра же за чечевичную похлебку продадут ваши интересы.

Перед вами два лагеря (не говорим здесь о черносотенцах): одни (кадеты) добиваются только вашего шара. Другие — рабочие — зовут вас: товарищи, идите в наши ряды, будьте с нами и во время выборов и после выборов, боритесь с нами плечо о плечо. Вы столь же эксплоатируемы, как и мы, вы так же живете продажей своей рабочей силы, как и мы, вас так же угнетают и порабощают, как и нас. Идемте же вместе — к борьбе, к победе!

Неужели же тут труден выбор? Неужели вы будете сами ковать себе цепи?

Довольно обманывали приказчиков кадеты. Долой истрепанное либеральное знамя. Оно не ваше, товарищи приказчики... Передовые рабочие всего Петербурга, всей России смотрят на вас. Голосуйте все за соц.-дем. список. Проведите в парламент людей, которые на всю нашу страну поведают о ваших лишениях, о вашей нужде, о вашем бесправии, о вашей тяжелой жизни...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 150, от 23 октября 1912 г. подпись — «Н. Ск.».

К СЪЕЗДУ ДЕЯТЕЛЕЙ НАРОДНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ (1).

С 26 по 30 декабря этого года в Москве будет заседать второй всероссийский съезд деятелей народных университетов. Съезд созывается либералами и либеральствующими. В порядок дня поставлены важные вопросы: правовое положение просветительных учреждений для взрослых, народный университет в деревне и т. д.

Вопросы эти, конечно, живейшим образом касаются прежде всего рабочих. Рабочие в числе слушателей народных университетов занимают первое место. Казалось бы, господам либералам не мешало бы пригласить и рабочих, и деятелей рабочих организаций, дабы выслушать на съезде и голос рабочего класса.

Как бы не так! Рабочая печать давно уже поставила перед либералами вопрос о приглашении рабочих на московский съезд. Но либеральные вдохновители будущего съезда что-то не спешат дать ответ на этот вопрос.

— Вам, рабочим, своих съездов не разрешают, а нам, либералам, разрешают — вот мы и пользуемся своим «законным» преимуществом... Что? Вы недовольны? Но вы забыли вот что. Ведь было время, когда мы вас, рабочих, пускали на наши съезды. Но вы не умели себя вести там. Вместо того, чтобы искать точек соприкосновения с либералами, вы разоблачали там «буржуазию» и держали митинговые речи о свободе, о капитализме и социализме и т. д. Пеняйте теперь сами на себя! Разве мы многого от вас требовали? Только отказа от «сектантской» социал-демократии, только ликвидации старых требований безумного года... Вы не захотели быть трезвыми и разумными? Вы на наших съездах нас же разоблачали? Извините, больше мы вас на свои съезды не пустим...

Приблизительно так рассуждают теперь либералы. И надо сказать: по-своему они «правы». Они звали к себе рабочих, чтобы те отреклись от соц.-дем. А рабочие, не имея возможности созывать свои съезды, пошли и на чужие именно для того, чтобы защищать там соц.-дем. знамя. Тут всякое либеральное терпение лопнет...

Кадеты чрезвычайно обиделись, когда недавно на одном спб. избирательном собрании оратор-рабочий упрекнул их в том, что

они враги подлинного народного просвещения. Как?! Милюков— враг просвещения?! Но «просвещать» можно ведь по-разному, господа. Сторонники церковно-приходской школы тоже по-своему стоят за просвещение. А это факт, что в 1907 г. на 1-м съезде народных университетов в Петербурге либералы отвергли предложение питерских профессиональных союзов, чтобы в вопросе о выборе лекторов и тем рабочие также имели право голоса.

А теперь либералы собираются пойти еще дальше и вовсе не пустить рабочих на 2-й съезд в Москве.

Нельзя молчать. Рабочие должны требовать допустить деятелей рабочего движения на московский съезд. Рабочие должны заклеймить либералов, если они не допустят рабочих представителей. Рабочие организации должны, во всяком случае, высказать свое мнение по вопросам, поставленным в порядок дня московского съезда...

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 156, от 31 октября 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

ДЕПУТАТ С БУБНОВЫМ ТУЗОМ (1).

А. И. Коновалов.

«Деятель широкого государственного кругозора А. И. Коновалов был бы украшением любого европейского парламента... А. И. Коновалов обладает чародейским даром смягчать резкости и угловатости». Так аттестует сам себя небезызвестный московский фабрикант А. И. Коновалов в своей газете «Утро России».

— Депутат с бубновым тузом,—так будет отныне аттестовать г. Коновалова вся демократическая Россия.

Г. Коновалов украл мандат у левых выборщиков. Он участвовал в соглашении, заключенном всеми оппозиционными выборщиками Костромской губ. с целью разбить черных и провести одного левого (Петерсона) и остальных либералов. Коновалов дал слово поддержать именно этот список, он даже предлагал ввести в список не одного, а двух левых. Но когда либеральные кандидаты прошли и очередь дошла до левого, Петерсона, г. Коновалов выставил свою кандидатуру, и голосами черных (и, вероятно, части либералов) прошел в депутаты и... моментально ускакал в Москву.

Ну, разве же это не депутат с бубновым тузом?

Горячо поздравляем господ Струве, Изгоева и других «философов» кадетской партии с «победой» г. Коновалова. Ведь г. Коновалов — один из покровителей, один из главных участников знаменитых московских совещаний «представителей науки и миллионов», один из вождей «прогрессистов»...

Единственное оправдание остается у г. Коновалова. Я — скажет он — не один: разве в Екатеринодаре кадеты не украли мандата у с.-д. Покровского, точно так же нарушив договор? Разве в Риге кадеты не пошли фактически в союзе с черной сотней против с.-д. Предкальна (2)?

Хороший урок дали демократии либералы и прогрессисты в Костроме. — Не будьте слишком доверчивы, — давно предупреждала левых выборщиков наша «Правда».—В случае соглашений, требуйте, чтобы сначала проведен был левый депутат.

Кадеты по этому поводу лицемерно негодовали относительно нашей нетерпимости. Нашлись даже такие тоже — «социалисты», которые подняли шум в том смысле, что не надо-де «вымогать

места у либералов». Теперь же в Костроме чересчур доверчивые демократы пожали плоды либерального вероломства.

Всякий раз, когда г. Коновалов будет расписывать свои «прогрессивные» добродетели, мы заметим ему: «а место-то в Думе у вас все-таки краденое! А вы все-таки разгуливаете с бубновым тузом, господин хороший!..»

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 156, от 31 октября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Предкальн, А. И., — с.-д. депутат 3-й Гос. Думы от г. Риги; в 4-ю Думу кадеты провели уже «своего» — князя Мансырева.

I.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *).

*) Предметный указатель к томам «Борьба за большевизм» (III и IV) будет дан при IV томе.

II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1910 г. **В тупике.** Статья напечатана в «Звезде», № 2, от 23 декабря; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 46.

1911 г. **Моабитский процесс.** Статья напечатана в «Звезде», № 4, от 6 января; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 51.

Предвыборные мелодии. Статья напечатана в «Звезде», № 9, от 12 февраля; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 54.

Фабрично-заводская медицина. Статья напечатана в «Звезде», № 13, от 12 марта; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 60.

Письмо в редакцию. Напечатано в «Звезде», № 16, от 2 апреля; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 66.

Плоды «чисто-рабочей» политики в Бельгии. Статья напечатана в «Звезде», № 17, от 6 апреля; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 68.

Страхование рабочих и промышленники. Статья напечатана в «Звезде», № 24, от 28 мая; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 72.

Перед выборами в германский рейхстаг. (Вокруг речи Бебеля и штуттгартских выборов.) Статья напечатана в «Звезде», № 24, от 28 мая; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 77.

На перевале. (По поводу Венского съезда германской социал-демократии.) Статья напечатана в «Звезде», № 27, от 29 октября; подпись — «Мариус». Стр. 81.

Октябристы и «Лассалевское соотношение сил». Статья напечатана в «Звезде», № 29, от 12 ноября; подпись — «Гр.». Стр. 86.

К выборам в 4-ю Думу. Статья напечатана в «Звезде», № 30, от 20 ноября; подпись — «Гр.». Стр. 92.

Очередное дело. Статья напечатана в «Звезде», от 26 ноября; подпись — «Гр.». Стр. 96.

Страхуют! Статья напечатана в «Звезде», № 32, от 3 декабря; подпись — «Мариус». Стр. 99.

1912 г. **Октябризм нараспашку.** Статья напечатана в «Звезде», № 15, от 8 марта; подпись—«Г. З.». Стр. 168.

Уроки классовой борьбы. Статья напечатана в «Звезде», № 16, от 11 марта; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 171.

Женский съезд и работницы. Статья напечатана в «Звезде», № 16, от 11 марта; подпись—«Г.». Стр. 176.

«Многострадальные» октябристы. Статья напечатана в «Звезде», № 18, от 15 марта; подпись—«Г.». Стр. 179.

Приказчичьи вопросы. Статья напечатана в «Звезде», № 19, от 18 марта; подпись—«Г. Зуев». Стр. 181.

Синод и Дума. Статья напечатана в «Звезде», № 20, от 20 марта; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 185.

За что бороться? (К избирательной кампании в 4-ю Государственную Думу.) Статья напечатана в «Звезде», № 23, от 29 марта; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 189.

Кадэты и самостоятельные рабочие кандидатуры. Статья напечатана в «Звезде», № 28, от 10 апреля; подпись—«Г. Зарин». Стр. 193.

На алтарь капитала. Статья напечатана в «Звезде», № 29, от 12 апреля; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 196.

Важный спор в рядах германской с.-д. Статья напечатана в «Звезде», № 30, от 15 апреля; подпись—«Г. Зуев». Стр. 203.

Первое Мая за границей. Статья напечатана в «Звезде», № 32, от 19 апреля; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 208.

Ценные признания. Статья напечатана в «Звезде», № 33, от 22 апреля; подпись—«Г. З.». Стр. 214.

Откровенность поневоле. Статья напечатана в газете «Правда», № 4, от 26 апреля; подпись—«Г. З.». Стр. 227.

1 Мая в России. Статья напечатана в газете «Правда», № 8, от 1 мая; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 229.

Два «жеста». Статья напечатана в газете «Правда», № 9, от 3 мая; подпись—«Г. З.». Стр. 231.

Из истории праздника 1 Мая. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 2, от 3 мая; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 234.

Добрые фабриканты. Статья напечатана в газете «Правда», № 11, от 5 мая; подпись—«Г. З.». Стр. 233.

Старая погудка на новый лад. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 3, от 6 мая; подпись—«Г. Зарин». Стр. 224.

Изволят гневаться. Статья напечатана в газете «Правда», № 13, от 8 мая; подпись—«Г. З.». Стр. 242.

Новый поход. Статья напечатана в газете «Правда», № 13, от 8 мая; подпись—«А. Б.». Стр. 244.

Невзыскательные демократы. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 5, от 10 мая; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 246.

1912 г. Тактические разногласия. Статья напечатана в газете «Правда», № 103, от 29 августа; подпись — «Г. З.». Стр. 425.

Избирательные права рабочих. Статья напечатана в газете «Правда», № 104, от 30 августа; подпись — «Н. Ск.». Стр. 427.

Положение рабочих и работниц в текстильной промышленности России. Статья напечатана в «Невской Звезде», №№ 23 и 24, от 26 августа и 2 сентября; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 429.

В черном стане. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 24, от 2 сентября; подпись — «Г. З.». Стр. 436.

Перед партейтагом. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 24, от 2 сентября; подпись — «Мариус». Стр. 439.

Секрет их миролюбия. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 24, от 2 сентября; подпись — «Н. Скопин». Стр. 442.

Свободный договор. Статья напечатана в газете «Правда», №№ 109 и 110, от 5 и 6 сентября; подпись — «Гр.». Стр. 445.

Сашка Косой и Павел Милюков. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 20, от 5 августа; подпись—«Гр.». Стр. 448.

Рабочие союзы и «правая» печать. Статья напечатана в газете «Правда», № 112, от 8 сентября; подпись—«Г. З.». Стр. 450.

«Левый» кадет. Статья напечатана в газете «Правда», № 112, от 8 сентября; подпись—«Гр.». Стр. 452.

Чего не делать приказчикам. Статья напечатана в газете «Правда», № 113, от 9 сентября; подпись — «А. Б.». Стр. 454.

Классификация платформ. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 25, от 9 сентября; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 455.

Ревизионисты за работой. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 25, от 9 сентября; подпись — «Мариус». Стр. 463.

Рабочая курия. Статья напечатана в «Невской Звезде», № 26, от 16 сентября; подпись—«Н. Скопин». Стр. 466.

Кадеты и бюджет. Статья напечатана в газете «Правда», № 126 от 25 сентября; подпись—«Гр.». Стр. 470.

Московские фабриканты и еврейский вопрос. Статья напечатана в газете «Правда», № 126, от 25 сентября; подпись—«Г. З.». Стр. 473.

Один из итогов. Статья напечатана в газете «Правда», № 128, от 27 сентября; подпись—«Н. Скопин». Стр. 475.

Кадеты и П. А. Столыпин. Статья напечатана в газете «Правда», № 134, от 4 октября; подпись—«Г. З.». Стр. 477.

СОДЕРЖАНИЕ.

Бр.

5 р.
Цена ~~2~~ руб.

